

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Проблемы психологической безопасности

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

УДК 159.9
ББК 88
П 78

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Бакусева, Ю. В. Быховец (уч. секретарь), А. Л. Журавлев (отв. ред.),
Е. С. Калмыкова, М. А. Падун, Н. В. Тарабрина (отв. ред.), Н. Е. Шаталова*

П 78 Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 440 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5

УДК 159.9
ББК 88

В настоящем сборнике представлены работы научных сотрудников Института психологии РАН, тематика которых в большой степени связана с исследованиями в проблемном поле новой для отечественной психологии научной области – психологической безопасности. Острая актуальность и социальная релевантность этих проблем по-настоящему стала осознаваться психологами в последние десятилетия. Каждая из представленных в данной книге научно-исследовательских работ вносит свой важный научный вклад в процесс продвижения к пониманию природы психологической безопасности.

© Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН, 2011

ISBN 978-5

*А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. Психологическая
безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным
исследованиям (вместо предисловия) 5*

РАЗДЕЛ 1 Проблемы психологической безопасности в современном обществе

*А. В. Юревич. Нравственная деградация
как угроза национальной безопасности России. 25*
*В. А. Кольцова, Т. А. Нестик, В. А. Соснин. Психологическая наука
в борьбе за мир: задачи и направления исследований. 47*
*А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, В. А. Соснин. Психологические аспекты
ядерного сдерживания и стратегической стабильности 69*
*А. Е. Воробьева, А. Б. Курпейченко. Отношение к неэтичной рекламе
у представителей различных социально-демографических групп
молодежи 103*

РАЗДЕЛ 2 Факторы и механизмы психологической безопасности личности

*Н. Е. Харламенкова. Личностная безопасность
и стратегии ее достижения 133*
*М. Е. Зеленова. Неосознаваемые психологические защитные
механизмы и безопасность личности. 160*
*Б. Н. Безденежных, Ю. И. Александров. Влияние острого введения
алкоголя на системную организацию мозгового обеспечения
выполнения задачи выбора. 182*

А. А. Гостев. Манипулирование образной сферой человека и проблема безопасности личности	205
А. В. Сухарев, А. П. Чулисова, В. С. Грачев. Психологическая этнофункциональная профилактика криминального поведения	227

РАЗДЕЛ 3

Психологическая безопасность в группах риска

В. А. Бодров. Психологические проблемы безопасности в профессиональной деятельности	257
А. В. Котельникова, М. А. Падун. Личностные корреляты посттравматического стресса у вынужденных переселенцев.	278
Е. О. Лазебная. Психологические детерминанты личностной безопасности субъектов опасных видов профессиональной деятельности	300
Е. С. Калмыкова. Аддиктивное поведение как проявление нарушения психологической безопасности	324
М. И. Марьин, С. Д. Бирюков, М. В. Смирнова. Личностные предикторы суицидального риска у сотрудников органов внутренних дел	345

РАЗДЕЛ 4

Терроризм как угроза психологической безопасности

Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец. Террористическая угроза: современное состояние и проблемы	367
Е. Б. Батуева. Социально-психологические факторы отношения к терроризму	399
В. А. Соснин. Проблема терроризма как социально-психологического и культурно-исторического феномена современной цивилизации	427

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НА ПУТИ К КОМПЛЕКСНЫМ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина

В настоящем сборнике научных трудов представлены работы сотрудников Института психологии РАН (ИП РАН), тематика которых в большой степени связана с исследованиями в проблемном поле новой для отечественной психологии научной области – психологической безопасности. Острая актуальность и социальная релевантность этих проблем стала по-настоящему осознаваться психологами в последние десятилетия. Во многом этому способствовали установленная Правительством РФ в 2000 г. Доктрина информационной безопасности РФ и в 2009 г. – Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. В последней отчетливо обозначены функции государства в деле сохранения и развития национальных интересов России в информационной сфере, а также в сфере противодействия угрозам этим интересам.

Количество научных публикаций, семинаров, круглых столов и других общественных и культурных мероприятий, в названиях которых наличествует термин «безопасность», возрастает стремительно (Грачев, 1998; Емельянов, Лепский, Стрельцов, 1999; Стрельцов 2002; и др.). В этом многообразии следует выделить создание Координационного совета по приоритетному (одному из восьми приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации) научному направлению «Безопасность и противодействие терроризму» при МГУ им. М. В. Ломоносова. Под эгидой этого совета проведен цикл научно-практических семинаров, издана серия сборников и монографий. Необходимо также отметить, что отечественные психологи, включая специалистов ИП РАН, принимают участие в ответственной работе по проблемам противодействия международному терроризму в Экспертном совете «Россия–НАТО». Среди изданных в последнее время трудов

по проблемам безопасности нельзя не упомянуть крупную работу, выпущенную в качестве учебника, – «Психология корпоративной безопасности» (Зинченко с соавт., 2010). Важную роль в развитии психологических проблем безопасности играет работа А. А. Кокошина, посвященная проблемам обеспечения стратегической стабильности в прошлом и настоящем, которая служит основой для развития нового научного направления в психологии – психологии стратегической стабильности (Кокошин, 2004, 2009).

В рамках национального проекта по формированию системы инновационного образования на факультете психологии МГУ имени М. В. Ломоносова создана новая межкафедральная специализация «Психология безопасности», в задачи которой входит подготовка специалистов данного профиля. Уместно также напомнить, что первая научно-практическая конференция по проблемам информационно-психологической безопасности проводилась ИП РАН в 1995 г., на ней были раскрыты большое значение этой проблематики, ее междисциплинарный характер, сложность и недостаточная разработанность, что послужило стимулом для исследований в области психологической безопасности.

Замысел данной книги основан на желании и целесообразности объединить и систематизировать то, что делается в разных лабораториях ИП РАН по проблемам психологической безопасности. Включенные в книгу исследования выполнены не по одной научной программе, но, тем не менее, они связаны между собой опосредствованно, потенциально и, по большому счету, через общий научный объект – разной формы психологическую безопасность. Все они посвящены изучению тех явлений и ситуаций, которые представляют угрозу для современных людей и зачастую вызывают у них чувство психологического неблагополучия.

Тот факт, что объединенные в одном сборнике научных трудов исследования выполнялись во многом независимо друг от друга, рождаясь в разных научно-исследовательских темах ИП РАН и имея свои внутренние закономерности развития, в полной мере свидетельствует о высокой актуальности исследований психологической безопасности.

Целесообразно кратко представить основные направления, по которым развиваются исследования психологической безопасности в ИП РАН. *Первое направление – макропсихология, исследования психологических явлений, соразмерных обществу в целом.* В рамках этого направления изучаются следующие входящие в область психологии

безопасности проблемы: психология терроризма, психологические последствия воздействия террористических актов, психология революций, психология нравственности, психологическое благополучие, психология патриотизма.

Второе направление включает исследования аддиктивного и девиантного поведения. В институте изучаются психологические факторы наркотической и алкогольной зависимости, в том числе ее психофизиологические механизмы. Известно, что аддикции относятся к числу социальных феноменов, которые создают угрозу жизнеспособности нации. Поэтому в ИП РАН разрабатывается научно-практический проект «Психологическое здоровье нации: системное изучение и комплексные стратегии воздействия».

Третье направление – социальная и психологическая патология различных видов деятельности и поведения. Это новое научное направление, относящееся к проблемам психологической безопасности. В его рамках проводятся исследования различных видов *социальных отклонений*, таких как специфические формы отношения наших граждан к закону, интерпретация представителями отдельных социальных групп правовых отношений в контексте российской ментальности, социально-психологические девиации в современном российском бизнесе и других, оказывающих дестабилизирующее влияние на современное российское общество.

Выполнены эмпирические исследования *факторов суицидального поведения* сотрудников органов внутренних дел РФ. Показано, что, хотя в этой профессиональной группе распространенность самоубийств примерно в 10 раз меньше (на 10 тысяч граждан), чем по населению России в целом, эта проблема становится актуальной и для правоохранительных органов.

Большое количество исследований посвящено *психологическим механизмам развития стресса*, его влиянию на организм человека и проявлению в различных видах профессиональной деятельности, например, у летчиков, спасателей и военнослужащих. Систематически проводятся клинико-психологические исследования *посттравматического стресса* у жертв техногенных и природных катастроф, разработаны психодиагностические комплексы и практические методики, облегчающие преодоление посттравматического состояния.

Сотрудники Института участвуют в Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения». Ими предложены некоторые пути уменьшения жертв ДТП, в которых ежегодно гибнет более 30 тысяч человек. Осуществляются также психологи-

ческие исследования таких процессов, как распространение паранормы, иррационализация массового сознания и т. п., на фоне которых задача построения в нашей стране экономики знаний представляется довольно сложной. Показано, что создание такой экономики предполагает сдвиг в массовом сознании и возрождение рационализма как массовой психологии.

Продemonстрировано также, что для значительной части образующих наше общество социальных систем характерно *расхождение между их официальными целями и мотивацией их членов*, что делает неизбежными такие разрушительные для общества явления, как коррупция, «двойная» мораль, криминализация массового сознания и т. п. Показано, что нашему обществу необходимо развиваться с учетом и на основе психологических закономерностей, характерных для *социальных практик*. В настоящее время практика принятия законов, практика профилактики преступности, практика выдачи водительских удостоверений и многие другие организованы в психологическом отношении не совсем грамотно.

Даже в этом кратком перечне работ, направлений и мероприятий видна стремительность, с которой феномен и понятие «безопасность» с разными определяющими его отношения к психологии прилагательными занимает все большее пространство в психологической науке. В связи со сказанным возникают традиционные для развивающихся областей научного знания вопросы, которые относятся к определению границ семантических полей используемых понятий. Одним из наиболее разработанных можно считать определение (на него чаще всего ссылаются) *информационно-психологической безопасности*: «состояние защищенности индивидуального, группового и общественного сознания и соответственно социальных субъектов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации от воздействия информационных факторов, связанных с риском радиационного заражения и вызывающих дисфункциональные социальные процессы и нарушения жизнедеятельности личности (панику, слухи, противоправные действия, неврозы, психосоматические расстройства и др.» (Мельницкая, 2009).

В этом определении, если заменить «риск радиационного заражения» на любой другой риск воздействия психотравмирующей информации, типа террористической или ядерной угрозы, апокалипсиса и т. п., то определение будет пригодным для каждого из перечисленных случаев. Главный акцент делается на том, что это

«состояние защищенности психики» от воздействий. Открытым остается вопрос, каким образом это состояние защищенности отражается в индивидуальных психологических характеристиках, как его можно измерить (а делать это необходимо, поскольку перед психологами стоят не только теоретические цели определения природы феномена безопасности, но и практические задачи разработки методов и программ психологической коррекции по отношению к лицам с нарушениями психологической безопасности). Поэтому возникает потребность в определении термина «психологическая безопасность».

В современной психологической науке все чаще акцентируется поиск интегративных психологических характеристик. В русле этого направления психологическую безопасность можно определить следующим образом: *это интегративная характеристика субъекта, отражающая степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемая по интенсивности переживания психологического благополучия/неблагополучия*. Теоретико-эмпирическое изучение феномена психологического благополучия показывает, что он с полным основанием может быть отнесен к таким интегративным характеристикам, которые имеют тесные связи с наличествующими у субъекта признаками негативной аффективности и, следовательно, влияют на уровень психического здоровья.

Статьи, представленные в данном сборнике, достаточно условно объединены в четыре раздела.

В первом разделе «Проблемы психологической безопасности в современном обществе» представлены четыре статьи. Раздел начинается работой А. В. Юревича «Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России», которую можно рассматривать в качестве вводной в проблемы психологической безопасности. Тщательный анализ социальных показателей позволил автору представить целостную и во многих отношениях нелицеприятную картину морально-нравственного состояния современной России, что послужило теоретико-эмпирическим подтверждением уже упреждавших в социально-публицистических работах утверждений о наличии «комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества». Аналитическая часть работы, проделанная на основе многочисленных отечественных и зарубежных литературных данных, стала отправной точкой для изложения сконструированного автором статьи совместно с Д. В. Ушаковым и И. П. Цапенко *индекса нравственного состояния общества*. Созданный показатель бази-

руется на интеграции основных социальных и психологических параметров общества, что позволяет дать количественную оценку его нравственному состоянию. Данное исследование было выполнено в рамках научного направления *количественная макропсихология*, которое развивается в последние годы в ИП РАН. С помощью разработанного индекса проведен анализ динамики нравственного состояния современного российского общества за последние десятилетия, его результаты представлены в графическом виде и наглядно показывают отрицательную динамику. Полученные эмпирические данные дополнены теоретическими авторскими рассуждениями о путях дальнейшего социально-политического развития российского общества. Автор завершает статью следующим выводом: *в настоящее время остро актуальной является необходимость всяческого укрепления «духовно-нравственных основ, в том числе и в целях укрепления нашей национальной безопасности, для которой нравственная деградация общества не менее губительна, чем другие деструктивные социальные процессы».*

Статья В. А. Кольцовой, Т. А. Нестика и В. А. Соснина «Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований» посвящена теоретическому анализу психологических исследований, тематика которых вносит существенный вклад в решение проблем сохранения мира. Среди всех функций психологии авторы выделяют в качестве одной из основных и соответствующих в полной мере ее гуманистической направленности *миротворческую функцию*. Реализацию этой функции авторы рассматривают в двух аспектах. Первый связан с *опосредованным вкладом* психологии в борьбу за мир – через формирование личности, характеризующейся гуманистическими ориентациями и установками, осознающей ценность человека вообще, ориентированной на позитивное восприятие других людей и установление отношений с ними на основе принципов понимания и принятия. Второй аспект проявляется в *непосредственном решении* психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угрозы стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации. В статье приведен анализ основных направлений психологических исследований, выполняемых в русле рассматриваемой проблемы, что в итоге позволило авторам данной работы четко определить базовые ориентации разных социальных и психологических направлений. Авторы убедительно показали, что центральным направлением современных психологических исследований должно быть решение проблем реагирования пси-

хологической науки на *главные тенденции социальных процессов*, происходящих в мировом сообществе в начале третьего тысячелетия, – глобализацию и международный терроризм.

Статья А. Л. Журавлева, Т. А. Нестика и В. А. Соснина «Психологические аспекты ядерного сдерживания и стратегической стабильности» посвящена крайне актуальной, но мало разработанной области психологического исследования. Основной задачей данной статьи является обоснование (аргументация) необходимости учета психологических факторов для сохранения международной стратегической стабильности. Глубокий анализ литературных данных позволил авторам статьи определить уровень и направленность современной международной психологической исследовательской практики в этой области и выделить психологическое содержание проблематики ядерного сдерживания. Оценив современные тенденции развития геополитической ситуации в мире, авторы утверждают, что в XXI в. *психологические факторы ядерного сдерживания будут приобретать такое же существенное значение, как собственно и военно-техническое превосходство.*

К психологическим феноменам и механизмам, влияющим на стратегическую стабильность, авторы относят психологические особенности взаимодействия типа «проигрыш – проигрыш», субъективный характер восприятия и переживания ядерной угрозы, формирование межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях риска, особенности принятия решений и ведения переговоров в кризисных ситуациях, социально-психологические закономерности межгруппового восприятия, механизмы формирования в массовом сознании отношения к использованию ядерного оружия.

В статье представлено предметное поле *психологии ядерного противостояния и сдерживания*, содержанием которого являются психологические закономерности гонки ядерных вооружений, индивидуальные и групповые психологические характеристики, влияющие на решения о сокращении ядерного оружия, его создании и распространении, на отношении к его применению и возможным последствиям ядерной войны. В качестве объекта психологии ядерного сдерживания могут выступать личность, малые и большие социальные группы (от диады до нации и мирового сообщества), их поведение и деятельность, процессы межличностного и межгруппового взаимодействия, связанные с созданием, распространением и потенциальным использованием ядерного оружия. Таким образом, статья по сути является обоснованием нового для отечественной

психологии направления исследований – социальной психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности.

В работе А. Е. Воробьевой и А. Б. Купрейченко «Отношение к неэтичной рекламе у представителей различных социально-демографических групп молодежи» рассматривается остро актуальная и практически не изученная в отечественной психологии проблема – *отношение к неэтичной рекламе*. На основе глубокого теоретического анализа и результатов эмпирического исследования авторы определяют, что *психологически опасная реклама* способна вызывать негативные когнитивно-личностные и психофизиологические изменения. Эмпирически доказана амбивалентность отношения молодежи 18–23 лет к неэтичной телевизионной рекламе: привлекательность, вызывающая желание ее досмотреть, и в то же время осознание несоответствия поведения персонажей рекламы общепринятым нормам. Показано, что отдельные группы молодежи воспринимают неэтичную рекламу в целом позитивно. Выявлена позитивная связь более высокого уровня образования и семейного статуса респондентов с их отрицательным отношением к неэтичной рекламе. Одним из выводов исследования является утверждение авторов о том, что *зрелость личности*, возникающая по мере взросления индивида, накопления им знаний и жизненного опыта, приобретения опыта ответственности за близких людей, способствует формированию критичности восприятия неэтичной рекламы, тем самым нейтрализуя ее негативное влияние.

Второй раздел «Факторы и механизмы психологической безопасности личности» включает пять работ.

В статье Н. Е. Харламенковой «Личностная безопасность и стратегии ее достижения» раскрывается новая для отечественной психологии проблема: *личностная безопасность человека*. Статья представляет теоретико-эмпирическое изучение индивидуальных различий в восприятии угрозы и выборе способов ее устранения в группах, состоящих из людей, сензитивных, несензитивных и амбивалентных к угрозе. Проанализированы типичные способы достижения безопасности: самоанализ, позитивное мышление, обращение за помощью к другому человеку, контроль за ситуацией, волевое решение проблемы, самопреодоление, стратегия избегания опасности. Несмотря на название, в работе рассматриваются не только индивидуально-психологические, но и социальные факторы, влияющие на формирование чувства безопасности. Несомненную научную значимость имеет обоснование связи личностной безопасности

и стратегий психологической защиты: личностная безопасность у конкретных людей проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности. Сделаны выводы об общих (универсальных) и частных (специфических) стратегиях достижения безопасности.

Статья М. Е. Зеленовой «Неосознаваемые психологические защитные механизмы и безопасность личности» посвящена актуальной теме – определению *факторов успешности адаптации* после боевой травмы в контексте проблемы психологической безопасности. В теоретической части работы автор анализирует подходы к изучению психологической безопасности, описывает ее структуру, определяет место психологических защит в структуре психологической безопасности личности. Дается описание различных подходов к исследованию проблемы психологической защиты и копинга. В эмпирической части приводится описание и обсуждение результатов исследования механизмов психологической защиты в структуре посттравматической адаптации участников боевых действий. Полученные результаты расширяют представления о механизмах совладания с боевой травмой, углубляют понимание отдельных защитных механизмов в связи с их ролью в посттравматической стрессовой адаптации.

Статья Б. Н. Безденежных и Ю. И. Александрова «Влияние острого введения алкоголя на системную организацию мозгового обеспечения выполнения задачи выбора» посвящена выяснению *психофизиологических основ изменения поведения* при употреблении алкоголя, что относится к решению одной из чрезвычайно важных социальных проблем. В статье показано, что, несмотря на имеющиеся многочисленные психологические, поведенческие и биохимические исследования действия алкоголя, психофизиологические основы этого действия остаются недостаточно изученными. Авторы движутся к решению проблемы с позиций системного подхода, разработанного В. Б. Швырковым с сотрудниками, в основе которого лежит теория функциональных систем П. К. Анохина. Проверилась следующая гипотеза: алкоголь изменяет процессы афферентного синтеза (АС), что проявляется в нарушении прогнозирования и, вследствие этого, в замедлении выбора правильного ответа. На основе анализа результатов большого экспериментального исследования, в котором участвовало 96 человек, показано, что у испытуемых в состоянии алкогольного опьянения в процессе выполнения задачи сенсорного выбора не происходило изменений в межсистемных отно-

шениях. Авторы объясняют это тем, что при появлении алкоголя в крови активируется гомеостатическая защита функциональных систем, которая фиксирует исходные синаптические связи между нейронами определенных систем и блокирует возможность модификации этих связей в процессе афферентного синтеза, во время которого и формируется совокупность систем, обеспечивающих ответное действие.

В статье А. А. Гостева «Манипулирование образной сферы человека и проблема безопасности личности» рассматриваются механизмы психоманипуляции, рассмотренные в контексте проблем психологической безопасности. Под манипуляцией понимается «ловкое и притом скрытое управление людьми, воздействие, побуждающее человека совершать поступки, противоречащие его интересам». Манипуляция общественным сознанием связана с понятием «информационно-психологического оружия».

Автор подробно рассматривает образную сферу человека (ОСЧ) как интегральную характеристику личности, включающую психологические компоненты (элементы) памяти, воображения, мышления. Обсуждаются каналы воздействия на ОСЧ, приводящие к непровольной и преднамеренной трансформации внутренней картины мира человека, его представлений о себе и других. Оценивается «защитная» характеристика ОСЧ, которая приводит к «филтрации» не только информации, но и эмоционального отношения к ней.

Важная часть работы А. А. Гостева посвящена анализу мифологического и символического компонента социальных представлений. Мифология, по мысли автора, «не является вымыслом, а выступает специфической формой выражения некоей идеи или события». Подробно описаны взаимовлияние социальных установок, образных референтов социального восприятия, социальных стереотипов и их вклад в манипулирование внутренним миром человека. А. А. Гостев вводит понятие «*имаго-символосферы*» как «некой виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, „интернетизацией“ и т. д., „обволакивающей“ человека образами, символами, изображениями знаковых структур». В статье рассматривается роль образной сферы человека в феноменах группового «эмоционального заражения» при переживании событий в жизни общества, а также ее роль в эскалации страхов и паники под воздействием слухов. В заключение данной работы остро формулируется нравственный аспект манипуляции мышлением человека.

В статье А. В. Сухарева, А. П. Чулисовой и В. С. Грачева приведены результаты теоретического и экспериментального исследования, подтверждающие возможность применения *этнофункционального* подхода, разработанного А. В. Сухаревым, как в первичной, так и во вторичной профилактике криминального поведения. Опираясь на этот подход, авторы изучали образы природы у представителей групп осужденных, законопослушных и др. В работе показано, что нарушения этнофункционального развития личности являются одними из психологических условий возникновения склонности к криминальному (делинквентному) поведению. В свою очередь, восстановление в образной сфере подростков и осужденных *этноинтегрирующих образов природы* обуславливает снижение у них склонности к криминальному поведению. В целом, на основании экспериментальных исследований, проведенных на контингенте школьников-подростков, а также взрослых, осужденных за насильственные преступления, было установлено, что первичная психопрофилактика криминального поведения в подростковом возрасте является более эффективной, когда очевидно полезное воспитание позитивного отношения к христианским заповедям предваряется воспитанием самоценного отношения к родной природе.

Третий раздел «Психологическая безопасность в группах риска» состоит из пяти работ.

В. А. Бодров в статье «Психологические проблемы безопасности в профессиональной деятельности» рассматривает актуальные вопросы, связанные с безопасностью труда. В статье представлен анализ результатов теоретических и экспериментальных исследований по двум основным психологическим проблемам, определяющим безопасность труда, – *надежности профессиональной деятельности и проявлении риска в деятельности*. Наиболее подробно анализируются отечественные и зарубежные исследования по проблеме риска в деятельности специалистов опасных профессий. В статье раскрывается психологическое содержание типичных поведенческих реакций на экстремальные и аварийные ситуации, сопровождающие риск. Представлены результаты экспериментальных исследований психологических особенностей склонности к риску и способности успешно действовать в таких условиях. Показано влияние способности к эффективным действиям в условиях риска на успешность деятельности специалистов опасных профессий, а также связь этой способности с личностными свойствами доминантности, групповой независимости, высокой готовности к риску и другими. Выделены

основные перспективные направления психологических исследований проблем, связанных с риском, решение которых позволит повысить эффективность, надежность и безопасность труда.

Статья А. В. Котельниковой и М. А. Падун «Личностные корреляты посттравматического стресса у вынужденных переселенцев» посвящена рассмотрению одной из проблем психологической безопасности, связанной с изучением психологических последствий вынужденной миграции. Авторы провели анализ *выраженности посттравматического стресса* у лиц, вынужденно покинувших территорию Чеченской Республики до начала военных действий, с началом войны и не покидавших Родину в статусе беженца, выявили различия в *характеристиках их базисных убеждений и смысло-жизненных ориентаций*. Одним из важных результатов этого исследования является обнаружение зависимости интенсивности наличного психического дистресса у вынужденных переселенцев от принятого ими решения об отъезде с исторической Родины: больший дистресс переживают лица, оставшиеся на территории постоянного проживания, а те, кто в разное время смог уехать, демонстрируют меньший уровень травматизации. Уровень выраженности признаков посттравматического стресса соотносится с комплексным характером феномена вынужденной миграции: переселенцы, имеющие опыт пребывания на территории боевых действий, проявляют более высокий уровень посттравматических стрессовых реакций. Базисные убеждения личности и система жизненных смыслов у вынужденных переселенцев связаны с интенсивностью посттравматического стресса. Результаты данного исследования представляют не только теоретический, но и практический интерес: полученные данные способствуют более глубокому пониманию феноменологии вынужденного переселения, а также взаимосвязей свойств и состояний личности в ситуации принятия решения в трудных жизненных обстоятельствах.

В статье «Психологические детерминанты личностной безопасности субъектов опасных видов профессиональной деятельности» Е. О. Лазебная рассматривает вопросы взаимосвязи психологического стресса, обусловленного спецификой профессионального труда людей опасных профессий, и психологической безопасности субъекта деятельности, для которого риск собственной жизнью на работе является повседневной реальностью. В таких условиях потребность в личной безопасности нередко становится ведущей и начинает определять мотивацию социального поведения человека, транс-

формируя другие базовые потребности, психические особенности и характеристики личности. На субъективном уровне основным фактором нарушения личностной безопасности является *переживание угрозы* значимым ценностям, защищенности и психологическому комфорту, а интенсивность этого переживания определяется особенностями индивидуального осмысления действительности во всей совокупности происходящих событий. В статье изложены результаты двух эмпирических исследований: лонгитюдного изучения особенностей *психической регуляции посттравматических стрессовых состояний* участников боевых действий и изучения особенностей *ценностно-смысловой регуляции* посттравматических стрессовых нарушений у спасателей МЧС. Показано, что уровень осознанной регуляции в процессе посттравматической адаптации играет важнейшую роль. Одновременно было установлено, что в этом процессе участвуют и неосознаваемые регуляторы и что на него также оказывают влияние личностные свойства.

В статье Е. С. Калмыковой «Аддиктивное поведение как проявление нарушения психологической безопасности» поднимается актуальный как с теоретической, так и с практической точки зрения вопрос о *предикторах аддиктивного поведения*. Опираясь на литературные данные, автор проводит различие между страхом физической смерти и страхом уничтожения ментального Я, вводя на этой основе понятие «*страх аннигиляции*», которое подробно анализируется в контексте основной темы статьи. В русле психодинамического подхода подробно описаны механизмы связи страха аннигиляции с аддиктивным поведением на примере химической зависимости, рассмотрены также причины возникновения этой зависимости. Часть работы Е. С. Калмыковой посвящена описанию надежного типа привязанности, который рассматривается как фактор психического благополучия, играющего важную роль и в формировании аддиктивного поведения, и в его преодолении.

Статья М. И. Марьина, С. Д. Бирюкова, М. В. Смирновой «Личностные предикторы суицидального риска у сотрудников органов внутренних дел» выполнена на тему, которая обладает высоким уровнем социальной релевантности. Изучая роль *личностных факторов в развитии суицидального поведения*, авторы предположили, что совершенствование профилактики суицидов возможно на основе прогнозирования степени суицидального риска. Результаты крупного эмпирического исследования подтвердили, что у суицидентов и работающих сотрудников наличествуют различные трехфакторные

модели личностных показателей. Выявлены также различия между ними в типах реагирования на стрессогенные ситуации, в психологических защитных механизмах и особенностях состояний психической дезадаптации. Кроме того, выделены разные варианты психической дезадаптации суицидентов, определены типичные защитные психологические механизмы суицидентов, установлены индивидуально-психологические особенности, обуславливающие неблагоприятное в коммуникативной сфере. У лиц, покончивших жизнь самоубийством, выявлена проблема подавленной враждебности, в то время как в контрольной группе выход отрицательных эмоций (агрессии) происходит за счет реагирования по внешнеобвиняющему типу, снижая при этом риск развития психосоматических реакций. Полученные результаты сравнения выборок суицидентов и продолжающих успешно работать профессионалов различаются не столько совокупностью переменных, входящих в тот или иной фактор, сколько их выраженностью, иерархией, представленностью в структуре личности.

В четвертом разделе «Терроризм как угроза психологической безопасности» представлены три работы.

Статья Н. В. Тарабриной и Ю. В. Быховец «Террористическая угроза: современное состояние и проблемы» посвящена изучению последствий воздействия террористических актов на психику – *переживанию террористической угрозы косвенными жертвами терактов*. В статье представлен анализ современной литературы по проблеме воздействия террористической угрозы на население. Выделены три группы последствий подобного влияния: психопатологические, психологические и социально-психологические. Показаны воздействия СМИ на косвенные жертвы, способные вызвать ряд глубоких изменений аффективного и поведенческого характера. Приводятся данные собственных исследований, в которых доказывается психотравмирующее влияние террористической угрозы: обнаружены тесные связи между показателем интенсивности посттравматического стресса, психопатологической симптоматикой и показателем разработанного авторами опросника переживания террористической угрозы. В статье представлены результаты исследования влияния террористической угрозы на психологию и поведение человека, которые можно расценивать не только как научно обоснованные факты, но и как программу дальнейшего исследования поставленной проблемы.

В статье Е. Б. Батуевой «Социально-психологические факторы отношения к терроризму» представлены результаты теоретико-эм-

пирического изучения остро актуальной проблемы – формирования в обществе отношения к терроризму как способу политической борьбы. В статье изложены результаты трудоемкого эмпирического исследования *индивидуально-психологических и социально-психологических факторов отношения к терроризму* у студентов московских и улан-удэнских вузов, которое выполнено с помощью большого количества психометрических инструментов и с применением качественного и количественного анализа данных.

Чрезвычайно ценным и перспективным для понимания психологии терроризма является следующее утверждение автора: отношение к терроризму вообще и отношение к частным его формам (к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, социального, этнического, религиозного терроризма) у одного и того же человека может быть различным. Считая терроризм предосудительным, человек при этом может считать оправданными конкретные действия, имеющие террористическую направленность. Модальность отношения к социально-политическому и религиозно-этническому терроризму зависит от различных комплексов социально-психологических факторов. Важный результат работы состоит в том, что нейтральное или даже оправдательное отношение к терроризму как способу защиты политических, этнических и религиозных интересов является одним из факторов, способствующих расширению социальной базы этого глобального и крайне негативного явления.

Статья В. А. Соснина «Проблема терроризма как социально-психологического и культурно-исторического феномена современной цивилизации» представляет всесторонний теоретический анализ направлений изучения терроризма, в результате которого автор приходит к заключению о том, что наиболее продуктивным подходом является *социально-культурный*, сформировавшийся на основе исследований систем убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социокультурной идентичностью, и других характеристик террористических групп. К числу достоинств данного подхода относится, прежде всего, его *междисциплинарность*, ориентирующая на проведение всесторонних социально-психологических исследований. В. А. Соснин выдвигает и обосновывает предположение о том, что социокультурные условия и предпосылки, приводящие к возникновению потенциальных террористических групп, можно рассматривать как расположенные на континууме, на одном полюсе которого группируются социокультурные условия, связан-

ные с социетальными и социально-структурными характеристиками, а на другом – с индивидуальными особенностями восприятия. Значимым также представляется вывод автора о необходимости осуществления западными аналитиками выхода за пределы своих этноцентрических ориентаций в попытках понять смысл экстремистских действий, в частности, террористов-смертников.

Каждая из представленных в данной книге научно-исследовательских работ, оставаясь небольшим, но значительным фрагментом, делает свой важный научный вклад в процесс продвижения к пониманию природы психологической безопасности.

Раскрыть относительно глубокое понимание и дать точное определение психологической безопасности будет возможно только после выполнения тщательно спланированного, теоретически и методологически обоснованного, комплексного междисциплинарного исследования. Однако это дело, будем надеяться, не очень отдаленного будущего, а пока психологическому сообществу предлагается настоящий сборник научных трудов сотрудников ИП РАН, в которых авторы излагают свои представления о проблеме психологической безопасности.

В задачи составителей и ответственных редакторов этого сборника входило не просто информирование коллег о результатах работы, но и привлечение их к дальнейшему обсуждению этих работ, а также к проведению теоретико-эмпирических исследований, направленных на решение острых и сложных проблем психологической безопасности. Ответственные редакторы не скрывают своих притязаний на то, что научное направление исследований по актуальным проблемам психологической безопасности уже реально существует, развивается и имеет хорошие перспективы.

Литература

- Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М., 1998.
- Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
- Зинченко Ю. П., Перельгина Е. Б., Бусыгина И. С., Зотова О. Ю. Психология корпоративной безопасности. М., 2010.
- Информационно-психологические проблемы безопасности личности и общества. Тезисы докладов научно-практического семинара.

Санкт-Петербург, 26–27 ноября 1997 г. СПб.: Академия национальной безопасности, 1997.

Кокошин А. А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М., 2004.

Кокошин А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем. М., 2009.

Мельницкая Т. Б. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.

Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского и В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Психология и безопасность организаций / Под ред. А. В. Брушлинского и В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Стрельцов А. А. Обеспечение информационной безопасности России. М.: МЦНМО, 2002.

РАЗДЕЛ 1

**ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

НРАВСТВЕННАЯ ДЕГРАДАЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А. В. Юревич

Несмотря на докризисные экономические успехи, внутривосточную стабилизацию и другие позитивные тенденции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит очень тревожным.

Так, количество убийств на 100 тысяч жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в данном отношении тоже очень неблагоприятна), и примерно в 10 раз превышает их распространенность в большинстве европейских стран. По количеству самоубийств не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет наша страна в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе и СНГ (по числу самоубийств среди молодежи – после Казахстана)*. По индексу коррупции за шесть лет (с 2002 по 2008 гг.) наша страна перебралась с 71-го на 147-е место в мире, а общий объем коррупционного оборота в России оценивается экспертами в 250–300 млрд. долларов в год. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по числу которых мы занимаем 1-е место в мире, свидетельствуют о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и к чужой жизни†. В совокупности приведенные, а также другие по-

* При этом по ряду причин (таких, например, как стремление родственников представить самоубийство в качестве несчастного случая) недоучет самоубийств в российских регионах составляет около 13% (Мягков, Ерофеев, 2007). Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение среднего возраста совершающих самоубийства, совершение их все более жестокими способами и др. (там же).

† Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны, а ситуация на наших дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т. п. (Максимова, 2007).

добные данные выстраиваются в целостную картину (см. таблицу 1), которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества, и удивительно, что общественным сознанием они воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, выигранных на Олимпиаде (что само по себе служит показателем состояния общества, равно как и одаривание дорогими автомобилями и без того небедных спортсменов-победителей).

Перечисленные в таблице 1 показатели дополняются другими данными, демонстрирующими, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии: ежегодно 2 тысячи детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения, от жестокости родителей страдают 2 миллиона детей, а 50 тысяч – убегают из дома, пропадают 25 тысяч несовершеннолетних, 5 тысяч женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12% подростков употребляют наркотики; более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тысяч детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 миллионов человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тысяч несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х гг. (Анализ положения детей в РФ, 2007). А в 2009 г. в нашей стране насчитывалось около 700 тысяч сирот (больше, чем после Великой отечественной войны) и было совершено 106 тысяч преступлений против детей, 2 тысячи детей были убиты (Аргументы и факты, 2010).

Количественные данные, в свою очередь, могут быть дополнены хорошо известными бытовыми примерами, выражающими состояние современного российского общества. По-прежнему широко распространена практика «крышевания», рейдерства, «черного риэлтерства», финансовых «пирамид», других видов мошенничества. Милиция находится в странных отношениях с преступным миром, мало напоминающих бескомпромиссную борьбу с ним, и постепенно превращается в коммерческую структуру по платному возбуждению и закрытию уголовных дел. В школах продаются наркотики. Публичная речь, в том числе на телевидении и радио, изобилует матом и блатным жаргоном. Бомжи стали непременным атрибутом вокзалов и других публичных мест. Интернет переполнен филь-

Таблица 1
Некоторые показатели состояния
современного российского общества (по данным на 2008 г.)

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	16,7	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	27,1	2-е место в Европе и СНГ после Литвы, примерно на одном уровне с Беларусью и Казахстаном
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	16,9	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	16,9	2-е место в Европе и СНГ после Латвии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	67,88	Последнее место среди развитых государств и европейских стран с развитой и переходной экономикой
Естественный прирост населения на 1000 жителей	-2,5	7-е место с конца среди стран с развитой и переходной экономикой (перед Болгарией и Украиной, Беларусью, Венгрией, Латвией, Литвой)
Число детей, оставшихся без попечения родителей, на 100000 жителей	88,8	2-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии
Количество разводов на 1000 жителей	5	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Число абортотворцев на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	36	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (в %)	26,9	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции, 2009 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,2	146-я позиция в мире (наряду с Украиной, Кенией, Камеруном, Эквадором, Зимбабве, Сьерра-Леоне) из 180 возможных

Источники: Доклад о развитии человека, 2009; Российский статистический ежегодник, 2009; Transparency International, <http://www.transparency.org>, 2009.

мами, где в деталях показано, как ученики избивают своих учителей. Пожилых людей сотнями убивают ради того, чтобы завладеть их квартирами. Пьяные матери выкидывают в окна своих младенцев. Существует (в XXI в.!) и такое явление, как рабство и работорговля, причем в прямом, а отнюдь не в метафорическом смысле слова. Развязно-агрессивные юнцы демонстративно не уступают места в транспорте пожилым людям, а порой и способны убить за сделанное им замечание. Широко распространены секты, практикующие, помимо всего прочего, и человеческое жертвоприношение. А типовой реакцией значительной части нашей молодежи на гибнущего рядом человека стал... хохот.

Все это – не сцены из фильма ужасов, а наша жизнь, наше общество, причем поражают не только сами подобные явления, но и его терпимость к ним, их восприятие как привычных и непреодолимых. О. Т. Богомолов пишет: «Ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту реакции на них, постепенно проникаются безразличием к происходящему» (Богомолов, 2008б, с. 19). А К. Н. Брутенц отмечает, что «Россияне почти без всякого протеста и нравственного неприятия (курсив мой. – А. Ю.) выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый их шаг, разгула криминалитета» (Брутенц, 2008, с. 396–397). При этом, как констатирует В. Е. Семенов, «Создается впечатление, что ни в одной развитой стране мира нет ныне такой, нацеленной на моральную и физическую деградацию народа, свободной пропаганды пороков» (Семенов, 2008, с. 172), камуфлируемой под свободу и демократию. Так формируется *толерантность к злу* и смирение перед ним, способствующие его утверждению во все более бесчеловечных формах. Стираются и грани между добром и злом, что запечатлено, например, в очень популярном в отечественных телефильмах образе «хороших» бандитов, пустившем глубокие корни в массовом сознании, как это видно из опросов и бытовых высказываний наших сограждан.

При всем разнообразии перечисленных явлений, а также процессов, характеризующих приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которым служит *моральная деградация* современного российского общества или, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение морали». О. Т. Богомолов отмечает, что «Нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской

чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу» (Богомолов, 2008б, с. 19). А К. Н. Брутенц дает такую оценку современного российского общества: «Наше общество в нравственном отношении нездорово. Оно, по крайней мере, в крупных городах – да и не только в них – в значительной мере развращено. Сегодня Россия – это страна, где взятка стала будничным делом, нормой жизни, почти не вызывающей протеста, где коррупция пронизывает государственный аппарат и сферу бизнеса, затрагивая то и дело рядового человека, впрочем, уже привыкшего к ней; где алкоголизм, наркомания, суицид служат «громоотводом», средством избавления от тягот беспроектной жизни, а социальные контрасты достигли ошеломляющего уровня; где права трудящегося человека плохо или вовсе не защищены; где криминал чувствует себя довольно свободно, а личная безопасность граждан далеко не обеспечена, где обитают миллионы беспризорных детей и подростков, легион бомжей и проституток. Такая ситуация нетерпима, поскольку грозит распадом общества, его полной моральной деградацией» (Брутенц, 2008, с. 403).

Нравственная деградация наблюдается не только в «низах», но и в «верхах» – в высших эшелонах отечественной бизнес- и политической элиты. Яркие примеры ее откровенно безнравственного поведения: коррупция, «пиры во время чумы» в виде показательных ярмарок предметов роскоши, предложения завсегдаев элитных «тусовок» «идти в ... всем, у кого нет миллиарда долларов», странные голосования в Государственной Думе, где на рядовых заседаниях присутствуют не более ста человек, уверенно голосующих за отсутствующих, и т. п.

В результате закономерно, что, согласно социологическим опросам, падение нравов воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России, а «порча нравов» констатируется в качестве одной из худших тенденций (Левашов, 2007). А то обстоятельство, что, например, по данным Института Гэллупа, около 80% граждан США тоже считают, что моральный климат в их стране деградирует, едва ли может служить для нас утешением.

Крайне тревожное нравственное состояние современного российского общества проступает во многих социологических и психологических исследованиях. Часто констатируется и антагонистическое противостояние двух видов морали – морали богатого меньшинства и бедного большинства (Левашов, 2007), хотя, конечно, видов морали и их «антагонистических противостояний» в нашем социуме можно обнаружить намного больше.

Социологические исследования высвечивают разительный контраст между российскими и западными нормами поведения в общественных местах. Наши студенты и молодые специалисты, проходящие обучение в западных странах, отмечают, что там незнакомые люди улыбаются друг другу, «однако когда эту улыбку привозишь на Родину, то чаще всего она не находит ответа, оказывается неуместной и постепенно исчезает» (Константиновский, Вознесенская, 2007, с. 107). А вот впечатление девушки, вернувшейся в нашу страну после зарубежной стажировки: «Все такие серые, злые, пихаются, толкаются, все ругаются. В метро, если час пик, то это битва и бойня. Меня это шокировало, и я вдруг поняла: „Боже мой! В какой стране я живу!“» (там же, с. 108).

И. В. Щербакова и В. А. Ядов изучали такую форму проявления вежливости, как придерживание двери в метро следом идущему пассажиру, у жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Будапешта. Наихудшие показатели продемонстрировали москвичи, а наилучшие – жители Будапешта, причем в будапештском метро это чаще всего делала молодежь, а у нас – люди среднего и пожилого возраста. Некоторые российские респонденты сравнивали поездку в метро в час пик с борьбой за выживание, в которой другие пассажиры воспринимаются как конкуренты на место в вагоне (Щербакова, Ядов, 2007).

Канадские социологи в 2006 г. провели исследование, продемонстрировавшее, что по частоте случаев helping behavior, выражающегося в готовности помочь ближнему, Москва замыкает список из 48 городов мира (Щербакова, Ядов, 2007). Другие сравнительные исследования бытовой культуры также демонстрируют, что по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем, причем наблюдается тенденция к «брутализации», т. е. к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (закономерно, что термин «брутализация» занимает видное место в терминологическом аппарате отечественной социологии). «Брутализируется» всё – от отношений между супругами, нанимающими киллеров для выяснения внутрисемейных конфликтов, до способов совершения самоубийства. А около 50% наших сограждан признаются, что хамят окружающим регулярно, считая такое поведение социальной нормой, причем наиболее часто это делают молодые и хорошо обеспеченные люди (Климов, 2006).

Получены данные о том, что в нашей стране намного больше, в сравнении, например, с США, респондентов, утвердительно отве-

чающих на вопрос: «Может ли человек нарушать закон и при этом быть правым?» А число лиц, считающих, что законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, т. е. подлинно законопослушных, по крайней мере, на словах, в течение последних 15 лет практически не меняется и составляет 10–15% (Воловикова, 2004). В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране этот процесс либо «застревает» на начальной стадии, где послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо, минуя средний уровень, сразу «проскакивает» к высшему, характеризующемуся опорой на высшие этические принципы и совесть (там же)*. Аналогичные результаты дает изучение моральных суждений младших школьников, которые считают основными причинами совершения поступков страх наказания и сочувствие, причем за последние 70 лет эта схема объяснения мало изменилась (Кравцова, 2005). Зато изменилось другое. Опросы демонстрируют снижение удельного веса граждан, для которых приоритетными ценностями являются честность, порядочность, трудолюбие, вытеснение этих ценностей такими, как богатство и власть (Елецкая, 2009; и др.).

Социологи констатируют, что «Сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской

* М. И. Воловикова, получившая эти результаты, опирается на классификацию Л. Колберга, который выделил 3 стадии освоения человеком моральных норм: 1) их соблюдение из страха наказания, 2) следование им из подражания другим – «потому что все так делают», 3) соблюдение под влиянием внутренних этических принципов (Kohlberg, 1977). Идеи, аналогичные содержащимся в классификации Колберга, неоднократно высказывались и в философии. «Воздерживаться от проступков не в силу страха, а из чувства долга» призывал Демокрит (цит. по: Дробницкий, 2008, с. 252). А О. Г. Дробницкий так описывает механизм «интернализации» морали: «Индивид постепенно как бы вбирает в себя общественное осуждение и одобрение и сам становится их проводником» (там же).

культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое „вторжение“: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость» (Преснякова, 2006, с. 50). Характерны и такие утверждения социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической „игры“, от межличностных отношений до социальных институтов» (там же, с. 38). «Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов» (там же, с. 38). По данным социологических опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон (там же), к которому регулярно прибегают и представители нашей власти, чем только повышают свои рейтинги.

Симптоматичные результаты дали психологические обследования ограниченно вменяемых правонарушителей. Оказалось, что слово «свобода» они понимают как пребывание вне условий заключения под стражу и/или освобождение из мест лишения свободы, а в экзистенциальном плане – как вседозволенность, независимость от нравственного и государственного контроля (Кудрявцев, 2007). Налицо тенденция к экспансии такого понимания свободы на широкие слои нашего общества. Оно пустило глубокие корни в общественные настроения, особенно в молодежную среду. Как подчеркивает В. А. Ядов, любой социальный порядок, любая социальная организация – это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространство несвободы (Ядов, 2006). А ситуации неизбежного ограничения свободы, например, в школе или в вузе, где учащиеся вынуждены соблюдать определенные правила, воспринимаются многими из них болезненно в силу уже самого этого факта. Интернет-фильмы, где в деталях показано, как школьники избивают своих педагогов, – одна из характерных для нашего времени реакций на такое ограничение.

Крайне тревожную картину высвечивают обследования современной российской молодежи, особенно – «детей 1990-х», впитавших в свою психику атмосферу тех времен и характеризующихся такими качествами как индивидуализм, завышенные притязания

в сфере потребления, нежелание думать о будущем, нетерпимость к «моральным проповедям», неуважение к старшим, наглость, развязность, агрессивность и т. п. Молодежная культура формирует собственные нравственные нормы, по-существу, анти-мораль, и весьма агрессивно отвергает моральные нормы старшего поколения. Для нее, в частности, характерно отрицание статусных иерархий и авторитетов, что тоже было характерно для атмосферы нашего общества в начале 1990-х. Тогда прежняя статусная иерархия рухнула, а новая еще не сложилась, а СМИ и либералы-реформаторы формировали отношение к нравственным принципам как к «пережитку» советских времен, как к предрассудкам, которые препятствуют свободе, бизнесу и т. д. (вспомним внедрявшиеся ими в массовое сознание идеологемы: «Нравственность препятствует экономическому развитию», «Человек стоит столько, сколько он зарабатывает» и т. п.). Псевдолиберальная идеология начала 1990-х запечатлена в психологии современной российской молодежи, хотя, к счастью, не всей.

Исследования показывают, что сейчас молодежь ведет себя более свободно и раскованно, нежели в советские времена (Фень, 2007), однако эти свобода и раскованность часто перерастают в развязность и разнузданность, – как выражаются некоторые журналисты, в «оскотинивание» молодежи. Симптоматично и то, что мат стал «рабочим дискурсом» ее значительной части, в том числе и представительниц прекрасного пола. Особенно удручает студенчество, интеллектуальная и культурная деградация которого более чем очевидны и, по-видимому, неизбежны в условиях как общей атмосферы нашего общества, так и появления избыточного количества «доморощенных» вузов, куда больше озабоченных количеством платных студентов, нежели их моральным обликом и поведением.

Регулярно констатируется демонстративное неуважение нашей нынешней молодежи к старшим по возрасту и социальному статусу. Широкое распространение приобрел такой феномен, как эйджизм, охватывающий негативные стереотипы в отношении старости и старения, а также соответствующие дискриминационные практики (Guddy, Fiske, 2004)*. Психологи отмечают, что «В настоящее время в российском обществе сложилось устойчивое мнение об обостре-

* Чаше этот термин применяется более широко – как обозначение любого предубежденного отношения к различным возрастным группам, в том числе и к младшему поколению.

нии взаимоотношений между возрастными поколениями, в частности между молодежью и пожилыми и старыми людьми» (Оглезнева, 2008, с. 136), что подтверждается данными многочисленных исследований. По данным опросов, примерно половина респондентов констатирует негативное отношение современной российской молодежи к старшему поколению и около 40% – отрицательное отношение старшего поколения к молодежи (Ежемесячный бюллетень..., 2009). Констатируется и то, что в современном российском обществе «Интолерантность в отношении старости проявляется в нетерпимости к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения и общества в целом» (Петрова, 2008, с. 138). При этом «исследования показывают, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых молодыми людьми, связана с их ориентацией на групповые нормы, которые вступают в противоречие с общественными» (Короткина, 2008, с. 34). Демонстративное хамство и неуступание мест старикам – это не случайность, а принципиальная позиция, органично вписывающаяся в известное высказывание одного из идеологов наших реформ о том, что рыночное общество по-настоящему утвердится в России лишь тогда, когда вымрет старшее поколение. Не менее органично эта ситуация вписывается в мысль о том, что нравственное состояние общества определяется его отношением к старикам и детям.

Исследования показывают также, что «молодые люди выражают неоднозначное отношение к необходимости соблюдения социальных норм» (Шустова, Гриценко, 2007, с. 55). Хотя количественно преобладают те, кто, по крайней мере, исследователям отвечают, что нормы надо соблюдать (есть основания усомниться в искренности значительной части таких респондентов), но при этом широко распространена и такая позиция: «мы будем соблюдать законы и нравственные нормы, если нравственно поступать будет выгодно, когда будут выработаны законы, соответствующие потребностям современной личности, и когда эти законы будут осознанно ею выполняться» (там же, с. 50). А пока выгоднее нарушать законы и нравственные нормы, стремление к их соблюдению остается абстрактным. Подобный диссонанс – абстрактное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямо противоположным, как и всякий когнитивный диссонанс (Festinger, 1957), болезненно переживается человеком, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, понижающее удовлетворенность жизнью (Шустова, Гриценко, 2007). Такое состояние нашего общества вносит свой вклад в печальную

статистику самоубийств и нервно-психических расстройств в современной России.

Психологические, социологические, демографические и другие исследования, а также приведенная выше удручающая статистика разводов, социального сиротства, количества детей, рождающихся в неполных семьях, свидетельствуют о кризисе социального института семьи, тоже выражающем нравственное состояние нашего общества. Отмечается, что «Проблемы семьи и семейного воспитания в последние годы стоят как никогда остро: демографы, социологи, культурологи, психологи, педагоги подтверждают наличие глубокого системного кризиса этого социального института» (Спиридонов, 2008, с. 42).

Печальные результаты дают и психологические обследования современного российского бизнеса, свидетельствующие о том, что он не готов к политике социальной ответственности, которая воспринимается отечественными предпринимателями как противоречащая их коммерческим интересам, а понятие социальной ответственности совершенно по-разному трактуется бизнесменами и основной частью нашего общества (Чечурова, 2008). Это создает социально-психологические условия не только неизбежности регулярного возникновения финансовых «пирамид» и прочих проявлений недобросовестности предпринимателей, но и «холодной гражданской войны» между ними и госслужащими.

В общем, есть все основания говорить о *комплексной и системной* морально-нравственной деградации нашего общества, которую констатируют представители самых различных наук и которую можно считать подлинно «междисциплинарным» фактом. Психологи считают, что «Россия на долгие годы оказалась „естественной лабораторией“, где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания» (Воловикова, 2004, с. 17). Социологи утверждают, что «В конце XX – начале XXI в. российское общество, ввергнутое государством сначала в „перестройку“, а затем в „радикальные реформы“, постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» (Левашов, 2007, с. 225). Они же констатируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков – его дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые в нем вытеснены категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. (там же). Экономисты

отмечают, что «Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека» (Гринберг, 2007, с. 588), «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия» (там же). А философы полагают, что «сегодня мы не имеем коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое сострадание, справедливость, жалость, милость, доброта, хороший тон, правильная речь, самоуважение, уважение к другому, потеряло смысл традиционно русское понятие правды...» (Федотова, 2008, с. 793).

Институт психологии РАН в русле развиваемой в нем количественной макропсихологии (Юревич, Ушаков, 2007) разработал индекс нравственного состояния общества (ИНСО)*, позволяющий дать наглядную оценку этого состояния и основанный на интеграции таких его показателей, как количество (на 100 тысяч жителей): 1) убийств и 2) беспризорных детей и индексы: 3) коррупции, 4) индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов†.

Динамика оцененного количественно нравственного состояния российского общества в годы реформ и его соотношение с соответствующим показателем в других странах Центральной и Восточной Европы показаны на рисунках 1 и 2.

Как видно на рисунке 1, нравственное состояние нашего общества ежегодно ухудшалось с 1991 по 1994 г., затем улучшалось до «дефолтного» 1998 г., после чего вновь ухудшалось до 2002 г., а потом вновь обнаружило тенденцию к ежегодному улучшению (за 2009 г. индекс не рассчитан ввиду того, что статистические данные, лежащие в основе его расчетов, пока отсутствуют). Не подвергая интер-

* Описание методики вычисления ИНСО см.: Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007 и др. работы этих авторов.

† Естественно, нравственное состояние общества выражается не только этими, но и другими показателями, но именно названные здесь представляются наиболее адекватными индикаторами его нравственной «температуры». При этом указанные параметры обнаруживают высокую корреляцию между собой, что подтверждает возможность их рассмотрения в качестве проявления единого целого. В целом же понятие нравственности на уровне как личности, так и общества можно разложить на 4 основные составляющие: 1) законопослушность, 2) цивилизованность, 3) моральность, 4) человечность, хотя они, естественно, во многом пересекаются друг с другом.

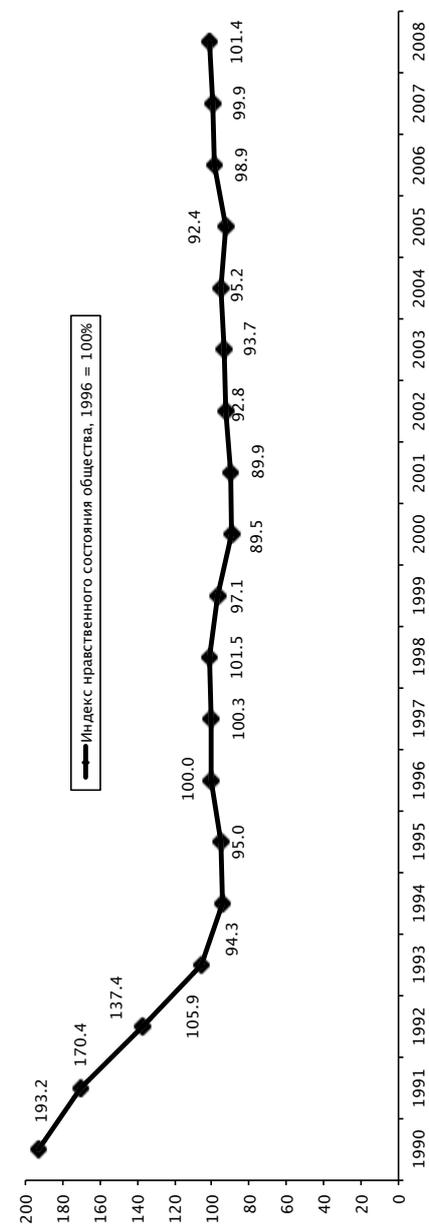

Рис. 1. Динамика нравственного состояния современного российского общества

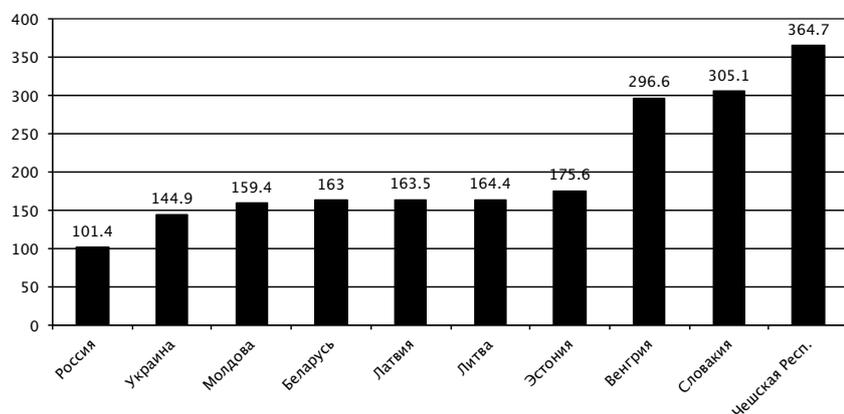

Рис. 2. Индекс нравственного состояния общества в России и странах Центрально-Восточной Европы (уровень России за 1996 г. = 100%), 2008 г.

претации выявленную динамику, отметим, что она почти полностью соответствует динамике макропсихологического состояния современного российского общества, оцененной на основе других показателей (см.: Юревич, Ушаков, 2007), а также временной развертке его характеристик, вычисляемых социологами (социальные настроения, социальный оптимизм и др.), что говорит о синхронном проявлении подобной динамики в самых различных сферах. Обращает на себя внимание и тот факт, что количественно оцененное нравственное состояние нашего общества в первые годы реформ ухудшалось высокими темпами, что свидетельствует о связи его ухудшения именно с реформами и с сопутствовавшими им событиями, а в течение последующих лет хотя и обнаруживало нелинейную, «волнообразную» динамику, но уступало уровню 1990 г. почти в 2 раза. Как показано на рисунке 2, оно существенно уступает и уровню европейских стран.

Не обсуждая в данном контексте *причин* крайне неудовлетворительного нравственного состояния нашего общества (о них см.: Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007), задумаемся о том, что оно составляет основу его будущего, существенно влияя и на национальную безопасность России.

Можно выделить несколько ключевых направлений такого влияния.

В. К. Левашов «катастрофическую депопуляцию» (Левашов, 2007, с. 259) современной России объясняет «нравственным разрывом

между обществом и государством» (там же)*. Детское население России сокращается примерно на 300 тысяч в год (Аргументы и факты, 2010), что неудивительно в свете описанного выше отношения к детям и беспрецедентного уровня насилия в отношении их. А. Ю. Шевяков приводит данные о том, что «изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» (Шевяков, 2008), выражающими нравственное состояние нашего общества. Он подчеркивает, что «Связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (там же). Психологи утверждают, что «причины такой низкой рождаемости и высокой смертности в современной России – прежде всего духовные и нравственно-психологические» (Семенов, 2008, с. 171). А «демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связаны с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия» (Гринберг, 2007, с. 588), одни из которых (например, массовая агрессивность) являются непосредственными проявлениями разрушения нравственности, другие – апатия, депрессия и др. – массовой психологической реакцией на ее разрушение.

Перманентное ощущение безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей социальной среды вызывает у человека стресс, апатию, депрессию и т. п., в свою очередь, порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни. Опросы показывают, что, например, перманентный страх, тревогу, чувство незащищенности и т. п. испытывает большая часть россиян (Ежемесячный бюллетень..., 2009). А по данным Всемирной организации здравоохранения, от 45% до 70% всех заболеваний связаны со стрессом, причем такие психосоматические заболевания, как неврозы, на-

* По данным опросов, большинство наших сограждан считают, что современное российское государство выражает главным образом интересы государственной бюрократии и богатых слоев, а не общества в целом (Левашов, 2007). Однако и при более позитивном представлении о нашем государстве и приписывании ему прообщественных интенций приходится признать, что «Государство проигрывает войну с общественными пороками» (там же, с. 426).

рушения сердечно-сосудистой деятельности, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефициты, эндокринопатии и опухолевые заболевания обнаруживают от него прямую зависимость (Судаков, 1998). В результате неудивительно, что, как отмечает Н. Н. Клюев, «У российской динамики смертности – „африканское лицо“, хотя ни вопиющей нищеты, ни эпидемии ВИЧ в нашей стране не наблюдается» (Клюев, 2009, с. 639), и именно вследствие сокращения ожидаемой продолжительности жизни российский индекс развития человеческого потенциала за 1990–2005 гг. уменьшился*, в то время как у подавляющего большинства стран он вырос, и сейчас «по темпам социального развития (вернее, неразвития и даже деградации) на рубеже веков Россия попадает в мировое захолустье» (там же, с. 640).

Постоянное чувство неблагополучия нашего социума играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев и др., являющихся основными проявлениями физического саморазрушения нашего общества и показателями его «суицидального состояния». А. Ю. Мягков и С. В. Ерофеев отмечают, что «В теориях социальной интеграции рост самоубийств традиционно считается важным признаком усиления напряженности и самодеструктивности в обществе, являющихся, в свою очередь, следствием глубоких девиаций в социальных структурах и отсутствия ценностно-нормативного единства» (Мягков, Ерофеев, 2007, с. 54). Они констатируют, что «Продолжающийся рост самоубийств – это та цена, которую мы до сих пор вынуждены платить за нецивилизованные формы перехода к рынку» (там же, с. 50).

Как отмечает Л. Д. Кудрявцев, «История дает немало примеров, начиная с гибели Римской империи, когда в целом экономически благополучные государства погибали в результате падения морального уровня населения» (Кудрявцев, 2000, с. 9). А Б. Н. Кузык на материале важнейших исторических циклов эволюции российского государства показывает, что каждому его политическому и экономическому подъему и спаду всегда предшествовал соответственно подъем или спад духовной жизни и нравственности (Кузык, 2008).

* В целом же современных россиян по Индексу развития человеческого потенциала характеризуют таким образом: «высокообразованные, среднеобеспеченные, мало живущие» (там же, с. 642), хотя первые две оценки выглядят слишком оптимистичными.

Вопреки провозглашенному отечественными реформаторами тезису о «ненужности» морали для рыночной экономики, их связь более чем очевидна и показана еще в классических трудах М. Вебера и его последователей. Очевидна она и для наиболее прогрессивных представителей российского бизнеса, хотя, как показывают опросы, в ценностной иерархии российских бизнесменов такие ценности, как нравственность и чистая совесть, занимают одно из последних мест (Семенов, 2008). Президент группы компаний «Рольф» С. А. Петров подчеркивает, что «требования морали – это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некими общественными силами, т. е. извне, а залог его успешного развития» (Петров, 2008, с. 422). Раздаются и призывы к разработке «своеобразного морального кодекса российского предпринимателя» (цит. по: Семенов, 2008, с. 147). Они имеют давнюю традицию: две трети самых богатых купцов России были староверами, «то есть, – как отмечает Г. С. Лисичкин, – исповедовали в том числе и высокую мораль в предпринимательстве <...> вырабатывали свою систему нравственных стандартов, несовместимую в жульничестве» (цит. по: Ойзерман, 2009, с. 703). Симптоматично и то, что важным атрибутом брендов многих современных компаний, таких, как, например, «Рибок», является их *этическая* составляющая (Шмигин, 2009). В целом же закономерность, состоящая в том, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны» (Богомолов, 2008б, с. 367), а «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности» (Глазьев, 2008, с. 416), получает самые разнообразные и более чем убедительные подтверждения. Подтверждается она и полученными Институтом психологии РАН данными о высокой корреляции количественно оцененного нравственного состояния нашего общества с объемом ВВП, корреляция между которыми (вычисленная на основе коэффициента корреляции Пирсона) составляет 0,517 (см.: Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007). Таким образом, вопреки заявлениям наших псевдолибералов, безнравственность отнюдь не «встроена» в рыночную экономику.

Нравственность оказывает существенное влияние и на социально-политическое устройство общества. В частности, трудно не согласиться с тем, что «этика и есть сердце демократии» (Оболенский, 2008, с. 394), поскольку последняя предполагает *доверие* граждан к ее институтам, которое невозможно без их следования

базовым этическим принципам. По словам бывшего президента СССР М. С. Горбачева, «без нравственного компонента любая система будет обречена» (Горбачев, 2008, с. 14). А Митрополит Кирилл (ныне Патриарх Всея Руси) выразился еще более категорично: «нравственность есть условие выживания человеческой цивилизации, – не больше и не меньше» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 372).

Все сказанное демонстрирует «материальность» нравственного состояния социума и невозможность решения данной проблемы «по остаточному принципу». А ее решение «вслед» за достижением всеобщего экономического благоденствия может привести к тому, что не останется общества, нравственный уровень которого предполагается повышать, или что оно будет существовать в состоянии описанной в социально-философских утопиях «войны всех против всех», видимо, неспроста занимающей видное место в романах наших современных писателей-фантастов (см.: Володихин, 2007).

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги последних лет, российское общество по-прежнему «травмировано хаосом» (Федотова, 2000), а одной из его главных проблем является *не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное – дефицит контроля*, прежде всего, контроля внутреннего, нравственного. Данная *ключевая* потребность современного российского общества преломляется в массовом сознании: как демонстрируют опросы, подавляющее большинство (около 80%) наших сограждан выступает за ужесточение законов, нравственную цензуру СМИ и другие формы нравственного контроля, такие как, например, создание Общественного совета на ТВ. Опросы демонстрируют также, что большинство россиян видит необходимость «нравственной революции» в нашем обществе (Семенов, 2008). Аналогичные интенции наблюдаются в органах власти и в Общественной палате, члены которой заявляют, что «главная проблема современной России – падение морально-нравственной культуры», и т. д. Очень показательны также стремительное возрастание количества верующих, хотя, как показывают исследования, у многих из считающих себя таковыми вера носит поверхностный и противоречивый характер (Семенов, 2008). Симптоматичен и рост популярности радикального ислама, среди причин которой не последнее место занимает его нравственный ригоризм, противостоящий нарастающей безнравственности западной цивилизации.

Все это говорит о том, что в нашем обществе *вызрела потребность в укреплении его духовно-нравственных основ, в том числе и в целях укрепления нашей национальной безопасности, для которой нравственная деградация общества не менее губительна, чем другие деструктивные социальные процессы*. Ведь «хотим мы это признать или нет, но нравственность действительно лежит в основе всего» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 375). «Пора понять, что без нравственного и духовного обновления в стране не будет и повышения рождаемости и снижения смертности, а значит, и самого нашего будущего» (Семенов, 2008, с. 173), и «пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики» (Богомолов, 2008б, с. 20).

Литература

- Анализ положения детей в Российской Федерации. М., 2007.
- Аргументы и факты. 2010. № 21 (1542). 26 мая–1 июня.
- Богомолов О. Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 359–371.
- Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–26.
- Брутенц К. Н. Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 395–405.
- Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 16–23.
- Володихин Д. Требуется осечка...: Ближайшее будущее России в литературной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 79–93.
- Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 406–421.
- Горбачев М. Страшная экономика // Мир перемен. 2008. № 4. С. 11–14.
- Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.

- Доклад о развитии человека 2009. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН). Пер. с англ. М., 2009.
- Дробницкий О. Г.* Структура морального сознания // *Философия. Наука. Культура.* М., 2008. С. 248–256.
- Ежемесячный бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу. № 2009–09 (141).
- Елецкая М. А.* Отношения современных россиян к богатству и бедности // *Социологический.* 2009. № 2. С. 82–96.
- Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский.* Духовно-нравственные основы современного российского общества // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.* М., 2008. С. 372–380.
- Климов И.* О хамстве и хамах // *Социальная реальность.* 2006. № 7–8. С. 77.
- Клюев Н. Н.* Россия на мировой карте социального благополучия // *Вестник РАН.* 2009. Т. 79. № 7. С. 637–642.
- Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д.* Образование за рубежом: социокультурный аспект // *Социологический журнал.* 2007. № 4. С. 97–114.
- Короткина Е. Д.* К проблеме экстремизма в молодежной среде // *Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты.* Тверь, 2008. С. 33–35.
- Кравцова М. М.* Сравнительный анализ моральных суждений младших школьников (1930 и 2000 гг.) // *Вопросы психологии.* 2005. № 5. С. 27–36.
- Кудрявцев И. А.* Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // *Психологический журнал.* 2007. № 3. С. 76–95.
- Кудрявцев Л. Д.* Современное общество и нравственность. М., 2000.
- Кузык Б. Н.* Духовный и культурный подъем нации – предтеча ее экономического подъема // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.* М., 2008. С. 281–297.
- Левашов В. К.* Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М., 2007.
- Максимова В.* Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД // *Социальная реальность.* 2007. № 6. С. 29–39.
- Мягков А. Ю., Ерофеев С. В.* Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов // *Социологический журнал.* 2007. № 2. С. 37–58.

- Оболенский А. В.* Этические ценности – «спасательный круг» в меняющемся мире // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.* М., 2008. С. 381–394.
- Оглезнева Н. В.* Межпоколенная толерантность как фактор стабилизации общества // *Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты.* Тверь, 2008. С. 136–137.
- Ойзерман Т. И.* Экономика и неэкономические факторы // *Вестник РАН.* 2009. Т. 79. № 8. С. 701–707.
- Петров А. С.* Мораль в бизнесе // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.* М., 2008. С. 422–429.
- Петрова Т. А.* Межпоколенное взаимодействие как способ преодоления эйджизма среди молодежи // *Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты.* Тверь, 2008. С. 138–140.
- Преснякова Л.* Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // *Социальная реальность.* 2006. № 1. С. 38–50.
- Российский статистический ежегодник – 2009. М., 2009.
- Семенов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
- Спиридонов Р. Е.* Интеграция семьи и школы как условие формирования личности в современных условиях образования // *Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты.* Тверь, 2008. С. 42–46.
- Судаков К. В.* Индивидуальная устойчивость к эмоциональному стрессу. М., 1998.
- Федотова В. Г.* Апатия на Западе и в России // *Философия. Наука. Культура.* М., 2008. С. 786–798.
- Фень Е.* Образ студента: обстоятельства времени // *Социальная реальность.* 2007. № 5. С. 46–62.
- Чечурова Ю. Ю.* Социальная ответственность организации как фактор снижения рисков в обществе // *Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты.* Тверь, 2008. С. 204–208.
- Шевяков А. Ю.* Неравенство в формировании новой социальной политики государства // *Вестник РАН.* 2008. Т. 78. № 4. С. 304–313.
- Шмигин И.* Философия потребления. Харьков, 2009.
- Шустова Н. Е., Гриценко В. В.* Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам // *Психологический журнал.* 2007. № 1. С. 46–57.

- Щербакова И. В., Ядов В. А. Культура предупредительного поведения в большом городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В. Макропсихология как новая область психологических исследований // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–15.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 23–34.
- Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Guddy A. J. C., Fiske S. T. Doddering but dear: Process, content and function in stereotyping of older persons // Ageism: stereotyping and prejudice against older persons / Ed. by T. D. Nelson. NY, 2004. P. 3–27.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. NY, 1957.
- Kohlberg L. Moral stages and moralization // Moral development and behavior. NY, 1977. P. 31–53.
- Transparency International Corruption Perceptions Index 2009. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В БОРЬБЕ ЗА МИР: ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. А. Кольцова, Т. А. Нестик, В. А. Соснин

Психологическая наука как отрасль знания, предметом которой является изучение поведения и психологических характеристик индивидуальных и групповых субъектов, по своей социальной сущности ориентирована на формирование нравственно зрелой личности и организацию стабильного и продуктивного функционирования социума. В этом состоит ее основная гуманистическая направленность и вклад в решение проблем сохранения мира.

Можно выделить два аспекта реализации психологией ее миротворческой функции. Первый аспект связан с опосредованным вкладом психологии в борьбу за мир – через формирование личности, характеризующейся гуманистическими ориентациями и установками, осознанием ценности личности вообще, ориентированной на позитивное восприятие других людей и установление отношений с ними на основе принципов их понимания и принятия. Вторым аспектом является непосредственное решение психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угрозы стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации.

Основной целью работы является выделение и обзор основных направлений психологических исследований, выполняемых в русле рассматриваемой проблемы, и раскрытие их базовых ориентаций. Основным акцентом сделан на проблеме реагирования психологической науки на главные тенденции социальных процессов, происходящих в мировом сообществе в начале третьего тысячелетия, – глобализацию и международный терроризм.

Направления исследований психологической науки, способствующие ненасильственному функционированию человеческих сообществ

Следует отметить, что практически все направления психологии в той или иной степени вносят вклад в реализацию ее миротворческой функции. В числе этих направлений необходимо, в первую очередь, выделить *психологию личности*. Начиная с классических зарубежных работ У. Джеймса, А. Маслоу, К. Левина, Э. Фромма, К. Роджерса, В. Франкла, а также отечественных исследований психологии личности в трудах А. Ф. Лазурского, В. М. Мясищева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова и других, это направление было ориентировано на развитие нравственно зрелой личности, ее самореализацию, на разработку психологического инструментария, позволяющего осуществлять психокоррекционные воздействия на межличностные, групповые и межгрупповые отношения. В русле этого направления был разработан важный в практическом плане принцип для объяснения и понимания проблем регуляции социального поведения, включая и проблемы социальных конфликтов. Согласно этому принципу, наиболее эффективный подход к преодолению межличностной и межгрупповой напряженности и социальных конфликтов состоит в анализе и изменении установок их субъектов по отношению к самим себе, а не в поиске решений, опирающихся только на внешние факторы и причины (Berns, 1979).

Специфичными по направленности исследуемых объектов, но решающими те же задачи, являются направления психологии, изучающие проблемы агрессивного и девиантного поведения с целью выявления их причин и разработки способов коррекции личности для уменьшения ее агрессивности.

К этому направлению непосредственно примыкает *медицинская психология* и особенно *исследования по преодолению последствий посттравматического стресса у жертв преступлений и насилия*. Психологические исследования в этой области начали наиболее интенсивно проводиться в последние два десятилетия. Их актуальность и прикладное значение возрастают в связи с усилением агрессивных проявлений и развитием терроризма как в нашей стране, так и в мировом сообществе в целом. Включение отечественными психологами этой проблематики в русло академических исследо-

ваний представляет собой реакцию психологической науки на запросы социума. История развития данных исследований в нашей стране связана с образованием в 1993 г. в Институте психологии РАН лаборатории психологии посттравматического стресса и психотерапии (руководитель – д. п. н. Н. В. Тарабрина). Основным направлением научной деятельности лаборатории является изучение последствий переживания людьми экстремальных ситуаций (военных, антропогенных, стихийных, преступных и др.), с которыми они сталкиваются в процессе своей жизнедеятельности, и оказания им адекватной психотерапевтической помощи. В настоящее время есть основание говорить о формировании самостоятельной отрасли науки – *психотравматологии*, предметом исследования которой является широкий спектр психических состояний, охватываемых понятием посттравматического стресса. Введение этого понятия в международный классификатор психических заболеваний, в соответствии с которым работают и клиницисты, и психологи, интенсифицировало исследования в данной области, а их актуальность непрерывно увеличивается в связи с растущим количеством жертв травматического стресса. Усилия отечественных психологов в этой области в сотрудничестве с психологами других стран подробно освещены в работе Н. В. Тарабриной, в которой дан обзор итогов и перспектив исследований посттравматического стресса на пороге третьего тысячелетия (Тарабрина, 2009).

Следующим направлением исследований, связанным с реализацией миротворческой функции психологической науки, являются *психология групповых и межгрупповых отношений*. Исследования межгрупповых отношений возникают на рубеже XIX–XX вв. в связи с анализом феноменов межгрупповой враждебности и этноцентризма (Г. Лебон, У. Макдугалл, У. Самнер). Систематические исследования в этой области начинают проводиться в послевоенный период. Разработка проблемы межгрупповых отношений имеет исключительное значение как для теории социальной психологии, так и для практики социального управления общественными процессами, в том числе социальными конфликтами. Одной из ведущих в современных исследованиях межгрупповых отношений является концепция социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1978; Tajfel, 1981), а в этнической психологии – социокультурной или национальной идентичности. Проблема самоопределения занимает центральное место в исследовании и практической реализации задач формирования личности и групп, их взаимоотноше-

ний и взаимодействия, (Соснин, 1997). Она связана с построением гражданского общества и вопросами осуществления национальной политики. Важность изучения закономерностей и механизмов социальной идентификации заключается, прежде всего, в том, что они обеспечивают включение индивидов и групп в систему социальных отношений и межгрупповых взаимодействий (Triandis, 1994; и др.). В настоящее время концепция социальной идентичности становится одним из основных объяснительных механизмов для понимания психологических причин, условий и последствий феномена терроризма, а также основанием для разработки возможных путей и способов борьбы с данным явлением (Moghaddam, Marsella, 2004).

Следствием развития исследований в этой области является возникновение двух направлений психологической науки – *конфликтологии* и *политической психологии*, которые непосредственно ориентированы на реализацию ее миротворческой функции, решая задачи урегулирования противоречий и конфликтов и обеспечения ненасильственного функционирования общества.

В социальной психологии конфликты исследуются как специфический вид общения и феномен группового взаимодействия. Эта проблема представлена также в качестве важного аспекта в ряде других направлений психологии – в психологии организации и управления, этнической и педагогической психологии и т.д. Интерес к ней обусловлен социальной значимостью исследуемого феномена, его негативным влиянием на функционирование социальных общностей. Формирование конфликтологии как относительно самостоятельного направления исследований в западной социальной психологии начинается с конца 1940-х – 1950-х годов, в отечественной социальной психологии – с середины 1970-х годов (Н. В. Гришина, В. А. Соснин, Н. И. Фрыгина и др.).

Как в зарубежной, так и отечественной психологической науке при изучении конфликтов акцент делался на выяснении причин конфликтного поведения, построении их объяснительной теории, однако недостаточно внимания уделялось разработке эффективных средств и методов разрешения и урегулирования конфликтов. Начиная с конца 1970-х годов ситуация стала постепенно меняться. Возрос интерес к теории и практике разрешения конфликтов и к процедурам, которые могли бы продуктивно применяться для этого. Появились альтернативные методы решения споров в судебной практике, учебные программы по разрешению конфликтов в универ-

ситетах и колледжах, научные журналы, специально посвященные проблеме конфликта и методам его разрешения, а также стратегии посредничества или проблемно-ориентированным методам на разных уровнях переговорного процесса при разрешении региональных и международных конфликтов. Исчерпывающий обзор и анализ состояния изучения конфликтов в западной психологии представлен в четырехтомной монографии Дж. Бертона (Berton, 1990), а также в трехтомном сборнике «Конфликты: Теория и практика разрешения» (2002).

В настоящее время изучение конфликтов – это динамично развивающееся направление междисциплинарных исследований, имеющее название «конфликтология», осуществляемое как на теоретическом, так и на прикладном уровнях. Психологическая наука в этих исследованиях занимает одно из центральных мест. О широте и масштабе прикладной ориентации исследований конфликтов дает представление международный справочник организаций, занимающихся вопросами урегулирования конфликтов в разных регионах мира (Разрешение и предупреждение конфликтов в СНГ, 2002).

Психологи совместно с представителями других областей знания постоянно принимают участие в практическом урегулировании регионально-территориальных, этнополитических и иных конфликтов в различных регионах мира. В качестве основного способа урегулирования конфликтов используется *практика посредничества*, включая проблемно-ориентированные методы, Т-групповые методы, методы «дипломатии второго пути» (привлечение к переговорному процессу известных политиков, дипломатов, общественных деятелей). Подробный обзор деятельности психологов в этом направлении во второй половине XX в. содержится в ряде работ зарубежных и отечественных авторов (Berton, 1990; Соснин, 1994 и др.). Подтверждением эффективности практической работы психологов в решении этих задач является, в частности, серия Т-групповых семинаров по урегулированию затяжного конфликта между Кенией, Эфиопией и Сомали, а также в Северной Ирландии, проведенных в 1960–1970-х годах Л. Дуубом с коллегами (Resolving..., 1970; Doob, Folts, 1973; Doob, Folts, 1974). Аналогичные методы использовались также М. Лэйкином, А. Бенджамином и А. Леви при урегулировании конфликтного противостояния на Ближнем Востоке между евреями и арабами (Lakin, 1972; Benjamin, Levi, 1979), Р. Блэйком с коллегами – для разрешения конфликтов в организациях (Blake,

Mouton, Solma, 1965); К. Роджерсом с коллегами – в серии семинаров, проведенных в 1960–1980-е годы (Rogers, 1986). Указанные идеи и подходы нашли практическое применение и в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве (об этом см.: Гостев, Соснин, Степанов, 1996).

Политическая психология как самостоятельное направление исследований начала формироваться в 1960-е годы как реакция научного сообщества на угрозу ядерного уничтожения и ознаменовалась выходом в свет в начале 1970-х годов книги «Руководство по политической психологии» (под редакцией Дж. Кнутсона), образованием «Международного общества политической психологии» и изданием журнала «Политическая психология». Исследования в этой области направлены, в первую очередь, на изучение процессов формирования политических установок и действий индивидуальных и групповых субъектов с целью предотвращения деструктивных явлений в области социально-политической жизни (Political Psychology, 1983).

Цель психологов, работающих в этом направлении, состояла в том, чтобы сблизить позиции исследователей и практиков, непосредственно принимающих политические решения, обеспечить применение психологических знаний для объяснения национальных и международных проблем политики и управления политическими процессами. Социальные психологи внесли определенный вклад в разработку проблем разрешения международных конфликтов, ведения переговоров и использования математико-игровых методов анализа для принятия решений в реальной политической практике. В рамках этого направления изучались проблемы политической социализации и формирования политических убеждений личности. В частности, предметом исследований стала проблема роста политического сознания групп меньшинств для объяснения политической социализации и мобилизации сил различных протестных движений, особенно в последние десятилетия XX в. В отечественной психологической науке начало разработки политической психологии датируется 1980-ми годами и представлено серией работ С. К. Рощина, в первую очередь, его монографией «Западная психология как инструмент идеологии и политики» (1980). В настоящее время исследования в области политической психологии продолжают интенсивно развиваться, а их прикладная значимость возрастает в связи с глобализацией мира и угрозами международного терроризма.

Психологические аспекты глобализации и международного терроризма

Поскольку основной угрозой миру в современных условиях общественного развития является международный терроризм, представляется оправданным подробнее рассмотреть психологические аспекты этого системного феномена.

Несмотря на то, что терроризм существовал на протяжении всей истории человечества, до последнего десятилетия он не являлся самостоятельным предметом психологического исследования. Внимание психологов привлекали не столько терроризм как политическое и социально-психологическое явление, сколько личность террориста и мотивы совершения теракта. В зависимости от теоретических оснований они объяснялись нарциссической агрессией, социопатией, стремлением к власти, утратой смысла жизни, переживанием собственной беспомощности, фрустрацией и т. д. (Morf, 1970; Pearlstein, 1990; Гостев, 2008; и др.).

Полученные в исследованиях данные позволяют представить симптомокомплекс индивидуально-личностных качеств, характеризующих террориста: агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений.

Определенные шаги сделаны в исследовании мотивов совершения террористических актов. Например, теория когнитивного диссонанса подчеркивает роль такого фактора, как вовлеченность индивида в террористическую деятельность: чем более длительным является пребывание человека в составе террористической группы, тем более возрастает его стремление найти идейные оправдания справедливости своих поступков. В русле концепций социального научения рассматривается роль механизмов подкрепления, социализации и когнитивных искажений в личности преступника (моральное самооправдание, занижение величины ущерба и т. д.), направленных на сохранение положительной самооценки (Bandura, 1999; и др.). Наконец, известно, что на включение индивида в террористическую деятельность влияет трезвый расчет, субъективная оценка возможных рисков и выгод. Наибольшую роль эта рациональная составляющая играет в криминальном сообществе, и особенно в политическом терроризме (Grenshaw, 1990).

Изолированность террористических групп от остального сообщества определяет особенности их внутригрупповой динамики. С одной стороны, отсутствие или нарушение межгрупповой коммуникации способствует формированию негативной стереотипизации и предрассудков, группового фаворитизма и межгрупповой дискриминации при интерпретации действий «своих» и «врагов». С другой стороны, изолированность группы и постоянная угроза преследований усиливают сплоченность, групповое давление, конформность, влияние лидера на остальных членов группы, приводит к развитию феноменов «группового мышления»: групповой поляризации, размыванию ответственности, недооценке последствий, сдвигу к риску, «туннельному видению». Наконец, необходимость конспирации делает непроницаемыми границы группы изнутри: тот, кто покидает группу, угрожает безопасности остальных ее членов и подвергается преследованию. Указанные внутригрупповые факторы ослабляют внешнее социальное влияние, оказываемое на членов террористических групп со стороны близких родственников и «значимых других».

Глобальный характер террористической угрозы, рост числа и масштабности терактов подталкивают психологическую науку к изучению терроризма как *социально-психологического* явления. Предметом анализа становятся не столько непосредственные исполнители террористических актов (хотя проблематика мотивации террористической деятельности остается в сфере внимания), сколько психологические механизмы воздействия терактов на их жертв и общество в целом (в особенности, анализ посттравматических расстройств и поиск путей и способов снятия этих состояний), а также социальные и культурные истоки терроризма.

Жертвой современного терроризма становится все общество, а не только отдельные социально-политические группы, на которые, в конечном счете, направлена террористическая активность. Ожидание новых терактов и связанные с этим острые аффективные переживания имеют более травмирующее воздействие на психологическое состояние населения, чем уже осуществленные теракты, ужесточая тем самым психологические последствия террористических действий (Sederer, Ryan, Rubin, 2003; Решетников, 2004; Табраина, 2003). Сочетание анонимности террористической угрозы, непредсказуемости террористических атак, массовости их жертв с чувством неконтролируемости собственной судьбы и личной уязвимости дестабилизирует общество.

На макроуровне основными предпосылками терроризма являются факторы, связанные с переходным состоянием сообщества (Moghaddam, Marrsella (Eds), 2004; Паин, 2002). К ним относятся: низкий статус социальной группы, отсутствие у ее членов надежды на социально-экономическое благополучие в рамках своей группы, разрушение традиционной системы ценностей, anomia общества. На личностном уровне в качестве факторов активизации террористической активности выступают: фрустрация, кризис культурной идентичности, переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения.

Важной психологической особенностью современного глобального терроризма является отсутствие его локализации, единого центра, из которого направляется террористическая деятельность во всем мире, ее *сетевая* природа (члены террористических сообществ часто знают лишь одного связного или связаны друг с другом через Интернет).

Как представляется, базовыми причинами усиления международного терроризма в современном мире являются социально-культурные противоречия, «цивилизационный разлом мира». Политико-экономический раскол мира на богатые и беднейшие страны, усиленный существенными различиями в восточном и западном мирозерцаниях, является «питательной почвой» для формирования образа врага во всех террористических сообществах. Поэтому акции одних террористов могут стать сигналом для других, несмотря на отсутствие координации их действий неким единым центром. Рост ксенофобии вызывает «чувство второсортности» у этнических меньшинств и расширяет число потенциальных сторонников и участников террористической деятельности. Таким образом, теракт замыкает порочный круг, подкрепляя убеждение террористов в справедливости их действий и отсутствии легальных путей изменения ситуации, создавая ложное чувство осмысленности, исторической значимости их жизни и смерти, причастности к национальному героико-террористическому пантеону.

Проблематика терроризма в отечественной психологической науке начала интенсивно исследоваться с начала 1990-х годов. Своеобразной отсчетной точкой в истории ее развития является круглый стол «Психологи о терроризме», организованный в 1994 г. журналами «Государство и право» и «Психологическим журналом», в котором приняли участие психологи разных профессиональных ориентаций. На круглом столе обсуждались различные аспекты терроризма, ста-

вились и решались связанные с ними научно-практические задачи. Главное, что было зафиксировано на этой встрече, – обоснование системности и сложности этого социального феномена. Было признано, что терроризм имеет этнические, религиозные, социально-экономические и идеологические причины. Его основу составляют осознание несправедливости в распределении мировых экономических ресурсов, недостаточность каналов коммуникации, традиция насилия, существование экстремистских групп, слабость политического руководства стран, эрозия доверия к существующей власти и конфликты элит.

После проведения этого криглого стола интенсивность проведения теоретических и прикладных исследований в данной области с каждым годом стала усиливаться; проблема терроризма утвердилась как предмет активного профессионального обсуждения. Отечественные психологи включаются в международные исследовательские проекты, в частности, принимают участие в постоянно действующей международной конференции «Мировое сообщество против глобализма, преступности и терроризма» (2004), организаторами которой являются «Всемирный антикриминальный и анти-террористический форум», «Национальный антикриминальный и антитеррористический фонд (Россия)» и Комитет Государственной Думы РФ по безопасности.

К числу значимых событий в жизни психологического сообщества последних лет, направленных на предотвращение террористической угрозы, относятся также участие психологов в ряде междисциплинарных форумов, организованных Институтом психоанализа, возглавляемого д.п.н. М. Решетниковым, а также в работе конференций, проводимых по инициативе правоохранительных органов, круглый стол «Терроризм в современном мире» (2005) в журнале «Вопросы философии» и др.

В связи с нарастанием в современном мире процессов глобализации представляется оправданным проанализировать социально-психологические аспекты этого геополитического и экономического феномена в связи с проблемой международного терроризма.

Глобализм и глобализация чаще всего понимаются как «объективный процесс прогрессивного развития» человеческой цивилизации вообще, включающий растущую интеграцию мира, создание единого экономического и информационного пространств. Причем имплицитно подразумевается, что единственной «правильной» моделью интеграции является идейно-ценностная парадигма за-

падной цивилизации. По сути, речь идет о формировании единого финансово-политического центра управления миром. Этот процесс в целом ориентирован, во-первых, на полную унификацию всех сторон жизни людей с тотальным контролем над ними через систему информационных технологий; во-вторых, что особенно важно, на целенаправленное ослабление и ограничение национальных суверенитетов и традиционных культурных укладов жизни отдельных стран. Хотя можно говорить и о других аспектах влияния глобализации на жизнь современных сообществ.

Признавая объективность интеграционных мировых процессов, вместе с тем, оценивать их однозначно положительно, по меньшей мере, наивно. Сильные государства «золотого миллиарда» используют глобализацию как инструмент своего господства и «взламывания» всех охранных барьеров более слабых государств – финансово-экономических, территориальных, национально-культурных. Следствием глобализации является усиление конкуренции между представителями разных культур, которые не принимают друг друга не просто в силу различного отношения к проблемам власти и экономической безопасности, но и в связи с кардинальными различиями в их образе жизни.

Президент США Дж. Буш после событий 11 сентября 2001 г. объявил «модернизацию» исламского мира и его «переустройство» в соответствии со шкалой ценностей и приоритетов западной цивилизации одной из стратегических целей США. Большинство политических, экономических и религиозных элит стран исламского мира отдают себе отчет, что в этой глобальной конкуренции один из главных ударов будет наноситься по исламу как его главной цементирующей духовной основе. Поэтому цивилизационная экспансия западного мира во главе с США для многих стран, не входящих в «золотой миллиард», и особенно стран исламского мира, с точки зрения восприятия ими ситуации в мире, оценивается как аналог цивилизационного терроризма. Таким образом, притязание группы государств на доминирование в мировом сообществе становится психологической почвой для возникновения чувств ненависти и мести, особенно при соответствующем идеологическом и религиозно-фанатическом оформлении, а так называемый исламский терроризм – это лишь одна из форм проявления подобных чувств и одно из их следствий.

Если говорить о ситуации в нашей многонациональной стране, то она во многом схожа с ситуацией в странах исламского мира.

Россия – государство с многовековыми традициями коммунитарной культуры. Принципы коллективной взаимопомощи, следования нравственным нормам Библии, Корана, приоритета целого над частным заложены в архетипах всех основных коренных народов нашего Отечества. Поэтому «слом» традиционной национальной жизни народов нашей страны, ориентация российской власти на «встраивание» в систему глобального, западного сообщества с присущим ему приоритетом индивидуалистических ценностей жизни вызывает у подавляющей массы населения нигилистические умонастроения. На этой основе возникают противоречия между этническими группами по признаку «крови», по социально-культурным и религиозным основаниям, так как в кризисных ситуациях именно эти параметры выступают на первое место в межэтнических взаимодействиях. Соответственно, русский этнос как государствообразующий в жизни нашего Отечества становится основным «козлом отпущения» для других этнонациональных образований, ответственным, с их точки зрения, за все, что происходит в стране. Это питает сепаратистские настроения со стороны ряда этнокультурных групп, и в том числе – террористические тенденции внутри страны. Ситуация усугубляется тем, что и в составе русского этноса возрастает прослойка людей, особенно среди молодого поколения, убежденных в ущербности русского народа, что проявляется в неадекватных реакциях части молодежи на экспансию этнической миграции других этнокультурных групп, в росте ксенофобии и обострении противостояния по этническим признакам.

Известно, что вооруженные конфликты возникают по нескольким традиционным основаниям: во-первых, борьба за власть, территорию и ресурсы; во-вторых, отстаивание своих национально-культурных приоритетов, включая национальную и религиозную идентичность и государственность. Последние факторы по силе воздействия на консолидацию масс, наций и народов имеют первостепенное значение.

Специфика ситуации на современном этапе состоит в том, что большинство стран не способны вести военные действия традиционными способами. Арабские страны, да и подавляющее число других стран с коллективистической идентификацией, не обладают адекватной военной организацией и не могут противостоять современному военному потенциалу западных государств. Вместе с тем многие страны арабского мира обладают большим экономическим потенциалом. Эта ситуация объективно толкает многих ли-

деров арабского мира на асимметричный ответ вызовам западной цивилизации. И международный терроризм является одним из таких экстремальных ответов.

Констатация необходимости совместных усилий цивилизованного мира в борьбе с терроризмом, «не имеющим своего лица и национальности», как представляется, страдает определенной декларативностью. Очевидно, например, своеобразие исламского «фундаменталистского терроризма». Между тем «национальная окраска» этой разновидности терроризма не признается представителями западной цивилизации. Пока еще не стал предметом анализа и осмысления основной идейный тезис исламских фундаменталистов – представление о том, что их борьба прежде всего направлена против национальных и религиозных притеснений со стороны западного мира. И в этой борьбе ими признается допустимым использование любых средств, включая и террористическую деятельность.

До настоящего времени в академических кругах России, Европы и Америки, в международных организациях и дипломатических ведомствах разрабатываются различные модели разрешения конфликтов. Причем эти модели предлагаются для обществ и государств, культура и традиции которых не только существенно отличаются, а вообще *несопоставимы* с культурой и традициями разработчиков. Неудивительно, что подобные «мирные инициативы» многими лидерами мусульманского мира воспринимаются как принуждение к следованию чужеродным моделям. Они могут выполняться (с внутренним сопротивлением) политическими элитами мусульманских стран, но не народами. Поэтому возникает ощущение, что, говоря о проблеме международного терроризма, мы пытаемся анализировать и ликвидировать ужасные следствия этого явления, а причины ускользают от нашего внимания. Более того, мы как бы не хотим их видеть.

В этой связи представляется оправданным формирование в научном сообществе в целом и в психологическом – в первую очередь, методологического подхода к анализу процесса глобализации и международного терроризма с позиции столкновения цивилизаций. Необходимо признать, что фанатичный исламский фундаментализм, культивирующий пренебрежение к смерти и нетерпимость к иноверцам, и как следствие – исламский международный терроризм является лишь фасадным проявлением этого столкновения (Решетников, 2004).

На первый план в связи с этим выдвигаются следующие принципиальные вопросы: может ли вообще какой-либо народ смириться с негативной внешней оценкой своей культуры и традиций и принять ее? Как «нецивилизованный», по западным меркам, народ-изгой будет реагировать на угрожающе-увещательные предложения отказаться от своей национальной суверенности, амбиций, приверженности собственным идеалам, от своих представлений о чести и справедливости, достоинстве и возмездии?

Необходимо открыто признать, что уверенность в страстном желании «всего прогрессивного человечества» присоединиться к западным ценностям и европейской культуре – это миф и трагическое заблуждение. Специалисты в данной области все чаще говорят о необходимости учета национальных архетипов, специфики истории страны, особенностей национальных традиций и местных ритуалов (там же).

Там, где западный мир видит государство с современной экономикой и процветанием демократических свобод, рядовой исламский террорист видит совсем другое: безбожие и разврат, непреодолимый контраст роскоши и нищеты, взяточничество и беззаконие. Именно эти пороки европейской секуляризованной цивилизации «эксплуатируются» фундаменталистами. А идейно-религиозное оформление экспансии этой «продажной цивилизации» лидерами и «кукловодами» террористической активности придает ей некий сакральный оттенок и составляет основу ее расширения.

Все сказанное ни в коей мере не означает попытки оправдания международного терроризма как борьбы за свои национальные интересы. Представленные рассуждения позволяют подойти к осмыслению проблемы международного терроризма с разных системных оснований.

Человеческая цивилизация должна преодолеть тенденции доминирования одной цивилизационной парадигмы над другой, в ином случае трудно ожидать каких-либо существенных сдвигов в усилиях мирового сообщества в решении проблем международного терроризма. По-видимому, следует признать, что чем дальше развитие человеческой цивилизации будет двигаться в направлении однополярного мира, тем быстрее евангельские предсказания об апокалипсисе превратятся в кошмарную ночь заката человеческой цивилизации. Этим определяется актуальная необходимость осмысления смены модели мирового развития и организации глобального межкультурного диалога.

«Психология мира» как новое направление психологической науки XXI в.

Завершение XX столетия, в котором ежегодно велось 15–25 войн, не привело к снижению актуальности проблемы сохранения мира. Анализ психологической литературы показывает, что, по сравнению с 1980-ми годами, исследования 1990-х и 2000-х годов значительно меньше затрагивают проблематику психологических причин и последствий ядерной угрозы, но в значительно большей степени направлены на изучение межэтнических отношений (прежде всего, межнациональных стереотипов и этноцентризма) и методов разрешения конфликтов (Blumberg, 1998). Рост числа конфликтов и терроризма послужил толчком к формированию *психологии мира* как самостоятельного направления в современной психологической науке. Она получила институциональное оформление в Американском психологическом обществе (48-я секция – «Общество изучения мира, конфликта и насилия»), регулярно проводятся международные симпозиумы, посвященные вкладу психологии в укрепление мира, ежеквартально выходит «Мир и конфликт: Журнал психологии мира». Психология мира имеет своей целью «разработку теорий и практических подходов, направленных на предотвращение и ослабление как прямого, так и структурного насилия, она способствует ненасильственному разрешению конфликтов и защите социальной справедливости» (Christie et al., 2001, p. 7). Основными направлениями исследований в этой области являются изучение психологических механизмов *прямого и структурного* насилия, исследование эффективности различных методов его сдерживания, миротворчества и развития культуры мира. Психологию мира можно рассматривать и как сообщество психологов, занимающихся конфликтологической проблематикой, и как научное направление, опирающееся на собственную теоретическую платформу, включающую в себя несколько ключевых положений (Christie, Wagner, Winter, 2001).

Во-первых, ее представители выступают за системный подход к изучению причин и последствий насилия как на макро-, так и на микроуровнях, за изучение как прямого, так и структурного, скрытого насилия, а также его культурных оснований. Под прямым насилием понимается физический или психологический ущерб, нанесенный одним или несколькими лицами (сообществами, государствами) другим лицам (сообществам, нациям). Это могут быть этнические чистки, взрыв Мирового торгового центра и башен-

близнецов, нападение на школу в Беслане. В отличие от прямого, структурное насилие осуществляется в неявной форме безличными социальными институтами общества. К нему относятся бедность, эксплуатация детского труда, дискриминация женщин, рабство, ограничение свободы слова, разрушение природных ресурсов, отрицание этнической и культурной идентичности.

Во-вторых, серьезной критике подвергается культурная универсальность подходов и технологий, сложившихся в западной психологии конфликта. Подчеркивается роль культурного контекста, идентичности и социальных норм как в формировании конфликтов, так и в их разрешении. Профессиональные стандарты академического сообщества, система производства, передачи и применения научного знания *нечувствительны к незападным, традиционным формам разрешения конфликтов* (таким, например, как совет старейшин, совместная молитва, покаяние, ритуалы примирения), не позволяют использовать опыт и знания местных сообществ о различных факторах мира и насилия. Переход западных психологов с позиции экспертов в позицию учеников, способных учиться у других культур, будет способствовать предотвращению ущерба, наносимого от «повального» использования западных социальных технологий в обществах, которые не «исповедают» западных индивидуалистических и материалистических ценностей (Brenes, Wessells, 2001).

В-третьих, растет понимание, что в долгосрочной перспективе наиболее эффективны ненасильственные методы разрешения конфликтов и устранения социокультурных предпосылок насилия, т. е. развития «культуры мира», основанной на ценностях ненасилия, соблюдения прав человека, равенства, свободы, толерантности, солидарности, сохранения природных ресурсов (Gerstein, Moeschberger, 2003).

В-четвертых, ответом на вызовы XXI в. должно быть переосмысление роли психологии и психологов в борьбе с насилием. Задачей психологии становится: 1) опровержение биологического детерминизма в объяснении войн и неравенства; 2) прояснение различий между конфликтом и насилием, а также убеждение общества в неизбежности и естественности конфликтов; 3) опровержение легитимности насилия на всех уровнях общества; 4) содействие ненасильственному восстановлению справедливости; 5) восстановление коммуникации между конфликтующими сторонами; 6) превращение борьбы за справедливость и мир в одну из центральных проблем психологии. Развитие диалога в самом психологическом сообществе,

знакомство западных психологов с работами национальных психологических школ, углубление международных партнерских отношений между психологическими ассоциациями и научными центрами – также должны способствовать развитию культуры мира. Призывая перенести внимание и усилия с симптомов насилия на его истоки, представители «психологии мира» выделяют четыре *основные* причины терроризма (хотя вполне понятно, что реально таких причин значительно больше).

Во-первых, тяжелые условия жизни: голод, неравенство и болезни, процветающие в странах третьего мира и противопоставляющие их «богатому Западу» (Staub, 2001).

Во-вторых, базовая потребность в безопасности (Christie, 1997), субъективная оценка условий существования как опасных для жизни – своей собственной, своей семьи и своего сообщества. Страх перед угрозой своему существованию может быть нереалистичным и толкать потенциальных террористов, правительственных чиновников и общество на несимметричный ответ. Так, борьба США с «осью зла» может создать иллюзию безопасности внутри страны, но при этом сделать оправданной террористическую деятельность в глазах населения тех стран, на территории которых ведутся анти-террористические и военные операции.

В-третьих, это потребность в независимости, способности самостоятельно принимать решения относительно собственной жизни, свободы и счастья. Как правило, терроризм развивается в странах, где существенно и массово нарушаются человеческие права.

Четвертая причина терроризма – это потребность в общественном уважении, в признании своей этнической, культурной и религиозной идентичности.

Подчеркнем еще раз, что выделенные базовые причины терроризма – это не оправдание террористической деятельности, а призыв к системному подходу к анализу проблемы.

Очевидно, что одна лишь борьба против террористов, уничтожение их баз и лидеров не способны устранить глубинные истоки терроризма. Миротворческие военные операции (peacekeeping) могут сдержать войну и предотвратить часть терактов, но сдерживание конфликтов не ведет к установлению мира. Переговорный процесс (reasetmaking) затрагивает лишь некоторые аспекты конфликта (например, представительство партий католиков и протестантов в ирландском парламенте), но не устраняет его глубинных причин («второсортное» положение католиков в Ирландии на протяжении

нии нескольких столетий). Психология мира выступает за переход от миротворчества к строительству мира (peacebuilding), основными психологическими механизмами которого являются эмпатия, развитие способности понимать точку зрения другого. Психологи могут внести серьезный вклад в борьбу с терроризмом через проведение Т-групп и кросс-культурных семинаров в зонах этнических конфликтов, организацию совместных культурных программ в рамках «дипломатии второго пути», расширение программ международного академического обмена, развитие ценностей культуры мира в школах и повышение кросс-культурной компетентности молодежи.

* * *

В целом, как показал краткий обзор усилий психологического сообщества в решении проблем современного терроризма, психологи – и отечественные, и зарубежные, – наряду со специалистами других общественных дисциплин, стремятся адекватно реагировать на глобальные вызовы третьего тысячелетия. В настоящее время крепнет понимание того, что война, которую объявило мировое сообщество международному терроризму, в фундаментальном плане, по меньшей мере, является в том числе и войной *психологической*. Психологическое сообщество утверждает, что психология способна предложить ряд решений многих социальных проблем, включая и проблему терроризма (Levant, Barbanel, DeLeon, 2004). Исходя из психологической природы терроризма, западные психологи выдвинули тезис, что психологическая наука начинает играть главную роль в решении проблем противодействия вызовам третьего тысячелетия. Например, Американская психологическая ассоциация, реагируя на события 11-го сентября 2001 г., образовала в своей структуре подкомиссию по реагированию психологической науки на вызовы терроризма (Levant, Barbanel, DeLeon, 2004). Основная цель этого органа – в координации усилий психологического сообщества, в разработке мер и способов участия психологов в решении практических проблем реагирования на угрозы и последствия террористических действий. Конечно, такая претензия представляется преувеличением.

Вместе с тем, как показал проведенный анализ, данные, полученные учеными в области политической и кросс-культурной психологии, психологии мира, разрешения конфликтов, психологии религии, военной психологии, психологии преступности, психо-

логии социальной справедливости, действительно, могут использоваться для практической реализации миротворческой функции психологической науки.

Психологическая наука способна реагировать на вызовы международного терроризма по следующим направлениям:

- в обеспечении общих знаний и совершении экспертиз в таких сферах, как отбор и подготовка персонала, работающего в области проблем борьбы с терроризмом;
- в объяснении механизмов формирования террористических установок, предубеждений, фанатизма, гетеростереотипов;
- в работе с жертвами актов насилия и терроризма;
- в формировании в мировом сообществе культуры мира и в развитии межкультурного диалога;
- в формировании гуманистических установок и ориентаций личности.

В целом, психологическая наука всегда позиционировала себя в обществе как вид социальной деятельности, ориентированный на обеспечение нормального, ненасильственного функционирования социума, реагирующий на его социальные запросы в исторической перспективе. Представляется, что эта наука может и обязана занять одно из ведущих мест в решении глобальных проблем XXI в., затрагивающих существование человеческой цивилизации.

Литература

- Гостев А. А., Соснин В. А., Степанов Е. И. На путях становления отечественной конфликтологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 110–130.
- Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Ениколопов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований. В 3 т. / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной. Конфликтологический центр Алматы, Центр конфликтологии института социологии РАН. М., 2002.
- Мировое сообщество против глобализации, преступности и терроризма (2-я Международная конференция) // Всемирный анти-

- криминальный и антитеррористический форум. М.: ЗАО «Изд-во „Экономика“», 2002.
- Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
- Психологи о терроризме: круглый стол // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 37–48.
- Разрешение и предупреждение конфликтов в СНГ // Международный справочник организаций. Алматы, 2002.
- Решетников М. М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004.
- Роцин С. К. Политическая психология // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 141–156.
- Роцин С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980.
- Соснин В. А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 130–143.
- Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.
- Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. V. 3. P. 193–209.
- Benjamin A., Levi A. Minefields in Intergroup Conflict Resolution: The Sdot Yam Workshop // Journal Applied Behavioral Science. 1979. V. 13 (4). P. 507–519.
- Blake R., Mouton J., Solma R. The Union-Management Intergroup Laboratory: Strategy for Resolving Intergroup Conflict // Journal Applied Behavioral Science. 1965. V. 1 (2). P. 25–57.
- Blumberg H. H. Peace psychology after the Cold War: A selective review // Genetic, Social and General Psychology Monographs. 1998. V. 124 (1). P. 5–37.

- Blumberg H. H. Understanding and Dealing with Terrorism: A Classification of Some Contributions from the Behavioral and Social Sciences // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. V. 8 (1). P. 3–16.
- Brenes A., Wessells M. Psychological contributions to building cultures of peace // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2001. № 7. P. 99–107.
- Burns R. B. The Self-concept: Theory, measurement, development and behavior. Longman, London, NY, 1979.
- Burton J., Dukes F. Conflict series. V. 1–4. San-Francisco, 1900.
- Christie D. J., Wagner R. V., Winter D. D. (Eds). Peace, conflict, and violence: Peace psychology for the 21-st century. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2001.
- Christie D. J. Reducing direct and structural violence: The human needs theory // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 1997. № 3. P. 315–332.
- Doob L., Folts W. The Belfast Workshop // Journal of Conflict Resolution. 1973. V. 17. № 3. P. 489–512.
- Doob L., Folts W. The Impact of a Workshop upon Grass-Ruts Leaders in Belfast // Journal of Conflict Resolution. 1974. V. 18. № 2. P. 237–256.
- Gerstein L., Moeschberger S. Building Cultures of Peace: An Urgent Task for Counseling Professionals // Journal of Counseling & Development. 2003. V. 81. № 1. P. 115–120.
- Handbook of political psychology / Ed. J. Knutson. San Francisco, 1973.
- Crenshaw M. The psychology of terrorism: An agenda for 21st century // Political psychology. 2001. 21. P. 405–420.
- Lakin M. Interpersonal Encounter: Theory and Practice in Sensitivity Training. NY: Mcgram Hill, 1972.
- Levant R., Barbanel L., DeLeon P. Psychology's Response to Terrorism // Understanding terrorism: psychological roots, consequences, and interventions / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC.: American Psychological Association, 2004. P. 265–282.
- Moghaddam F. M. Cultural Preconditions for Potential Terrorist Groups: Terrorism and Societal Change // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.
- Morf G. Terror in Quebec. Toronto, 1970.
- Pearlstein R. M. The mind of a political terrorist. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.

- Political Psychology // The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Basil Blackwell Publishers Limited. Oxford, 1983. P. 372–373.
- Resolving Conflict in Africa / Ed. L. Doob. Haven Conn.: Yale Univ. Press, 1970.
- Rogers C. Steps toward Peace, 1948–1986: “Tension Reduction in Theory and Practice: ‘The Underlying Theory: Drown from Experience with Individuals and Groups’, ‘Inside the World of the Soviet Professional’ and with Ruth Sanford ‘Reflections on Our South African Experience’” // Counseling Values. 1986. V. 32. № 1. P. 12–75.
- Sederer L., Ryan K., Rubin J. F. The Psychological Impact of Terrorism: Policy Implications // International Journal of Mental Health. 2003. V. 32. № 1. P. 7–19.
- Staub E. Genocide and killing: Their roots and preventions // Peace, conflict, and violence: Peace psychology for 21st century / Eds D. R. Christie, R. V. Wagner, D. D. Winter. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2001. P. 76–86.
- Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge Univ. Press, 1981.
- Tajfel H., Turner I. An integrative theory of intergroup conflict // The Social psychology of intergroup conflict / Eds W. G. Austin, S. Worchel. Monterey (Cal.): Brooks-Cole, 1978. P. 1–43.
- Triandis H. Culture and social behavior. McGraw-Hill, 1994.
- Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Wagner R., Long K. R. Terrorism from a Peace Psychology Perspective // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 207–220.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, В. А. Соснин

Обострение международных конфликтов, связанных с распространением ядерного оружия, новые вызовы стратегической стабильности и национальной безопасности делают все более актуальным изучение психологических аспектов ядерного противостояния. Между тем, психологическая проблематика гонки ядерных вооружений и ядерной угрозы в целом остается в отечественной психологии крайне мало изученной.

В качестве предварительного анализа и выделения проблемного поля психологических аспектов ядерного сдерживания и стратегической стабильности представляется оправданным:

- во-первых, выделить психологическое содержание проблематики ядерного сдерживания, опираясь при этом на работы ряда ведущих отечественных специалистов (Жокошин, 2003, 2004, 2009; Ядерное сдерживание..., 2005, Ядерное распространение..., 2009).
- во-вторых, провести анализ имеющейся международной психологической исследовательской практики в этой области на данный момент.

Основной нашей задачей является демонстрация необходимости учета психологических факторов для сохранения международной стратегической стабильности. Современные тенденции развития геополитической ситуации в мире (формирование многополярного мира, становление «китайского геополитического синдрома», рост межкультурных конфликтов и межкультурных противоречий, новых форм международного терроризма и др.), а также тенденции объективного отставания в количественном отношении российских ядерных сил по сравнению с ядерным потенциалом

США позволяют утверждать, что в XXI в. *психологические аспекты ядерного сдерживания* будут приобретать такое же существенное значение, как собственно и *военно-техническое превосходство*. Глобализация, рост взаимозависимости государств, переплетение их геополитических и экономических интересов, а также переход к информационному обществу делают использование различных способов психологического воздействия более дешевым и более эффективным инструментом ядерного сдерживания, чем попытки опередить потенциального противника по разрушительности, точности и дальности ядерного оружия.

Ниже мы попытаемся обосновать значимость нового для отечественной психологии *направления исследований* – социальной психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности.

Психологические особенности ядерного противостояния

С одной стороны, ядерное противостояние имеет психологические аспекты, характерные для межгрупповых конфликтов в целом. С другой стороны, оно обладает рядом специфических психологических особенностей, игнорирование которых может приводить к ошибочным стратегическим решениям.

Куниверсальным психологическим механизмам, сближающим ядерное противостояние с другими видами конкуренции и конфликта, можно отнести механизмы эскалации межгрупповой напряженности: 1) межгрупповое восприятие (эффекты межгруппового сравнения, межгрупповой дискриминации, стереотипизации и обезличивания, формирования межгрупповых предрассудков и образа врага), 2) психологические особенности внутригрупповой динамики и принятия группового решения при наличии внешней угрозы (феномены «группового мышления», поляризации мнений, группового давления, роста влияния лидера на группу, размывания ответственности и сдвига к риску), а также 3) механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе переговоров (например, особенности межличностного восприятия, характерные для переговоров мотивационно-когнитивные искажения, различные виды, тактики и приемы социального влияния, а также формирование межличностного и межгруппового доверия).

Однако с социально-психологической точки зрения ядерное противостояние имеет и свои *особенности*, выделяющие его из ряда

традиционных форм межгрупповой напряженности и влияющие на сотрудничество в области ядерного сдерживания и разоружения.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит *социальное взаимодействие «проигравший–проигравший»*, редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии. Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера (Pruitt, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: «выигравший–выигравший» (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший–проигравший», «проигравший–выигравший» и «проигравший–проигравший». В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший–проигравший» возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий как героических или как-то по-другому, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на деморализацию превосходящего в силе противника. Однако сценарий «проигравший–проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически не известным истории вариантом стратегии. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они знают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший–проигравший» в рамках долгосрочной стратегии «проигравший–выигравший». В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Неизбежность тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими или правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использование ядерного оружия, могут спровоцировать другую сторону на его применение. Этот же эффект может сказываться и на личном составе вооруженных сил, работниках спецслужб, сотрудниках дипломатического корпуса, не говоря уже о лицах, имеющих техническую возможность привести в действие оружие массового уничтожения. Как справедливо заметил бывший и. о. председателя КГБ СССР Л. В. Шебаршин, «выбирая между действием и бездействием, разведчики всегда отдают предпочтение первому. Это не всегда благоразумно, бывают ситуации, где выгоднее не проявлять активности» (Шебаршин, 1992; цит. по: Демидов, Дудин, 2008, с. 15).

Таким образом, целенаправленно сформированная субъективная убежденность в высокой вероятности и неизбежности тотального уничтожения может привести к эскалации конфликта даже без реальных на то оснований. В отличие от довольно широкого выбора возможных стратегий в обычной войне (включая возможность временно сдать на милость победителя), в столкновении крупных ядерных держав по большому счету есть только два варианта действий: «выигравший–выигравший» или «проигравший–проигравший».

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Bassett, 2007). К психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, – например, в свя-

зи с терактом или другими неконтролируемыми человеком событиями, – относятся стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост ингруппового фаворитизма и аутистической дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg et al., 1986; Greenberg, 2008). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или западной/восточной цивилизации. Тем не менее, самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, человечеством, – характерная для личности или целенаправленно сформированная, – может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Еще одной психологической особенностью ядерного противостояния является *виртуальность ядерной угрозы*: отсутствие широкого применения ядерного оружия, ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля за его созданием и распространением. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощность зарядов сегодня крайне трудно, оценками масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войн и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза слабо присутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей. С одной стороны, неосвязаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой стороны, она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, т. е. для приумножения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Виртуальность ядерной угрозы повышает зависимость оценки ситуации от различного рода когнитивных эвристик, личностных черт и эмоционального состояния лиц, принимающих решения. Не стоит забывать при этом, что «под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже

частично эффективная противоракетная система может породить у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отбить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи» (Кокошин, 2009, с. 69).

Кроме того, важной особенностью ядерного сдерживания и стратегической безопасности в целом является тот факт, что они основаны на отношениях *доверия*, а не на уверенности. Если уверенность предполагает защищенность, независимость и возможность контроля за действиями другой стороны, то доверие связано с уязвимостью одной или обеих сторон. Еще одна отличительная черта доверия состоит в том, что оно имеет личностный характер: мы можем быть уверены в безличной политической системе, но доверяем мы людям или социальным группам с их мотивами, свободой воли и т. д.

Разрушительность ядерного оружия и фатальность последствий «ядерной зимы» для мировой цивилизации, все более изощренные и доступные способы его доставки на территорию противника, а также расширение клуба ядерных держав сделали всех субъектов международных отношений, во-первых, уязвимыми и, во-вторых, взаимозависимыми.

Как известно, стратегическая стабильность – это состояние неспособности сторон нанести такой упреждающий удар, который позволит вывести из строя подавляющую часть ядерных сил другой стороны, способных нанести ответный удар возмездия (там же, с. 65). *С психологической же точки зрения, стратегическая стабильность основана на доверии по расчету*, т. е. на ожидании, что другая сторона не считает для себя выгодным нанесение первой ядерного удара, даже если ее действия невозможно проконтролировать. Особенностью доверия как психологического феномена является переживание уязвимости и невозможности контроля за действиями другой личности или группы. Такая уязвимость связана с высокой неопределенностью возможности нанесения ракетно-ядерного удара, способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Наличие невозможности снизить степень неопределенности до достаточно убеждающего уровня для обеих сторон имеет важные последствия для достижения стратегической стабильности и соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров: «Повышенная

степень неопределенности для обеих сторон действует в направлении повышения устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот <...>. И одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор» (там же, с. 66).

Особенно важно учитывать тот факт, что межличностное и межгрупповое *доверие в отношениях по поводу ядерных вопросов формируется в условиях постоянно колеблющегося уровня субъективного риска*. Исследования в области психологии доверия показывают, что с ростом уровня риска критерии доверия могут меняться (Нестик, Изюмова, 2005; Изюмова, 2009). Можно предположить, что в критической ситуации, т. е. при высокой вероятности нанесения ядерного удара, готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от других критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (например, по поводу ядерных программ Ирана и Северной Кореи). Критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска являются психологическим содержанием так называемого «динамического диапазона» (или запаса устойчивости). Как известно, «наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах, <...> для выработки умелых и гибких подходов к формулировкам договоренностей» (Кокошин, 2009, с. 64).

Доверие сторон друг к другу и субъективный уровень риска являются психологическими факторами повышения сторонами «порогов» своей готовности к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса, вплоть до момента, когда одна из них начинает рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия (там же, с. 4, 87). Одним из ярких и поучительных примеров реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г. (Микоян, 2006).

Уровень субъективного риска может влиять и на оценку сторонами масштабов приемлемого ущерба, допустимости использования того или иного вида стратегического оружия, выбор мишеней для нанесения удара. Все это делает задачу изучения зависимости доверия и особенностей восприятия ситуации от субъективного уровня риска одним из важных и перспективных направлений в психологии ядерного противостояния.

О значимости психологических особенностей политических лидеров для формирования и проявления специфики ядерного противостояния

Наконец, психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой зависимостью стратегических решений от психологических особенностей небольшого числа лиц. Если вопросы ядерного разоружения и контроля над распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Одна из сложностей обеспечения стратегической стабильности (помимо материальной основы ядерного сдерживания) «состоит в том, что люди, формулирующие политические установки <...>, не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же „под рукой“ необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Кокошин, 2009, с. 20). Нехватка объективной информации усиливает влияние психологических особенностей ситуации, а также личностных черт руководителей.

Следует принимать во внимание и подверженность первых лиц влиянию со стороны своего ближайшего окружения, – людей, психологические характеристики и состояние которых могут иметь важное значение. Не случайно Г. Аллисон, обосновывая свою теорию бюрократического принятия решений, приходит к выводу о том, что политика национальной безопасности США определяется организационными процедурами и интересами различных административных лиц, а не рациональным выбором и целями президентов (Allison, 1971). К таким лицам относятся руководители силовых структур, начальник Генштаба и ряд его заместителей, различного ранга помощники и советники: «Многие из них формально не имеют отношения к политико-военным проблемам, особенно ядерным, но на деле могут в кризисной обстановке, как учит опыт истории, иметь не меньшее влияние, чем те, кому положено по должности готовить решение высшего руководства и обеспечивать его реализацию» (Кокошин, 2003, с. 6). С одной стороны, это лишний раз подтверждает общепризнанную роль межличностных отношений в малой группе, процессов внутригрупповой динамики и особенностей группового принятия решений. С другой стороны, это указывает

на значимость структурных и содержательных аспектов социальной сети межличностных контактов, пронизывающих коридоры власти и выходящих далеко за пределы правительства. В критической ситуации судьба мира может зависеть от способности управленческой команды быстро найти необходимых экспертов, т. е. от личных знакомств, часто неформальных связей.

Завершая анализ психологических особенностей ядерного противостояния, хотелось бы подчеркнуть, что для их учета при принятии стратегических решений необходима разработка (и наличие) «национальной системы кризисного управления»*, содержащей отработанные механизмы† урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций и включающей в себя, прежде всего, высший государственный уровень, разведслужбы, «цепочку» управления вооруженными силами от стратегического до тактического уровня, органы дипломатии, а также экспертов, в число которых должны бы войти и психологи.

Состояние исследований психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания

В отечественной социальной психологии проблематика ядерной угрозы затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в связи с восприятием населением угрозы радиоактивного заражения (Хашченко, 2002; Мельницкая, 2009; Прох и др., 2009). За исключением немногочисленных работ, посвященных психологии мира в целом

* «Важность наличия такой системы кризисного управления до сих пор не дооценивается ни учеными, ни в государственном аппарате, в политическом классе в целом. Эта тема остается практически без внимания в отечественной конфликтологии, <...> что связано со слабо выраженной традицией проведения серьезных политологических (можно добавить, и политико-психологических. – А. Ж., Т. Н., В. С.) исследований с использованием крупных массивов эмпирических данных» (Кокошин, 2009, с. 89).

† По существу это стратегия (или механизмы) управления публичными демонстрациями готовности одной стороны противодействовать эскалации доминирования другой стороны. Такие демонстрации являются важной стороной искусства «стратегического жеста» и включают в себя, кроме военно-стратегических, психологические составляющие (выбор оптимального времени демонстрации, форма подачи этих жестов в СМИ, запрограммированные «утечки информации» и др.).

(например, см.: Рощин, Соснин, 1995; Кольцова, Нестик, Соснин, 2006), международное ядерное противостояние специально отечественными психологами не анализировалось. Напротив, в зарубежной социальной психологии проблематика ядерной войны и ядерного сдерживания активно разрабатывалась на протяжении последних 30 лет.

Можно выделить как минимум две основные причины такого положения в отечественной науке. Во-первых, изучение психологических аспектов гонки вооружений если и проводилось по заказу государства, то в рамках «закрытой» тематики; результаты таких работ имели статус «для служебного пользования» и не публиковались открыто. Во-вторых, недостаточное развитие социальных механизмов гражданского общества в нашей стране препятствовало возникновению психологии ядерного сдерживания как самостоятельного научного направления, активно развиваемого психологами по собственной инициативе.

Первые исследования психологических аспектов ядерного противостояния относятся к 1960-м годам. Так, например, внимание социальных психологов уже тогда привлекла к себе роль «образа врага» в формировании политики ядерного сдерживания (Bronfenbrenner, 1961). Специалисты по психологии конфликта включились в поиски методов снижения международной эскалации в ядерную эпоху (Deutsch, 1962). По заказу Министерства обороны США также изучались психологические последствия ядерного удара. В частности, исследователей интересовало психологическое состояние людей, длительное время находящихся в убежище.

В более общем виде психологические аспекты ядерной войны затрагивались в работах политологов и экономистов корпорации RAND, получивших впоследствии название «теории ядерного сдерживания первой и второй волны».

Начало первой волне положил отчет Йельского института международных исследований, подготовленный в 1946 г. под руководством Бернарда Броуди (*The Absolute Weapon*, 1946) командой исследователей в составе Ф. Данна, П. Корбетта, А. Уольферса и У. Фокса. Несмотря на наличие других аналогичных работ (Hawley, Leifson, 1945; Davidson, 1946; Browne, 1946; и др.), именно данный отчет стал первой попыткой комплексного анализа политических последствий наличия и применения ядерного оружия. Б. Броуди, прозванный «американским Клаузевицем», одним из первых показал, что назначение ядерного оружия состоит не в его применении, а в устра-

шении самой возможностью ядерного удара (*The Absolute Weapon...*, 1946; Brodie, 1959). Иными словами, еще до начала последовавшей с 1949 г. гонки ядерных вооружений стало очевидно, что атомные бомбы являются прежде всего «психологическим оружием».

Вторая волна публикаций в области теории ядерного сдерживания, опиравшаяся в значительной степени на математические модели и теорию игр, относится к периоду работы Б. Броуди и его коллег в корпорации RAND (с 1951 по 1966 гг.). Основными идеологами теории ядерного сдерживания стали аналитики RAND, имевшие большое влияние на Пентагон: Г. Кан, А. Вольстеттер, У. Кауфман, Т. Шеллинг и др.

Концепции «второй волны» строились на трех ключевых принципах: 1) противник обязательно воспользуется возможностью нанести удар и расширить свое геополитическое влияние; 2) сдерживать агрессию можно через убеждение противника в том, что удар по своим последствиям менее выгоден, чем статус-кво; 3) противник должен быть уверен не только в способности нанести ответный удар, но и в решимости политиков сделать это (*Military Policy...*, 1956; Wohlstetter, 1959; Kahn, 1961). Одним из психологических следствий из данных положений была предложенная Томасом Шеллингом концепция «рациональности иррационального»: сдерживание будет эффективным только в том случае, если удастся убедить противника в том, что обороняющаяся сторона достаточно иррациональна, чтобы нажать на кнопку и запустить процесс всеобщего уничтожения (Shelling, 1966). Иными словами, психологические факторы (воспринимаемая противником угроза, уверенность в его готовности к решительным действиям) имеют более важное значение для сдерживания, чем реально имеющийся технический и ядерный потенциал.

В большинстве своем теоретики корпорации RAND не участвовали в боевых действиях Второй мировой войны. Опираясь на модель рационального выбора и математическую теорию игр, они имели весьма отдаленное представление о психологических особенностях поведения людей на войне, а также во время чреватых войной кризисов. Возможно, это послужило одной из причин их стремления довести свои сценарии до логического конца и просчитать «невозможное». Так родилась концепция «гарантированного взаимного уничтожения», согласно которой необходимо создать объективные военно-технические условия, которые, будучи принятыми во внимание при математических расчетах, убедят потенциального противника в возможности ответного удара, несущего возмездие. Автором

концепции стал Герман Кан, ведущий аналитик RAND и влиятельный футуролог. Он пришел к выводу о том, что сдерживание будет успешным лишь в том случае, если считать победу в ядерной войне возможной и готовиться к ней заранее. По мнению Г. Кана, часть населения и государственные структуры могут выжить после ядерной войны, как это уже было после эпидемии «черной смерти» в средневековой Европе. Аппетиты враждебных ядерных государств может умерить лишь гарантия выживания США в ядерной войне. Для этого необходимы не только мощный, хорошо защищенный ядерный арсенал, но и системы противоракетной и гражданской обороны, своего рода «Ноев ковчег», способный пережить «ядерную зиму». Впервые сформулированная Г. Каном, эта концепция получила свое второе дыхание в начале 1980-х годов в работах профессора Колина Грея, являвшегося в то время советником администрации президента США (Gray, Payne, 1980).

В настоящей статье нет возможности подробно рассматривать многочисленные опровержения возможности выживания в ядерной войне, с которыми выступили в 1980-е годы как зарубежные, так и отечественные ученые (Чазов и др., 1982; Александров, Моисеев, 1984; Голицын, Гинзбург, 1986; Гинзбург, 1987; Климатические и биологические последствия..., 1987; Питток и др., 1988), в том числе межведомственная группа академика Е. П. Велихова. В первую очередь нас будет интересовать то, как на политологические концепции ядерного сдерживания реагировала психологическая наука.

Психологические работы, посвященные гонке ядерных вооружений в 1970–1980-е годы, в значительной степени строились на критике классических теорий ядерного сдерживания, предполагающих абсолютную рациональность принятия решений в ходе международного конфликта. Оказалось, что решение о приобретении ядерного оружия и нанесении удара могут быть связаны с большим количеством когнитивных и мотивационных искажений на индивидуальном и групповом уровне, способных привести к катастрофическим ошибкам (Tetlock et al., 1991; Allison, 1971; George, 1980; Herek et al., 1987; Pfiffner, 2005). Данные когнитивные искажения будут подробно рассмотрены нами далее в связи с индивидуально-психологическими факторами ядерного сдерживания.

Пик интереса психологов к проблемам гонки ядерных вооружений приходится на вторую половину 1980-х годов. В это время активно обсуждается роль психологов в борьбе за ядерное разоружение и необходимость освещения рисков ядерной войны в СМИ

(Fabick, 2007; Christie, 2003, 2006; Wagner, 1985, 1988, 2001; Blumberg, 1998; Blight, 1988; Morawski et al., 1985). В это же время появляются несколько монографий, обобщающих данные эмпирических исследований в области когнитивных аспектов сдерживания, психологических последствий ядерной угрозы, психологии поведения людей, выживших после ядерного удара (Jervis et al., 1985; Barsh, Lipton, 1985; Psychological Aspects of Nuclear War, 1985; Psychology and the Prevention of Nuclear War..., 1986; Kull, 1988). Лейтмотивом всех этих работ является вывод о том, что политики ошибочно оценивают силы противника, его намерения и готовность к применению ядерного оружия (Jervis et al., 1985).

Наиболее многочисленными в эти годы оказались эмпирические исследования восприятия ядерной угрозы рядовыми американцами и молодежью различных стран. Были разработаны методы психотерапевтической помощи при детских страхах ядерной войны (Early-Adams et al., 1990), а также специальные методики оценки отношения личности к применению ядерного оружия (Chandler, 1991; Mayton, 1988; Newcomb, 1989).

Большинство данных методик являются стандартизированными психологическими опросниками, состоящими из утверждений, степень согласия с которыми предлагается оценить по 5- или 7-балльной шкале Лайкерта: «Для обеспечения безопасности нашей страны необходимо производить как можно больше ядерного оружия»; «Мне кажется, что в течение ближайших 10 лет может быть ядерная война»; «Я думаю, что у меня есть шанс выжить в ядерной войне»; «Создание ядерного оружия – эффективное средство устрашения»; «В ядерной войне победить невозможно» и т. п.

Эти опросники измеряют убеждения и установки по отношению к ядерным проблемам в целом и к созданию ядерного оружия (Zweigenhaft, 1985; Johnson, 1985; Mayton, 1988; Newcomb, 1986; Hamilton et al., 1986b); отношение к ядерной войне (Larsen, 1985; Nelson, Slem, 1984); степень осведомленности о ядерных вопросах (Zweigenhaft, 1985; Kierulff, Zippin, 1985); оценку эффективности борьбы за безъядерный мир и готовность в ней участвовать (McClenney, Neiss, 1984; Werner, Roy, 1985; Schofield, Fox, 1987).

В ходе разработки и стандартизации этих методик выявлялась и эмпирическая структура представлений американцев о ядерной угрозе, отраженная в результатах факторного анализа и соответствующих шкалах. Так, например, состоящая из 27 пунктов методика Р. Цвайгенхафта измеряет представления о вероятности и степени

разрушений, возможности выживания в ядерной войне, а также уровень тревоги по поводу ее начала (Zweigenhaft, 1985). Исследование структуры представлений о ядерной войне в массовом сознании позволило Д. Мейтону разработать методику со шкалами «Гражданская безопасность», «Эскалация войны», «Последствия ядерной войны», а также «Вероятность войны и связанные с ней тревоги» (Mayton, 1988). Л. Нельсон и Ч. Слемом была разработана методика для изучения отношения к различным стратегиям в области ядерного вооружения (Nuclear Weapons Policies Questionnaire, NWPQ). Утверждения опросника сгруппированы в несколько блоков: «Контроль за ядерными вооружениями», «Озабоченность поддержанием ядерного превосходства», «Намерения СССР в области контроля над ядерными вооружениями», «Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана», «Вероятность войны», «Последствия войны», «Озабоченность возможностью ядерной войны» и «Замораживание ядерных вооружений» (Nelson, Slem, 1984).

Для измерения тревоги в связи с возможностью ядерной войны М. Ньюкомб разработал «Опросник отношения к ядерным проблемам» (Nuclear Attitudes Questionnaire, NAQ), включающий в себя такие шкалы, как «Озабоченность ядерными проблемами», «Поддержка создания ядерного вооружения», «Страх будущего» и «Отрицание важности ядерных проблем» (Newcomb, 1986).

Особый интерес представляет методика под названием «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton et al., 1986b). Ее авторами были выделены такие ориентации, как: 1) романтизм, т. е. вера в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта; 2) гедонизм, т. е. убеждение, что, пока не началась ядерная война, нужно жить настоящим и получить от жизни как можно больше; 3) стоицизм, т. е. вера в то, что война неизбежна, но часть человечества выживет; 4) поддержка устрашения, т. е. убеждение, что войны можно избежать благодаря наращиванию ядерного арсенала; 5) альтруистический фатализм, т. е. признание своей неспособности предотвратить ядерную войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя; 6) поддержка разоружения, т. е. вера в возможность предотвратить войну силами общественности; 7) теизм, т. е. вера в то, что «все в руках Господа»; 8) элиминационизм, т. е. убеждение, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли опережающим ядерным ударом; 9) надежда

на выживание, т. е. вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну.

После спада популярности ядерной темы у психологов в 1990-е годы, связанного с прекращением холодной войны, число соответствующих публикаций снова стало расти в 2000-е годы (Berejikian, 2002; Frey, 2006; Нуманс, 2006; Paul, 2009). Находясь под влиянием теории идентичности и социального конструкционизма, эти работы подчеркивают роль социокультурных и социокогнитивных процессов, влияющих на эффективность ядерного сдерживания. Также все большее внимание уделяется не только политологическим, но и психологическим аспектам ядерного терроризма (Khripunov, 2006; Кокошин, 2004; Аллисон, 2007).

Психологические факторы эффективности ядерного сдерживания, как и любые другие социально-психологические феномены, могут быть систематизированы в соответствии с уровнями социально-психологического анализа: внутриличностным, межличностным, внутригрупповым, межгрупповым и социетальным (см. рисунок 1). При этом хорошо заметна существенная диспропорция в количестве исследований: внутриличностные и групповые факторы значительно более изучены, чем межличностные, межгрупповые и социетальные.

Среди *внутриличностных, индивидуально-психологических факторов* эффективности ядерного сдерживания следует выделить когнитивные и мотивационные искажения, а также особенности личности политика, принимающего решения. На принятии решений в условиях ядерного противостояния сказываются такие когнитивные эффекты, как самоуверенность в правильности своего решения, фундаментальная атрибутивная ошибка, недооценка сделанных противником уступок (Tetlock et al., 1991).

Эффект самоуверенности в своих суждениях и прогнозах проявляется в избыточном оптимизме и преувеличении своей способности контролировать ситуацию. В международных отношениях этот эффект выражается в стремлении политика сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств (Jervis, 1976). Например, И. В. Сталин в 1941 г. закрывал глаза на очевидные факты, ошибочно полагая, что гитлеровская Германия не начнет войну в ближайшее время. Точно так же израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во вре-

мя праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имевшуюся оперативную информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению (Lebow, 1981). Ярким примером может служить решение США о введении вооруженных сил в Афганистан, а также российские военные компании в Чечне. Сверхуверенность тесно связана с устойчивостью стереотипов и предубеждений. Например, предубеждение политиков Израиля в отношении абсолютной враждебности арабского мира подтолкнуло их к приобретению и созданию ядерного оружия.

Еще одной когнитивной ловушкой при принятии решений по ядерным вопросам может быть метафора «эскалации напряженности», вызывающая в воображении лестницу, по которой стороны в любой момент могут сделать шаг вверх или вниз (Tetlock et al., 1991). Иными словами, политики могут переоценивать свою способность влиять на ситуацию, идя на поводу и используемых ими в речи метафор. Использование метафор и аналогий не только способствует более глубокому пониманию международных процессов, но и часто приводит к ошибочным выводам. Например, принимая решение о вторжении во Вьетнам в 1965–1973 гг., американские руководители опирались на ошибочную аналогию с войной в Корее в 1950–1953 гг. (Khong, 1992).

Фундаментальная ошибка атрибуции состоит в том, что при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Росс, Нисбетт, 1999). А ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо наращивать вооруженные силы, либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров. С учетом этой «дилеммы безопасности» (Jervis, 1978) политикам крайне трудно отличить государство, принимающее защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют с целью самозащиты и думают, что это известно всем остальным.

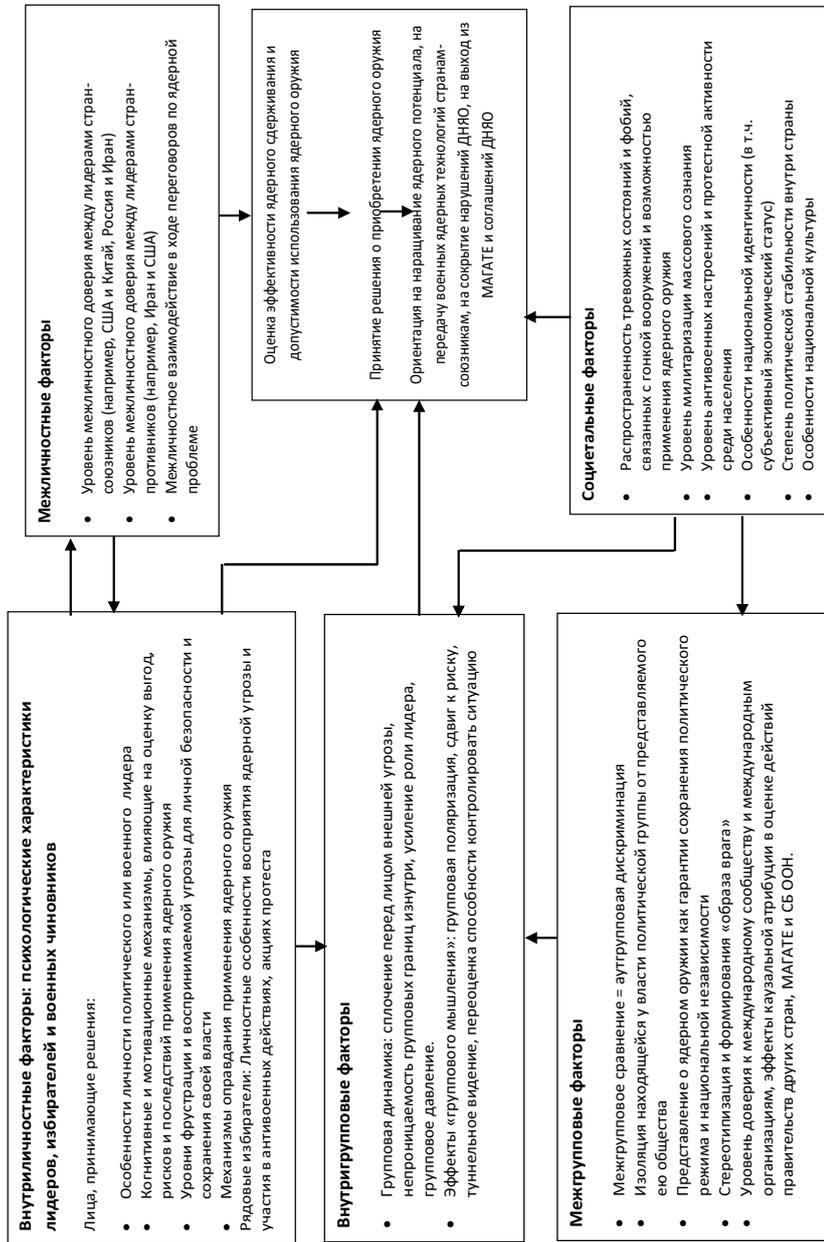
Эффект недооценки уступок, известный также под названием *реактивной девальвации уступок*, наиболее часто проявляется в пере-

говорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Получив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равноценным предложением или добивается от уступившего еще большего (Neale, Bazerman, 1992; Левицкий и др., 2006). Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг к другу: неосознаваемое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование «стратегических жестов» в виде повышения уровня боеготовности ядерных сил.

Среди мотивационных искажений большое значение может иметь стремление оправдать свои решения задним числом: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара, решение может быть принято в пользу нападения, так как стремление к самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у США не сдержало СССР от размещения ракет на Кубе, а его наличие у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов (Lebow, 1983). Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе (Allen, 1993).

Не менее существенными для международной безопасности и ядерного сдерживания могут быть личностные особенности отдельных политиков. Так, например, анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверты более склонны к поиску компромиссных решений, чем интроверты (Ethredge, 1978; Shepard, 1988). Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Sternberg, Soriano, 1984).

Например, авторитарность лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти (Адорно, 2001; Adorno et al., 1950). Экспериментальное исследование Б. Альтмейера, все испытуемые которого характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показало, что,

играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правила «мы не трогаем вас, а вы – нас». Высокие консерватизм и этноцентризм удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Однако, когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к власти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг с другом, однако, стремясь расширить свое влияние, подталкивали мир к ядерной войне (Altemeyer, 2003). Было обнаружено, что лидеры с националистической социальной идентичностью более эмоциональны при принятии стратегических решений и более ориентированы на приобретение или создание ядерного оружия как способа защиты национальных интересов (Humans, 2006).

Индивидуально-психологические различия могут влиять и на восприятие ядерной угрозы рядовыми избирателями. На это указывает целая серия эмпирических исследований отношения подростков и студентов к ядерной войне (Garatti, Rudnitski, 2007; Blumberg, 1998; Colman, 1997; Columbus, 1993; Dodds, Chong-de, 1993; Stewart, 1988; Wallinga et al., 1991). Известно, что, по сравнению с женщинами, мужчины более терпимо относятся к использованию ядерного оружия (Silverman, Kumka, 1987), а степень осведомленности о ядерной войне прямо связана с пессимистическими оценками возможности выживания после нее (Zweigenhaft et al., 1986). Согласно эмпирическим исследованиям, противники ядерного разоружения более склонны полагаться на мнение экспертов, более склонны опасаться противника, считать его бесчестным и не заслуживающим доверия, при этом активисты прекращения гонки вооружений представляются им глупыми и непатриотичными (Feshbach, White, 1986).

Факторами страха ядерной войны являются: уровень тревожности, низкая самооценка и подверженность воздействию СМИ (Poikolainen et al., 1998), низкая оценка субъективного благополучия и низкий самоконтроль (Mayton, 1986); отсутствие жизненных целей и неудовлетворенность жизнью, страх перед будущим (Newcomb, 1986); ориентация на ценности универсализма, доброжелательности, безопасности и конформности (Boehnke, Schwartz, 1997); влияние пола, возраста и принадлежности к тревожному типу А (Wilkins, Lewis, 1993); пол, недоверие к правительству и интерес к международным отношениям (Russo, Lyon, 1990); конформность и узорь/

широта круга общения (Newcomb, 1988); влияние пола и уровня религиозности (Mayton, 1986).

Большое количество исследований было посвящено индивидуально-психологическим факторам участия личности в акциях протеста против гонки ядерных вооружений (Fox-Cardamone et al., 2000). Изучалась мотивация участников антиядерного движения (Axelrod, Newton, 1991; Waldron et al., 1988), а также причины подъема антиядерного движения в Канаде и США в начале 1980-х и его упадка в конце 1980-х (Silverman, 1991). Была обнаружена связь субъективного экономического статуса и веры в возможность повлиять на вероятность ядерной войны (Hamilton et al., 1986a). Готовность к участию в общественном движении за разоружение связана с такими факторами, как оценка вероятности ядерной войны и вера в эффективность коллективных акций протеста (McKenzie-Mohr et al., 1992), уровень морального развития личности (Van Ijzendoorn, 1987), влияние просмотра видеофильмов и телепередач (McClenney, Neiss, 1989; Schofield, Pavelchak, 1989; Kulman, Akamatsu, 1988; Gunn, Horvath, 1987). Отказ от участия в антиядерных акциях протеста связан с представлением о невозможности повлиять на ситуацию личными усилиями и с эффектом выученной беспомощности (Fuld, Nevin, 1988).

Межличностные факторы эффективности ядерного сдерживания проявляются, прежде всего, в отношениях между главами стран и мало изучены. Влияние межличностного восприятия и установок на стратегические решения подтверждается изучением психологических аспектов международных переговоров (Gaerling et al., 2000), моделированием переговоров в диаде по поводу гонки вооружений (Simon, 2004), а также ролью межличностного доверия в разрешении Карибского кризиса (Sergeev et al., 1990).

Среди *внутригрупповых факторов* ключевую роль играют эффекты «группового мышления», впервые обнаруженные в ходе Карибского ядерного кризиса (Janis, 1972). Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями и нравственными качествами совместно могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное решение, по сравнению с решениями, которые они бы приняли порознь. Такие факторы, как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы подталкивают членов группы к необдуманному и крайне рискованному решению. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое

давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также известный *феномен сдвига к риску*. Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти на атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль, и т. д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую в более мягкой, менее категоричной ее форме разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем экстремисты, с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее еще к более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации, эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы, т. е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе. Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов (например, вступление вооруженных сил Китая в Корею 25 октября 1950 г., решение Белого дома о высадке десанта в заливе Свиней на Кубе 17 апреля 1961 г. и т. д.). Роль внутригрупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса (Sakamoto, Hoshiro, 2006), а также при моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений (Altemeyer, 2003).

Еще одним групповым фактором гонки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия (Pilisuk, 1999). Религиозные представления о неизбежности Судного дня также могут влиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил (Kierulff, 1992).

К межгрупповым факторам гонки вооружений и ядерного сдерживания относятся такие феномены, как межгрупповое сравнение, групповая идентичность, эффекты аутгрупповой дискриминации и ингруппового фаворитизма. Искаженное межгрупповое восприятие является одним из основных факторов гонки ядерных вооружений. Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как «дилемму заключенного», а как «перцептивную дилемму» (Plous, 1993).

Первоначально в изучении конфликтов широко использовалась теория игр и принцип максимизации полезности, тогда как психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей ядерного противостояния, разработку которых в 1960–1980 гг. финансировали американские военные структуры и администрация НАТО, наибольшую популярность получила игра «дилемма заключенного». Название игра получила по своей первоначальной версии. В ней заключенные стоят перед дилеммой: выдать тайну своего напарника и сократить срок своего заключения или договориться о молчании и немедленно выйти на свободу. Применительно к гонке вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав: 1) взаимное разоружение обеих сторон, 2) наращивание вооружения Россией при разоружении США, 3) наращивание вооружения США при разоружении России, 4) взаимное наращивание вооружений. Математические расчеты показывают, что обеим сторонам выгоднее наращивать вооружения независимо от того, какую стратегию выбирает соперник (Brams, 1985). Между тем, поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений, «дилемма заключенного» выглядит как «дилемма восприятия»: 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение; 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться; 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению (Plous, 1993).

В условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формиру-

ется образ врага, противники превращаются в «нелюдей», по отношению к которым выглядит оправданным использование любых средств уничтожения (Солдатова, 1998; Zimbardo, 2007).

Наконец, *социетальные*, т. е. относящиеся к обществу в целом, факторы эффективности ядерного сдерживания связаны прежде всего с тем, что при принятии решений в области ядерной безопасности политикам приходится учитывать давление со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также влияние СМИ и общественного мнения (Allison, 1971; Fiske et al., 1983). Влияние на массовое сознание в своей стране и в других странах является одним из действенных психологических инструментов ядерного сдерживания.

В целом приходится констатировать, что наиболее изученными в настоящее время являются внутриличностные и внутригрупповые психологические факторы ядерного сдерживания, тогда как межличностный, межгрупповой и социетальный уровни анализа освоены в значительно меньшей степени.

* * *

Итак, нами была предпринята попытка обоснования нового для отечественной психологии направления исследований – социальной психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности. Описано проблемное и предметное поле данного научного направления, показаны связи психологических проблем ядерного сдерживания с более общими проблемами социальной психологии, выделен тезаурус, намечены наиболее перспективные темы дальнейших исследований, а также сформулирован научно-практический смысл разрабатываемого направления.

Проведенный нами анализ психологической проблематики ядерного сдерживания позволяет сделать следующие *основные выводы*.

По мере совершенствования стратегических вооружений, увеличения диспропорций в их потенциале у ядерных держав, а также ускоряющегося распространения ядерного оружия, психологические аспекты ядерного сдерживания становятся *не менее важными* для обеспечения стратегической стабильности, чем собственно техническое превосходство.

Предметным полем психологии ядерного противостояния являются психологические закономерности гонки ядерных вооружений, индивидуальные и групповые психологические характеристики, влияющие на решения о сокращении ядерного оружия, его созда-

ния и распространения, отношение к его применению и к возможным последствиям ядерной войны. В качестве объекта психологии ядерного сдерживания могут выступать личность, малые и крупные социальные группы (от диады до нации и мирового сообщества), их поведение и деятельность, процессы межличностного и межгруппового взаимодействия, связанные с созданием, распространением и использованием ядерного оружия.

К психологическим феноменам и механизмам, влияющим на стратегическую стабильность, можно отнести психологические особенности взаимодействия типа «проигрыш–проигрыш», субъективный характер ядерной угрозы и механизмы ее восприятия, формирование межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях риска, особенности принятия решений и ведения переговоров в кризисных ситуациях, социально-психологические закономерности межгруппового восприятия, механизмы формирования отношения к использованию ядерного оружия в массовом сознании.

Можно выделить пять основных групп психологических факторов, влияющих на рост и распространение ядерных вооружений, а также на готовность их использовать: внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, межгрупповые и социетальные.

В заключение нам хотелось бы обозначить ряд важных тем, относящихся к *перспективным направлениям исследований в этой области*.

Во-первых, это выявление социально-психологических особенностей лиц, принимающих политико-стратегические решения в области ядерного сдерживания, и оценка их возможного влияния на принятие стратегических решений как в ходе переговоров в кризисных ситуациях, так и при проведении международной политики в целом. Перспективными являются исследования, направленные на уточнение той роли, которую играют в принятии стратегических решений эмоциональные состояния, индивидуальные стратегии совладания со стрессом, интуиция, особенности личной и социальной идентичности.

Во-вторых, важной задачей является дальнейшее уточнение психологической специфики ведения переговоров по вопросам стратегической стабильности с другими международными субъектами этого процесса. Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска. Также крайне мало

изученным остается влияние кросс-культурных различий на ход переговоров о нераспространении и сокращении ядерного оружия. В частности, требует уточнения влияние на принятие решений в условиях эскалации ядерного противостояния таких культурных характеристик, как коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, ориентация на долгосрочные отношения. В связи с ростом опасности ядерного терроризма не менее важным является изучение влияния этнокультурной идентичности и стремления ее сохранить на готовность к несимметричному ответу, когда ядерное оружие используется как защита от заведомо более сильного противника, угрожающего интересам и ценностям той или иной этнической группы.

В-третьих, требует дальнейшей разработки проблема управления психологическими аспектами принятия групповых решений и специфики работы группы кризисного управления при выработке стратегических решений в области ядерного сдерживания. Несмотря на обилие литературы, посвященной групповому мышлению и защитным групповым механизмам, все еще недостаточно исследованными остаются факторы, влияющие на способность управленческой команды извлекать уроки из предшествующего опыта, анализировать отдаленные последствия стратегических решений. Также мало изученным является влияние социальной сети руководителя на его решения, в частности, воздействие структуры межличностных отношений, круга общения на восприятие противника и исходящей от него ядерной угрозы, на допустимость применения ядерного оружия.

В-четвертых, большое теоретическое и прикладное значение имеет изучение социально-психологических факторов, влияющих на отношение крупных социальных групп к ядерной угрозе, а также на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Перспективными в этой связи являются исследования в области медиапсихологии, а также работы, посвященные коллективной памяти и социальным страхам.

При этом в ближайшее время нам представляется необходимым сосредоточить усилия на разработке нескольких наиболее важных, на наш взгляд, научно-исследовательских проблем, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Во-первых, это психологические особенности особого типа межличностного и межгруппового взаимодействия «*проигравший–проигравший*», мало изученного в отечественной и зарубежной психологии, – вза-

имодействия, целью или наиболее вероятным исходом которого является взаимный проигрыш, вплоть до полного взаимоуничтожения. Во-вторых, это *социально-психологические аспекты ядерного терроризма*, т. е. использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа. В-третьих, это *психологические особенности восприятия в массовом сознании ядерной угрозы*, связанной с международной напряженностью и терроризмом, влияние различных социальных страхов и коллективного образа будущего на представления о допустимости использования ядерного оружия. В-четвертых, одной из первоочередных задач является изучение *психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска* в ходе принятия стратегических решений и в ходе переговоров.

Литература

- Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
- Александров В. В., Моисеев Н. Н. Ядерный конфликт глазами климатологов и математиков // Вестник АН СССР. 1984. № 11. С. 65–76.
- Аллисон Г. Т. Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. Пер. с англ. М.: ЛКИ, 2007.
- Гинзбург А. С. Планета Земля в «послеядерную эпоху». М.: Наука, 1987.
- Голицын Г. С., Гинзбург А. С. Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1986. С. 78–93.
- Демидов В. В., Дудин В. В. Процесс принятия политических решений. Новосибирск: САУМК, 2008.
- Изюмова И. В. Критерии доверия клиентов к организации при разной субъективной оценке риска для здоровья: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2009.
- Климатические и биологические последствия ядерной войны / Под ред. Е. П. Велихова. М.: Наука, 1987.
- Кокошин А. А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: УРСС, 2004.
- Кокошин А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: Кранд, 2009.
- Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке: Типы, формы, возможные участники. М.: Медиа-Пресс, 2003.

- Кольцова В. А., Нестик Т. А., Соснин В. А. Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Левещкий Р., Сандерс Д., Барри Б., Минтон Дж. Самое главное о переговорах. М.: ФОРУМ, 2006.
- Мельницкая Т. Б. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.
- Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. СПб.: Academia, 2006.
- Нестик Т. А., Изюмова И. В. Социально-психологический анализ доверия к медицинским учреждениям // Научный поиск: Сборник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей. Выпуск 6. Ярославль, 2005. С. 208–213.
- Питток Б., Акерман Т., Крутцен П., Мак-Кракен М., Шапиро Ч., Турко Р. Последствия ядерной войны: Физические и атмосферные эффекты. М.: Мир, 1988.
- Прох В. Э., Марченко Т. А., Рыбников В. Ю., Мельницкая Т. Б. Информационно-психологическая безопасность населения территорий с объектами ядерной энергии: Учебн. пособие. Дубна: Изд-во Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2009.
- Роцин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6.
- Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Хащенко Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2002.
- Чазов Е. И., Ильин Л. А., Гуськова А. К. Опасность ядерной войны. Точка зрения советских ученых-медиков. М.: АПН, 1982.
- Шебаршин Л. В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992.
- Ядерное распространение: Новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

- Abrams D., Wetherell M. S., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. C.* Knowing What To Think By Knowing Who You Are: Self-Categorization and the Nature of Norm Formation, Conformity and Group Polarization // *British Journal of Social Psychology*. 1990. P. 97–116.
- Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N.* The Authoritarian Personality. NY: Harper and Row, 1950.
- Allen B. P.* Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // *Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. Issue 4. P. 459–467.
- Allison G.* Essence of Decision. Boston: Little Brown and Co, 1971.
- Altemeyer B.* What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2003. V. 3. Issue 1. P. 161–169.
- Axelrod L. J., Newton J. W.* Preventing Nuclear War: Beliefs and Attitudes as Predictors of Disarmist and Deterrentist Behavior // *Journal of Applied Social Psychology*. 1991. V. 21. Issue 1. P. 29–40.
- Barsh D. P., Lipton J. E.* The Caveman and the Bomb: Human Nature, Evolution and Nuclear War. NY: McGraw-Hill, 1985.
- Bassett J. F.* Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Berejikian J. D.* A Cognitive Theory of Deterrence // *Journal of Peace Research*. 2002. V. 39. №2. P. 165–183.
- Blight, James G.* Can psychology help reduce the risk of nuclear war? Reflections of a «Little Drummer Boy» of Nuclear Psychology // *Journal of Humanistic Psychology*. 1988. V. 28. P. 7–58.
- Blumberg H. H.* Peace psychology after the Cold War: A selective review // *Genetic, Social and General Psychology Monographs*. 1998. V. 124. Issue 1. P. 5–37.
- Boehnke K., Schwartz Sh. H.* Fear of War: Relations to Values, Gender, and Mental Health in Germany and Israel // *Peace and Conflict*. 1997. V. 3. Issue 2. P. 149–165.
- Brams S. J.* Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959.
- Bronfenbrenner U.* The mirror image in Soviet-American relations: A social psychologist's report // *Journal of Social Issues*. 1961. V. 17. P. 45–56.
- Browne M.* The Atom and the Way. L.: Gollanez, 1946.

- Chandler M. A.* Developing a measure of nuclear war anxiety: a factor analytic study // *Humboldt Journal of Social Relations*. 1991. V. 16. Issue 2. P. 39–64.
- Christie D. J.* Opposing Ideologies on the Immutability of Human Behavior and Social Systems // *Peace and Conflict*. 2003. V. 9. P. 333–337.
- Christie D. J.* What is Peace Psychology the Psychology of? // *Journal of Social Issues*. 2006. V. 62. P. 1–17.
- Colman A.* Attitudes and Opinions // *Youth Studies Australia*. 1997. V. 16. Issue 1. P. 3.
- Columbus P. J.* Attitudes about reality and college students' opinions about nuclear war // *Psychological Reports*. 1993. V. 73. Issue 1. P. 249–250.
- Davidson M.* The Mid-Twentieth Century Atom. L.: Hutchinson, 1946.
- Deutsch M.* Psychological alternatives to war // *Journal of Social Issues*. 1962. V. 18. P. 97–119.
- Dodds J., Chong-de L.* Chinese teenagers' concerns about the future: A cross-national comparison // *Journal of the American Medical Association*. 1993. V. 269. Issue 11. P. 1378.
- Early-Adams P., Wallinga Ch., Skeen P., Paguio L. P.* Coping in the Nuclear Age: The Practitioner's Role // *Families in Society*. 1990. V. 71. Issue 9. P. 558–562.
- Etheredge L.* Personality Effects on American Foreign Policy, 1898–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // *American Political Science Review*. 1978. V. 72. P. 434–451.
- Fabick St. D.* Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US and THEM // *Journal for Social Action in Counseling and Psychology*. 2007. V. 1. Issue 1. P. 72–81.
- Feshbach S., White M. J.* Individual Differences in Attitudes Towards Nuclear Arms Policies: Some Psychological and Social Policy Considerations // *Journal of Peace Research*. 1986. V. 23. №2. P. 129–139.
- Fiske S. T., Fischhoff B., Milburn M. A.* Images of Nuclear War: An Introduction // *Journal of Social Issues*. 1983. V. 39. №1. P. 1–6.
- Fox-Cardamone L., Hinkle St., Hogue M.* The Correlates of Antinuclear Activism: Attitudes, Subjective Norms and Efficacy // *Journal of Applied Social Psychology*. 2000. V. 30. Issue 3. P. 484–498.
- Frey K.* Nuclear Weapons as Symbols: The Role of Norms in Nuclear Policy Making // *IBEI Working papers*. 2006. №3. P. 4–19.
- Fuld K., Nevin J. A.* Why Doesn't Everyone Work to Prevent Nuclear War? A Decision Theory Analysis // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. Issue 1. P. 59–65.

- Gaerling T., Kristensen H., Backenroth-Ohsako G., Ekehammar B., Wesells M. G. Diplomacy and Psychology: Psychological Contributions to International Negotiations, Conflict Prevention and World Peace // *International Journal of Psychology*. 2000. V. 35 (2). P. 81–86.
- Garatti M., Rudnitski R. A. Adolescents' views on war and peace in the early phases of the Iraq conflict // *Adolescence*. 2007. V. 42. Issue 167. P. 501–523.
- George A. Presidential Decision Making in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder, Colo.: Westview, 1980.
- Gray C. S., Payne K. Victory Is Possible // *Foreign Policy*. 1980. № 39, P. 14–27.
- Greenberg J. Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. Issue 1. P. 48–55.
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh. The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory // *Public Self and Private Self* / R. F. Baumeister (Ed.). NY: Springer-Verlag, 1986. P. 21–62.
- Gunn W. D., Horvath P. The Effects of an Anti-Nuclear War Film on Attitudes toward Nuclear Issues // *Journal of Psychology*. 1987. V. 121. Issue 6. P. 615–622.
- Hamilton S. B., Knox Th. A., Keilinwilliam G. Relationship Between Family Socioeconomic Status and Cognitive/affective Responses to The Threat of Nuclear War // *Psychological Reports*. 1986a. V. 58. Issue 1. P. 247–250.
- Hamilton S. B., Chavez E. L., Keitlin W. G. Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive/emotional responses // *International Journal of Mental Health*. 1986b. № 15, P. 189–207.
- Hawley G. G., Leifson S. W. Atomic Energy in War and Peace. NY: Reinhold Publishing Co., 1945.
- Herek G. M., Janis I. L., Huth P. Decision Making During International Crises // *Journal of Conflict Resolution*. 1987. V. 31. Issue 2. P. 203–226.
- Hymans J. E. C. The Psychology of Nuclear Proliferation. Identity, Emotions, and Foreign Policy. Massachusetts: Smith College, 2006.
- Janis Ir. L. Victims of Groupthink. Boston: Houghton Mifflin Company, 1972.
- Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma // *World Politics*. 1978. V. 30. № 2. P. 167–214.
- Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976.

- Jervis R., Lebow R. N., Stein J. G. Psychology and Deterrence. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1985.
- Johnson R. D. From ground zero to a year after The Day After: Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. Los Angeles, 1985. August.
- Kahn H. On Thermonuclear War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961.
- Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- Khripunov I. The Social and Psychological Impact of Radiological Terrorism // *The Nonproliferation Review*. 2006. V. 13. № 2. P. 275–316.
- Kierulff S. Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age // *Journal of Humanistic Psychology*. 1992. V. 32. Issue 4. P. 92–107.
- Kierulff S., Zippin D. Nuclear attitudes: Beliefs, knowledge and opinions regarding nuclear weapons: Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. Los Angeles, 1985. August.
- Kull St. Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflicts of Defense Policymakers. NY: Publisher Basic Books, 1988.
- Kulman I. R., Akamatsu T. J. The Effects of Television on Large-Scale Attitude Change: Viewing “The Day After” // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. Issue 13. P. 1121–1132.
- Larsen K. S. Attitudes toward nuclear disarmament and their correlates // *Journal of Social Psychology*. 1985. 125 (1). P. 17–21.
- Lebow R. N. Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
- Lebow R. N. Miscalculation in the South Atlantic: British and Argentine Intelligence Failures in the Falkland Crisis // *Journal of Strategic Studies*. 1983. № 6. March. P. 1–29.
- Mayton D. M. Measurement of Nuclear War Attitudes: Methods and Concerns // *Basic and Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. Issue 4. P. 241–263.
- Mayton D. M. Spontaneous concern About Nuclear War by College Students // *Basic and Applied Social Psychology*. 1986. V. 7. Issue 3. P. 185–193.
- McClenney J. T., Neiss R. Responses to the threat of nuclear war: An experimental study of attitudes: Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. Toronto, 1984. August.

- McClenney L., Neiss R. Psychological Responses to the Threat of Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1989. Part 1. V. 19. Issue 15. P. 1239–1267.
- McKenzie-Mohr D., McLoughlin J. G., Dyal J. A. Perceived Threat and Control as Moderators of Peace Activism: Implications for Mobilizing the Public in the Pursuit of Disarmament // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1992. V. 2. Issue 4. P. 269–280.
- Morawski J. G., Goldstein Sh. E. Psychology and Nuclear War: A Chapter in Our Legacy of Social Responsibility // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Issue 3. P. 276–345.
- Neale M., Bazerman M. Negotiator cognition and rationality: A behavioral decision theory perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1992. V. 51. P. 157–175.
- Nelson L., Slem C. Attitudes about arms control and effects of The Day After: Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. Toronto, 1984. ERIC Document Reproduction Service No ED 257699.
- Newcomb M. D. Assessment of Nuclear Anxiety Among American Students: Stability Over Time, Secular Trends and Emotional Correlates // *Journal of Social Psychology*. 1989. V. 129. Issue 5. P. 591–608.
- Newcomb M. D. Nuclear Anxiety and Psychological Functioning Among Young Adults // *Basic and Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. Issue 2. P. 107–134.
- Newcomb M. D. Nuclear Attitudes and Reactions: Associations With Depression, Drug Use and Quality of Life // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. Issue 5. P. 906–920.
- Paul T. V. The tradition of non-use of nuclear weapons. Stanford, California: Stanford University Press, 2009.
- Pfiffner J. P. Presidential Decision Making: Rationality, Advisory Systems and Personality // *Presidential Studies Quarterly*. 2005. V. 35. P. 217–228.
- Pilisuk M. Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Revie*. 1999. V. 11. Issue 4. P. 597–600.
- Plous S. The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journal of Peace Research*. 1993. V. 30. № 2. P. 163–179.
- Poikolainen K., Kanerva R., Lönnqvist J. Increasing fear of nuclear war among adolescents before the outbreak of the Persian Gulf War // *Nordic Journal of Psychiatry*. 1998. V. 52. Issue 3. P. 197–202.
- Pruitt D., Rubin J. *Social Conflict: Escalation, Stalemate and Settlement*. New York: Random House, 1986.

- Psychological Aspects of Nuclear War* / J. A. Thompson (Ed.). Chichester – NY: John Wiley and Sons Inc, 1985.
- Psychology and the Prevention of Nuclear War: A Book of Readings* / R. White (Ed.). NY: New York University Press, 1986.
- Russo Th. J., Lyon M. A. Predictors of College Students' Levels of Knowledge and Concern about Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1990. Part 2. V. 20. Issue 9. P. 739–750.
- Sakamoto T., Hoshiro H. Simulating the Process of Policy Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Conference Papers – International Studies Association. Annual Meeting*. 2006. P. 1–32.
- Schelling Th. C. *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Schofield J., Fox D. L. An experimental study of anti-nuclear war reactions // Paper presented at the annual meeting of the International Society of Political Psychology. San Francisco, 1987. July.
- Schofield J. W., Pavelchak M. A. Fallout From The Day After: The Impact of a TV Film on Attitudes Related to Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1989. V. 19. Issue 5. P. 433–448.
- Sergeev V. M., Akimov V. P., Lukov V. B., Parshin P. B. Interdependence in a Crisis Situation // *Journal of Conflict Resolution*. 1990. V. 34. Issue 2. P. 179–207.
- Shepard G. H. Personality Effects on American Foreign Policy, 1969–1984: A Second Test of Interpersonal Generalization Theory // *International Studies Quarterly*. 1988. № 32. P. 91–123.
- Silverman A. Research in Social Movements: Where have all the peace activists gone? // *Conflicts and Change*. 1991. V. 13. P. 153–170.
- Silverman J. M., Kumka D. S. Gender Differences in Attitudes Toward Nuclear War and Disarmament // *Sex Roles*. 1987. V. 16. Issue 3/4. P. 189–203.
- Simon M. W. Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test // *International Interactions*. 2004. V. 30. Issue 1. P. 69–85.
- Sternberg E. J., Soriano L. J. Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47. P. 115–126.
- Stewart G. A. The Relationship Between Adolescents' Concern Over the Threat of Nuclear War and Several Personality Dimensions // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1988. V. 20. Issue 4. P. 452–460.
- Tetlock Ph. E., McGuire Ch. B., Mitchell G. Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V. 42. P. 239–276.

- The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / B. Brodie (Ed.). NY: Harcourt Brace, 1946.
- Van Ijzendoorn M.* Moral judgment and concern about nuclear war // *Youth and Society*. 1987. V. 18. Issue 3. P. 283–301.
- Wagner R. V.* Distinguishing between Positive and Negative Approaches to Peace // *Journal of Social Issues*. 1988. V. 44. Issue 2. P. 1–15.
- Wagner R. V.* Psychology and The Threat of Nuclear War // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Issue 5. P. 531–535.
- Wagner R. V.* Tribute to Milton Schwebel, Editor par Excellence // *Peace and Conflict*. 2001. V. 7. Issue 3. P. 197–200.
- Waldron I., Baron J., Frese M., Sabini J.* Activism Against Nuclear Weapons Build-up – Student Participation in the 1984 Primary Campaigns // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. Issue 10. P. 826–836.
- Wallinga Ch., Boyd B. J., Skeen P., Paguio L. P.* Children and Nuclear War // *Childhood Education*. 1991. V. 67. Issue 4. P. 260–264.
- Werner P. D., Roy P. J.* Measuring activism regarding the nuclear arms race // *Journal of Personality Assessment*. 1985. V. 49. P. 181–186.
- Wilkins R., Lewis Ch.* Sex and drugs and nuclear war: secular, developmental and Type A influences upon adolescents // *Journal of Adolescence*. 1993. V. 16. Issue 1. P. 23–41.
- Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. V. 37. № 2. P. 211–234.
- Zimbardo Ph.* *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. NY: Random House, 2007.
- Zweigenhaft R. L.* Providing information and shaping attitudes about nuclear damages: Implications for public education // *Political Psychology*. 1985. V. 6. P. 461–480.
- Zweigenhaft R. L., Jennings Ph., Rubinstein St. C., Van Hoorn J.* Nuclear Knowledge and Nuclear Anxiety: A Cross-Cultural Investigation // *Journal of Social Psychology*. 1986. V. 126. Issue 4. P. 473–484.

ОТНОШЕНИЕ К НЕЭТИЧНОЙ РЕКЛАМЕ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ

А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко

В настоящее время, когда информационные потоки рекламного характера становятся все более интенсивными и изощренными, все больше маскируются под обыденную реальность (вирусная реклама, тизеры, инсталляции, рекламные флеш-мобы и т. д.*), проблема психологической безопасности такого воздействия на личность становится все более острой. Она поднимается в работах А. С. Горбунова, Ф. Котлера, А. Б. Купрейченко, А. Н. Лебедева-Любимова, В. С. Поляковой, Е. Е. Прониной и др. (Горбунов, 2000; Котлер, 1999; Купрейченко, 2004; Лебедев-Любимов, 2002; Полякова, 2003; Пронина, 2000).

Реклама в современном обществе относится к числу факторов социализации, она закрепляет и легитимирует новые социальные отношения (Костина, Макаревич, Карпухин, 2006). Социализирующие эффекты телевидения особенно сильно сказываются на зрителях, проводящих много времени у экрана и обладающих скудной

* Вирусная реклама – реклама, запущенная создателями в печатные и электронные СМИ и распространяемая самими ее реципиентами друг другу посредством интернет-ссылок, устных рассказов о ней. Тизер – рекламное сообщение без указания рекламодача и рекламируемого товара/услуги, содержащее часть информации о нем, построенное как загадка и вызывающее любопытство аудитории. Инсталляция – пространственная композиция, созданная из различных элементов и представляющая собой художественное целое. Рекламная инсталляция использует рекламируемый продукт и его атрибуты, свойства. Флеш-моб – спланированная групповая акция в общественном месте. Ее участники выполняют заранее оговоренные абсурдные действия, кажущиеся зрителям спонтанными и вызывающие у них интерес, непонимание и т. п., а затем расходятся как ни в чем не бывало.

альтернативной информацией и небогатым релевантным жизненным опытом (Харрис, 2002). По данным А. Н. Лебедева (<http://www.lebedev-lubimov.ru>), респонденты считают, что в рекламе приемлемо то, что менее допустимо в реальной жизни. Таким образом, происходит неосознанное изменение социальных норм. Психологическое воздействие рекламы, сюжеты или действия персонажей которой являются примерами нарушения нравственных норм, представляет серьезную опасность для личности, различных групп и общества в целом. В результате такого воздействия субъект может начать повторять неэтичное поведение персонажей рекламы, у него постепенно притупится чувствительность к неэтичным поступкам других людей, будет ослабевать самоконтроль и саморегуляция сдерживания неэтичного поведения, и, наконец, итоговым результатом может стать формирование образа социального мира, в котором неэтичное поведение является нормой.

В то же время, по данным Х. Кафтанджиева, те, кого не возмущают откровенные сцены в фильмах, журналах и т. п., могут быть возмущены такими сценами в рекламе, если они будут продемонстрированы в неподходящее время в неподходящем месте (Кафтанджиев, 2008), т. е. аудитория рекламы не является пассивным реципиентом оказываемого воздействия и способна оказывать сопротивление неприемлемым явлениям. Таким образом, отдельные свойства личности способны выступить мощным оградительным «барьером» против негативного воздействия неэтичной рекламы и послужить внутренней основой психологической безопасности личности. Как показали наши специальные исследования, такими свойствами являются высокий уровень саморегуляции, позитивное нравственное самоопределение, развитый эмоциональный интеллект и др. (Купрейченко, Воробьева, 2007; Воробьева, 2010). Этапы жизненного пути и принадлежность к определенным социально-демографическим группам также являются важными факторами, опосредствующими опасное влияние неэтичной рекламы. Можно предположить, что более взрослые респонденты, а также респонденты, обремененные ответственностью за семью и детей, в большей степени осознают общественную опасность неэтичной рекламы и одновременно более защищены от ее негативного воздействия.

Оценить психологическую опасность или безопасность для личности воздействия рекламы, содержащей примеры неэтичного поведения, можно по ряду показателей отношения к ней. В частности, по уровню готовности повторять действия персонажей рекламно-

го ролика, по степени идентификации с ними, по представлениям о соответствии или несоответствии этих действий этическим нормам, по представлениям о модальности отношения к такой рекламе значимого окружения и т. д. Эти показатели наряду с другими были включены в авторскую методику оценки психологических показателей эффективности рекламы, на которой основана программа представляемого исследования.

Цель исследования: выявить особенности отношения к неэтичной рекламе у представителей различных социально-демографических групп молодежи.

Мы предположили, что отношение к рекламе, содержащей примеры неэтичного поведения, будет отличаться у представителей различных социально-демографических групп молодежи. В этом состояла *основная гипотеза исследования*. На ее основе были сформулированы следующие *частные гипотезы*:

1. Отношение к неэтичной рекламе у мужчин и женщин различается в зависимости от вида такой рекламы.
2. Молодежь старших возрастных групп (24–29 и 30–35 лет) характеризуется более негативным отношением к неэтичной рекламе.
3. Молодежи, имеющей семью и детей, свойственно негативное отношение к неэтичной рекламе.
4. Молодежи, вовлеченной только в один тип занятости (учеба или работа), свойственно более негативное отношение к неэтичной рекламе, чем молодежи, вовлеченной в два типа занятости одновременно (и учеба, и работа).
5. Молодежь с более высоким образовательным уровнем наиболее негативно относится к неэтичной рекламе.

Концептуальные основы исследования

Психологическая безопасность рекламы – это отсутствие психологического вреда реципиенту, причиняемого любым видом рекламы. Опасность для психики представляют воздействия, блокирующие способность адекватно реагировать на жизненные обстоятельства, анализировать информацию и делать осознанный выбор, а также снижающие сопротивляемость внешнему давлению, лишаящие чувства индивидуальности, личностной ценности (Пронина, 2000; Солодова, Курбацкая, 2010). По мнению Т. С. Кабаченко, никто не ставит себе задачу целенаправленного негативного воздействия

через СМИ на других людей, – это происходит в результате неумелого использования лингвистических средств, неудачного стечения обстоятельств и других причин (Кабаченко, 2001).

Многочисленное воздействие СМИ на протяжении продолжительного времени постепенно меняет наше представление о мире и социальной реальности (Харрис, 2002; Schellenberg, 1970). Происходит унификация взглядов людей посредством конструирования «фактов» о реальном мире, которые зрители видят на телеэкране.

А. С. Горбунов отмечает следующие негативные последствия влияния средств массовой коммуникации на личность:

- ограничение свободы через формирование потоков информации без участия личности;
- подавление воли (пропаганда потребительства и разврата подавляет положительные волевые мотивы личности);
- отбор и искажение информации (СМИ доносят до адресата только ту информацию, которая им выгодна по политическим, коммерческим или иным соображениям);
- «стандартизация бытия личности» (формирование единых норм и образцов поведения) и «массовизация» (потеря индивидуальности). Стандартизация ценностей и норм позволяет использовать в дальнейшем для влияния на различные группы людей унифицированные средства, что значительно облегчает подобное воздействие. А. С. Горбунов отмечает, что реклама зачастую навязывает личности ложные потребности, ценности и установки, дезориентирует волевые усилия, актуализирует иррациональные страхи и инстинкты. Еще один негативный феномен воздействия СМИ и рекламы – «духовная наркотизация». Он заключается в том, что СМИ предоставляют личности «примитив в наиболее легко усвояемой форме», который вызывает втягивание и привыкание (Горбунов, 2000).

С точки зрения Е. Е. Прониной, реклама способна приводить к психофизиологическим изменениям (утомление нервных центров, нарушение процессов возбуждения и торможения, изменение сердечного ритма и т. д.) (Пронина, 2000). Использование в рекламе ритмов, интонаций, монотонных пульсаций, свойственных первичным музыкальным жанрам и воспроизводящих основные биологические ритмы, бытовые ритмы движения, позволяет манипулировать физиологическими функциями объекта воздействия (Костина, Макаревич, Карпухин, 2006, с. 32–33). Часто при создании

таких рекламных роликов в погоне за зрелищностью создателями не учитываются особенности психофизиологии восприятия. Резкая и частая смена кадров, особенно от среднего плана к крупному, ассоциируется с вторжением в персональное пространство зрителя и может вызывать отрицательные эмоции, а движение по диагонали справа налево и снизу вверх – смутные негативные ощущения (Мокшанцев, 2000). Кроме того, аффектогенные (необычные, гиперболические, вычурные) стилистические фигуры усиливают эмоциональное давление, и, как следствие, могут стать причиной стресса (Пронина, 2000). При демонстрации натуралистических подробностей убийства, нанесения телесных повреждений, насилия, издевательств, аморальных действий синхронизируются либо состояние страха, либо агрессии (стремления воспроизвести, повторить), либо то и другое сразу. Стремление повторить особенно велико у детей и подростков вследствие силы импульсивных реакций подражания и слабости критических, тормозных функций сознания (Гордякова, 2003; Пронина, 2000). Длительная демонстрация насилия по телевидению может приводить к:

- более агрессивному поведению;
- уменьшению числа факторов, сдерживающих агрессию;
- притуплению чувствительности к агрессии;
- формированию образа социальной реальности, на котором основываются многие из таких действий (Бэрон, Ричардсон, 1997; Латынов, Латынова, 2002; Латынова, 1996; Хелл, Зиглер, 1997).

Соответственно, как было отмечено выше, демонстрация в СМИ неэтичного поведения персонажей может приводить к аналогичным последствиям. Некоторые представители зрительской аудитории начнут повторять неэтичное поведение персонажей рекламы, снизится саморегуляция в сдерживании неэтичного поведения, притупится чувствительность к неэтичным поступкам других людей, и, наконец, сформируется образ мира, в котором неэтичное поведение является нормой.

Непосредственное обращение к биологической природе человека при одновременном отрицании существующих табу в виде моральных норм, которые призваны охранять права других членов социума, угрожает социальной адекватности и личностной целостности человека, чьи нравственные установки таким образом отрицаются. Обращение к биологически напряженным потребностям человека (сексуальному влечению, страху смерти, физической боли, телес-

ных повреждений и т. п.) наносит личности двойной ущерб. С одной стороны, человек, в сущности, лишается охранительной функции социальных норм, оказываясь один на один со своими инстинктами и, вследствие этого, может утратить самоконтроль. С другой стороны, пытаясь сохранить внутренние табу, человек оказывается в ситуации морального насилия, поскольку принужден созерцать то, что противоречит его нравственным установкам (Пронина, 2000).

Е. Е. Пронина выделяет следующие виды манипуляции, используемые в современной рекламе:

- форс-мажорная и форс-минорная презентация;
- эмоциональное давление с использованием аффектогенных образов;
- превышение ресурсов сознания;
- искажение логики доказательства;
- снятие запретов;
- актуализация страха смерти;
- дискредитация самоидентичности;
- дискредитация групповой идентичности;
- цинизм;
- кощунство (Пронина, 2000).

Отчасти сходный перечень манипулятивных приемов, разрушающих психику потребителя, дает Л. Л. Геращенко:

- упоминание негативных ситуаций;
- угрозы здоровью потребителей;
- использование звуков, имитирующих симптомы болезни;
- откровенные сцены или намеки на насилие, побои, издевательства, смерть;
- манипуляция подавленными, подсознательными потребностями, на которые наложен моральный запрет социума;
- дискредитация идеалов общества;
- посягательство на самоуважение человека;
- обещание быстрого достижения эйфории;
- использование «двойного стандарта» в аргументации, чтобы вызвать доверие потребителя;
- подпороговое воздействие, скрытое внушение, например, использование 25-го кадра (Геращенко, 2006). В настоящее время большинство ученых рассматривают эффект 25-го кадра как мистификацию. Такого рода вставки играют роль подсказки при выборе, но не внушают реципиенту не существовавшие

у него ранее потребности. Однако большинство потребителей и рекламодателей верят в исключительный психологический эффект «25-го кадра», поэтому он запрещен соответствующей статьей Федерального закона «О рекламе» (Лебедев-Любимов, 2002).

Проанализировав наиболее типичные образцы современной российской и зарубежной рекламы, мы выявили основные ее виды, являющиеся неэтичными. Основаниями для выделения нижеследующих видов рекламы служат неэтичные средства и методы воздействия на аудиторию. В рассмотренной нами литературе не было обнаружено подобных способов систематизации рекламы. Согласно предлагаемой классификации, неэтичной является реклама, которая:

- использует навязчивое вторжение в личное информационное пространство потребителей (частая повторяемость, навязчивость, прерывание интересных передач, повышенная громкость);
- содержит сюжеты, слова и образы (агрессивные, циничные, вызывающе-сексуальные), нарушающие принятые в обществе этические нормы;
- размещена в контексте, в котором она воспринимается как несоответствующая общепринятым нормам (изображения обнаженной или полуобнаженной натуры рядом с храмом и т. п.);
- рекламирует товары и услуги, не являющиеся полезными для человека (игорный бизнес; табак, алкоголь, пищевые продукты, содержащие вредные химические соединения);
- содержит слова, образы и действия персонажей, пропагандирующие вредные привычки и нездоровый образ жизни;
- предоставляет неверную, преувеличенную информацию о качествах рекламируемого товара;
- использует неэтичные приемы воздействия на потребителей (манипуляцию, внушение);
- применяет обман и подлог при рекламной демонстрации свойств товара;
- предоставляет информацию, порочащую товары конкурентов (Купрейченко, Воробьева, 2003).

Некоторые из перечисленных видов были изучены эмпирически. Ниже будут представлены результаты исследования рекламы, сюжеты и образы которой нарушают сложившиеся в обществе этические нормы.

Если обобщить негативные последствия воздействия массовой коммуникации, виды неэтичной рекламы, виды манипулятивных приемов в рекламе и прочее вышеописанное, то можно выделить следующие признаки *психологически опасной рекламы* (см. таблицу 1):

Соответственно, реклама может считаться *психологически безопасной* в том случае, если она:

- правдива;
- не использует подпороговое воздействие, внушение;
- создает адекватное характеру сообщения психоэмоциональное состояние;
- пропагандирует здоровый образ жизни, полезные привычки;
- демонстрирует поведение, соответствующее принятым в обществе нормам морали;
- уместна в контексте;
- ненавязчива.

Важным дискуссионными вопросами в этой связи являются вопросы о неизбежном присутствии манипуляции и внушения в любой рекламе. Следовательно, встает проблема допустимых форм и степеней таких способов воздействия. Не менее сложна проблема определения степени и границ допустимого негативного эмоционального фона в социальной рекламе. Речь идет о демонстрации устрашающих или вызывающих отвращение образов и сюжетов в рекламе, призывающей к безопасному вождению автомобилей, направленной против СПИДа, наркотиков, призывающей к бдительности при противостоянии терроризму и другим общественным угрозам и т. д.

Таким образом, проблема неэтичной рекламы, этического регулирования деятельности рекламистов встает перед специалистами-психологами. Рекламу, не нарушающую нравственные нормы, отстаивают, руководствуясь интересами общества и будущих поколений, представители «адвертологического» подхода. Так, неэтичные рекламные сюжеты, с точки зрения А. Н. Лебедева-Любимова, не способны конкурировать с культурно развивающими реципиента сюжетами (Лебедев-Любимов, 2002). Разработаны приемы для выявления психологически небезопасной рекламы, например, экспертная оценка проективного рассказа (Е. Е. Пронина), позволяющая выявить аффективные конфликты и степень их патогенности (используется и другими исследователями, например, Е. А. Солодовой, Т. Б. Курбатской). Наряду с этим практически актуальны и способы противостояния рекламной манипуляции: Л. Л. Герасенко предла-

Таблица 1
Признаки психологически опасной рекламы

Психологические		
Информационные	Ценностные	Эмоциональные
превышение ресурсов сознания; навязчивость; неверная информация о товаре; обман и подлог при демонстрации свойств товара; порочащая информация о товарах конкурентов; использование «двойных стандартов» в аргументации; подпороговое воздействие, скрытое внушение (25-й кадр и др.)	цинизм; кощунство; обещание легкого достижения эйфории; ломка табу; сюжеты, слова и образы, нарушающие нравственные нормы; размещение в контексте, в котором она воспринимается как несоответствующая общепринятым нормам; дискредитация идентичности; посягательство на самоуважение	форс-мажорная или форс-минорная презентация; использование аффектогенных образов
Поведенческие		
демонстрация слов, образов и действий персонажей; пропагандирующих вредные привычки и нездоровый образ жизни; демонстрация опасного поведения		
Психофизиологические*		
использование быстрого ритма; использование звуков болезни; поощрение зависимостей.		

* Необходимо пояснить, что к психофизиологическим признакам опасной рекламы нами были отнесены приемы воздействия, изменяющие нормальное функционирование организма, а к информационным признакам – приемы, нарушающие естественный ход переработки информации человеком.

гает избегать рекламного воздействия (выключать телевизор во время рекламной паузы), избегать сосредоточения на единственном источнике света (смотреть телевизор при включенном в том же помещении ярком источнике света), избегать СМИ (на несколько дней прекращать смотреть телевизор) (Геращенко, 2006).

Негативное воздействие, которое оказывает неэтичная реклама на потребителей, не заставит ее создателей отказаться от использования «умеренной» дозы страха и «слабых» манипулятивных воздействий, таких как сексуальные или агрессивные образы, преувеличенные обещания, назойливые повторы и т. д. Рекламисты используют эти методы и приемы по той причине, что такая реклама оказывает наиболее эффективное психологическое воздействие. Другое дело, если психологическое давление целевой группой воспринимается негативно. Это найдет отражение в когнитивных, эмоциональных, поведенческих и других показателях психологической эффективности рекламы. Если же целевая группа хорошо воспринимает, например, сексуальную или агрессивную рекламу, то ее можно считать психологически эффективной, но социально спорной. В этом случае необходимо ввести ограничения по размещению рекламы, чтобы защитить от нежелательного воздействия представителей других социальных групп. Заказчики должны быть заинтересованы выполнить эти рекомендации. В противном случае они могут столкнуться с негативными последствиями для имиджа марки, с давлением общественности или даже с судебными исками (Байкова, Купрейченко, 2005).

Программа исследования

Для сбора эмпирических данных применялась авторская методика оценки психологических показателей эффективности рекламы (Воробьева, 2010; Журавлев, Купрейченко, 2007), в основу которой легли методика, предложенная Л. В. Матвеевой и Т. Я. Аникеевой для оценки восприятия телевизионных передач (Матвеева, Аникеева, Мочалова, 2002), и современное понимание психологической эффективности рекламного сообщения, предложенное Е. Ю. Байковой и А. Б. Купрейченко (Байкова, Купрейченко, 2005). Авторская методика представляла собой набор из 28 биполярных шкал (см. ниже структуру методики), по которым респондентам предлагалось оценить каждый рекламный ролик. Каждая шкала включала пять градаций ответов:

- 1 – сильно выражено свойство, которое находится на левом полюсе шкалы;
- 2 – слабо выражено свойство, которое находится на левом полюсе шкалы;
- 3 – не выражены свойства, находящиеся ни на правом, ни на левом полюсах шкалы;
- 4 – слабо выражено свойство, которое находится на правом полюсе шкалы;
- 5 – сильно выражено свойство, которое находится на правом полюсе шкалы.

Структура авторской методики

Когнитивный компонент: Непонятная–Понятная, Оригинальная–Неоригинальная, Реалистичная–Нереальная, Современная–Несовременная, Дешевая–Дорогая, Привлекает внимание – Не привлекает внимания, Соответствует товару – Не соответствует товару, Запоминается продукт – Не запоминается продукт, Товар кажется хорошим–Товар не кажется хорошим, Вызывает доверие–Не вызывает доверия.

Эмоциональный компонент: Притягивающая–Отталкивающая, Огорчающая–Радующая, Раздражающая–Успокаивающая, Сексуальная–Асексуальная, Смешная–Несмешная.

Поведенческий компонент: Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять, Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар, Хочется досмотреть рекламу – Не хочется досмотреть рекламу, Рекомендую другим посмотреть этот ролик – Не рекомендую другим смотреть этот ролик.

Идентификация: Персонажи близки – Персонажи не близки, Герои вызывают симпатию – Герои вызывают антипатию, Ролик понравится моим друзьям – Не понравится моим друзьям, Понимаю чувства героев – Не понимаю чувств героев.

Этичность/неэтичность: Приличная–Неприличная, Пошлая–Порядочная, Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев, Поведение героев, неприемлемое в обществе – Поведение героев, приемлемое в обществе, Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям.

При помощи данной методики оценивались неэтичные рекламные ролики из российского ТВ-эфира, содержащие сюжеты, слова и образы, нарушающие принятые в обществе этические нормы: вызывающе-сексуальные, агрессивные, циничные (подрывающие

наиболее значимые отношения и общечеловеческие ценности, в частности, доверие к окружающим людям) (по 3 каждого вида). Необходимо отметить, что, по нашему мнению, сексуальная реклама в целом не является заведомо неэтичной. Она может быть эстетичной, романтической, но может быть и грубой или вызывающей, оскорбляющей общественную нравственность. Для данного исследования была отобрана вызывающе-сексуальная реклама, так как такая реклама представляет собой безвкусно-грубую интерпретацию отношений двух полов. Отбор эмпирического материала осуществлялся экспертами (3 чел.), занимающимися исследованием нравственно-психологических феноменов. Экспертам было предложено 26 рекламных роликов, которые нужно было классифицировать по 4 группам:

- вызывающе-сексуальный;
- агрессивный;
- циничный;
- не относится ни к одной из названных категорий.

В итоге для использования в исследовательских целях в каждой из трех категорий были отобраны те ролики, которые получили голоса всех экспертов.

Объект исследования: молодежь в возрасте 18–35 лет (103 чел.). Из них мужчин – 46 чел., женщин – 57 чел. Выборка была разделена на 3 возрастные группы: 18–23 года – 40 чел.; 24–29 лет – 33 чел.; 30–35 лет – 30 чел. Учитывался семейный статус (состоят в зарегистрированном либо гражданском браке – 35 чел.; не состоят в браке – 68 чел.), наличие детей (имеют хотя бы одного ребенка – 17 чел.; не имеют детей – 86 чел.), характер занятости (только учащиеся – 30 чел.; только работающие – 35 чел.; работающие и учащиеся одновременно – 38 чел.), образование (среднее – 18 чел.; неполное высшее – 32 чел.; высшее – 53 чел.).

Результаты исследования

Межполовые различия в отношении к неэтичной рекламе

Выявленные различия между молодыми мужчинами и женщинами в отношении к неэтичной рекламе представлены в таблице 2. Молодым женщинам вызывающе-сексуальные ролики кажутся более современными, привлекающими внимание и пошлыми, чем мужчи-

Таблица 2

Отношение к неэтичным рекламным роликам молодых мужчин и женщин (по критерию Манна–Уитни)

Шкала	Пол		Z	P
	мужчины	женщины		
Вызывающе-сексуальные ролики				
Реалистичная–Нереальная	3,37	3,12	1,82	0,07
Современная–Несовременная	2,32	1,74	2,68	0,007
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,39	1,9	2,78	0,005
Пошлая–Порядочная	2,57	2,2	2,05	0,04
Агрессивные ролики				
Современная–Несовременная	2,72	2,43	2,26	0,02
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	3,45	3,7	–1,65	0,1
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	3,79	4,07	–1,75	0,08
Пошлая–Порядочная	3,3	2,88	2,47	0,01
Циничные ролики				
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,93	2,58	1,8	0,07

нам. Агрессивные ролики также кажутся им более современными. Однако рекламируемый таким образом товар не кажется молодым женщинам хорошим, им не хочется его приобрести в большей мере, чем мужчинам. В отличие от мужчин, они считают такую рекламу в некоторой степени пошлой. Поведение героев циничных роликов в большей мере оценивается как неприемлемое в обществе женщинами, чем мужчинами. Мужчинам вызывающе-сексуальные ролики кажутся более нереальными, чем женщинам.

По-видимому, мужчины относятся к рекламе как к несерьезному развлечению, не связывая ее с рекламируемым товаром. Женщины демонстрируют большую эмоциональную включенность в просматриваемые неэтичные ролики. Они привлекают их внимание, кажутся современными. Однако агрессия в рекламе приводит к отторжению товара. Такие результаты могут объясняться большей рациональностью мужчин и их склонностью к глобальному рассмо-

трению ситуации, и женской эмоциональностью, впечатлительностью, вниманию к деталям.

Возрастные различия в отношении к неэтичной рекламе

Значимые различия в отношении к неэтичной рекламе у представителей разных возрастных групп молодежи представлены в таблице 3. Молодежь 18–23 лет наиболее лояльна к неэтичным рекламным роликам (они кажутся смешными, вызывают желание подражать персонажам, могут понравиться референтной группе, вызовут не слишком сильное осуждение со стороны родителей), несоответствие поведения персонажей общественным нормам признается только в случае циничной рекламы. Молодежь 24–29 лет оценивает неэтичную рекламу негативно (она возбуждает отрицательные эмоции, не вызывает доверия, признается неприличной, поведение персонажей такой рекламы осуждается). Молодежь 30–35 лет менее склонна к осуждению неэтичной рекламы (такая реклама признается современной, сексуальной, но при этом нереальной, идентификация с персонажами отсутствует), по сравнению с молодежью 24–29 лет (менее склонны считать неприличной вызывающе-сексуальную рекламу, меньше осуждают поведение персонажей циничной рекламы). Такое отношение к неэтичной рекламе можно охарактеризовать как несколько отстраненное.

Таким образом, выявлено нелинейное изменение отношения к неэтичной рекламе в зависимости от возраста респондентов. Возможно, это связано с влиянием фактора пола. Так, в специальном исследовании было установлено, что отношение к неэтичным явлениям у женщин с приближением к 35 годам все более негативно, а у мужчин – в 30–35 лет более позитивное, чем в 18–29 лет (Воробьева, 2010). В целом, молодежь 18–23 лет наиболее лояльна к неэтичным рекламным роликам, и, следовательно, более подвержена их негативному влиянию.

Различия в отношении к неэтичной рекламе по семейному и родительскому статусу

Выявленные значимые различия представлены в таблицах 4 и 5. Вызывающе-сексуальные ролики кажутся состоящим в браке респондентам более оригинальными, современными и сексуальными, чем респондентам, не состоящим в браке, но в то же время они в большей мере не понравятся их родителям. Агрессивная реклама оценивается ими как более нереальная, дешевая, не вызывающая

доверия, не способствующая запоминанию товара, не убеждающая в том, что товар хорош, не побуждающая приобрести товар, повторять слова и действия персонажей. Их родители будут возмущены агрессивной рекламой в большей мере. Чувства героев такой рекламы им не понятны в большей степени, чем респондентам, не состоящим в браке. Такая реклама в большей мере привлекает внимание респондентов, не состоящих в браке, но им в большей мере не близки ее персонажи, хотя такая реклама может понравиться их друзьям и считается приличной. Циничные ролики больше раздражают респондентов, не состоящих в браке, однако их друзьям может понравиться такая реклама, хотя они признают неприемлемость поведения героев рекламы в большей мере, чем респонденты, состоящие в браке (см. таблицу 4).

Вызывающе-сексуальные ролики респондентами, имеющими детей, оцениваются как более оригинальные, современные, сексуальные, создающие хорошее впечатление о товаре, вызывающие доверие, но не нравящиеся их родителям. Респонденты, не имеющие детей, оценивают агрессивные ролики как менее привлекающие внимание и асексуальные. Циничные ролики более нереальные и современные для тех респондентов, у кого есть дети (см. таблицу 5).

В целом, респонденты, имеющие семью и детей, более негативно воспринимают неэтичную рекламу, т. е. ответственность за близких людей обуславливает более критичное и осторожное отношение к психологическому воздействию социального мира.

Различия в отношении к неэтичной рекламе по типу занятости

Выявленные различия по типу занятости представлены в таблице 6. Вызывающе-сексуальные ролики наиболее понятны, современные, притягивающие, радующие, наименее пошлые для работающих респондентов. Только им понятны чувства персонажей, а их поведение приемлемо. Такие ролики в большей мере оригинальны для учащихся. Им хочется повторять слова и действия персонажей. Рекламуемый таким образом товар не кажется хорошим, реклама раздражает и не будет рекомендована к просмотру только теми, кто совмещает учебу и работу, а поведение ее героев осуждается в большей степени работающими респондентами. Для них же она наиболее несмешная, неприличная, не побуждающая к покупке, не нравящаяся родителям. Однако рекламу хочется досмотреть всем, особенно работающим респондентам.

Таблица 3
Отношение к неэтичным рекламным роликам разных возрастных групп молодежи
(по критерию Манна–Уитни)

Шкала	Возраст			Возрастные группы, различия между которыми значимы
	18–23 года (1)	24–29 лет (2)	30–35 лет (3)	
Вызывающе-сексуальные ролики				
Оригинальная–Неоригинальная	2,44	2,8	2,37	2–3*
Современная–Несовременная	2,19	2,07	1,67	1–3, 2–3*
Соответствует товару – Не соответствует товару	3,13	3,47	3,33	1–2
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	2,92	3,14	2,72	2–3
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	3,05	3,33	2,93	2–3*
Раздражающая–Успокаивающая	3,28	2,89	3,06	1–2
Сексуальная–Асексуальная	1,93	1,75	1,62	1–3*
Смешная–Несмешная	3,25	3,68	3,56	1–2
Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять	2,97	3,31	3,34	1–3
Персонажи близки – Персонажи не близки	3,34	3,65	3,64	1–3*
Герои вызывают симпатию – Герои вызывают антипатию	2,66	3,09	2,67	1–2, 2–3
Приличная–Неприличная	3,58	3,72	3,23	2–3*
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	2,86	3,15	2,79	1–2*
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,25	3,79	3,83	1–2, 1–3

Примечание: * – различия значимы на уровне тенденции (до p = 0,1).

Агрессивные ролики				
Огорчающая–Радующая	3,23	2,83	3,04	1–2
Раздражающая–Успокаивающая	2,6	2,32	2,61	1–2*
Сексуальная–Асексуальная	3,94	4,3	2,27	1–2, 1–3*
Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять слова и действия	3,95	4,2	4,46	1–3
Персонажи близки – Не близки	4,03	4,17	4,33	1–3*
Пошлая–Порядочная	3,24	2,91	3,02	1–2*
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,49	3,87	3,47	1–2*, 2–3
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,37	1,97	2,43	1–2
Циничные ролики				
Непонятная–Понятная	3,53	3,73	3,96	1–3
Оригинальная–Неоригинальная	2,24	2,72	2,19	1–2, 2–3
Реалистичная–Нереальная	3,13	2,8	3,33	2–3
Современная–Несовременная	2,68	2,84	2,29	1–3*, 2–3
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,5	2,71	2,33	2–3*
Соответствует товару – Не соответствует товару	3,02	2,73	2,86	1–2*
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	3,04	3,00	2,74	1–3*
Смешная–Несмешная	2,54	3,00	2,79	1–2*
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,51	3,47	3,07	1–3, 2–3
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,43	2,85	3,01	1–3

Таблица 4

Отношение к неэтичным рекламным роликам молодежи, состоящей и не состоящей в браке (по критерию Манна–Уитни)

Шкала	Семейный статус		Z	P
	Со-стоит в браке	Не со-стоит в браке		
Вызывающе-сексуальные ролики				
Оригинальная–Неоригинальная	2,26	2,66	–1,85	0,06
Современная–Несовременная	1,56	2,21	–3,75	0,0002
Сексуальная–Асексуальная	1,61	1,86	–1,88	0,06
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,83	3,45	2,21	0,03
Агрессивные ролики				
Реалистичная–Нереальная	3,89	3,58	1,83	0,07
Дешевая–Дорогая	2,31	2,62	–1,85	0,06
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,83	2,64	1,78	0,07
Запоминается продукт – Не запоминается продукт	3,51	3,12	2,07	0,04
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	3,85	3,46	2,44	0,01
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	3,95	3,5	2,62	0,009
Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять слова и действия	4,51	4,00	2,52	0,01
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	4,26	3,79	2,6	0,009
Персонажи близки – Персонажи не близки	3,36	4,06	1,73	0,08
Ролик понравится моим друзьям – Не понравится моим друзьям	3,31	2,84	2,04	0,04
Понимаю чувства героев – Не понимаю чувств героев	3,73	3,4	1,83	0,07
Приличная–Неприличная	3,05	2,77	1,84	0,06
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,74	3,32	2,2	0,03
Циничные ролики				
Раздражающая–Успокаивающая	2,95	2,7	2,07	0,04
Сексуальная–Асексуальная	3,34	3,69	1,67	0,1

Продолжение таблицы 4

Ролик понравится моим друзьям – Не понравится моим друзьям	3,18	2,75	1,86	0,06
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,98	2,63	1,73	0,08

Таблица 5

Отношение к неэтичным рекламным роликам молодежи, имеющей и не имеющей детей (по критерию Манна–Уитни)

Шкала	Наличие детей		Z	P
	Есть	Нет		
Вызывающе-сексуальные ролики				
Оригинальная–Неоригинальная	1,98	2,61	–2,12	0,03
Современная–Несовременная	1,56	2,07	–2,07	0,04
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	2,36	3,00	–2,80	0,005
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	2,56	3,17	–2,52	0,01
Сексуальная–Асексуальная	1,33	1,84	–2,54	0,01
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,96	3,53	1,72	0,08
Агрессивные ролики				
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,2	2,81	–2,08	0,04
Сексуальная–Асексуальная	4,6	4,09	2,29	0,02
Циничные ролики				
Реалистичная–Нереальная	3,44	3,02	1,82	0,07
Современная–Несовременная	2,24	2,68	–1,80	0,07

Агрессивная реклама наиболее оригинальная для работающих респондентов. Только они считают ее приличной. Такая реклама в большей мере не соответствует товару, а поведение ее героев заслуживает осуждения с точки зрения респондентов, совмещающих учебу и работу. Циничные ролики наиболее понятные и приличные для работающих респондентов. Поведение героев в наибольшей мере осуждается респондентами, совмещающими работу и учебу (см. таблицу 6).

Таким образом, отношение к неэтичной рекламе у работающей молодежи более негативное, чем у учащихся и совмещающих учебу

Таблица 6
Отношение к неэтичным рекламным роликам молодежи с разным типом занятости (по критерию Манна–Уитни)

Шкала	Занятость		Типы занятости, различия между которыми значимы	
	Учеба (1)	Совмещение учебы и работы (2)		
Вызывающе-сексуальные ролики				
Непонятная–Понятная	3,36	3,15	3,62	2–3*
Оригинальная–Неоригинальная	2,4	2,73	2,39	1–2*
Современная–Несовременная	2,16	2,17	1,66	1–3, 2–3
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	2,92	3,09	2,72	2–3*
Притягивающая–Отталкивающая	2,61	2,75	2,33	2–3*
Огорчающая–Радующая	3,57	3,38	3,81	2–3
Раздражающая–Успокаивающая	3,28	2,84	3,25	1–2, 2–3
Смешная–Несмешная	3,26	3,6	3,48	1–2*
Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять слова и действия	2,97	3,43	3,06	1–2*
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	3,08	3,46	3,23	1–2*
Хочется досмотреть рекламу – Не хочется досмотреть рекламу	2,49	2,58	2,16	2–3
Рекомендую другим посмотреть этот ролик – Не рекомендую другим посмотреть этот ролик	2,56	3,18	2,86	1–2

Персонажи близки – Персонажи не близки	3,39	3,72	3,39	1–2*, 2–3*
Понимаю чувства героев – Не понимаю чувства героев	3,00	3,12	2,67	2–3
Приличная–Неприличная	3,63	3,82	3,06	1–3, 2–3
Пошлая–Порядочная	2,17	2,18	2,78	1–3, 2–3
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	2,92	3,2	2,62	2–3
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,95	2,64	3,09	2–3*
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,32	3,8	3,56	1–2
Агрессивные ролики				
Оригинальная–Неоригинальная	2,75	2,98	2,36	2–3
Соответствует товару – Не соответствует товару	3,66	3,96	3,61	1–2*, 2–3*
Приличная–Неприличная	3,06	3,02	2,53	1–3, 2–3
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,52	3,78	3,45	2–3*
Циничные ролики				
Непонятная–Понятная	3,54	3,62	3,98	1–3, 2–3
Сексуальная–Асексуальная	3,52	3,84	3,91	1–2, 1–3*
Приличная–Неприличная	2,8	2,68	2,33	1–3, 2–3*
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,38	3,53	3,17	2–3*

Примечание: * – различия значимы на уровне генденции (до p = 0,1).

и работу. У респондентов, совмещающих работу и учебу, чаще наблюдаются противоречивые оценки неэтичной рекламы.

*Различия в отношении к неэтичной рекламе
по уровню образования*

Особенности отношения к неэтичной рекламе у респондентов с различным уровнем образования представлены в таблице 7. Вызывающе-сексуальная реклама кажется респондентам с высшим образованием наиболее современной, привлекающей внимание, но в наибольшей мере несоответствующей товару, несмешной, не нравящейся родителям, ее персонажи в наибольшей мере не близки. Им такая реклама кажется раздражающей. Такая реклама вызывает доверие только у респондентов со средним образованием. Респондентам с неполным высшим образованием она кажется асексуальной.

Агрессивная реклама в наибольшей мере не соответствует товару с точки зрения респондентов со средним образованием. Она огорчает только респондентов с высшим образованием, к тому же раздражает их, кажется асексуальной, не побуждает повторять слова и действия персонажей, рекомендовать к просмотру кому-либо в наибольшей мере. Персонажи такой рекламы не близки им, а их поведение осуждается в наибольшей мере. Им она не кажется смешной и оценивается как пошлая. Поведение персонажей такой рекламы кажется респондентам с неполным высшим образованием неприемлемым в обществе в наименьшей мере.

Циничная реклама наиболее понятна респондентам с высшим образованием. Только они не рекомендуют другим посмотреть такую рекламу. Респондентам со средним образованием она кажется более оригинальной, современной, радующей, смешной, привлекающей внимание, способствующей запоминанию рекламируемого продукта, чем прочим группам респондентов. Их родителям может понравиться такая реклама.

Таким образом, более высокий образовательный уровень обуславливает более критичное отношение к неэтичной рекламе, снижая ее опасность для психики респондентов.

Выводы

1. Теоретический анализ проблемы психологической безопасности рекламы позволяет заключить, что *психологически опасная реклама* способна вызвать негативные психофизиологические

изменения, перегрузить каналы восприятия, разрушить базовое доверие к миру, вызвать неадекватные эмоции, пошатнуть систему ценностей и табу, разрушить идентичность, снизить самооценку, побудить к опасному поведению. Соответственно, реклама может считаться *психологически безопасной* в том случае, если она: правдива; не использует подпороговое воздействие, внушение; создает адекватное характеру сообщения психоэмоциональное состояние; пропагандирует здоровый образ жизни и полезные привычки; демонстрирует поведение, соответствующее принятым в обществе нормам морали; уместна в контексте; ненавязчива.

2. Основываясь на работах других исследователей, мы предлагаем для защиты личности от психологически опасной рекламы избегать ее воздействия, развивать критичность мышления, повышать образовательный уровень и осведомленность (как в целом, так и о технологиях производства рекламы – в частности). С нашей точки зрения, внутренней основой психологической безопасности личности являются высокий уровень саморегуляции, позитивное нравственное самоопределение, развитый эмоциональный интеллект и др.
3. Эмпирическое исследование отношения молодежи к неэтичной телевизионной рекламе показало, что у значительной части молодежи имеет место противоречивое отношение к ней: она привлекает внимание, кажется оригинальной, ее хочется досмотреть, но в то же время респонденты осознают, что поведение персонажей не соответствует общепринятым нормам. Отдельными группами респондентов неэтичная реклама воспринимается в целом позитивно. Так, установлено, что молодежь 18–23 лет, по сравнению со старшими группами, наиболее лояльна к неэтичным рекламным роликам и, следовательно, более подвержена их негативному влиянию.
4. Респонденты с более высоким уровнем образования, имеющие семью и детей, более негативно воспринимают неэтичную рекламу. Так, по сравнению с холостыми респондентами, агрессивная реклама оценивается респондентами, состоящими в браке, как не вызывающая доверия, не способствующая запоминанию товара, не убеждающая в хорошем качестве товара и, соответственно, не побуждающая его приобрести, а также повторять слова и действия персонажей. Можно заключить, что зрелость личности, возникающая в ходе накопления знаний и жизненного опыта

Таблица 7
Отношение к неэтичным рекламным роликам молодежи с разным уровнем образования
(по критерию Манна-Уитни)

Шкала	Уровень образования			Уровни образования, различия между которыми значимы
	Среднее (1)	Неполное высшее (2)	Высшее (3)	
Вызывающе-сексуальные ролики				
Современная – Несовременная	2,25	2,15	1,84	1–3*, 2–3*
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,23	2,36	1,94	2–3
Соответствует товару – Не соответствует товару	3,08	3,07	3,5	1–3, 2–3
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	2,81	3,09	3,19	1–3*
Раздражающая – Успокаивающая	3,54	3,12	2,94	1–2*, 1–3
Сексуальная – Асексуальная	1,67	2,05	1,67	2–3
Смешная – Несмешная	3,46	3,2	3,62	2–3
Персонажи близки – Персонажи не близки	3,38	3,33	3,69	2–3
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	3,58	3,24	3,81	2–3
Агрессивные ролики				
Соответствует товару – Не соответствует товару	4,08	3,56	3,77	1–2
Огорчающая – Радующая	3,33	3,16	2,9	1–3*, 2–3*
Раздражающая – Успокаивающая	2,63	2,64	2,42	2–3*
Сексуальная – Асексуальная	4,07	3,91	4,31	2–3

Смешная – Несмешная	2,63	2,6	3,00	2–3*
Хочется повторять слова и действия – Не хочется повторять слова и действия	4,08	3,96	4,33	2–3*
Рекомендую другим посмотреть этот ролик – Не рекомендую другим смотреть этот ролик	3,19	3,05	3,47	2–3*
Персонажи близки – Персонажи не близки	4,21	3,86	4,33	2–3
Пошлая – Порядочная	3,19	3,34	2,88	2–3
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,65	3,3	3,77	2–3
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,00	2,47	2,23	1–2, 2–3*
Циничные ролики				
Непонятная – Понятная	3,6	3,53	3,88	2–3
Оригинальная – Неоригинальная	2,02	2,35	2,5	1–3*
Современная – Несовременная	2,38	2,77	2,62	1–2*
Привлекает внимание – Не привлекает внимания	2,17	2,7	2,51	1–2
Запоминается продукт – Не запоминается продукт	2,25	2,8	2,54	1–2
Огорчающая – Радующая	3,52	3,12	3,13	1–2*, 1–3
Смешная – Несмешная	2,29	2,6	2,96	1–3
Рекомендую другим посмотреть этот ролик – Не рекомендую другим смотреть этот ролик	2,73	2,84	3,19	1–3*
Ролик понравится моим родителям – Не понравится моим родителям	2,88	3,08	3,23	1–3*

Примечание: * – различия значимы на уровне тенденции (до $p = 0,1$).

по мере взросления индивида и приобретения опыта ответственности за близких людей, способствует критичности восприятия неэтичной рекламы, тем самым нейтрализуя ее опасность для психики.

Литература

- Байкова Е. Ю., Купрейченко А. Б. Психологическая эффективность рекламного воздействия // Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 368–398.
- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997.
- Валуев Н. А. Влияние телевизионной рекламы на психические состояния человека. М., 2002.
- Воробьева А. Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Герашенко Л. Л. Мифология рекламы. М.: ООО Издательский дом «Диаграмма», 2006.
- Горбунов А. С. Насильственное воздействие на личность средств массовой коммуникации. Социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
- Гордякова О. В. Влияние агрессивности испытуемых на оценку наружной рекламы с различными формально-динамическими характеристиками: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Кабаченко Т. С., Жигарьков А. А. Методы воздействия и психология безопасности личности, общества, государства // Психологическая газета: Мы и Мир. 2001. № 2. <http://www.gazetamim.ru/mirror/psytech/kabachenko.htm>.
- Кафтанджиев Х. Секс и насилие в рекламе. СПб.: Питер, 2008.
- Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпунин О. И. Основы рекламы. М.: Кнорус, 2006.
- Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 1999.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Психологическое отношение молодежи к неэтичной телевизионной рекламе // Экономическая психология в России и Беларуси: Сборник научных работ / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Поликарпова. Минск: Экономпресс, 2007. С. 229–257.

- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Психологические проблемы этики в рекламе // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы четвертой международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2003. С. 154–155.
- Латынов В. В., Латынова Т. Ю. Показ насилия в средствах массовой информации и агрессивное поведение детей // Психологические исследования дискурса: Сборник научных трудов / Отв. ред. Н. Д. Павлова. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 113–127.
- Латынова Т. Ю. Насилие в средствах массовой информации и агрессивное поведение // Познание. Общество. Развитие / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 1996. С. 162–171.
- Лебедев-Любимов А. Н. Влияние рекламы на социальные нормы поведения [электрон. ресурс]. http://www.lebedev-lubimov.ru/index.php?start_from=5&archive=&subaction=&cnsnew=news&id=&
- Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2002.
- Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. М.: Инфра-М, 2000.
- Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000.
- Психология и психоанализ рекламы / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 2001.
- Солодова Е. А., Курбацкая Т. Б. Специфика проведения экспертизы психологической безопасности государственной иллюстрированной рекламы // Образование и наука Закамья Татарстана. 2010. № 16. С. 144–225. http://kama.openet.ru:91/index.php?option=com_content&task=view&id=355&Itemid=54.
- Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак-ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997.
- Schellenberg J. A. An Introduction to Social Psychology. NY.: Random House, 1970.

РАЗДЕЛ 2

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

ЛИЧНОСТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Н. Е. Харламенкова

Проблема безопасности человека, безопасности личности продолжает оставаться для психологии актуальной проблемой. Обусловлено это интересом самых разных авторов к изучению базовых потребностей человека, среди которых особое место занимают потребности в самосохранении, в безопасности, в редукации напряжения. К. Роджерс писал, что «свобода от внутреннего напряжения, или психологическая приспособленность, существует, когда я-концепция, по крайней мере приблизительно, конгруэнтна всем опытам организма» (Роджерс, 2002, с. 719), т. е. когда «все сенсорные и висцеральные опыты допускаются к осознанию через точную символизацию и организуются в единую внутренне согласованную систему, которая является структурой „я“ или связана с ней» (там же, с. 719–720). В этой интеграции активную роль играет сам *субъект*, обеспечивая согласованность механизмов проекции и интроекции в своем раннем опыте и постепенную дифференциацию от психосоциальной персоны и архетипических фигур коллективного бессознательного в более поздние годы жизни (К. Юнг), выбирая способы регуляции мотивационно-потребностной сферы.

Согласно К. Хорни, существуют факторы, определяющие состояние психического благополучия/неблагополучия, одним из которых выступает близкое окружение ребенка или взрослого человека. Комментируя позицию К. Хорни, Г. Хржановски пишет, что в раннем детстве наличие враждебности со стороны близких «приводит к формированию поведения, нацеленного на самоуничтожение, причем у человека развивается крайне выраженная потребность в безопасности, склонность к враждебному поведению и к компенсаторному самовозвеличиванию» (Хржановски, 2002, с. 363). Хорни отвергает идею биологического детерминизма и отстаивает онтологичес-

кую позицию «здесь и сейчас». Она полагает, что развитие ребенка находится под влиянием социальных условий. «Из-за холодности и враждебности его семейного окружения он не чувствует себя в безопасности, и у него возникает тревожность, чувство глобальной беды – самое болезненное из того, что может испытывать человек. Чтобы избежать этого чувства тревоги, формируется внутренняя убежденность в том, какой должна быть защита от внешних опасностей. Но эти защитные механизмы в свою очередь становятся причиной новых затруднений, ибо отчуждают человека от его творческой человеческой сущности и он перестает видеть свою собственную ценность и свои природные дарования» (там же, с. 364).

Цели терапии, по мнению Хорни, состоят в достижении ответственности, спонтанности, доверия к себе, искренности. Чувство ответственности, по-существу, означает самоутверждение, т. е. способность принимать решение без посторонней помощи и вести себя, основываясь на собственных убеждениях. Спонтанность предполагает открытость в сфере эмоциональных реакций, а доверие к себе подразумевает ясность и определенность собственной системы приоритетов и ценностей и уважение ценностей других людей. Три выделенных конструкта – ответственность, спонтанность и доверие – определяют чувство личной безопасности.

А. Маслоу рассматривает потребность в безопасности как базовую человеческую потребность. Она включает в себя такие переживания, как потребность в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. Безопасность тесно связана с вероятностью угрозы и сопряжена с желанием *защиты и участия*. Для ребенка, пишет Маслоу, «больше по вкусу, когда окружающий мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство» (Маслоу, 2001, с. 83). Именно поэтому ребенок стремится жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности.

Маслоу напрямую связывает испуг и опасность, с одной стороны, и стабильное общество и безопасность, с другой. «Люди, живущие в мирном, стабильном, отлажено функционирующем, хорошем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников,

им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов» (там же, с. 84). В связи с этим логично предположить, что «неожиданно возникающая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности» (там же, с. 86) и проявляется в компульсивно-обсессивном поведении, в виде ритуализации, строгого следования правилам, формулам, ориентирам, схемам.

Современные исследования по проблеме безопасности придерживаются традиции выделять профессиональную безопасность, безопасность в семье, физическую безопасность. Кроме привычных аспектов проблемы, стали усиленно изучаться такие вопросы, как безопасность в рамках психотерапевтических отношений, психологические средства безопасности, личная безопасность; разрабатываются программы, обеспечивающие чувство стабильности, уверенности, последовательности.

Безопасность в профессии определяется не только соблюдением правил технической безопасности. Огромную роль в сохранности этого чувства отводят социально-психологическому климату в группе (Christian, Bradley et al., 2009; Wallace, Popp, Mondore, 2006), особым лидерским качествам – дружелюбию и контролю, которые коррелируют с безопасностью группы (Walumbwa, Schaubroeck, 2009), специально организованным тренингом (Leiter, Zanalett, Argentero, 2009), построенным на модели восприятия риска и контроле поведения.

Особое место в изучении состояния опасности/безопасности отводят социальным факторам, при этом учитываются степень и тип угрозы (Overstreet, Braun, 2000), а также собственно психологические факторы – установки, стереотипы как проявления социально-психологической идентичности (Purdie-Vaughns, Steele et al., 2008), уверенность в защите, модели привязанности (Dickstein, 1999). Основанием для развития у ребенка чувства безопасности считается благоприятная семейная среда (Morrongiello, Corbett, Bellissimo, 2008; Szapocznik, Prado, 2007), и прежде всего – участие матери. Согласно Ф. Дольто, ребенок нуждается в «символической матери», которая не просто ухаживает за ним, а предлагает ему новые средства – сублимацию в ситуации наложения запрета на влечения, которые расширяют возможности ребенка, открывают ему социальный мир (Дольто, 2006). Отцовское влияние также оказалось очень значимым. В исследовании Д. Швелея и К. Брезаушека (Schwebel, Brezausek, 2007) учитывались два фактора, влияющие на степень травматизации ребенка: постоянное/непостоянное общение отца с ребенком и общение с ним дома и вне дома. Оказалось, что дети,

которые с самого рождения и регулярно общались с отцом дома, получали меньше травм и увечий, чем дети, чьи родители не уделяли им должного внимания.

Согласно Дж. Боулби (2003), чувство безопасности достигается посредством установления надежной привязанности между родителями и детьми. С. Гольберг, Д. Грушек и Д. Дженкинс (Goldberg, Grusec, Jenkins, 1999) показали, что центральным конструктом привязанности является *защита*, которая, по существу, и обеспечивает личную безопасность ребенка. Понимание привязанности как защиты разделяется и другими авторами, считающими, что защита должна рассматриваться не в общем виде (например, как «хорошее родительство»), но изучаться дифференцированно (Isabella, 1999). При дифференцированном подходе к привязанности как к защите принято выделять ее отдельные составляющие – любовь и доверие (love and confidence). По мнению К. Макдональда (MacDonald, 1999), эти два конструкта являются независимыми системами, выполняют разные функции, сопровождаются разными эмоциональными переживаниями.

Относительно новое направление в изучении безопасности – пространство взаимоотношений клиента и психотерапевта. Терапевтическое воздействие описывается как система связи надежды и безопасности (Helm, 2004), а терапевтические отношения как отношения, которые клиент пытается протестировать на безопасность (Rapport, 1997). В литературе активно обсуждаются достоинства и недостатки так называемого «контракта на безопасность», который подписывается двумя лицами любого возраста, выражающими тем самым уверенность в том, что они могут взять на себя обязательство помогать друг другу оставаться вне опасности. Конструкт «contracting for safety» (CFS) описывается как эффективный метод управления суицидантами, однако его надежность не доказана и даже активно оспаривается (Egan, 1997).

Личностная безопасность (personal safety) выделяется в качестве отдельного конструкта, описываемого не только как физическая безопасность (Weitlauf, Smith, Cervone, 2000), но и как безопасность личности, способной к регуляции отношений со средой и к саморегуляции. В контексте личностной проблематики изучаются мотивация просоциального поведения (Wilson, Petruska, 1984), склонность к риску (Weinstein, 1984), панические атаки и особенности личности (Carter, Hollon, Carson, Shelton, 1995), способность обращаться к логике и рассуждению, а также к таким эмоциональным реакциям, как смех, для достижения безопасности (Occhipinti, Siegal, 1994).

В современной психологии, несмотря на разнообразие исследований по психологии безопасности, изучение стратегий, которые активно использует сама личность для сохранения психического благополучия, требует тщательного анализа и переосмысления. В этом и состоит основная проблема исследования.

Цель исследования – выявить общие и частные стратегии переживания опасности или достижения безопасности как реакции на разные типы угроз.

Гипотезы исследования следующие.

1. Предполагается, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы.
2. Безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода.
3. Низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности.

Задачи исследования:

1. Сопоставить описание ситуаций опасности и безопасности по категориям «главный герой», «тип угрозы», «средства достижения/сохранения безопасности».
2. Проанализировать ассоциации на слово «безопасность»; выделить группы ассоциаций, проследить различия в описании безопасности при наличии разных установок: «на опасность» и «на безопасность» на фоне нейтральной (стандартной) по отношению к опасности/безопасности инструкции.
3. Выявить индивидуальные различия между людьми в восприятии ситуаций опасности/безопасности и определить общие и частные стратегии преодоления опасности.

Основные гипотезы и задачи исследования определили логику эмпирической части работы.

Методика

Участники исследования

Обследован 201 чел.: 121 женщина ($M_e = 24 \pm 6,2$) и 80 мужчин ($M_e = 22 \pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием.

Тестовый материал

В качестве стимульного материала использовалась таблица № 14 из набора картинок Тематического апперцептивного теста (ТАТ). На таблице изображен силуэт мужчины на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е. Т. Соколовой, таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты (Соколова, 1980, с. 164); направлена на актуализацию личной темы.

Общее описание процедуры исследования

Испытуемым, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице. Первой группе ($n = 70$) и второй группе ($n = 70$) до предъявления инструкции «составьте рассказ» предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет, состояние героя по 10-балльной шкале «безопасное–опасное» (первичная оценка). Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в состоянии опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасном состоянии и тоже составить рассказ. После того как рассказ был придуман, обеим группам предлагали оценить его по той же самой шкале (вторичная оценка). Третья группа ($n = 61$) получала стандартную инструкцию без предварительной оценки таблицы (картинки). Такая процедура работы с таблицей позволяла устранить влияние ее предварительной оценки на выбор сюжета рассказа, избежать узкой ориентации испытуемого на тему безопасность/опасность. После составления рассказа испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление от картинки по шкале «безопасность–опасность» (первичная оценка), а затем оценить сам рассказ (вторичная оценка). Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: 1. Что угрожает герою рассказа? 2. Что нужно для достижения безопасности? Какие средства? (для группы 1), или Что нужно для сохранения состояния безопасности (для группы 2). Группе 3 этот вопрос формулировали полностью: Что нужно для достижения либо сохранения безопасности?

В конце исследования испытуемых просили дать ассоциации к слову «безопасность» в форме перечисления признаков.

Кодировка ответов

Анализ результатов начинался с объединения отдельных высказываний в группы. Анализировались рассказы и ответы на вопросы, а также ассоциации на слово «безопасность».

Рассказ и ответы на вопросы оценивали по следующим категориям.

Тема рассказа: 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема (Леонтьев, 1998, с. 113–115).

Герой: 1 – активный, 2 – пассивный.

Направленность угрозы: 1 – внешняя, 2 – внутренняя, 3 – отсутствует.

Тип угрозы: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Средства достижения/сохранения безопасности: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, единение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

Ассоциации на слово «безопасность» разделили по следующим категориям: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (дом, семья, друзья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

Для уточнения принципа кодировки использовались экспертные оценки (6 экспертов работали парами с результатами каждой из трех групп испытуемых).

Обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна–Уитни, W-критерия Уилкоксона, ϕ -критерия Фишера (программа Statistica 6.0).

Результаты

1. Сопоставление описания ситуаций опасности и безопасности по критериям «тема рассказа», «герой и направленность угрозы»,

«тип угрозы» «исход рассказа» «средства достижения/сохранения безопасности».

С целью анализа результатов сравнивали три группы испытуемых, которым давали разные инструкции: группе 1 — «представить героя в состоянии опасности и придумать рассказ», группе 2 — «представить героя в состоянии безопасности и придумать рассказ», группе 3 – стандартная инструкция – «придумать рассказ». Сравнительный анализ показал, что между двумя первыми группами есть различия по *восприятию картинки* (первичная оценка с помощью 10-балльной шкалы «безопасность–опасность») ($Me_1 = 2$, $Me_2 = 4$; $U = 1469$, $P = 0,00$). Однако в целом она воспринимается скорее как безопасная, нежели опасная. Восприятие картинки второй и третьей группой не различается ($U = 1872$, $p = 0,22$).

При сравнении оценок *рассказов* испытуемыми первой и второй группы по этой же шкале (вторичная оценка) оказалось, что первая группа воспринимает свои рассказы как содержащие угрозу в большей степени, чем вторая ($Me_1 = 7$, $Me_2 = 2$; $U = 575,5$; $P = 0,00$).

Сравнение оценок картинки и рассказа в первой группе показало значительное увеличение показателей по шкале под влиянием инструкции ($T = 104,5$; $p = 0,00$), а во второй группе – значительное уменьшение оценок также под влиянием инструкции ($T = 181,5$; $p = 0,00$). Оценка восприятия картинки и восприятия своего рассказа по картинке не меняется у третьей группы, которой давали стандартную инструкцию ($T = 58,5$; $p = 0,6$).

Далее анализ результатов проводился по отдельным категориям.

Результаты (см. таблицу 1) еще раз подтвердили предположение о том, что выбранная картинка ТАТ действительно актуализирует личностные проблемы ($n = 103$). Далее по частоте упоминания располагаются интимная тема ($n = 43$) и тема физического комфорта/дискомфорта ($n = 37$). Реже всего актуализируется фантастическая ($n = 3$), профессиональная ($n = 13$), социальная ($n = 15$) и семейная тема ($n = 20$). Различия между первой группой и двумя остальными были получены только по социальной теме ($\varphi = 4,01$, $p = 0,00$; $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$).

Для проверки гипотезы 1 о том, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы, проводилось сопоставление рассказов, полученных при предъявлении разных инструкций («опасность», «безопасность», «стандартная») по отдель-

Таблица 1

Категория «тема рассказа»
(частота встречаемости рассказов по разным темам)

№ группы	Тема рассказа						
	1	2	3	4	5	6	7
1 гр.	9	3	38	8	13	11	1
2 гр.	7	4	36	0	17	13	1
3 гр.	4	4	29	1	13	13	1
Сумма	20	13	103	15	43	37	3

Примечание: цифрами обозначены темы рассказов. 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема.

ным категориям. При статистической обработке результатов различия между группами по переменной «активный герой» получены не были (см. таблицу 2). По переменной «пассивный герой» различия были выявлены только между 1 и 3 группами ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$).

По категории «направленность угрозы» различия получены только по субкатегориям «внутренняя угроза» при сравнении 1-й и 2-й групп ($\varphi = 3,99$; $p = 0,00$), 1-й и 3-й групп ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и «отсутствие угрозы» при сравнении 1-й группы с двумя остальными ($\varphi = 4,3$, $p = 0,00$; $\varphi = 3,8$, $p = 0,00$).

Группы 2 и 3 также различаются между собой по субкатегории «отсутствие угрозы» ($\varphi = 1,99$; $p = 0,027$). Кратко комментируя полученные результаты, отметим, что позиция героя рассказа в целом чаще представлена как пассивная, выжидательная, причем она одинаково часто встречается как в ситуации большей (группа 1), так и в ситуации меньшей опасности (группа 2). Это значит, что различия между группами во многом должны быть обусловлены индиви-

Таблица 2

Категории «герой» и «направленность угрозы»

№ группы	Герой		Направленность угрозы		
	активный	пассивный	внешняя	внутренняя	отсутствует
1	26	43	32	38	0
2	29	40	22	15	34
3	32	29	21	21	19
Сумма	87	112	75	74	53

дуальными особенностями. Три группы испытуемых различаются по показателю «внутренняя угроза», причем уверенность в наличии угрозы (группа 1) усиливает внутренние сомнения, переживания и напряжение, т. е. угрозу самоидентичности.

Оценивая общие, суммарные показатели по категории «тип угрозы» (см. таблицу 3), можно отметить, что вне зависимости от исходных установок чаще всего называется физическая угроза (угроза жизни, здоровью, опасность), затем – угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука, изоляция, непонимание со стороны других людей).

При статистической обработке результатов было выявлено, что установка на опасность (группа 1), по сравнению с иными установками, например, на безопасность (группа 2), приводит к повышению вероятности физической угрозы ($\varphi = 3,3$, $p = 0,00$), угрозы психическому благополучию ($\varphi = 3,8$, $p = 0,00$), а вероятность такой угрозы, как встреча с новым, ($\varphi = 2,28$, $p = 0,01$), наоборот, снижается.

Различий между группами по остальным типам угроз выявлено не было. Эти результаты позволяют частично подтвердить гипотезу 1, согласно которой в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности (сохранения психической безопасности), при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы. Вторая часть гипотезы проверяется дальше, при анализе категории «средства достижения/сохранения безопасности».

Таблица 3

Категория «тип угрозы»

№ группы	Тип угрозы						
	1	2	3	4	5	6	7
1	28	1	4	12	22	3	1
2	11	0	4	9	5	2	5
3	18	0	2	9	9	2	4
Сумма	57	1	10	30	36	7	10

Примечание: цифрами обозначены типы угроз. 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Анализ результатов показал, что большинство рассказов не имеют определенного финала, хотя положительный исход рассказа также встречается довольно часто (см. таблицу 4). Меньше всего рассказов с негативным исходом. Статистический анализ позволил конкретизировать результаты: все группы идентичны по количеству рассказов с неопределенным исходом, однако установка на угрозу значительно снижает количество позитивных исходов ($\varphi = 3,07$; $p = 0,00$) и существенно повышает вероятность негативных исходов ($\varphi = 5,6$; $p = 0,00$).

В целом испытуемые чаще выбирают такие средства достижения/сохранения безопасности, как самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку, и одинаково часто прибегают к контролю над ситуацией; к волевому решению проблемы, к изменению ситуации и к стратегии избегания опасности (см. таблицу 5).

Сравнительный анализ групп показал, что между двумя последними разница в средствах сохранения безопасности наблюдается

Таблица 4

Категория «исход рассказа»

№ группы	Исход рассказа		
	позитивный	негативный	неопределенный
1	22	15	33
2	40	0	30
3	22	4	35
Сумма	84	19	98

Таблица 5

Категория «средства достижения/сохранения безопасности»

№ группы	Средства достижения/сохранения безопасности										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	6	20	20	10	1	1	4	10	1	0	0
2	10	6	23	2	0	1	0	4	0	9	6
3	6	3	16	8	0	2	1	7	0	5	2
Сумма	22	29	59	20	1	4	5	21	1	14	8

Примечание: 1 – контроль над ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

только по субкатегории «избегание опасности». Сравнение двух основных групп выявило интересную тенденцию. При наличии опасной ситуации количество и разнообразие средств ее преодоления повышается. Различия между первой и второй группами получены по субкатегориям «обращение за помощью» ($\varphi = 3,2$; $p = 0,00$), «избегание» ($\varphi = 2,6$; $p = 0,003$) и «волевое усилие, изменение ситуации» ($\varphi = 1,78$; $p = 0,03$), причем показатели у первой группы оказываются выше, чем у второй группы. Эти данные позволяют полностью подтвердить первую гипотезу исследования.

2. Анализ ассоциаций на слово «безопасность». Проверялась гипотеза 2: безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода.

Чаще всего «безопасность» понимается как внутренний комфорт (спокойствие, тепло), который был назван нами пассивным – 52% (см. таблицу 6); далее по степени убывания частоты ассоциаций идет защищенность, т. е. наличие границ (40%), внешний комфорт, т. е. дом, семья, друзья и т. д. (36%), и активно достигаемый внутренний комфорт (31%).

В 14% случаев безопасность интерпретируется как порядок, контроль, соблюдение норм и правил. Остальные категории безопасности, в том числе и свобода, самореализация, упоминаются менее чем в 7% случаев. Наиболее существенные различия между основными группами касаются самой нагруженной группы ассо-

Таблица 6

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в разных группах

№ группы	Группы ассоциаций										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	29	27	6	11	32	17	6	3	1	2	2
2	29	29	5	9	42	26	3	2	1	1	1
3	22	16	2	9	31	19	4	0	0	2	1
Сумма	80	72	13	29	105	62	13	5	2	5	4

Примечание: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилье, семья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

циаций – пассивного внутреннего комфорта. При установке на восприятие ситуации как угрожающей субъект реже приписывает безопасности состояние комфорта, как пассивно ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$), так и активно ($\varphi = 1,6$; $p = 0,05$) достигаемого. Однако если учесть, что полученные числовые значения попадают в зону неопределенности, то однозначно утверждать, что это действительно так, невозможно. Отсутствие существенных различий в ассоциациях между тремя группами показывает, что представление о безопасности устойчиво и практически не меняется в зависимости от контекста. Тем не менее, гипотеза 2 о том, что безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода, не подтверждается.

3. Выявление индивидуальных различий между людьми в восприятии опасности/безопасности.

Для проверки гипотезы 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, был проведен кластерный анализ данных в каждой из трех исследуемых групп.

В таблице 7 представлены его результаты. Кластерный анализ позволяет выделить 4 группы испытуемых: 1. несензитивные к угрозе (кластеры 1₃, 2₂, 3₃); 2. высоко сензитивные к угрозе (1₂, 3₂); 3. умеренно сензитивные к угрозе (2₁, 3₁) и 4. амбивалентные (1₁, 2₃). Несензитивные к угрозе ($n = 91$) входят во все три обследуемые группы, высоко сензитивные к угрозе – в первую и третью группы ($n = 30$), умеренно сензитивные – во вторую и третью ($n = 33$) и амбивалентные – в первую и вторую группы ($n = 47$). Безусловно, такое деление выборки в целом вызвано предлагаемыми нами инструкциями, однако не снижает внешнюю валидность исследования. Прежде всего это касается таких кластеров, как «амбивалентные» и «умеренно сензитивные к угрозе». Именно данные группы при определенных обстоятельствах могут демонстрировать снижение или повышение чувствительности к угрозе, но только в ограниченном, заданном их личностной структурой диапазоне.

Для проверки гипотезы, выдвинутой в этой части исследования, проанализируем представления испытуемых об угрозе и средствах ее устранения в выделенных путем кластеризации группах: «несензитивные к угрозе», «высоко сензитивные к угрозе», «умеренно сензитивные к угрозе» и «амбивалентные».

Таблица 7

Описательная статистика кластеров каждой обследуемой группы

Кластеры	Оценка картинки М	Оценка рассказа М	N
Группа 1 (инструкция «опасность»)			
1 ₁ амбивалентные	1,7	8,2	32
1 ₂ высоко чувствительные к угрозе	6,4	6,3	16
1 ₃ несензитивные к угрозе	1,5	2,9	22
Группа 2 (инструкция «безопасность»)			
2 ₁ умеренно чувствительные к угрозе	4,3	3,6	21
2 ₂ несензитивные к угрозе	2,4	1,3	34
2 ₃ амбивалентные	7	1	15
Группа 3 (стандартная инструкция)			
3 ₁ умеренно чувствительные к угрозе	4,1	4,1	12
3 ₂ высоко чувствительные к угрозе	6,7	8,6	14
3 ₃ несензитивные к угрозе	2,2	1,6	35

«Несензитивные к угрозе» субъекты (кластеры 1₃, 2₂, 3₃) представляют собой часть выборки (45%), которая достаточно позитивно воспринимает неоднозначно интерпретируемый стимул (сюжетную картинку) вне зависимости от инструкции. Можно предположить, что это люди с низким уровнем тревожности, ориентированные на принятие другого человека, с выраженным чувством доверия и эмпатии. Следует также иметь в виду, что среди этой группы людей могут встречаться субъекты, избегающие негативного опыта, игнорирующие его. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинки) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. Во всех трех случаях (кластерах) различия между первичной и вторичной оценками были выявлены. У несензитивных к угрозе испытуемых при предъявлении инструкции о наличии опасности (кластер 1₃) были найдены различия между восприятием картинки и восприятием своего рассказа, причем оценки по шкале «безопасность – опасность» повышались ($T = 7$; $p = 0,001$). В другой подгруппе испытуемых (кластер 2₂) при предъявлении инструкции о безопасности оценки по этой же шкале снижались ($T = 43,5$; $p = 0,00$). При стандартной инструкции (кластер 3₃) оценки также снижались ($T = 83$; $p = 0,02$). Данные указывают на то, что несензитивные к угрозе люди способны на нее реагировать, однако эта реакция не превышает

Таблица 8

Категория «тип угрозы»

Группы	Тип угрозы (в долях)						
	1	2	3	4	5	6	7
несензитивные	10,9	1,1	3,3	8,8	13,2	5,5	3,3
сензитивные	38,1	0	7,9	14,3	28,6	1,6	6,4
амбивалентные (кластер 1 ₁)	53,1	0	6,3	6,3	31,3	0	0
амбивалентные (кластер 2 ₃)	26,7	0	6,7	0	20	0	6,7

Примечание: цифрами обозначены типы угроз. 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызания совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизведанное.

среднего уровня оценок угрозы по шкале «безопасность–опасность», т. е. находится в диапазоне низких оценок.

Для прояснения особенностей этой части выборки был проведен анализ результатов с учетом отдельных категорий: «тип угрозы», «средства достижения/сохранения безопасности», «исход рассказа». По сравнению с остальными группами, профиль угроз оказывается несколько ниже. Выражены «угроза психическому благополучию» и «физическая угроза», а также «социальное одиночество» (см. таблицу 8). По сравнению с остальными группами, несензитивные к угрозе испытуемые демонстрируют значимо более высокие показатели ($p < 0,01$) по типу угрозы «случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства», что частично подтверждает гипотезу 3.

При наличии установки на опасность (кластер 1₃), по сравнению с установкой на безопасность (кластер 2₂), значимо возрастают прежде всего угроза психическому благополучию, а затем физическая угроза ($p = 0,00$). Особенности этой группы испытуемых является разнообразие угроз и отсутствие фиксации на какой-либо из них.

Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание и (реже) контроль за ситуацией, внимание; волевое усилие, изменение ситуации (см. таблицу 9).

Первая из названных стратегий устойчива вне зависимости от изменения установок («опасность»–«безопасность»). При смене установок наблюдается повышение стремления к изменению ситуации волевым усилием и снижение ориентации на физический комфорт, уединение ($p \leq 0,01$) в случае переживания опасности. По катего-

Таблица 9

Категория «средства избегания опасности/достижения безопасности»

Группы	Средства избегания опасности/достижения безопасности (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
несензитивные	13,2	7,7	26,4	6,6	0	1,1	1,1	9,9	1,1	12,1	5,5
сензитивные	3,2	12,7	28,6	9,5	1,6	0	1,6	12,7	0	3,2	3,2
амбивалентные (кластер 1 ₁)	6,3	37,7	21,9	15,6	0	0	9,4	9,4	0	0	0
амбивалентные (кластер 2 ₂)	20	6,7	53,3	0	6,7	0	0	6,7	0	6,7	6,7

Примечание: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

рии «исход рассказа» из 91 рассказа испытуемых этой группы – несензитивных к угрозе – только в одном случае исход был явно негативным, а в остальном рассказы были либо с позитивным, либо с неопределенным исходом.

Анализ ассоциаций (см. таблицу 10), предлагаемых испытуемыми этой группы на слово «безопасность», подтвердил наличие у них способности вариативно реагировать на угрозу, оставаясь при этом активными. По сравнению с сензитивными к угрозе испытуемыми, они в большей степени склонны понимать безопасность как свободу, самореализацию ($\varphi = 1,8$; $p = 0,03$), а также объяснять ее через осуществление активных действий, противодействие ($\varphi = 7$; $p = 0,00$). Привычными для несензитивных к угрозе испытуемых ассоциациями являются такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт», «активный внутренний комфорт», «защищенность».

Высоко сензитивные к угрозе субъекты (кластеры 1₂, 3₂) представляют собой часть выборки (15%), которая ощущает угрозу как при восприятии предлагаемой картинке, так и при оценке своего рассказа по картинке. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинке) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. В отличие от предыдущей группы несензитивных к угрозе испытуемых, в этой группе различия между переменными не были выяв-

Таблица 10

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в группах несензитивных ($n = 91$), сензитивных ($n = 63$) и амбивалентных

Группы	Группы ассоциаций (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
несензитивные	36,3	30,8	7,7	12,1	53,8	34,1	6,6	1,1	1,1	4,4	0
сензитивные	44,4	31,7	1,6	19,1	55,6	28,6	4,8	1,6	0	0	0
амбивалентные (кластер 1 ₁)	50	56,3	12,5	12,5	40,6	18,8	12,5	9,4	3,1	3,1	6,3
амбивалентные (кластер 2 ₂)	26,7	21,9	6,7	13,3	60	21,9	0	0	0	0	0

Примечание: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилья, семьи); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (проявление, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

лены. Как в случае инструкции о наличии опасности (кластер 1₂), так и в случае предъявления стандартной инструкции (кластер 3₂) первичная и вторичная оценки совпадали ($T = 27$, $p = 0,95$; $T = 26$, $p = 0,1$ соответственно). Такая же картина наблюдается в группе умеренно сензитивных к угрозе испытуемых.

Анализ данных с учетом отдельных категорий показал следующее. По типу угрозы доминируют, прежде всего, «физическая угроза» и значительно реже – «угроза психическому благополучию», «угроза социального одиночества». Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помощью; волевое усилие, изменение ситуации. По категории «исход рассказа» ровно половина историй имеют неопределенный исход (50%), а остальные – позитивный и негативный (по 25%).

Умеренно сензитивные к угрозе (кластеры 2₁, 3₁) представляют собой группу, у которой, как и у высоко сензитивных к угрозе субъектов, отсутствуют различия между первичной оценкой (оценкой картинке) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) ($T = 35$, $p = 0,06$ для кластера 2₁; $T = 26,5$, $p = 0,9$ для кластера 3₁). По типу угрозы умеренно сензитивные индивиды, у которых наиболее часто фигурирует физическая угроза и угроза психическому

благополучию, также идентичны высоко сензитивным субъектам. Наблюдается слабо выраженная угроза социального одиночества. Обе группы не различаются и по средствам достижения/сохранения безопасности – по ориентации на такие стратегии, как самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помощью; волевое усилие, изменение ситуации. У умеренно сензитивных к угрозе индивидов преобладают рассказы с неопределенным финалом. Такие же результаты получены у высоко сензитивных к угрозе личностей.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать вывод, что обе группы – высоко и умеренно сензитивные к угрозе испытуемые – идентичны друг другу, поэтому представляют собой одну группу ($n = 63$, или 31% от общей выборки), которая может быть названа группой *сензитивных к угрозе субъектов* (см. таблицы 8, 9, 10).

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» сензитивные к угрозе личности мало отличаются от несензитивных, однако типичным для них является более узкое толкование безопасности как состояния внутреннего комфорта и защищенности. Переживание безопасности как свободы практически не встречается.

Амбивалентные индивиды (кластеры 1₁, 2₃) представляют собой группу (23% общей выборки), у которой различия между первичной оценкой (оценкой картинке) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) наиболее выражены, по сравнению со всеми остальными группами ($T = 104,5$, $p = 0,00$ для кластера 1₁; $T = 2$, $p = 0,001$ для кластера 2₃).

Особенности выделенной группы состоят в том, что значения их оценок до и после предъявления инструкции значительно расходятся: либо в сторону повышения показателей по шкале «безопасность – опасность» (кластер 1₁), либо в сторону их снижения (кластер 2₃). Попадая в общую группу, названную «амбивалентные», испытуемые обеих подгрупп отличаются друг от друга по ряду признаков.

Одна подгруппа амбивалентных (кластер 1₁, $n = 32$) характеризуются тем, что первичное восприятие картинке не вызывает у них опасности (оценка не отличается от группы несензитивных к угрозе личностей). Однако, в отличие от несензитивных личностей, у амбивалентных после предъявления инструкции «представьте ситуацию опасности и составьте по ней рассказ» оценка по шкале «опасность – безопасность» значительно повышается. Прямое действие по инструкции, с нашей точки зрения, может означать, что такая личность внушаема, ориентирована на авторитет, зависима и в ре-

ально безопасной ситуации может почувствовать угрозу, если прислушается к мнению, оценке другого человека. Это своеобразная компенсация того, что в данной группе не акцентирована угроза социального одиночества (см. таблицу 8), которая выделяется в двух ранее описанных группах. Ослабление такой угрозы может означать уверенность в возможности присоединиться к авторитетной фигуре, быть симбиотически связанным с ней. Эта же особенность типична для другой группы амбивалентных личностей. В настоящей работе данный комментарий следует рассматривать как предположение, которое подтверждается лишь частично и требует новых доказательств.

Страх утратить социальные связи, который, несмотря на незначительную по сравнению с другими угрозами частоту упоминания, наблюдается у несензитивных к угрозе и сензитивных личностей, следует рассматривать как стимул для поддержания и развития социальных контактов. Как отмечает Ж.-М. Кинодо, сепарационная тревога «является структурирующим переживанием для Эго, поскольку восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас» (Кинодо, 2008, с. 15). По-видимому, снижение угроз, связанных с социальным одиночеством, вызвано ориентацией амбивалентной личности на послушание, конформизм и установление симбиотических отношений со значимым Другим, определяется уверенностью в постоянстве этих отношений, в их неизменности. Безусловно, могут быть случаи отрицания сепарационной тревоги либо ее вытеснения, однако в настоящей работе мы не ставили задачу выявления подобных случаев.

Доказательством этого факта является выбор средств достижения/сохранения безопасности (см. таблицу 9). По сравнению с остальными группами (несензитивными $\varphi = 3,7$, $p = 0,00$; сензитивными $\varphi = 2,7$, $p = 0,00$; амбивалентными (кластер 2₃) $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$) в группе амбивалентных (кластер 1₁) такое средство, как «обращение за помощью», является ведущим. Второе место по степени значимости отведено самоанализу и позитивному мышлению, третье – избеганию угрозы.

Отсутствие угроз, связанных со случайностью, с непредвиденными обстоятельствами, а также с появлением чего-то нового, неизвестного (данные анализа рассказов) контрастирует с ассоциациями, которые дают испытуемые этой группы на слово «безопасность».

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» (см. таблицу 10) амбивалентные (кластер 1₁) отличаются от несензитивных к угрозе испытуемых описанием безопасности с помощью таких групп категорий, как внешний комфорт (наличие близких, жилья, друзей) ($\varphi = 2,6$, $p = 0,01$) и деньги ($\varphi = 3,0$, $p = 0,00$), не учитывается важность такой категории, как активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность) ($\varphi = 1,76$, $p = 0,03$). Оказалось, однако, что так же, как группа несензитивных к угрозе испытуемых, амбивалентные (кластер 1₁), кроме категорий «внешний комфорт (поддержка)» и «защищенность», описывают безопасность в терминах свободы и самореализации. По сравнению с сензитивными, амбивалентные (кластер 1₁) характеризуются пониманием безопасности как внешнего комфорта ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и свободы ($\varphi = 2,1$; $p = 0,01$). Если учитывать тот факт, что работа с картинкой (через механизм проекции) обнаруживает установки, скрытые от сознания субъекта, а ассоциации на слово «безопасность», наоборот, лежат в области осознаваемых оценок, то у амбивалентных (кластер 1₁) наблюдается явное противоречие между бессознательной зависимостью от другого человека (на уровне сознания обнаруживаемая как поиск внешнего комфорта) и сознательно декларируемой свободой как признаком безопасности. Выявленные тенденции подтверждают правильность выбора термина «амбивалентные» в качестве названия этой группы. Выявлены оппозиции, которые показывают, что в этой группе могут конфликтовать неосознаваемое желание сохранения симбиотических отношений и сознательная установка на свободу и независимость. Выделенная особенность позволяет назвать эту группу амбивалентных личностей *зависимыми, несепарированными*.

Вторая группа амбивалентных (кластер 2₃, $n = 15$) малочисленна. Под влиянием инструкции первичная реакция на ситуацию (картинку) как на угрожающую заменяется на оценку рассказа, составленного по этой картинке, как безопасного. В данной группе угроза психическому благополучию (см. таблицу 8) менее выражена, по сравнению с физической угрозой. При выборе средств используются рациональные приемы совладания с угрозой – самоанализ и позитивное мышление, а также контроль за ситуацией (см. таблицу 9).

Наиболее частыми ассоциациями на слово «безопасность» (см. таблицу 10) являются признаки, формирующие такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт» и «защищенность». Термин «амбивалентные» также подходит для обозначения этой

группы, поскольку для нее типично проявление полярных установок: на активный анализ своего состояния и на пассивный внутренний и внешний комфорт, защищенность. В связи с наличием таких тенденций, которые указывают на фиксацию на стратегии самоанализа при отрицании угрозы психического благополучия (а значит – слабой интеграции Эго), эта группа амбивалентных была названа *диффузными*.

Гипотеза 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, подтверждается частично.

Обсуждение результатов

Принято считать, что безопасность обеспечивается извне, определяется, как говорил А. Маслоу, условиями, в которых живет человек, «стабильностью, отлаженным функционированием хорошего общества» как в широком (социум), так и в более узком (семья) смысле этого слова. Безусловно, последовательность, предсказуемость, нехаотичность средовой культуры является основанием для появления ощущения внутреннего комфорта, стабильности каждого человека, включенного в эту среду. Однако для создания более полного представления о безопасности необходимо обращение не только к социальным, но и к личностным факторам, которые в работах цитируемых нами выше психологов рассматриваются через призму таких конструктов, как конгруэнтность (К. Роджерс), ответственность, спонтанность, доверие (К. Хорни), защита и участие (А. Маслоу).

Сопоставление двух контекстов, эмпирически заданных инструкциями «состояние опасности» и «состояние безопасности» на фоне стандартной (нейтральной по отношению к конструкту «опасность/безопасность») инструкции, позволило выделить наиболее выраженные по частоте угрозы, способы достижения/сохранения безопасности. Показано, что при разных инструкциях угроза в равной степени может быть как внешней, так и внутренней, при этом субъект чаще бывает пассивен, чем активен. По частоте упоминания называются прежде всего физическая угроза (угроза жизни, здоровью, опасности), далее угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука,

изоляция, непонимание со стороны других людей). Угроза жизни, страх нападения, ранения, самоуничтожения (самоубийства), т. е. физическая угроза в связи с также часто выраженной угрозой психического благополучия в целом определяют базальные страхи человека не только за свое физическое здоровье, но за целостность, ценность и открытость миру своего Я. Переживание диффузности и непоследовательности внутреннего опыта, страх разрушения (внедрения в психологическое пространство) или саморазрушения (сумасшествие, самоубийство) являются призмой, через которую преломляется социальная событийность, причем не всегда угрожающего характера. При увеличении степени угрозы статистически значимо возрастают только эти два типа угроз – физическая угроза и угроза психического благополучия.

Типичными способами достижения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку, в меньшей степени – контроль за ситуацией, волевое решение проблемы и стратегия избегания опасности. Самоанализ и позитивное мышление как самая частая стратегия достижения безопасности является психологическим средством, которое позволяет справиться с опасностью рациональным способом, изменить отношение к ней, принять адекватное решение. Связь физической угрозы с самоанализом, на первый взгляд, кажется артефактной. Однако самоанализ как универсальная, *общая личностная стратегия* очень вариативен. При физической угрозе он выполняет функции оценки своих сил, контроля уровня возбудимости, импульсивности. При угрозе психического благополучия самоанализ направлен на исследование и изменение Я, при угрозе социального одиночества – на анализ отношений. Вторую стратегию – обращение за помощью – также можно обозначить как *общую*. В случае опасности значимый Другой позволяет распределить ответственность, объединить усилия, контролировать эмоции, подтвердить универсальность опыта, переживаемого субъектом, а значит – указать на наличие выработанных человечеством способов решения проблемы. Эта мысль является центральным тезисом аналитической психологии К. Юнга, который утверждал, что «все люди глубоко связаны друг с другом... ни одно индивидуальное переживание не является абсолютно идиосинкратическим, отдельным от судьбы остальных» (Стайн, 2009, с. 132), т. е., согласно Джону Донну, «нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий – часть континента...» (там же).

Важно отметить, что вне зависимости от того, в каком состоянии находится человек («опасность», «безопасность», «нейтральное»), его представление о безопасности инвариантно. По выделенным группам ассоциаций с безопасностью чаще всего соотносят пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие), защищенность (отсутствие угроз, защита), внешний комфорт (дом, семья, друзья). В настоящем исследовании доказано, что при усилении угрозы вариативность используемых способов достижения безопасности увеличивается, т. е. состояние опасности является стимулом для актуализации внутренних ресурсов человека, его возможностей, направленных на нивелирование угрозы. В этом случае субъект прибегает как к общим (универсальным) стратегиям, так и к частным.

Кластерный анализ данных позволил выделить три группы людей, по-разному воспринимающих угрозу и по-своему реагирующих на нее. Предваряя интерпретации каждой группы в отдельности, следует отметить, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности. Несензитивные к угрозе личности (типичная угроза – угроза психическому благополучию) воспринимают безопасность не только как защищенность, но и как свободу, самореализацию, которые не конфликтуют друг с другом. Степень угрозы в этой группе ниже, чем во всех остальных, и, с нашей точки зрения, она сопряжена с *угрозой стагнации Я*. Кроме универсальных стратегий, применяются изменение ситуации усилием воли и контроль над ситуацией. Несензитивные к угрозе личности способны рассматривать некоторые опасности как случайность, неожиданность, что позволяет им дифференцировать разные типы угроз и повышать общий уровень личной безопасности.

Сензитивные к угрозе личности (типичная угроза – физическая) воспринимают безопасность как состояние внутреннего комфорта и защищенности, воспринимают среду как небезопасную, стремятся к установлению границ, поэтому личная безопасность сензитивного к угрозе человека сопряжена с *угрозой внедрения в сферу Я*. Используют универсальные способы достижения безопасности, однако нередко избегают опасности.

Амбивалентные личности представлены двумя подгруппами: амбивалентные зависимые и амбивалентные диффузные. Первая подгруппа – зависимые (типичная угроза – физическая угроза) – воспринимает безопасность амбивалентно: и как внешний ком-

форт, и как свободу, самореализацию. В отличие от несензитивных к угрозе личностей, у зависимых эти две тенденции конфликтуют, что проявляется в неосознаваемом страхе потери внешней опоры, авторитетной фигуры при декларации стремления к свободе и независимости. Личная безопасность связана с *угрозой сепарации, с потерей ощущения защищенности Я*. Типичные способы достижения безопасности – обращение за помощью. Вторая подгруппа – диффузные (типичная угроза – физическая угроза, угроза жизни, атипичная – социальное одиночество) – в отличие от амбивалентных зависимых обнаруживает внутреннюю противоречивость не в конфликте «зависимость–свобода», а в конфликте «активный самоанализ – пассивный внутренний комфорт». Именно в этой группе самоанализ, позитивное мышление направлены не на внутреннюю работу, а на нивелирование угрозы, на ее отрицание (по-существу, на избегание), что и приводит к быстрой переоценке ситуации с опасной на безопасную. Пассивный внутренний комфорт как типичная ассоциация на слово «безопасность» характеризует группу как внутренне неструктурированную, диффузную, а отрицание социального одиночества как угрозы и игнорирование помощи другого – как проблему интеграции в социальный контекст, избегание контактов. По сравнению с сензитивными к угрозе личностями, это не угроза внедрения, которая предполагает ясное представление о своих границах, интегрированную идентичность, а более сильная угроза, связанная с недоверием, с *угрозой потери Я*.

Выводы

1. В исследовании показано, что личная безопасность в значительной степени определяется личностными предпочтениями, особенностями субъективного восприятия мира.
2. Типичными угрозами психологической безопасности человека являются физическая угроза, угроза психическому благополучию и угроза социального одиночества.
3. Выделены универсальные (самоанализ, обращение за помощью) и специфические (контроль, волевое усилие, избегание) стратегии достижения безопасности.
4. Безопасность чаще всего ассоциируется с пассивным внутренним комфортом, защищенностью и внешним комфортом. Вклад таких ассоциаций, как свобода и самореализация, незначителен.

5. Определены различия между несензитивными, сензитивными к угрозе личностями и личностями амбивалентными. Показано, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности.

Литература

- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Кинодо Ж.-М. Приручение одиночества. М.: Когито-Центр, 2008.
- Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
- Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Апрель-Пресс-Эксмо, 2002.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. М.: Когито-Центр, 2009.
- Хржановски Г. Психодинамические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливена и Эриха Фромма // Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда. М.: Когито-Центр–МГМ, 2002. С. 358–394.
- Carter M. M., Hollon S. D., Carson R., Shelton R. C. Effects of a safe person on induced distress following a biological challenge in panic disorder with agoraphobia // Journal of Abnormal Psychology. V. 104 (1). Feb. 1995. P. 156–163.
- Christian M. S., Bradley J. C., Wallace J. C., Burke M. J. Workplace safety: A meta-analysis of the roles of person and situation factors // Journal of Applied Psychology. V. 94 (5). Sep. 2009. P. 1103–1127.
- Dickstein S. Confidence in protection: A developmental psychopathology perspective // Journal of Family Psychology. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 484–487.
- Egan M. P. Contracting for safety: A concept analysis // Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. V. 18 (1). 1997. P. 17–23.
- Goldberg S., Grusec J. E., Jenkins J. M. Confidence in protection: Arguments for a narrow definition of attachment // Journal of Family Psychology. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 475–483.
- Helm F. L. Hope is curative // Psychoanalytic Psychology. V. 21 (4). Feb. 2004. P. 554–566.

- Isabella R. A.* Confidence in protection: Comment on Goldberg et al. (1999) // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 501–503.
- Leiter M. P., Zanaletti W., Argentero P.* Occupational risk perception, safety training, and injury prevention: Testing a model in the Italian printing industry // *Journal of Occupational Health Psychology*. V. 14 (1). Jan. 2009, P. 1–10.
- MacDonald K.* Love and confidence in protection as two independent systems underlying intimate relationships // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 492–495.
- Morrongiello B. A., Corbett M., Bellissimo A.* “Do as I say, not as I do”: Family influences on children’s safety and risk behaviors // *Health Psychology*. V. 27 (4). Jul. 2008. P. 498–503.
- Occhipinti S., Siegal M.* Reasoning and food and contamination // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 66 (2). Feb 1994. P. 243–253.
- Overstreet S, Braun S.* Exposure to community violence and post-traumatic stress symptoms: Mediating factors // *American Journal of Orthopsychiatry*. V. 70 (2). Apr. 2000. P. 263–271.
- Purdie-Vaughns V., Steele C. M., Davies P. G., Dittmann R., Crosby J. R.* Social identity contingencies: How diversity cues signal threat or safety for African Americans in mainstream institutions // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 94 (4). Apr. 2008. P. 615–630.
- Rappoport A.* The patient’s search for safety: The organizing principle in psychotherapy // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. V. 34 (3). Feb. 1997. P. 250–261.
- Schwebel D. C., Brezaussek C. M.* Father transitions in the household and young children’s injury risk // *Psychology of Men & Masculinity*. V. 8 (3). Jul. 2007. P. 173–184.
- Szapocznik J., Prado G.* Negative effects on family functioning from psychosocial treatments: A recommendation for expanded safety monitoring // *Journal of Family Psychology*. V. 21 (3). Sep. 2007. P. 468–478.
- Wallace J. C., Popp E., Mondore S.* Safety climate as a mediator between foundation climates and occupational accidents: A group-level investigation // *Journal of Applied Psychology*. V. 91 (3). May 2006. P. 681–688.
- Walumbwa F. O., Schaubroeck J.* Leader personality traits and employee voice behavior: Mediating roles of ethical leadership and work group psychological safety // *Journal of Applied Psychology*. V. 94 (5). Sep. 2009. P. 1275–1286.

- Weinstein N. D.* Why it won’t happen to me: Perceptions of risk factors and susceptibility // *Health Psychology*. V. 3 (5). 1984. P. 431–457.
- Weitlauf J. C., Smith R. E., Cervone D.* Generalization effects of coping-skills training: Influence of self-defense training on women’s efficacy beliefs, assertiveness, and aggression // *Journal of Applied Psychology*. V. 85 (4). Aug. 2000. P. 625–633.
- Wilson J. P., Petruska R.* Motivation, model attributes, and prosocial behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 46 (2). Feb. 1984. P. 458–468.

НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

М. Е. Зеленова

Проблема безопасности человека в современном мире становится все более актуальной. Это в значительной степени связано с ростом числа техногенных и природных катастроф, с масштабными социальными изменениями в обществе, ведущими к разрушению привычных стереотипов поведения, с увеличением объема информационных потоков и общим ускорением жизненного темпа. Все это нарушает привычные условия жизни людей, фрустрирует потребность в безопасности и защищенности от неблагоприятных воздействий, ставящих под удар жизнь человека, его здоровье, уверенность в своем будущем.

Понятие «безопасность» все чаще рассматривается в качестве составной части психологического тезауруса, а изучение психологической безопасности личности является отдельным самостоятельным научным направлением.

Современные подходы к изучению безопасности позволяют охарактеризовать различные критерии, уровни и компоненты в структуре психологической безопасности взаимодействующих субъектов. В качестве основного ее критерия выделяют целостность физической структуры человека, соответствующую нормам стабильного функционирования организма. Затем следует группа критериев, относящихся к индивидуально-психическому уровню, куда входят такие составляющие, как адекватность отражения и отношения к миру, защищенность психики, адаптивность функционирования, защищенность сознания человека от различного рода манипулятивных воздействий. Наконец, на личностном или субъективном уровне предметом исследования психологии безопасности выступают особенности переживания социальных потрясений, а также последствий чрезвычайных обстоятельств, физического или психического

насилия, возникающие вследствие конкретных событий и поведенческих актов, несущих угрозу собственной безопасности или безопасности близких человека (Грачев, 1998; Еремеев, 2006; Ермаков, Абакумова, 2007).

Таким образом, психологическая безопасность личности рассматривается в связи с мобилизацией ресурсов человеческой психики в трудных и экстремальных условиях, а реализация потребности в безопасности – как сохранение психологической целостности индивида, наличия у него чувства удовлетворенности настоящим и уверенности в будущем, ощущения защищенности интересов и ценностей, включенности в окружающую действительность.

В этом контексте под психологической защищенностью понимается относительно устойчивое положительное эмоциональное переживание и осознание индивидом возможности удовлетворения своих основных потребностей и обеспеченности собственных прав в любой, даже неблагоприятной ситуации, при возникновении обстоятельств, которые могут блокировать или затруднять их реализацию.

Традиционно защищенность психики человека изучалась в рамках психодинамического подхода, сторонники которого полагали, что совладание со стрессовой ситуацией происходит в большинстве случаев за счет имеющихся у индивида механизмов защиты и копингов. При этом копинг рассматривался как гибкое целенаправленное дифференцированное поведение, ориентированное на реальность. А механизмы защиты выступали как дисфункциональные проявления, приводящие к невротическим и психотическим расстройствам, вызывая ригидное, недифференцированное поведение, противоречащее реальности. Считалось, что в напряженных жизненных ситуациях процессы преодоления и защиты находятся в «конфликтных» отношениях, при этом неосознаваемые защиты могут препятствовать выбору позитивных стратегий преодоления, приводя к непродуктивному решению возникающего конфликта, т. е. копинги рассматривались как адаптивные формы поведения, а механизмы защиты – как дезадаптивные (Абаков, Перре, 2004; Маликова, Михайлов и др., 2008; Реан и др., 2006).

В настоящее время термин «психологическая защита» давно уже вышел за рамки первоначального понимания, предложенного представителями психоаналитической ориентации. В литературе наблюдается значительный терминологический разброс и насчитывается большое число классификаций психологических механизмов

мов защиты, построенных на разных основаниях. При этом понятие «психологическая защита» получило очень широкую трактовку и стало рассматриваться не только как внутриличностное явление, но и как феномен межличностного и межгруппового взаимодействия, а также взаимодействия человека с информационной средой и обществом, т. е. в широком смысле понятие «психологическая защита» выступает как функция личности в целом, как сложная структурно-функциональная система, включающая особенности мировоззрения, когнитивные особенности, индивидуально-личностные свойства и др., и применяется для обозначения любого поведения, устраняющего психологический дискомфорт (Грачев, 1998; Самознание..., 2000).

Психологическая защита, понимаемая в узком смысле, по-прежнему рассматривается как результат функционирования ряда защитных механизмов, таких как подавление, отрицание, проекция, идентификация, регрессия, изоляция, рационализация и др. Данные механизмы обеспечения психологической защищенности составляют специальную регулятивную систему стабилизации личности, позволяющую устранить или свести до минимума чувство тревоги и дискомфорта, вызываемого осознанием конфликта. В соответствии с таким подходом, в качестве основной ее функции выделяется «ограждение» сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний. Данный подход близок психоаналитической трактовке понятия «психологическая защита», однако здесь делается акцент на позитивной роли защит в процессе совладания с травмой. По мнению современных исследователей, основная функция неосознаваемых защитных процессов в преодолении стрессовых ситуаций состоит в предоставлении времени для подготовки других, более продуктивных способов преодоления негативных воздействий. Поэтому роль бессознательных защитных психических механизмов особенно важна на начальных стадиях адаптационного процесса, так как они выполняют на данном этапе основную охранительную функцию, обеспечивая минимизацию действия неблагоприятных факторов и перенапряжения в период отсутствия у индивида сформированной программы дальнейших действий (Анцыферова, 1994; Бодров, 2006).

Таким образом, психологическая защита является неотъемлемой частью адаптационных реакций, включающих осознаваемые и неосознаваемые компоненты, имеющие разные особенности и закономерности протекания. Включение в адаптационный процесс

механизмов психологических защит, наряду с другими стратегиями совладающего поведения, формирует качественно различные внутренние условия развития адаптационного процесса. Соотношение сознательных и бессознательных составляющих, их структура и динамика в период постстрессовой адаптации обуславливают различные последствия для личности, определяя ее успешность и психологическую безопасность.

На основании анализа результатов ряда исследований, посвященных проблеме защитных механизмов, можно предположить, что структура механизмов психологической защиты, ее напряженность и динамика связаны с тем числе и с психофизиологическими характеристиками индивида (Курчакова, Тарабрина и др., 2009; Медведев, 2003). По некоторым данным, оценка динамических свойств и изменчивости защитных механизмов в определенные фиксированные временные периоды и сопоставление с активностью функционирования механизмов совладания могут выступать критериями эффективности адаптации и психического здоровья в целом и даже прогнозировать развитие адаптационного процесса и дифференцировать природу формирования дезадаптивных состояний (Березин, 2001; Яницкий, Портнова и др., 2007)

Особую значимость проблема обеспечения психологической безопасности личности, изучение роли защитных механизмов как сознательных, так и неосознаваемых процессов регуляции поведения приобретают в тех жизненных ситуациях, когда возникает прямая угроза гибели или нарушения физической целостности индивида.

Воздействие боевой обстановки относится к числу наиболее тяжелых травматических факторов. Опыт участников военных действий можно охарактеризовать не только как кризисный, но и аномальный. Война вынуждает людей вести себя по правилам боевой обстановки, погружает в жизненную ситуацию с иной ценностно-смысловой системой, иными жизненными приоритетами, когда представления о конечности человеческого существования вынужденно актуализируются. Психологический ущерб, полученный в результате военной травмы, приводит к дезориентации в окружающей обстановке, нарушению адекватности представлений человека об окружающем мире, снижению самоуважения и чувства уверенности, утрате целостности Я, выборе неадекватных целей и способов поведения. Возможны нарушения психического здоровья вплоть до развития тяжелых форм посттравматического стрессового расстройства (Аббков, Перре, 2004; Тарабрина, 2007). В результате

вернувшись домой ветеранам приходится вновь адаптироваться к мирным условиям, где доминируют мирные ценности, а факт существования смерти оказывается где-то на периферии сознания и в повседневности не принимается в расчет. С психологической точки зрения, сформировавшийся на войне особый тип личности нуждается в реадaptации, т. е. в обратной личностной перестройке (Магомед-Эминов, 1996).

В этой связи все большее число исследователей обращают внимание на изучение не только социальных, но и личностных ресурсов, позволяющих создать эффективную систему психологической безопасности личности, успешно преодолеть пережитую трагедию и справиться с ее последствиями. Как было сказано выше, неосознаваемым механизмам психологической защиты также отводится важное место в структуре регуляторных процессов, необходимых для преодоления стрессовых ситуаций. Вместе с тем, экспериментальные исследования роли неосознаваемых компонентов психологического уровня регуляции в обеспечении успешности адаптационного взаимодействия человека с окружающей средой после пребывания его в травматических ситуациях (в том числе – участии в военных действиях) в литературе немногочисленны (Анцыферова, 2001; Курчакова, Тарабина и др., 2009; Яницкий, Портнова и др., 2007).

В ходе совместного с Е. О. Лазебной лонгитюдного исследования, проведенного в Институте психологии РАН и направленного на изучение роли личностных качеств и индивидуально-психологических особенностей ветеранов в обеспечении успешности процесса адаптации (Лазебная, Зеленова, 1999, 2007), мы попытались проработать гипотезу о существовании взаимосвязи между характером постстрессовой адаптации участников военных действий и особенностями неосознаваемых психологических защит у переживших психический стресс военной этиологии. Предполагалось, что в зависимости от структуры защитных механизмов индивида процесс социально-психологической адаптации, включающий восстановление разрушенных травмой психических личностных образований, в том числе чувства целостности, защищенности и психологической безопасности личности, будет отличаться в группах с разной его успешностью.

Целью этой части эмпирического исследования стало изучение взаимосвязей внутриличностных психологических защит с основными показателями, отражающими успешность процесса постстрессовой адаптации участников военных действий.

В связи с этим на втором этапе данного лонгитюдного исследования было осуществлено психодиагностическое обследование ветеранов с различным уровнем адаптированности и выраженности посттравматических стрессовых проявлений, и осуществлена статистическая обработка всего массива полученных экспериментальных данных, куда вошли индивидуально-личностные и социально-демографические характеристики испытуемых.

Методика

Участники исследования. В качестве обследованных выступили ветераны боевых действий в Афганистане, проходившие срочную службу в период с 1979 по 1989 гг. Все испытуемые принимали участие в военных действиях и имели равный по тяжести боевой опыт. Никто из них не был тяжело ранен или контужен, никто не страдал тяжелыми психотическими расстройствами. Образование – среднее или среднее техническое.

Все испытуемые были ознакомлены с задачами обследования и участвовали в нем на условиях информированного согласия.

Исследование проходило в Институте психологии РАН при поддержке РГНФ и включало три этапа (подробнее см.: Лазебная, Зеленова, 1999, 2007). Основные результаты, представленные в этой статье, получены по итогам второго этапа обследования участников военных действий (1999–2000 гг., N = 45 чел.). Средний возраст на момент второго обследования – 35 лет.

Процедура исследования была стандартной для всех испытуемых. Сначала проводилась беседа на основе клинического диагностического интервью СКИД для DSM–III-R, затем участники исследования заполняли психологические опросники в случайном порядке.

Методы исследования. В ходе обследования по результатам клинического диагностического интервью СКИД для DSM–III-R у ветеранов войны в Афганистане определялись: общий уровень адаптированности по «Интегральной шкале функционирования» (FS); наличие признаков посттравматического стрессового состояния и степень их выраженности (шкала CAPS); основные параметры демографического, социального и профессионального статуса; особенности субъективной оценки травматического опыта и его последствий.

«Интегральная шкала функционирования» FS SCID (Global Assessment of Functioning Scale) в гипотетическом континууме «психи-

ческое здоровье – болезни» позволяет оценить особенности психологического, социального и профессионального функционирования индивида в течение определенного периода времени. Она заполняется экспертом по результатам проведения клинического диагностического интервью SKID и имеет градацию от 10 до 90 баллов. Высокие баллы по Шкале FS свидетельствуют о хорошей адаптированности индивида во всех областях жизнедеятельности. Имеющиеся у него проблемы обычно не выходят за рамки повседневных неприятностей и, как правило, успешно решаются. Низкие баллы характеризуют разную степень дезадаптивного поведения (в том числе асоциальные поступки, попытки суицида и др.).

Индивидуально-психологические и личностные особенности участников боевых действий оценивались с помощью комплекса методик, широко применяемых в психологической практике. Были использованы: «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева (СЖО); шкала С. Р. Панталева «Методика исследования самоотношения (МИС)»; опросник Дж. Роттера для измерения уровня субъективного контроля (УСК); шкала личностной тревожности Спилбергера–Ханина (ЛТ); опросник Басса–Дарки для выявления агрессии.

Субъективная оценка успешности поствоенной адаптации определялась по шкале «Успешность военной посттравматической адаптации» (УВПА), разработанной Е. О. Лазебной. Данная шкала имеет обобщенные и частные индексы и позволяет охарактеризовать адаптационный статус ветеранов по четырем направлениям – успешность в профессиональной сфере, успешность в сфере межличностного взаимодействия, удовлетворенность организацией и проведением свободного времени и особенности психологического и соматического состояния (Лазебная, 2006).

Диагностика структуры психологических защит у военнослужащих осуществлялась при помощи тест-опросника механизмов защиты Life Style Index Р. Плутчика (LSI), имеющего следующие шкалы: отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивное образование (Бурлачук, Морозов, 1999).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ PASW Statistics 17. В зависимости от типа измерительных шкал, при оценке достоверности различий применялись соответствующие параметрические и непараметрические критерии. Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Для выявления возможной группировки переменных и установления весовых коэффициентов, определяющих степень включенности каждой из них в ту или иную группу, применялся факторный анализ (метод главных компонент).

Основные результаты исследования представлены в таблицах 1–3.

Результаты и их обсуждение

1. Структура неосознаваемых психологических защит у «адаптированных» и «дезадаптированных» ветеранов военных действий

Для выявления различий в структуре психологических защит у ветеранов, имеющих разную степень социально-психологической адаптации в социуме, был проведен *сравнительный анализ*.

С этой целью участники эмпирического исследования на основе медианного критерия были разделены на две группы в зависимости от величины суммарного индекса адаптированности, полученного по «Интегральной шкале функционирования» FS (медиана $Md = 80$). Группу, условно названную нами «адаптированные», составили ветераны, у которых значения шкалы FS были больше 80 баллов (группа А, $FS > 80$, $n = 24$). Соответственно, группу, условно названную «дезадаптированные», составили ветераны, у которых значения по шкале FS оказались меньше или равны 80 баллам (группа Д, $FS \leq 80$, $n = 21$). В зависимости от типа измерительных шкал, при оценке достоверности различий применялись (t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна–Уитни).

В таблице 1 представлены результаты сравнительного статистического анализа групп «адаптированных» и «дезадаптированных» ветеранов.

Как видно из таблицы 1, группы «адаптированных» и «дезадаптированных» ветеранов не различаются по возрасту и уровню образования. Однако значимо большее количество «адаптированных» ветеранов имеют семьи, детей и постоянное место работы.

Средние баллы, характеризующие степень выраженности защитных механизмов, по шкалам опросника LSI всюду выше в группе «адаптированных», по сравнению с «дезадаптированными» участниками военных действий. Данные различия имеют степень статистически значимых по таким видам защит, как «замещение» ($P \leq 0,05$), «интеллектуализация» ($P \leq 0,01$) и «реактивное образование» ($P \leq 0,05$). Что касается защиты «проекция», то здесь различия достигают лишь уровня статистически выраженной тенденции.

Таблица 1

Сравнение средних между группами А («адаптированные») и Д («дезадаптированные»)

Группы А/Д N 24/21	М (А)	SD (А)	М (Д)	SD (Д)	P ≤
1. Шкалы LSI					
отрицание	7,75	2,48	7,38	2,44	0,62
подавление	5,79	1,86	5,48	1,91	0,55
регрессия	6,71	2,71	5,29	3,21	0,11
компенсация	4,96	1,82	4,57	1,59	0,46
проекция	8,71	2,45	7,38	2,65	0,09
замещение	6,21	2,32	6,00	3,30	0,05
интеллектуализация	9,38	1,49	7,76	2,21	0,01
реактивное образование	4,58	2,12	3,33	2,00	0,05
2. Общий уровень адаптированности по «Интегральной шкале функционирования» (FS) и степень выраженности посттравматических проявлений (CAPS)					
FS 99	85,79	4,04	50,86	16,37	0,001
Шкалы CAPS:					
частота (F)	4,08	5,51	11,95	10,24	0,01
интенсивность (I)	4,62	5,7	14,38	9,49	0,001
сумма (Т)	8,71	11,16	26,33	19,24	0,001
3. Параметры социально-демографического и профессионального статуса					
образование	12,0	2,41	11,0	2,11	0,31
возраст	34,95	4,56	36,47	5,29	0,72
наличие семьи	1,91	0,28	1,57	0,51	0,001
количество детей	1,58	0,65	1,0	0,94	0,05
наличие работы	0,95	0,20	0,81	0,40	0,001

Относительно защитных механизмов «отрицание», «подавление», «регрессия» и «компенсация» выявленные среднегрупповые различия недостоверны. Рисунок 1 представляет собой схематическое отображение результатов, содержащихся в таблице 1.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что у ветеранов, переживших психический травматический стресс и впоследствии благополучно преодолевающих его негативное воздействие, система психологических защит более выражена. Они в целом более интенсивно «используют» личностные защиты в повседневной жизни. При этом, решая задачи по нейтрализации болезненных аффектов,

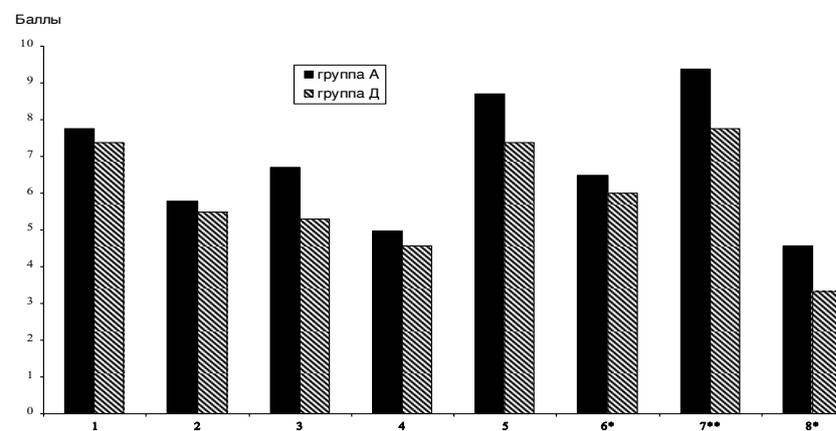

Рис. 1. Выраженность защитных механизмов в группах «адаптированных» и «дезадаптированных» ветеранов

Шкалы методики LSI: 1 – отрицание; 2 – подавление; 3 – регрессия; 4 – компенсация; 5 – проекция; 6 – замещение; 7 – интеллектуализация; 8 – реактивное образование. * – различия значимы на уровне $p < 0,05$; ** – на уровне $p < 0,01$.

воспоминаний, неприятных переживаний и мыслей, «адаптированные» ветераны гораздо чаще прибегают к защитам, относимым большинством исследователей к группе онтогенетически более поздних, «зрелых» и более эффективных. Иначе говоря, структура защитных механизмов у лиц, успешно преодолевающих последствия военного стресса, обеспечивает им более широкие адаптационные возможности по совладанию с психической травмой, в большей степени гарантирует психологическую безопасность личности, способствует нормализации социального и психического функционирования обследованных в разных видах и сферах жизнедеятельности.

Полученные нами данные хорошо соотносятся с результатами лонгитюдного исследования копинг-стратегий у выпускников-мужчин Гарварда Ваилланта Дж. (Vaillant, 1971), экспериментально показавшего существование взаимозависимостей между особенностями копинг-стратегий и высокими достижениями второй половины жизни. Было установлено, что высокий уровень доходов, удовлетворенность взрослых мужчин работой, браком и дружескими взаимоотношениями напрямую связана со зрелостью их системы защит (Глейтман, Фридлунд, Райсберг, 2001).

2. *Взаимосвязь механизмов защит с показателями успешности постстрессовой адаптации, социально-демографическими и психологическими характеристиками ветеранов*

В ходе дальнейшего анализа, направленного на выявление особенностей защитных механизмов личности и субъективной реакции на психотравмирующие ситуации и их преодоление, был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляций Спирмена). В результате была получена матрица интеркорреляций шкал опросника психологических защит (LSI) и показателей, отражающих успешность посттравматической адаптации участников военных действий.

В таблице 2 представлен фрагмент полной матрицы, содержащий только значимые взаимозависимости.

Как видно из таблицы 2, из всех защит, определяемых с помощью опросника LSI, только защита «интеллектуализация» имеет значимую связь с основным обобщенным показателем уровня адаптированности Интегральной шкалы функционирования FS, т. е. чем более выражена у ветеранов такая защита, как «интеллектуализация», тем успешнее идет процесс посттравматической стрессовой адаптации и тем чаще у обследованных наблюдается динамика неблагоприятных состояний в сторону улучшения. И наоборот: чем меньшее значение в системе защит принадлежит «интеллектуализации», тем чаще встречаются негативные проявления, характерные для посттравматических стрессовых состояний, и тем выше их интенсивность. Из таблицы 2 видно также, что позитивная динамика постстрессовой адаптации и степень выраженности защиты «подавление» находятся в обратной связи, т. е. преобладание механизма подавления, вытеснения неприятных жизненных событий и переживаний у ветеранов военных действий затрудняет их успешное функционирование в социуме.

При анализе взаимосвязей субъективных оценок травматического опыта и его последствий (показатели УВПА) и показателей структуры психологических защит было выявлено, что удовлетворенность своей трудовой деятельностью и сферой общения находятся в прямой корреляционной связи со степенью выраженности такой защиты, как «проекция», т. е. чем больше удовлетворены ветераны своими достижениями в профессиональной сфере и характером взаимодействия с другими людьми, тем выше значения проективного механизма защиты. Соответственно, как видно из таблицы 2, частота встречаемости жалоб на «проблемы в общении» и степень выраженности защиты «проекция» находятся в обратной связи.

Таблица 2

Связь шкал опросника LSI с показателями адаптированности. Фрагмент общей матрицы (коэффициенты корреляций Спирмена)

Переменные	Шкалы LSI							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Общий уровень адаптированности по «Интегральной шкале функционирования» (FS) и степень выраженности посттравматической симптоматики (CAPS)								
FS 99							0,47**	
динамика FS		-0,37**					0,34*	0,31*
Шкалы CAPS								
интенсивность I							-0,32*	
сумма T							-0,31*	
2. Параметры демографического, социального и профессионального статуса								
образование	0,5***		-0,31*					
семья			0,35*				0,31*	
дети							0,31*	
хобби						0,42**		
3. Особенности субъективной оценки травматического опыта и его последствий								
Шкалы УВПА								
работа					0,47**			
досуг	-0,30*							
общение					0,31*			
4. Индивидуально-психологические и личностные особенности								
ЛТ Спилбергера					-0,32*		-0,31*	
проблемы в общении					-0,41**			
Агрессия:								
физическая						0,30*	-0,30*	
вербальная							-0,31*	
косвенная	-0,41**		0,38**			0,43**	-0,32*	
раздражительность	-0,36*		0,5***		0,5***	0,6***		

Продолжение таблицы 2

подозри- тельность			0,31		0,34*	0,6***		
обида			0,45**			0,44**	-0,43**	
Индекс агрессив- ности	-0,34*				0,37*	0,39	-0,42*	
Индекс враждеб- ности	-0,31*		0,47**		0,5***	0,6***		
УСК Ио	0,34*							
УСК Ид	0,40**		-0,39**					
УСК Ис	0,34*							0,30*
УСК Ип	0,39**		-0,4**					
МИС субшкалы								
самоцен- ность			-0,33*					
самообви- нение							-0,31*	
СД актив- ность		0,39**						
СД здоровье		-0,34*						

Примечание: 1. отрицание; 2. подавление; 3. регрессия; 4. компенсация; 5. проекция; 6. замещение; 7. интеллектуализация; 8. реактивное образование. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Субъективно оцененная продолжительность преодоления трудностей адаптации в области «досуга» оказалась тем выше, чем менее выражена такая защита, как «отрицание».

Анализ корреляционной матрицы выявил также взаимосвязь, существующую между отдельными видами защит и параметрами социально-демографического статуса обследованных. Так, полученные коэффициенты корреляции позволяют говорить, что у семейных и имеющих детей ветеранов чаще встречаются такие защиты, как «интеллектуализация» и «регрессия». Уровень образования напрямую связан с выраженностью «отрицания» и находится в обратной связи с «регрессией». Чем чаще обследованные отмечают, что в свободное время увлекаются каким-либо хобби (занимаются спортом, автоделом, вырезают по дереву и др.), тем в большей степени им присущ такой вид защиты, как «замещение».

Были также обнаружены корреляционные взаимосвязи между шкалами LSI и индивидуально-личностными характеристиками испытуемых.

Как и следовало ожидать, выявились некоторые взаимозависимости между защитными механизмами и степенью тревожности и агрессивности ветеранов. Уровень личностной тревоги, измеряемый с помощью шкалы Спилбергера – Ханина, оказался в обратной связи с такими защитами, как «интеллектуализация» и «проекция», т. е. чем выше личностная тревожность ветеранов, тем меньше представлены данные виды защит.

Что касается агрессии, то оказалось, что пять из восьми шкал методики LSI, характеризующих индивидуальную систему защит, коррелируют с обобщенными и частными показателями опросника Басса–Дарки, измеряющего различные формы проявления агрессивности. Как видно из таблицы 2, такие защиты, как «регрессия», «проекция» и «замещение», обнаружили прямую связь с уровнем агрессивности, а защиты «отрицание» и «интеллектуализация» – обратную. Не выявлено статистически достоверных корреляций уровня агрессивности обследованных ветеранов с защитными механизмами «подавление», «компенсация», «реактивное образование».

Обнаружены корреляционные взаимосвязи между отдельными шкалами, характеризующими особенности субъективного локус-контроля индивида в разных сферах жизнедеятельности (шкалы методики УСК) и механизмами защит. По полученным данным, интернальность напрямую связана с частотой встречаемости таких защит, как «отрицание» и «реактивное образование», и отрицательно коррелирует с защитой «регрессия». Выявлено, что, чем больше выражена защита «отрицание», тем выше индекс общей интернальности ветеранов (Ио), а также показатели интернальности в области достижений (Ид), в области семейных отношений (Ис) и интернальность в производственных отношениях (Ип). Высокие баллы по шкале LSI «регрессия», наоборот, соответствуют низкому уровню интернальности в таких областях, как семейные и производственные отношения. Высоким показателям по шкале LSI «реактивное образование» соответствуют более высокие значения шкалы УСК Ис, характеризующей степень принятия ответственности индивидом за события, происходящие в семейной жизни (Ис).

Среди показателей, характеризующих особенности «Я-концепции» обследованных ветеранов (структуру самоотношения и характер смысловых ориентаций), значимые корреляции с защи-

тами немногочисленны. Было выявлено, что чем выше интерес к своему «Я» и ощущение ценности собственной личности (шкала МИС «самоценность»), тем реже используется такой механизм защиты, как «регрессия». Данный механизм, по мнению авторов методики LSI, связан с такой личностной чертой, как «склонность к бесконтрольности поведения»: чем выше ценят себя испытуемые, тем более осознанными являются их поступки, тем чаще они опираются на внутренние критерии оценки и реже прибегают в ситуациях конфликта к регрессивным формам поведения. Высокий уровень самообвинения и отрицательные эмоции в адрес «Я» (шкала МИС «самообвинение») соответствует низким баллам по шкале LSI «интеллектуализация». Высокие самооценки собственной активности по фактору семантического дифференциала, группирующиеся вокруг шкал СД «активный–пассивный» напрямую связаны с высокими значениями защиты «подавление». Наоборот, субъективные оценки состояния своего здоровья тем выше, чем меньше выраженность данного защитного механизма. Оказалось также, что ни одна из шкал методики СЖО, отражающей общий уровень осмысленности жизни ветеранов, не дала значимых корреляций с особенностями их защитной системы.

Кроме того, не выявлено статистически значимых корреляций психологических защит с сознательным избеганием раздражителей, ассоциирующихся с травмой, а также значимых корреляций защитных механизмов с признаками ПТСР (навязчивыми переживаниями травматических эпизодов и с проявлениями повышенной физиологической возбудимости).

Как и ожидалось, частота встречаемости случаев избегания и навязывания, полученная по результатам беседы в ходе клинического интервью СКИД, оказалась в наибольшей степени связанной с общим уровнем социально-психологического функционирования по шкале СКИД FS и субъективной оценкой своей успешности по шкале УВПА, а также с уровнем личностной тревожности, внутренней конфликтности, самообвинениями в адрес Я, переживанием «активности» и интернальностью в семейной сфере.

3. Неосознаваемые механизмы защиты в факторном пространстве показателей адаптированности

С целью более углубленного понимания роли неосознаваемых психологических защит и их места среди других показателей постстрессовой адаптации, данные были подвергнуты статистической

обработке с помощью *факторного анализа*. Использовался метод главных компонент с дальнейшим поворотом факторных структур по принципу Varimax.

Из общего массива данных были отобраны и факторизованы лишь те переменные, которые по результатам предварительного анализа оказались в наибольшей степени связанными с характером процесса адаптации. В результате первичную матрицу факторизации составили следующие группы показателей: 1) обобщенный показатель успешности социального функционирования (шкала СКИД FS) и показатели, отражающие частоту и интенсивность негативных посттравматических стрессовых нарушений (шкала CAPS); 2) переменные, отражающие особенности субъективной оценки травматического опыта и его последствий (суммарные индексы шкалы УВПА); 3) показатели индивидуально-психологических и личностных характеристик испытуемых (обобщенные индексы ВДНН, СЖО, МИС, СД, УСК, ЛТ Спилбергера и шкалы LSI); 4) основные социально-демографические переменные (наличие постоянной работы, возраст, семья, количество детей). В результате было получено 14 значимых факторов, описывающих 82,85% совокупной дисперсии, и найдены нагрузки шкал по каждому из них.

В таблице 3 представлен фрагмент общей матрицы, куда вошли только те факторы, где содержатся шкалы методики Life Style Index Р. Плутчика (LSI).

Как видно из таблицы 3, шкалы методики LSI вошли в состав четырех факторов общей матричной структуры показателей постстрессовой адаптации. При этом защиты «реактивное образование», «отрицание» и «подавление» выступили в качестве фактообразующих пятого, седьмого и одиннадцатого факторов полученной матрицы.

Защиты «замещение», «проекция» и «регрессия» в качестве важных переменных, имеющих высокие факторные нагрузки наряду с обобщенными индексами методики Басса–Дарки («индексом агрессивности» и «индексом враждебности»), характеризующими выраженность разных форм агрессивного поведения, составили фактор № 4, названный «агрессия». Объединение в едином факторе различных видов агрессии и защитных механизмов еще раз подтверждает общепринятый теоретический постулат о наличии между ними тесной взаимосвязи. Из литературных источников известно, что именно защита «замещение» в наибольшей степени связана с формированием в онтогенезе защитного механизма

Таблица 3

Фрагмент факторной матрицы, содержащий шкалы методики LSI

Факторы	Переменные	Факторные нагрузки
Фактор 4 «агрессия» (7,6%)	Индекс враждебности BDHI	0,82
	Защита «замещение»	0,78
	Индекс агрессии BDHI	0,68
	Защита «проекция»	0,66
Фактор 5 «реактивное образование» (6,07%)	Защита «реактивное образование»	0,77
	Защита «интеллектуализация»	0,67
	Защита «компенсация»	0,38
	Индекс агрессии BDHI	-0,47
Фактор 7 «отрицание» (4,57%)	Интернальность в области неудач	-0,37
	Защита «отрицание»	0,77
	Удовлетворенность функционированием	-0,56
	Контроль на стадии планирования	0,54
Фактор 11 «подавление» (4,2%)	Внутренняя конфликтность	-0,34
	Защита «подавление»	0,90
	Активность	0,46
	Удовлетворенность функционированием	-0,45
	Защита «компенсация»	-0,35

для снятия напряжения и сдерживания эмоций гнева путем переноса их на более слабый или неодушевленный объект или самого себя. Согласно мнению авторов методики LSI Плутчика, Келлермана и Конте, существует связь между личностными чертами, расстройствами личности и механизмами защиты. В частности, «регрессия» связана с импульсивностью и слабостью волевого контроля, «проекция» с подозрительностью и параноидальностью, а «замещение» – с агрессией (Ильин, 2004). Полученная нами факторная структура экспериментально фиксирует взаимоотношения между агрессией и неосознаваемыми механизмами защиты.

Ведущей шкалой фактора № 5 «реактивное образование» является соответствующая защита, по имени которой он получил свое название. Данный фактор имеет биполярную структуру. При этом защиты «реактивное образование», «интеллектуализация» и «компенсация» составили его положительный полюс. На отрицательном полюсе представлены такие переменные, как обобщенный индекс агрессии шкалы Басса–Дарки и шкала методики Дж. Роттера, характеризующая интернальность в области неудач, т. е. чем больше зна-

чения наиболее развитых форм психологических защит, тем меньше уровень агрессии и ниже уровень собственной ответственности за события, происходящие в жизни.

Фактор № 7 «отрицание» формируется вокруг одноименной защиты и также является биполярным. Интерпретация данного фактора позволяет говорить о существовании тесной связи между «отрицанием», наличием внутренних конфликтов, сомнений и несогласия с собой, наличием трудностей при планировании действий и общей удовлетворенностью индивида своей жизнью. Из таблицы 3 видно, что чем выше тенденция к игнорированию потенциально тревожной информации («отрицание») и трудности в организации начала деятельности, тем меньше удовлетворенность своим функционированием в обществе (измеренная с помощью шкалы УВПА) и выше «внутренняя конфликтность» (по шкале методики исследования самоотношения).

Структурообразующей шкалой одиннадцатого фактора выступила защита «подавление». Вместе с фактором семантического дифференциала «активность» она составила его положительный полюс. С отрицательными весами в данный фактор вошли такие показатели, как обобщенный индекс УВПА «удовлетворенность функционированием» и защита «компенсация», т. е. выраженность защиты «подавление», переживание собственной активности и степень удовлетворенности своим функционированием в социуме тесно взаимосвязаны. При этом такой механизм психологической защиты, как «подавление» (блокировка нежелательной информации), негативно отражается на восприятии собственного благополучия. Объединение в одном факторе защитного механизма «подавление» в прямо пропорциональной связи с показателем самооценки активности подтверждает сделанное нами ранее предположение о противоречивом психологическом смысле субъективного переживания активности у участников боевых действий. Проведенный подробный анализ показал, что за восприятием собственной активности у ветеранов войны зачастую скрывается высокий уровень общей психической напряженности, вызванный необходимостью тратить нервную энергию на борьбу с произвольными, навязчивыми вторжениями воспоминаний тяжелых эпизодов военного прошлого (Зеленова, 2006).

Таким образом, исследование системы психологических защит у военнослужащих, переживших стресс военной этиологии, использование разнообразных статистических процедур в процессе

анализа данных позволили получить внутренне непротиворечивые результаты, во многом соотносимые с имеющимися в литературе данными, и сформулировать следующие выводы.

Выводы

1. Результаты сравнительного статистического анализа показали, что у ветеранов, переживших психический травматический стресс и впоследствии благополучно преодолевающих его негативное воздействие, система психологических защит более выражена. В структуре защитных механизмов «адаптированных» ветеранов преобладают онтогенетически более поздние и «зрелые» защиты, такие как «замещение», «интеллектуализация» и «реактивное образование». Данный факт дает основание предположить, что подобные различия в структуре защитных механизмов могут рассматриваться как детерминанты эффективности постстрессовой адаптации ветеранов в их жизнедеятельности, так как в значительной степени позволяют сохранить эмоциональную стабильность и психологическую целостность, создают условия для обеспечения чувства защищенности и психологической безопасности.
2. Изучение взаимосвязей шкал методики LSI с важнейшими переменными, определяющими социально-психологический статус обследованных, показало, что защитный механизм «интеллектуализация» напрямую коррелирует с высоким уровнем общей адаптированности и позитивной динамикой постстрессовых состояний, а также находится в обратной связи с частотой и интенсивностью проявления признаков негативных состояний. Чем выше значения защиты «подавление», тем менее успешно нормализуются постстрессовые состояния.
3. Выявлены взаимосвязи защитных механизмов с показателями субъективной оценки успешности адаптации. Установлено, что защита «проекция» напрямую коррелирует с удовлетворенностью ветеранов своим функционированием в профессиональной сфере и в сфере общения, а время адаптации при организации послевоенного досуга обратно пропорционально выраженности защиты «отрицание».
4. Обнаружены многочисленные взаимосвязи защитных механизмов с индивидуально-личностными характеристиками ветеранов. Наличие различных форм агрессии и степень «зрелости» ис-

пользуемых защит находятся в прямой зависимости. Чем ниже уровень личностной тревожности, тем более выражены защиты «интеллектуализация» и «проекция». Общий уровень интернальности напрямую связан с защитой «отрицание». Высокая самооценка Я отрицательно коррелирует с уровнем «регрессии» и положительно – с защитой «интеллектуализация». Не выявлено ни одной значимой корреляции защит с показателями смысловых жизненных ориентаций.

5. На основе анализа связей защит и социально-демографических показателей обнаружено, что ветераны с высоким уровнем защиты «интеллектуализация» чаще имеют семью и детей и в целом более адаптированы. Чем выше уровень образования, тем выше значения защиты «отрицание» и ниже выраженность «регрессии». Наличие хобби соответствует высоким значениям защиты «замещение».
6. Проведение факторного анализа позволяет говорить о важном месте неосознаваемых защитных механизмов в ряду показателей, влияющих на характер постстрессовой адаптации. Все виды защит с высокими факторными весами распределились в составе четырех из четырнадцати значимых факторов общей матрицы. При этом защиты «реактивное образование», «отрицание» и «подавление» выступили в качестве факторообразующих. Факторный анализ показал также, что субъективная оценка своего состояния, характеризующая общую удовлетворенность индивида его жизнедеятельностью в разных социальных сферах, тесно связана прежде всего с «отрицанием», «подавлением» и «компенсацией». При этом высокой степени удовлетворенности соответствуют низкие значения «отрицания» и «подавления» и высокие значения защиты «компенсация». Кроме того, подтверждена связь защитных механизмов с показателями агрессивности и внутренней конфликтности.

Таким образом, по результатам проведенного экспериментального исследования можно утверждать, что система неосознаваемых психологических защит является неотъемлемым элементом регуляции постстрессовых состояний у участников военных действий в процессе адаптации к мирной жизни. Защитные механизмы, осуществляя контроль над интенсивностью негативного эмоционального состояния и создавая психологический барьер на пути разрушительного проникновения во внутренний мир человека болезненных аффек-

тивных вторжений и чувства тревоги, позволяют субъекту поддерживать его психологическую целостность, постепенно ассимилировать негативный травматический опыт и вырабатывать более эффективные стратегии и способы функционирования в социуме.

Литература

- Абабков В. А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004.
- Анциферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Березин Ф. Б. Тревога и адаптационные механизмы // Тревога и тревожность / Сост. и общая ред. В. М. Астапова. СПб.: Питер, 2001. С. 134–143.
- Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер Ком, 1999.
- Еремеев Б. А. Психология безопасности, психологическая безопасность и уровни развития человека // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: Сборник научных статей по материалам Первого Международного Форума (Санкт-Петербург, 5–7 июня 2006 г.) / Под общ. ред. И. А. Боевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш. СПб.: Книжный Дом, 2006. С. 101–103.
- Ермаков П. Н., Абакумова И. В. Основные подходы и критерии психологической безопасности личности // Психология личности: Учебное пособие / Под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. М.: Эксмо, 2007. С. 582–589.
- Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001.
- Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: РАГС, 1998.
- Зеленова М. Е. Активность в структуре факторов преодоления негативных последствий военной травмы у ветеранов боевых действий в Афганистане // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (1–2 февраля 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 84–94.

- Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004.
- Курчакова М. С., Тарабрина Н. В., Илларионова М. Д., Гришкова О. С. Связь показателей вызванных потенциалов мозга с характеристиками посттравматического стресса у военнослужащих // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 96–106.
- Лазебная Е. О. Субъективная оценка успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации // Психология психических состояний: Сб. статей. Вып. 6 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: КГУ, 2006. С. 337–350.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Военный травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 62–74.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 576–590.
- Маликова Т. В., Михайлов Л. А., Соломин В. П., Шатровой О. В. Психологическая защита: направления и методы: Учебн. пособие. СПб.: Речь, 2008.
- Магомед-Эминов М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 6. С. 26–35.
- Медведев В. И. Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
- Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара: ИД «Бахрах-М», 2000.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. Практическое руководство. М.: Когито-Центр, 2007.
- Яницкий М. С., Портнова А. Г., Богомолов А. М. Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 96–107.

ВЛИЯНИЕ ОСТРОГО ВВЕДЕНИЯ АЛКОГОЛЯ НА СИСТЕМНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ МОЗГОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧИ ВЫБОРА

Б. Н. Безденежных, Ю. И. Александров

Существует большое количество мнений по проблеме воздействия алкоголя на психические процессы. Разные авторы показывают, что алкоголь подавляет произвольное внимание (Jääskeläinen et al., 1999), пространственную память (Matthew, Silvers, 2004), процессы переработки информации (Tzambazis, Stough, 2000). При этом исследования заявленной проблемы часто дают противоречивые результаты. Так, традиционные поведенческие исследования влияния алкоголя на информационные процессы привели одних авторов к выводу, что алкоголь не влияет избирательно на какие-то определенные стадии переработки информации, а просто замедляет эти процессы, а другие авторы считают, что алкоголь нарушает только некоторые стадии информационных процессов (Tzambazis, Stough, 2000). Одни авторы полагают, что алкоголь повреждает центральные процессы, связанные с действием, но не влияет на процессы восприятия и выбора ответа (Huntley, 1974). По данным же других исследователей, алкоголь нарушает исполнительные процессы (Tachibana et al., 1991). Считается, что выявляемые в подобных экспериментах нарушения организации действий определяются *прямым* действием алкоголя на обменные процессы в нервных клетках (McGough et al., 2004). Однако такое заключение не устраняет вопрос о том, каковы механизмы *опосредованного* действия алкоголя на психические процессы.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке: РГНФ, гранты № 11-06-00082а, № 11-06-00917а; РФФИ, грант № 10-06-00259а; Совета по грантам Президента РФ ведущим научным школам Российской Федерации, грант «Системная психофизиология» №НШ-3752.2010.6; Фонда программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные науки – медицине».

Мы считаем, что эффективное решение проблемы возможно с позиций системно-эволюционного подхода, развивающего подход к решению психофизиологической проблемы в рамках теории функциональных систем П. К. Анохина и рассматривающего физиологические (в том числе нейронную активность) и психические закономерности как разные аспекты описания единой реальности – взаимодействующих функциональных систем, составляющих структуру индивидуального опыта. Согласно этому подходу, в течение всей жизни организма при формировании нового опыта некоторые нейроны, проходя при системогенезе процесс специализации в отношении вновь формируемой функциональной системы, объединяются в группы, которые составляют мозговой эквивалент системы – элемент индивидуального опыта. По-видимому, нейроны системоспецифичны, их специализация, сформированная при обучении, пожизненна (Швырков, 1995).

Следует отметить, что каждая функциональная система формируется для достижения конкретного результата, необходимого организму на определенном этапе развития и жизнедеятельности. Причем появляющиеся при научении системы не вытесняют, не заменяют ранее сформированные системы, а добавляются к ним, формируясь на основе и во взаимодействии с системами предшествующего опыта и проявляясь как вновь приобретенный опыт (Анохин, 1978; Пономарев, 1982; Швырков, 1988). Фактическим подтверждением сказанного, кроме многочисленных данных, полученных при регистрации нейронной активности в нашей и других лабораториях (Александров, 2009), является развитие антероградной амнезии, т. е. невозможности формирования нового опыта при нарушении прошлого опыта в связи с ретроградной амнезией (Squire, Alvarez, 1995), а также восстановление памяти при выходе из ретроградной амнезии в той последовательности, в которой она формировалась.

Реализация же индивидуального опыта в виде определенной формы поведения и сопутствующих ему психических (когнитивных) процессов обеспечивается активностью целого набора функциональных систем в их взаимодействии. Это соответствует выводу, к которому пришел на основании анализа результатов многочисленных психологических экспериментов У. Найссер: «<...> когнитивную активность человека более целесообразно рассматривать как совокупность приобретенных навыков, чем как функционирование единого постоянного в отношении своих возможностей механизма» (Найссер, 1981, с. 107).

Объединение систем обеспечивается, в частности, синаптическими связями между нейронами этих систем. Причем, как было показано, синаптические связи между нейронами внутри системы более устойчивы к внешним воздействиям, чем связи между нейронами разных систем, что позволяет системам «выходить» из одного набора систем и включаться в другие наборы систем (Безденежных, 2004). Ранее нами было показано, что алкоголь угнетающе влияет на межсистемные отношения (Alexandrov et al., 1993).

Межсистемные отношения развиваются после того, как системы объединяются друг с другом. Это объединение систем для реализации действия происходит во время афферентного синтеза (АС) (Безденежных, 2004). На этой стадии развития поведения нейроны головного мозга получают самые разные афферентные влияния и на этой стадии «организм решает три важнейших вопроса: *что делать, как делать, когда делать?*» (Анохин, 1978, с. 267). Во время афферентного синтеза нейроны, принадлежащие разным системам текущего и будущего действия, вступают в связи через синаптические контакты, чему, по мнению некоторых авторов, способствует синхронная активность этих нейронов (Riehle et al., 1997; Desmurget et al., 1998; Averbek et al., 2002). На основании вышесказанного мы предполагаем, что алкоголь, изменяя активность нейронов, может опосредованно влиять на их способность объединяться во время АС.

Возникает вопрос: как можно контролировать АС в экспериментальном исследовании? Известно, что при выполнении сенсомоторных задач выбора в электроэнцефалограмме развивается связанный с ответом многокомпонентный потенциал, в котором наиболее выраженным является позитивный компонент (потенциал) – P300. Этот потенциал манифестирует развитие АС (Безденежных, 2004). Дело в том, что P300 чувствителен к целому ряду составляющих АС – прогнозированию будущих сигналов, проявляющемся в эффекте последовательности (Donchin, Coles, 1988; Munson et al., 1984; Verleger, 1991), уровню мотивации (Johnson, 1986), объему извлекаемого из памяти материала (Mecklinger et al., 1994), физиологическому состоянию организма (Geisler, Polich, 1990). Характеристики P300 также коррелируют со степенью сложности принимаемого решения и выполняемой задачи (Coles, 1988; Ullsperger et al., 1988; Palmer et al., 1994). Более того, в диапазоне развития P300 субъект проявляет максимальную чувствительность к внешним раздражителям, что характерно для стадии афферентного синтеза. Данный феномен был подтвержден многочисленными экспериментальными

данными, полученными методом «вторичного ответа». Суть этого метода заключается в том, что во время подготовки к ответу на основной сигнал, предъявляемый испытуемому в случайном порядке и с определенной частотой, предъявляют еще один сигнал, вторичный, в ответ на который нужно прервать текущее действие и совершить другой ответ (вторичный ответ). В одном из экспериментов вторичный сигнал предъявляли во время ответа на основной сигнал в интервале от 260 до 409 мс после его предъявления. Оказалось, что время «вторичного ответа» зависит от момента предъявления тестирующего сигнала в исследуемом интервале (Woodward, 1991, fig. 20). Эта зависимость проявляется в виде U-образной кривой, пик которой, т. е. минимальное время «вторичного ответа», имеет место при ответе на сигнал, предъявленный примерно через 300 мс после начала развития текущего ответа.

Все сказанное свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что алкоголь оказывает опосредованное влияние на системные процессы на стадии афферентного синтеза, тем более что существуют также и экспериментальные данные о влиянии введения алкоголя на характеристики P300 (Grillon et al., 1995; Polich, Bloom, 1999; Jääskeläinen et al., 1999).

Задача настоящей работы заключается в проверке предположения о том, что алкоголь оказывает влияние на межсистемные отношения на этапе АС.

Мы уже отмечали, что в АС входят многие составляющие, но в настоящей работе мы будем регистрировать P300, а также оценивать точность прогнозирования субъектом предъявляемых ему с равной вероятностью двух альтернативных сигналов и эффект последовательности, указывающий на перестройку связей между системами.

Одной из составляющих АС является прогнозирование субъектом будущих внешних событий (сигнала). Прогнозирование особенно явно проявляется в задачах выбора отчетного действия в связи с предъявлением того или иного альтернативного сигнала. Для контроля над прогнозированием необходима экспериментальная процедура, в которой можно было бы манипулировать субъективной оценкой вероятностного распределения альтернативных сигналов. Обычно для такой манипуляции используют традиционную процедуру «случайного шара» (oddball paradigm), в которой один из сигналов предъявляется значительно реже, чем другой. Однако в такой процедуре имеет место эффект повторения. Он проявляется в том, что время ответа и его дисперсия на часто предъявляемый сигнал

сокращаются быстрее, чем на редкий сигнал, т. е. ответ на часто предъявляемый сигнал совершенствуется быстрее, чем на редкий альтернативный сигнал (LaBerge, Tweedy, 1964; Bertelson, Tisseyre, 1966). Соответственно, по-разному меняются и характеристики Р300, связанные с ответами на эти сигналы (Courchesne, 1978). Для исключения причины такого неравномерного совершенствования выполнения альтернативных ответов необходимо, чтобы оба сигнала предъявлялись с равной вероятностью. Следовательно, при решении такой задачи мы должны манипулировать только субъективной оценкой вероятности появления сигналов при сохранении их равновероятного предъявления.

При многократных выполнениях задачи выбора имеет место совершенствование выполнения ответов, что проявляется в эффекте последовательности, т. е. влиянии нескольких предшествующих сигналов на время текущего ответа, сокращении времени ответа на предъявление сигналов и снижении числа ошибочных отчетных действий (Безденежных, 2004). Несомненно, что это связано с изменением формирования связей между системами во время АС. В таком случае, если алкоголь влияет на процессы АС, то он будет влиять и на совершенствование навыка выполнения задачи. Поэтому в эксперименте мы контролировали субъективную вероятность предъявления того или иного альтернативного сигнала и совершенствование навыка выполнения ответов на эти сигналы.

Методика исследования

Экспериментальная процедура состояла из двух этапов. На первом, контрольном, этапе участвовало 70 трезвых испытуемых (32 – женского и 38 – мужского пола) в возрасте от 18 до 37 лет. Этот этап состоял из шести экспериментальных серий моторных ответов на предъявление зрительного сигнала. Испытуемый сидел перед монитором, средний и указательный пальцы его доминантной руки находились соответственно на клавишах «1» и «2» клавиатуры. В первой серии ему предъявляли один и тот же сигнал, в ответ на который он должен был нажимать одну и ту же клавишу отчета (КО) – простой ответ. Во второй серии ему предъявляли другой сигнал, и он в ответ нажимал другую КО – простой ответ. В 3–6-й сериях – в задачах сенсомоторного выбора – эти сигналы предъявлялись в случайном порядке и с равной вероятностью. Испытуемый должен был отвечать

нажатием одной из двух КО в зависимости от того, какой из двух альтернативных сигналов был предъявлен. В каждой серии испытуемым предъявлялось примерно по 30 альтернативных сигналов. Во всех сериях испытуемый должен был нажимать КО как можно быстрее после предъявления сигнала.

В экспериментах была применена определенная структура альтернативных сигналов (назовем их сигналы «А» и «Б»). Каждый сигнал состоял из: (1) предупреждающего сигнала (ПрС) – появление вертикальной светлой полоски в центре экрана, которая через (2) определенный интервал времени (Инт) заменялась (3) пусковым сигналом (ПуС) – уменьшением или увеличением высоты этой полоски. Продолжительность ПуС составляла 50 мс. ПрС являлся общим для обоих сигналов. Интервал (Инт) для сигнала «А» составлял 700 мс, а для сигнала «Б» – 950 мс. Разница между этими интервалами в 250 мс превышает на 100 мс средний порог различения длительности временных интервалов (Скотникова, 1999). В эксперименте испытуемые оценивали сигналы «А» и «Б» по физическим характеристикам их пусковых сигналов и как можно быстрее нажимали клавишу отчета, соответствующую предъявленному пусковому сигналу (рисунок 1). Время от момента предъявления пускового сигнала до нажатия соответствующей клавиши отчета мы рассмат-

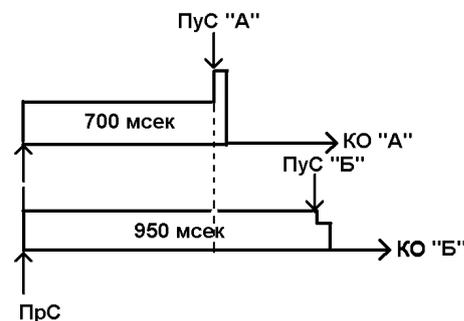

Рис. 1. Схема альтернативных сигналов «А» и «Б»

Вертикальные стрелки, указывающие вверх, – начало предъявления предупреждающего сигнала (ПрС). Вертикальные стрелки, указывающие вниз – начало предъявления пускового сигнала (ПуС «А» и ПуС «Б»). Горизонтальные стрелки – ответы нажатием клавиш отчета (КО «А» и КО «Б»). Для одной половины испытуемых высота полоски ПуС для «А» и «Б» показана на рисунке, для другой половины испытуемых высота этой полоски для сигнала «Б» была больше, чем для сигнала «А».

ривали как время ответа. Каждый следующий предупреждающий сигнал предъявлялся через 1,5 секунды после нажатия клавиши отчета в предшествующем ответе. Разница между интервалами в 250 мс в альтернативных сигналах может служить скрытой подсказкой о появлении пускового сигнала «Б» и тем самым увеличивать вероятность прогнозирования сигнала «Б», по сравнению с сигналом «А».

У испытуемых во время эксперимента регистрировали: а) монополярно электроэнцефалограмму (ЭЭГ) хлорсеребряными электродами с областей черепа F3, F4, Cz, P3, P4 по международной системе 10/20 с частотой опроса 250 Гц, в диапазоне частот от 0.1 до 70 Гц; в качестве индифферентных электродов служили объединенные электроды, прикрепленные к мочкам ушей; сопротивление контактов череп – электроды не превышало 5 кОм; б) вертикальную составляющую электроокулограммы для контроля над артефактами от движений глаз в ЭЭГ; в) время ответов (интервал от момента предъявления ПуС до момента нажатия КО); г) правильность ответа – нажатие КО, соответствующей или несоответствующей предъявленному ПуС. Кроме того, испытуемые давали свободный отчет о том, совершали ли они ошибочные нажатия КО, а также на какой сигнал «А» или «Б» было легче отвечать, и заметили ли они различия в интервале этих сигналов.

На втором этапе экспериментальная процедура была такой же, как на первом этапе на трезвых испытуемых. После наложения электродов испытуемые выпивали 20% раствор этанола в количестве из расчета 1 мл 96% этанола на 1 кг веса. Как было обнаружено нами в экспериментах на животных, прием ими алкоголя в такой дозе вызывает у них угнетение активности нейронов, принадлежащих к наиболее дифференцированным системам, и угнетение межсистемных отношений (Alexandrov et al., 1990, 1993). По-видимому, именно такое действие алкоголя приводит к изменениям отчетного поведения разного типа и повышению эмоциональности у испытуемых (Бодунов и др., 1997; Alexandrov et al., 1998; Laukka et al., 1997). Эксперимент по выполнению задачи выбора начинался по достижению в крови максимальной концентрации алкоголя, определяемой с помощью алкометра (RK-1100, Япония). 26 здоровых испытуемых (10 женского и 16 мужского пола в возрасте от 22 до 35 лет), имеющих опыт алкогольного опьянения, участвовали в обеих сериях с интервалом 3 месяца. Ни один из испытуемых не ощущал какого-либо дискомфорта после приема алкоголя

ни во время эксперимента, ни после него. В основном испытуемые ощущали чувство эйфории и сонливости (см. также: Alexandrov et al., 1998).

Обработка данных

Отдельно для ответов на альтернативные сигналы рассчитывали медиану времени ответов по каждой серии. Для выявления эффекта последовательности на время ответов вычисляли медианы времени ответов, завершающих определенные цепочки последовательностей сигналов – АА (А), БА (А), АБ (А), ББ (А) для ответа на сигнал «А» и ББ (Б), АБ (Б), БА (Б), АА (Б) для ответа на сигнал «Б». Эти медианы распределяли по четырем возрастающим рангам. Между рангами по всей выборке группы проводили дисперсионный анализ (ANOVA). Ранее нами было показано, что эффект последовательности имеет место при совершенствовании навыка выполнения задачи сенсомоторного выбора (Безденежных, 2004).

Связанные с событием потенциалы (ССП) получали выборочным усреднением безартефактных фрагментов ЭЭГ, связанных с ответом на один и на другой сигнал для каждой экспериментальной серии отдельно. Усреднение проводилось от момента предъявления ПуС по 1 с в обе стороны от этой референтной точки. Значения амплитуды и латентного периода пика компонента Р300 в усредненных ССП, а также время отчетных действий обрабатывались с помощью статистических методов из лицензионного пакета SPSS 11.0 (использовались дисперсионный анализ, парные сравнения по t-критерию, метод главных компонент).

Сравнение этих показателей между «алкогольной» и контрольной сериями было проведено по t-критерию Стьюдента.

Результаты и их обсуждение

Из 70-и контрольных испытуемых, участвовавших на первом этапе экспериментов, результаты по 4-м испытуемым были исключены из анализа по разным причинам – большое количество артефактов в ЭЭГ, утомление, большое количество ошибок, нежелание продолжать работу. По целому ряду причин (многочисленные артефакты в ЭЭГ, периодические засыпания во время эксперимента, чрезмерное возбуждение, проявляющееся в попытках разговаривать с экспериментатором и комментировать собственные действия и т. д.)

мы анализировали данные, полученные только у 14 испытуемых из «алкогольной» группы.

Простые ответы

Сравнения по t-критерию для парных случаев медиан времени ответа показали, что время простого ответа не зависит от длины интервала между ПрС и ПуС ($t = 0,318$; $df = 48$; $p = 0,683$). В потенциалах, связанных с простыми ответами, в отличие от ответов в задаче выбора отсутствовал компонент Р300 (рисунок 2).

Алкоголь не изменял время простых ответов. Сравнение по t-критерию для парных случаев показало, что испытуемые с одинаковой скоростью выполняли простые ответы, как в нормальном состоянии, так и в состоянии алкогольного опьянения. Различия во времени ответа составляли: для ответа на сигнал «А» – $t = 1,883$; $df = 13$; $p = 0,082$; для ответа на сигнал «Б» – $t = 1,732$; $df = 13$; $p = 0,09$.

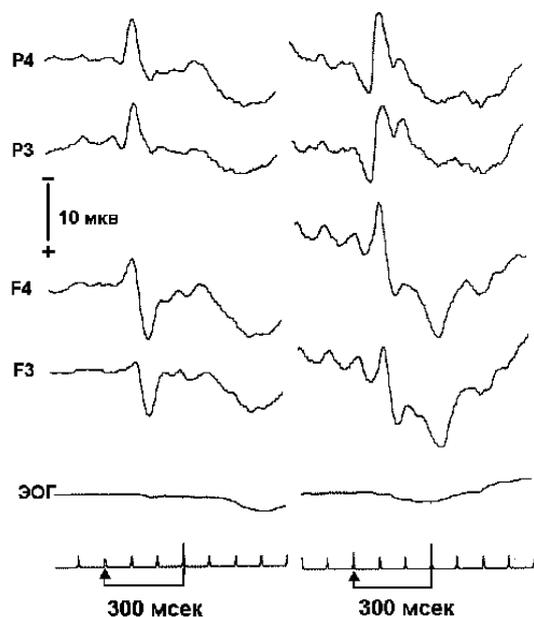

Рис. 2. ЭЭГ – потенциалы в лобных (F3 и F4) и теменных (P3 и P4) областях, связанные с простыми ответами ($n = 50$) (левый столбик) и с ответами в задаче выбора ($n = 56$) (правый столбик)

Стрелками обозначены моменты предъявления ПуС (исп. АВН).

Дифференцированные ответы (серии пронумерованы как 1, 2, 3, 4 без учета двух предшествующих серий простого ответа)

Как мы и предполагали, время ответа на сигнал «Б» было достоверно короче времени ответа на сигнал «А» по всему эксперименту и составляло соответственно $315,8 \pm 67,7$ мс и $376,6 \pm 62,5$ мс (различие достоверно, $t = 12,113$; $df = 116$; $p = 0,000$) (рисунок 3).

Тренировка

Для проверки влияния тренировки на время альтернативных ответов был применен дисперсионный анализ (ANOVA) с последующим множественным сравнением по Шеффе. Сравнились медианы времени ответов между сериями у 66 испытуемых. Результаты показали, что при тренировке достоверно сократилось время ответов только на сигнал «Б» ($F = 10,183$; $df = 3,197$; $p = 0,000$); время ответов на сигнал «А» имело тенденцию к сокращению ($F = 1,046$; $df = 3,197$; $p = 0,185$). Как мы уже отмечали, в задачах выбора, в которых альтернативные сигналы предъявляются с разной вероятностью, быстрее совершается то действие, которое связано с более частым, а следовательно, и более вероятным для субъекта сигналом (LaBerge, Tweedy, 1964; Bertelson, Tisseyre, 1966). Следует добавить, что по отчетам испытуемых им было легче отвечать на сигнал «Б» («палец нажимает сам»). Эти факты можно объяснить тем, что у испытуе-

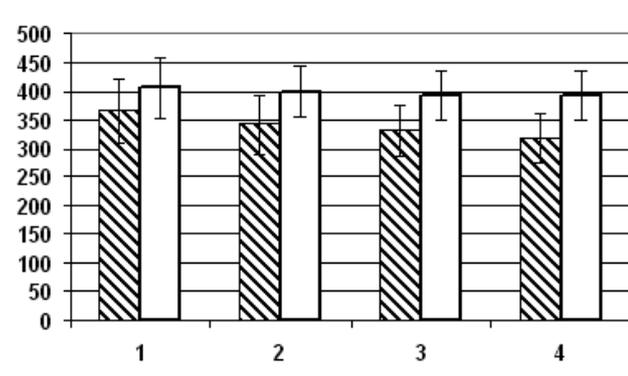

Рис. 3. Сравнение медиан времени ответа (мс) в четырех последовательных сериях

Время ответа на сигналы «А» – незаштрихованный столбик, на сигнал «Б» – заштрихованный столбик. По вертикали – время в мс. По горизонтали – серии экспериментов

мых был более высокий уровень готовности отвечать на сигнал «Б», чем на сигнал «А». Эта готовность связана с тем, что испытуемые примерно через 700 мс после ПрС, если не было пускового сигнала «А», корректируют свой прогноз и ожидают пусковой сигнал «Б».

Эффект последовательности

Как видно из таблицы 1, эффект последовательности на время ответов, связанных с сигналом «Б», исчезает уже в 3-й серии эксперимента, тогда как этот эффект сохранялся в течение всех серий на время ответов, связанных с сигналом «А». Это указывает на то, что совершенствование ответа на сигнал «Б» завершилось раньше, чем совершенствование ответа на сигнал «А».

Известно, что чем больше неопределенность относительно будущего сигнала, тем более выражен эффект последовательности на это действие (Donchin, Coles, 1988), и наоборот: при подсказке, указывающей на очередной сигнал в задаче выбора, эффект последовательности на характеристики ответа на этот сигнал исчезали (Munson et al., 1984; Verleger, 1991). Следовательно, проиллюстрированные в таблице 1 факты также являются подтверждением того, что субъект значительно чаще безошибочно прогнозировал сигнал «Б», чем сигнал «А».

Обратимся к позитивному компоненту ССП – Р300. Р300, связанный с ответом, развивается до нажатия КО. Этот факт и результаты

Таблица 1
Эффект последовательности на время ответа
в 4 сериях задачи выбора (ANOVA)

Серия/Ответ на сигнал	Df	F	Sig.
1/«А»	3/260	3,421	0,019*
1/«Б»	3/260	3,112	0,029*
2/«А»	3/260	4,025	0,009*
2/«Б»	3/260	3,301	0,023*
3/«А»	3/256	2,756	0,033*
3/«Б»	3/256	1,177	0,318
4/«А»	3/196	3,608	0,011*
4/«Б»	3/196	1,136	0,334

Примечание: * – различия достоверные.

исследований других авторов дают основание утверждать, что последовательные действия перекрываются. При этом АС последующего действия и сопровождающий их Р300 осуществляются во время текущего действия, а именно в переходный период от распознавания сигнала к исполнению отчетного действия (Безденежных, 2004).

Совершенно очевидно, что в случае совпадения предъявленного сигнала с прогнозируемым сигналом при распознавании сигнала будет отсутствовать фаза рассогласования. В таком случае переход от распознавания к системам исполнительного акта должен осуществляться раньше, чем в тех случаях, когда имеет место рассогласование прогнозируемого и предъявленного сигналов. Согласно нашей гипотезе это должно отразиться на латентном периоде Р300: он должен быть короче у Р300, связанного с ответом на сигнал «Б», нежели у Р300, связанного с ответом на сигнал «А». Данное предположение подтверждается: было обнаружено, что латентный период пика Р300, связанного с ответами на сигнал «Б», короче, а амплитуда больше, чем эти же характеристики у Р300, связанного с ответами на сигнал «А» (рисунок 4).

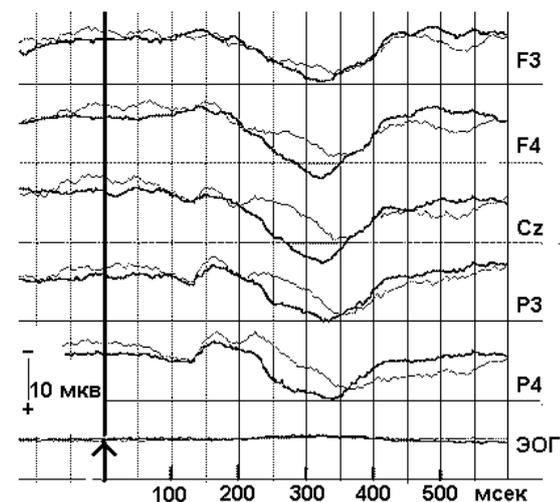

Рис. 4. Пример потенциалов, связанных с ответами на сигнал «Б» (толстая линия) и на сигнал «А» (тонкая линия) (испытуемый SOZ)

На рисунке видно, что передний фронт развивается более негативно, а латентный период пика больше у Р300, связанного с ответом на сигнал «А», чем у Р300, связанного с ответом на сигнал «Б».

По критерию Вилкоксона общие различия между латентными периодами и амплитудами пиков Р300, связанных с ответами «А» и «Б», достоверны и составляют соответственно: $N = 344$; $Z = 7,860$; $p = 0,000$ и $N = 344$; $Z = 2,404$; $p = 0,016$. Кроме того, оказалось, что передний фронт Р300 (или положительное отклонение между пиками N200 и Р300) в ответе на сигнал «А» развивается более негативно, чем в ответе на сигнал «Б». Этот негативный сдвиг, доходя до пика Р300, соответственно снижает и амплитуду Р300. Именно по этой причине амплитуда Р300, связанного с ответом на сигнал «А», меньше амплитуды Р300, связанного с ответом на сигнал «Б». Зафиксированные различия между потенциалами, связанными с ответами на сигналы «А» и «Б», подтверждаются при анализе общего усредненного потенциала методом главных компонент. Дисперсия переднего фронта описывается фактором, пик волны которого приходится на интервал 250 мс после ПуС (рисунок 5). Этот фактор связан с совершенствованием навыка выполнения задачи выбора.

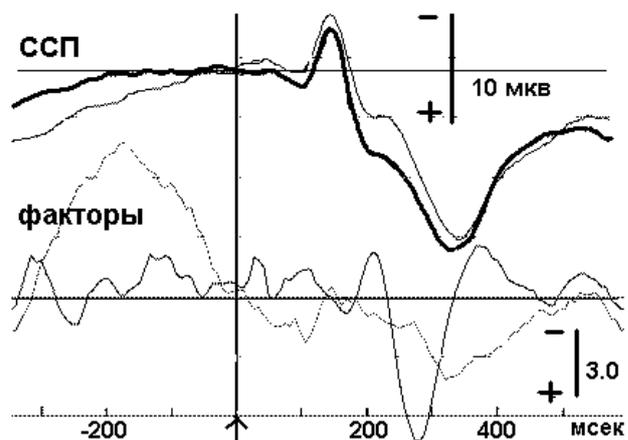

Рис. 5. Общие усредненные потенциалы, связанные с ответами на сигнал «А» (тонкая линия) и сигнал «Б» (жирная линия), и факторы, описывающие дисперсию этих потенциалов

Потенциалы усреднены по схеме 5 отведений $\times 4$ серии $\times 70$ испытуемых. Как видно на рисунке, максимальные различия между двумя потенциалами имеют место за 180 мс до пускового сигнала и через 280 мс после этого сигнала. Момент предъявления пускового сигнала обозначен стрелкой.

Сходный фактор был выявлен в ряде работ, в которых исследовались ССП при разных нарушениях в действиях, связанных с расстройствами психики (Bruder et al., 2002).

Влияние алкоголя на дифференцированные ответы в первой серии задачи выбора

Алкоголь не влиял на время дифференцированных ответов в первой серии задачи выбора. Различия между временем отчетных действий, выполняемых в нормальном состоянии и в состоянии алкогольного опьянения, в этой серии составляли: для отчетного действия на сигнал «А» $-t = -0,274$; $df = 13$; $p = 0,789$; для отчетного действия на сигнал «Б» $-t = -0,254$; $df = 13$; $p = 0,804$.

Для дополнительной проверки полученного факта время отчетных действий в первой серии, выполняемых испытуемыми в состоянии алкогольного опьянения, сопоставлялись со временем отчетных действий в первой серии задачи выбора у случайно выбранных 14-и испытуемых из первого этапа эксперимента на трезвых испытуемых. Дисперсионный анализ показал, что время отчетных действий в первой серии выполнения задачи выбора между группами не отличаются ни для отчетных действий на сигнал «А» ($df = 2/39$; $F = 0,046$, $p = 0,955$), ни для отчетных действий на сигнал «Б» ($df = 2/39$; $F = 0,314$; $p = 0,733$).

Таким образом, при осуществлении данной задачи алкоголь в эйфорической дозе не влияет на исходную скорость выполнения обеих форм отчетных действий, имевшую место до совершенствования навыка выполнения задачи выбора.

Влияние алкоголя на время отчетных действий в процессе тренировки выполнения задачи выбора

Как видно из таблицы 2, у испытуемых в состоянии алкогольного опьянения, в отличие от испытуемых, находившихся в нормальном состоянии, в процессе тренировки не было достоверного сокращения времени отчетных действий даже на сигнал «Б». Напомним, что этот сигнал имел значение скрытой подсказки, которая способствовала сокращению времени отчетного действия на данный сигнал.

Влияние алкоголя на эффект последовательности

У данной выборки испытуемых, выполнявших задачу в нормальном состоянии наблюдается эффект последовательности, который наиболее

Таблица 2

Сравнение эффекта тренировки на время отчетных действий в четырех последовательных сериях у испытуемых в нормальном состоянии (Норм.) и в состоянии алкогольного опьянения (Алк.)

Состояние	Ответ на сигнал	Сравнение по ANOVA		
		Df	F	Sig.
Норм.	«А»	3/52	0,161	0,922
Норм.	«Б»	3/52	3,294	0,028*
Алк.	«А»	3/52	0,425	0,736
Алк.	«Б»	3/52	1,081	0,366

Примечание: * – различия достоверны.

Таблица 3

Сравнение эффекта последовательности на время отчетных действий в четырех последовательных сериях у испытуемых в нормальном (Норм.) состоянии и в состоянии алкогольного опьянения (Алк.) (по ANOVA)

Серия/Ответ на сигнал	Df норм./алк.	F норм./алк.
1/«А»	3/52	3,199*/0,336
1/«Б»	3/52	2,732/0,226
2/«А»	3/52	3,163*/0,489
2/«Б»	3/52	1,123/0,311
3/«А»	3/52	2,980*/0,259
3/«Б»	3/52	1,546/0,626
4/«А»	3/52	1,902/1,182
4/«Б»	3/52	1,272/0,193

Примечание: * – различия достоверны.

лее выражен в ответах на сигнал «А» в первых двух сериях. В состоянии алкогольного опьянения этот эффект отсутствует (таблица 3).

Следует отметить, что факт подавления алкоголем эффекта последовательности в известных нам научных публикациях не описан.

Влияние алкоголя на характеристики компонента P300

Для определения влияния алкоголя на амплитуду P300 в интервальном окне в 100 мс, заканчивающемся на пике P300, вычислялась общая средняя мгновенных амплитуд отдельно для лобных и для теменных отведений по схеме: 14 испытуемых / 2 отведения

(объединенные лобные и объединенные теменные) / 4 экспериментальные серии. Затем вычислялась нормализованная разница этих средних, полученных по каждому испытуемому в нормальном состоянии и в состоянии алкогольного опьянения для каждой серии по формуле $(\text{Ампл. норм.} - \text{Ампл. алк.}) \times 100 \div (\text{Ампл. норм.} + \text{Ампл. алк.})$. Во всех случаях для всех испытуемых эта разница была положительной ($t = 2,009$; $df = 55$; $p = 0,049$), т. е. во всех случаях алкоголь подавлял амплитуду P300 (рисунок 6).

Сравнение по t-критерию для парных случаев латентных периодов пиков P300 по отдельности по всем четырем отведениям в четырех экспериментальных сериях показал, что у испытуемых, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, по сравнению с трезвыми испытуемыми, этот показатель увеличивался ($t = 2,835$; $df = 279$; $p = 0,005$).

Таким образом, алкоголь подавлял амплитуду и увеличивал латентный период пика P300. Феномен уменьшения амплитуды P300 нами ожидался, так как был описан многими авторами (Lukas et al.,

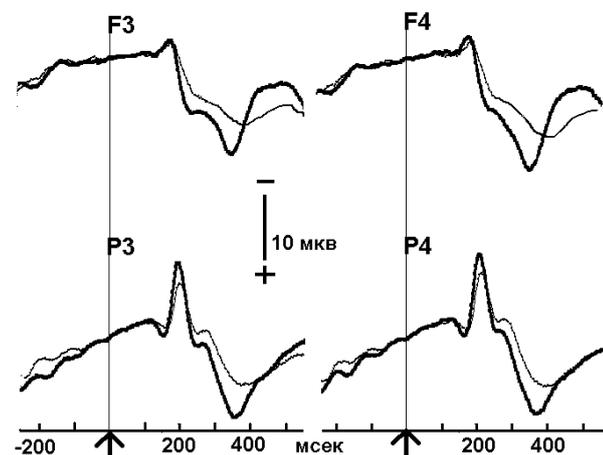

Рис. 6. Влияние эйфорической дозы алкоголя на потенциал P300, связанный с ответом на сигнал «Б»

Потенциалы усреднены по схеме 4 отведения \times 4 серии \times 14 испытуемых. Жирной линией обозначены потенциалы, линией обозначены потенциалы, зарегистрированные у испытуемых в состоянии алкогольного опьянения. Стрелками обозначены моменты предъявления им пускового сигнала

1990; Grilon et al., 1995; Jääskeläinen et al., 1999). Причем, как это видно на рисунке 6, у испытуемых, находящихся в алкогольном состоянии, передний фронт Р300, т. е. переход от пика N200 до пика Р300, является более негативным, чем у этих же испытуемых в нормальном состоянии. Этот феномен в известной нам литературе не описан.

Общий вывод из субъективных отчетов испытуемых, находившихся в алкогольном опьянении, заключается в том, что они не ощущали никаких проблем с ответами, у них не было предпочтений к нажатию той или другой клавиши, как это имело место при выполнении данной задачи в нормальном состоянии.

Выводы

1. Эйфорическая доза алкоголя не действует на скорость отчетных действий, она остается той же, что и до тренировки выполнения задачи выбора.
2. Алкоголь подавляет эффект последовательности, свидетельствующий об использовании информации о только что совершенных действиях для прогнозирования следующих.
3. Под действием алкоголя увеличивается латентный период и уменьшается амплитуда пика Р300, а его передний фронт становится более негативным.
4. Если трезвые испытуемые отмечали, что отвечать на сигнал, который они прогнозировали более точно, легче, чем на другой, с меньшей точностью прогнозируемый, сигнал, то в состоянии алкогольной эйфории они не ощущали разницы в степени трудности ответов на эти сигналы.

Общее обсуждение

Итак, мы обнаружили, что алкоголь в умеренных дозах не влияет на скорость отчетных действий: время простых ответов, выполняемых испытуемыми в состоянии алкогольного опьянения, не отличается от нормы. Полученные нами данные соответствуют данным, описанным другими авторами. Например, показано, что алкоголь в эйфорических дозах не влияет на время выполнения движений и простых действий (Ritchie, 1995; Jääskeläinen et al., 1999). В других исследованиях показано, что алкоголь не оказывал влияния на распознавание простых сигналов (Huntley, 1974).

Можно предположить, что при отсутствии каких-либо вариантов других действий системы данного отчетного действия не имеют других вариантов связей, поэтому связи между системами не меняются настолько, чтобы данное изменение проявилось в скоростных или точностных показателях. Отсутствие Р300 в потенциалах, сопровождающих последовательно выполняемый один и тот же ответ, указывает на отсутствие АС в последовательно повторяемом ответе и подтверждают эту мысль. Однако, в вероятностной среде нет монотонного появления одного и того же сигнала, требующего одного и того же ответа. На разные сигналы, предъявляемые в случайном порядке, испытуемые должны давать дифференцированные ответы. В данной ситуации в процессе выполнения задачи выбора испытуемые активно применяют различные стратегии, что приводит к совершенствованию выполнения задачи (Конопкин, 1980; Courchesne, 1978; Jonson, Donchin, 1982). В процессе многократного выполнения задачи выбора у испытуемых, находящихся в нормальном состоянии, от серии к серии наблюдалось сокращение времени ответа. Причем в рамках эксперимента достоверно более быстрое сокращение времени ответа и уменьшение количества ошибочных ответов происходили при предъявлении сигнала «Б», по сравнению с ответами на сигнал «А». Как мы уже отмечали, сигнал «Б» отличался от альтернативного сигнала «А» тем, что в нем интервал между ПрС и ПуС на 250 мс больше. Поэтому, если предъявлялся сигнал «Б», то испытуемые существенно реже ошибались в прогнозировании появления его ПуС, совершали больше точных ответов, чем на сигнал «А», и быстрее совершенствовали ответ на сигнал «Б» – быстрее сокращалось время этого ответа, исчезали эффект последовательности и ошибочные ответы. Испытуемые оценивали ответ на сигнал «Б» как более легкий, чем ответ на сигнал «А». Таким образом, чем эффективнее прогноз определенного сигнала, тем быстрее формируется навык выполнения дифференцированного ответа на этот сигнал. Ответ на менее точно прогнозируемый сигнал «А» совершенствовался по данным показателям медленнее. В Р300, связанном с ответами на сигнал «А», передний фронт имеет достоверно значимый негативный сдвиг, по сравнению с Р300, связанным с ответами на сигнал «Б». Сходный негативный сдвиг переднего фронта Р300 наблюдался у лиц с психическими расстройствами и был связан с неадекватными действиями (Bruder et al., 2002). Некоторые авторы считают, что на этапе между пиками N200 и Р300 осуществляются избирательные нервные

процессы для принятия решения о движении (Nandrino, Massiou, 1995). Наблюдаемый негативный сдвиг переднего фронта Р300 сопоставим с «волной рассогласования», которая появляется в ответ на неожиданный сигнал (Наатанен, 1998). По-видимому, передний фронт Р300 отражает смену систем, связанных с прогнозируемым сигналом на системы, активированные реально предъявленным сигналом. Этот процесс осуществляется во время афферентного синтеза (АС).

У испытуемых, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, не наблюдалось совершенствования выполнения задачи выбора – время ответов не сокращалось, испытуемые часто давали ошибочные ответы. Отсутствие эффекта последовательности в их ответах указывает на то, что у них было нарушено прогнозирование и во время АС у них значительно чаще, чем в нормальном состоянии, имели место смена набора систем, не соответствующего предъявленному пусковому сигналу, на набор систем, соответствующий этому сигналу. Если мы сопоставим рисунки 4 и 6, то увидим сходный феномен. Так, на рисунке 6 показано, что в Р300, связанном с ответом на сигнал «А», который прогнозируется правильно с более низкой вероятностью, по сравнению с прогнозированием сигнала «Б», имеет место негативный сдвиг переднего фронта Р300. Негативный сдвиг переднего фронта Р300 на один и тот же сигнал «Б» у испытуемых в состоянии алкогольного опьянения, по сравнению с трезвыми испытуемыми, можно трактовать как снижение способности к прогнозированию у лиц в алкогольном опьянении. Прогноз осуществляется на основании учета предшествующих действий или раздражителей, что проявляется в эффекте последовательности. Его у лиц в алкогольном состоянии мы не выявили. Вывод о том, что алкоголь подавляет прогнозирование, был сделан и другими авторами на основании результатов исследования саккадических движений глаз в направлении прогнозируемых и не прогнозируемых зрительных мишеней (Wegner, Fahle, 1999). Оказалось, что алкоголь задерживает саккадические движения глаз в сторону прогнозируемой мишени и не изменяет латентного периода начала этих движений в сторону не прогнозируемых мишеней. Как мы уже отмечали, во время АС системы объединяются друг с другом, причем от одного действия к другому в эти связи вступают неодинаковые наборы, на что указывает эффект последовательности. Такой перебор взаимодействующих систем от ответа к ответу, по-видимому, приводит к формированию некоторого совершенного набора систем,

который обеспечивает эффективные действия: сокращается время ответа, исчезает эффект последовательности и ошибочные действия. Алкоголь, нарушая межсистемные взаимодействия, по-видимому, блокирует возможность включать в каждое действие новые наборы систем и тем самым препятствует совершенствованию навыка. Предполагаемый механизм заключается в том, что в ответ на введение алкоголя в мозг формируются гомеостатические механизмы, защищающие нейроны от токсического действия алкоголя, в частности, за счет блокирования синаптических входов (Davis, Bezprozvanny, 2001; McGough et al., 2004). Блокирование синаптической активности нейронов, в свою очередь, приводит к невозможности устанавливать новые эффективные связи между нейронами разных систем в процессе афферентного синтеза. По-видимому, у субъекта, находящегося в нормальном состоянии, перестройки межсистемных связей и формирование новых наборов систем для обеспечения действия переживаются субъективно как легкое или трудное действие, что может способствовать выбору наиболее эффективных наборов систем. При действии алкоголя этого чувства нет, поскольку нового выбора систем для обеспечения действия не происходит.

* * *

У испытуемых в состоянии алкогольного опьянения в процессе выполнения задачи сенсомоторного выбора не происходило изменений в межсистемных отношениях. Мы объясняем это тем, что при появлении алкоголя в крови активируется гомеостатическая защита функциональных систем, которая фиксирует исходные синаптические связи между нейронами определенных систем и блокирует возможность модификации этих связей в процессе афферентного синтеза, во время которого формируется набор систем, обеспечивающих отчетное действие.

Литература

- Александров Ю. И. Системная организация и реорганизация поведения // XV сеченовские чтения. НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина РАМН, 2009. С. 23–61.
- Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем теории функциональных систем. М.: Наука, 1978.

- Безденежных Б. Н. Динамика взаимодействия функциональных систем в структуре деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Бодунов М. В., Безденежных Б. Н., Александров Ю. И. Изменения шкальных оценок тестовых психодиагностических методик при воздействии алкоголя // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 95–101
- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Наатанен Р. Внимание и функции мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Найсер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.
- Пономарев Я. А. Психологическое и физиологическое в системе комплексного исследования // Системный подход к психофизиологической проблеме. М.: Наука, 1982. С. 5–10.
- Скотникова И. Г. Зрительное различение и рефлексивность-импульсивность // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 32–41.
- Швырков В. Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 132–148.
- Alexandrov Yu. I., Grinchenko Yu. V., Jarvilehto T., Laukka S., Maz V. N. Acute effect of ethanol on the pattern of behavioral specialization of neurons in the limbic cortex of the freely moving rabbit // Acta Physiologica Scandinavica. 1990. V. 140. P. 257–268.
- Alexandrov Yu. I., Grinchenko Yu. V., Laukka S. et al. Effect of ethanol on hippocampal neurons depends on their behavioral specialization // Acta Physiologica Scandinavica. 1993. V. 149. P. 105–115.
- Alexandrov Yu. I., Sams M., Lavikainen J., Reinikainen K., Näätänen R. Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language // International Journal of Psychophysiology. 1998. V. 28. P. 1–10.
- Averbeck B. B., Chafee M. V., Crowe D. A., Georgopoulos A. Parallel processing of serial movements in prefrontal cortex // PNAS, 2002. V. 99. № 20. P. 13172–13177.
- Bertelson P., Tisseyre F. Choice reaction time as a function of stimulus versus response relative frequency of occurrence // Nature. 1966. V. 212. P. 1069–1070.
- Bruder G. E., Kayser J., Tenke C. E. et al. Cognitive ERPs in depressive and anxiety disorders during tonal and phonetic oddball tasks // Clinical Electroencephalography. 2002. V. 33. № 3. P. 119–124.

- Coles M. G. H., Gratton G., Donchin E. Detecting early communication: using measures of movement-related potentials to illuminate human information processing // Biological Psychology. 1988. V. 26. № 1/2/3/ (special issue). P. 69–89.
- Courchesne E. Changes in P3 waves with event repetition: long-term effects on scalp distributions and amplitude // EEG and Clinical Neurophysiology. 1978. V. 45. № 6. P. 754–766.
- Davis G. W., Bezprozvanny I. Maintaining the stability of neural function: a homeostatic hypothesis // Annual Review of Physiology. 2001. V. 63. P. 847–869.
- Desmurget M., Pelisson D., Rossetti Y., Prablanc C. From eye to hand: planning goal-directed movements // Neuroscience and Biobehavioral Reviews, 1998. V. 22. № 6. P. 761–788.
- Donchin E., Coles M. G. H. Is the P300 component manifestation of context updating? // Behavioral and Brain Sciences. 1988. V. 11. № 3. P. 357–374.
- Johnson R. Jr. A triarchic model of P 300 amplitude // Psychophysiology. 1986. V. 23. № 4. P. 367–384.
- Huntley M. S. Jr. Effects of alcohol, uncertainty and novelty upon response selection // Psychopharmacologia. 1974. V. 39. P. 259–266.
- Geisler M. W., Polich J. P300 and time of day: Circadian rhythms, food intake, and body temperature // Biological Psychology. 1990. V. 31. P. 117–136.
- Grillon C., Sinha R., O'Malley S. Effect of ethanol on the processing of low probability stimuli: an ERP study // Psychopharmacology. 1995. V. 119. P. 455–465.
- Jääskeläinen I. P., Schröger E., Näätänen R. Electrophysiological indices of acute effects of ethanol on involuntary attention shifting // Psychopharmacology. 1999. V. 141. P. 6–21.
- LaBerge D., Tweedy J. R. Presentation probability and choice time // Journal of Experimental Psychology. 1964. V. 68. № 5. P. 477.
- Laukka S. J., Jarvilehto T., Alexandrov Yu. I., Lindquist J. Influence of alcohol on human frontal midline theta activity and task execution // Dev. Brain Dysfunction. 1997. V. 10. P. 128–132.
- Lukas S. E., Mendelson J. H., Kouri E., Bolduc M. et al. Ethanol-induced alterations in EEG alpha activity and apparent source of the auditory P300 evoked response potential // Alcohol. 1990. V. 7. P. 471–477.
- Matthews D. B., Silvers J. R. The use of acute ethanol administration as a tool to investigate multiple memory systems // Neurobiology of Learning and Memory. 2004. V. 82. P. 299–308.

- Mecklinger A., Ullsperger P., Molle M., Grune K. Event-related potentials indicate information extraction in a comparative judgment task // *Psychophysiology*. 1994. V. 31. P. 23–28.
- McGough N. N. H., He D.-Y., Logrip M. L. et al. RACK1 and Brain-Derived Neurotrophic Factor: A Homeostatic Pathway That Regulates Alcohol Addiction // *The Journal of Neuroscience*. 2004. V. 24. № 46. P. 10542–10552.
- Munson R., Ruchkin D. S., Ritter W., Sutton S., Squires N. The relation of P-3b to prior and future behavior // *Biological Psychology*. 1984. V. 19. P. 1–29.
- Nandrino J. L., Massioui F. E. Temporal localization of the response selection processing stage // *International Journal of Psychophysiology*. 1995. V. 19. P. 257–261.
- Palmer B., Nasman V. T., Wilson G. F. Task decision difficulty: Effects on ERPs in a same-different letter classification task // *Biological Psychology*. 1994. V. 38. P. 199–214.
- Polich J., Bloom F. E. P300, alcoholism heritability, and stimulus modality // *Alcohol*. 1999. V. 17. № 2. P. 149–156.
- Riehle A., Grün S., Diesmann M., Aertsen A. Spike synchronization and rate modulation differentially involved in motor cortical function // *Science*. 1997. V. 278. P. 1950–1953.
- Ritchie J. M. The aliphatic alcohols // *The pharmacological basis of therapeutics* / Ed. Gilman A. G. NY: MacMillan, 1980.
- Squire L. R., Alvarez P. Retrograde amnesia and memory consolidation: a neurobiological perspective // *Current Opinion in Neurobiology*. 1995. V. 5. P. 169–177.
- Tzambazis K., Stough C. Alcohol impairs speed of information processing and simple and choice reaction time and differentially impairs higher-order cognitive abilities // *Alcohol & Alcoholism*. 2000. V. 35. № 2. P. 197–201.
- Ullsperger P., Metz A., Gille H. The P300 component of event-related brain potential and mental effort // *Ergonomics*. 1988. V. 31. P. 1127–1137.
- Verleger R. Sequential effects on response times in reading and naming colored color words // *Acta Psychologica*. 1991. V. 77. P. 167–189.
- Wegner A.-J., Fahle M. Alcohol and visually guided saccades: gap effect and predictability of target location // *Psychopharmacology*. 1999. T. 146. C. 24–32.
- Woodward S. H., Brown W. S., Marsh J. T., Dawson M. E. Probing the time-course of the auditory oddball P3 with secondary reaction time // *Psychophysiology*. 1991. V. 28. № 6. P. 609–618.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СФЕРОЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. А. Гостев

Важнейшим аспектом изучения проблемы психологической безопасности является исследование закономерностей манипуляции внутренним миром человека, его социальными представлениями и мировоззрением в целом через поступающую извне информацию. В процессах влияния на социальные представления человека и, соответственно, в изменении содержания его внутреннего мира особая роль принадлежит информационному воздействию – произвольному и преднамеренному – на образную сферу человека (ОСЧ), т. е. на весь его внутренний опыт, на уровне взаимодействия классов вторичных образов (образов памяти, воображения, сновидений и т. п.). ОСЧ рассматривается как интегральная характеристика личности («персонификация образного опыта»), как форма существования ее внутреннего мира (Гостев, 2007, 2008). Учитывая масштаб информационного воздействия на человека окружающими его образами, рассмотрение ОСЧ как канала манипуляции представлениями людей о мире, себе, других становится актуальной задачей психологической науки.

Исследования закономерностей воздействия на социальное восприятие, однако, характеризуются многозначностью, фрагментарностью, малой практической применимостью имеющегося знания, недостаточным учетом нравственного контекста. Такое состояние проблемы понятно: вопрос предполагает многоуровневое исследование – на философско-мировоззренческом, социально-психологическом, индивидуально-личностном уровнях. ОСЧ-концепция вносит свой вклад в исследование и осмысление психоманипулирования. Она раскрывает, например, ряд важных тем в изучении социальных представлений: а) взаимовлияние мировоззренческой картины мира человека и конкретных образов его социального восприятия

в плане доминирующих представлений в обществе (культурологических, социально-политических и др.); б) соотношение личностной и «надиндивидуальной» (трансперсональной) семантик внутреннего мира (Петренко, 2010); в) зависимость социального восприятия от индивидуальных особенностей ОСЧ; г) значение духовно-нравственной, религиозной ориентации человека; д) влияние «значимых других» и социального окружения в целом, е) роль в социальном восприятии профессиональной деятельности и «хобби». Знание об ОСЧ показывает роль защитных механизмов в построении и изменении картины мира: взгляды человека обычно сопротивляются пересмотру, и он непроизвольно отбирает факты, подтверждающие имеющиеся представления. Изучение *мифологического* и *символического* компонентов социальных представлений укажет на понимание и переживание духовных смыслов.

Любые представления о социально-психологических реалиях – это и понятийное знание, и конкретные предметные образы. Например, у памяти на социальные события всегда есть полимодальный образ-референт, помогающий воспринимать историю «наглядно». Именно через переживание образа человек может на уровне инсайта прочувствовать и даже понять некую социально-политическую проблему. Роль образов просматривается в психологии общения в связи с усвоением человеком групповых норм, пониманием внутреннего мира других людей. Важной проблемой, следовательно, является изучение *субъективной формы* социальных представлений. Актуально определить типологию социального восприятия в плане личностных особенностей (Абульханова, 1997). Рассмотрение данного вопроса значимо в связи с изучением социального прогнозирования. При исследовании роли ОСЧ в отражении происходящего и перспектив страны/человечества встает проблема адекватности образов относительно и «искренних социальных утопий», и «апокалипсических ожиданий», и навязываемого видения будущего в интересах определенных социально-политических и экономических проектов (Гостев, 2008, гл. 7).

Изучение манипулирования представлениями о социальной реальности связано с проблематикой *социальной установки* (аттитюда), которая описывает устойчивую систему социальных представлений, предрасполагающих к определенным реакциям, в частности, особенности сохранения людьми *ценности* объектов социального восприятия, несмотря на изменения социальной среды. В этом плане мы выходим на аксиологический аспект ОСЧ, обеспечивающий

«жизненность» идеологических форм, через которые осуществляется социальная регуляция (Шихирев, 1999). В раскрытии взаимовлияния социальных установок и образных референтов социального восприятия (аттитюды влияют на них, сами подвергаясь их влиянию) значимо соотнесение особенностей компонентов социальной установки – познавательного, эмоционального, поведенческого – как с глубинной психологией человека, так и с закономерностями отражения нравственно-духовных смыслов.

Изучение манипулирования внутренним миром человека предполагает опору и на понятие *социального стереотипа* – устойчивую совокупность представлений, складывающихся у человека на основе жизненного опыта совместно с влиянием других источников информации. Уместно вспомнить об «утонченности» и исключительной силе внушения на основе стереотипов (Липпман, 2004). Это понятно, поскольку здесь широко используются метафоры, мифология, связь которых с ОСЧ известна. Актуальность изучения стереотипов в связи с воздействием на социальные представления людей возрастает. Достаточно указать на создание «политика по заказу»: его имидж выстраивается в соответствии со стереотипами массового сознания. Для нашего разговора важно, что стереотипы являются одновременно и «автоматизмами» внутренней жизни человека, и компонентами группового сознания различного уровня. И тот, и другой вид стереотипов имеет образную форму (Шихирев, 1999). Люди как-то предметно представляют (воображают) себе социальные явления и как-то их оценивают, прежде чем непосредственно сталкиваются с ними. Стереотипы не только фиксируют социальные отношения, но и выступают «фильтрами» социального восприятия, защищающими внутренний мир личности от инновационных потрясений и манипулятивного воздействия. Поэтому надо изучать и *охранительную*, и *разрушительную* роль стереотипов. Заметим, что стереотипизация традиционно связывается с механизмами психологических защит. Роль же социальной общности в функционировании индивидуальных стереотипов помогает увидеть отрицательные последствия воздействия корпоративной этики.

Отметим некоторые факторы психоманипуляции, опирающейся на стереотипизацию. Важнейший из них – инерция стереотипов, за счет которой люди могут не видеть происходящие социально-политические и идеологические процессы. Пример – «сатанизация сербов» в 1990-х годах. С. Кара-Мурза подчеркивает, что если долго употреблять неприятные эпитеты по отношению к сербам, то у ау-

дитории возникает устойчивая к ним неприязнь (массовые убийства мирных сербов хорватскими боевиками не вызывали отрицательных реакций) (Кара-Мурза, 2000). Стереотипы можно не только создавать, но и усиливать. Сильные стереотипы работают долго (антисоветский стереотип действует в мире до сих пор) и служат для самых разных целей. При этом подбор стереотипов успешно маскирует «одну и ту же пластинку» некой социально-политической информации. Если общественное явление видится через «нужный» в данный момент стереотип, то социальное восприятие искажается. Поэтому большое внимание в психоманипуляциях уделяется картографированию стереотипов, свойственных данному обществу. Для исследования манипулирования ОСЧ актуально знание о соотношении стереотипов новых и старых (советских и традиционно российских), о факторах, обеспечивающих отбор или отвержение навязываемых человеку образов. Отметим также, что стереотипы используются в «присоединении» аудитории к каналу воздействия – через понятные ей образы и слова, совмещенные с подобранными фильмом, рекламой, комментатором (например, в 1990-е гг. на телевидении активно использовалась советская фразеология в политических целях).

Тема социальной установки и стереотипов подводит нас к проблематике собственно *социальных представлений*. История их изучения восходит к Э. Дюркгейму, который подчеркивал роль коллективных представлений в регуляции общественной жизни. Указывалось, что формы общественного сознания (религия, идеология и т. п.) образованы совокупностью соответствующих коллективных представлений в процессе социального взаимодействия – тайна общественной жизни находится в мифах, в верованиях людей. Это указывает на значение духовно-нравственного начала в социальном восприятии (Воловикова, 2004), в противодействии психоманипуляциям. Именно оно обеспечивает реализацию позитивной силы ОСЧ, положительное ее влияние на мир через «материализацию» образов.

В изучении социальных представлений (Абульханова, 2002; Емельянова, 2006; Московичи, 1995; Шихирев, 1999 и др.) для нас особый интерес представляет единство образной формы и смыслового содержания – *перевод понятийного знания* о личностно значимом объекте в *образную форму* и присоединение данного образа к представлениям, уже имеющимся у человека. Исследования показали, что социальные представления, являясь каналом связи человека с миром, выполняя функции описания, интерпрета-

ции и объяснения реальности, регулируют общественную жизнь. Социальные представления, связанные с культурой, зависящие от контекста и условий своего возникновения, от взаимодействия человека с действительностью^{*}, а также от каналов циркуляции, (а) выступают универсальным механизмом социального познания (в функциях описания, интерпретации и объяснения), соотносящим индивидуальное и общественное сознание; (б) выражают отношение как некой общности к тому или иному объекту/событию, так и мнение человека как члена группы, класса, культуры; (в) охраняют стабильность сознания и здравый смысл в интерпретации фактов при их включении в уже существующую у человека «картину мира»; (г) являются социально обусловленным продуктом обыденного мышления. Социальные представления могут быть констатирующими, консервативными, ригидными, установочными. Их формирование осуществляется понятиями, нормами, идеалами, традициями общества и т. п. Показано, что этот опыт может актуализироваться лишь в проблемных социально-политических ситуациях в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Так, для одних людей представления о сфере экономики всегда актуальны, для других – они находятся на периферии социального восприятия.

Закономерности функционирования социальных представлений объясняют как механизмы психоманипулирования, так и устойчивость к нему людей – на индивидуальном и групповом уровнях. Показатели социальных представлений и индивидуальные особенности их носителя взаимосвязаны сложными закономерностями. Их прояснение предполагает изучение сознательного и неосознаваемого уровней детерминации социального восприятия. Для раскрытия каналов психоманипуляции важны знания о барьерах проникновения групповых представлений в индивидуальное сознание (по сферам жизнедеятельности людей). Так, представления могут выражать мировоззренческую позицию человека, являться для него абстрактным знанием, требовать «внутренней ломки», блокироваться психо-защитами (Абульханова, 2002). Важны также особенности образов социального восприятия. Конкретность, четкость образов помогает интерпретировать происходящее, осознавать противоре-

* Так, человек, столкнувшийся с бюрократизмом судопроизводства, будет иметь иные образы о судебной системе, чем тот, кто считает справедливым решение его дела. При «железном занавесе» по-разному воспринимали страну и мир люди «выездные» и «невыездные».

чия в получаемой информации. Личностно значимые представления связаны со всей системой психического отражения-регулирования, а нейтральные, неопределенные представления более изолированы. Поэтому с изменением конкретных представлений меняется вся система социального восприятия.

Личностно значимые представления в силу своей большей субъективности могут создавать «бреши» для манипуляции. С другой стороны, именно личностная значимость образов социального восприятия, определяющая то, насколько человек ясно что-то представляет, помогает осознать противоречия, существующие между классами представлений по генезу и содержанию (нравственные и правовые представления людей могут противоречить друг другу). Ценностная иерархичность представлений дает характеристику их консерватизма («привычности»), обеспечивающую определенность картины мира. Важная проблема в этой связи – экстраполяция личного опыта на более высокие уровни социального восприятия.

Важная особенность социального восприятия в аспекте психоманипулирования связана с тем, что одни представления могут накладываться на другие, совпадая или не совпадая по содержанию, могут подтверждать их (или нет), способствуя возрастанию субъективной уверенности в образах, не нуждающейся в обосновании. Для понимания механизмов манипуляции социальными представлениями актуально также рассмотрение: 1) влияния на них жизненных обстоятельств, социального положения человека и его групповой принадлежности; 2) понимание ценностно-смыслового содержания своего социального восприятия; взаимодействуя друг с другом, социальные представления дают ценностные ориентиры в построении «картины мира»; 3) влияния и интерференции различных идеологий – планетарного, национального, корпоративного и прочих масштабов.

Отметим идею влияния на социальные представления *коллективного бессознательного* (Абульханова, 2002). Действительно, изучение ОСЧ как канала психоманипуляции касается феноменологии символических образов и ярких экзистенциальных переживаний, имеющих метафизическое содержание. В данной статье мы не будем останавливаться на этой сложной проблеме (см.: Гостев, 2008). Ограничимся указанием на актуальность для проблематики социального восприятия изучения *мифологических представлений*, несущих в себе как иррациональную компоненту, в том числе метафизического содержания, и часто религиозную, так и «секулярную манипуля-

тивную силу» – способность замещать в сознании страшные образы действительности. Художественная литература, например, может заменить реальный образ войны мифом. Во Франции в 1940 г. были сильны пацифистские представления, сформировавшиеся на основе романов А. Барбюса, Э.-М. Ремарка (Кара-Мурза, 2000).

Мифы значимы для изучения ОСЧ. Мифологические представления, отражая особенности картины мира у различных народов, глубинные пласты их самосознания, выражая мировосприятие конкретной эпохи, являются составной частью социально-политических традиций народов или доминирующих в данный момент коллективных представлений. Миф – это некая коллективная фантазия народа, обобщенно отражающая действительность в виде конкретных персонификаций (см.: Гостев, 2008). О мифе как продукте коллективного духовного творчества конкретного народа говорил В. Вундт (1914).

Мифологические образы достоверны в плане их переживания человеком, что и делает их важным регулятором социальной жизни. Раскрытие в мифах идеалов людей, их потребности в гармонизации отношений с миром видно на примере сказок и легенд. Религиозно-мистическая компонента мифологических представлений соединяет повседневную жизнь людей с высшими аспектами их бытия и тем самым воздействует на образы социальной реальности на индивидуальном и групповом (разного масштаба) уровнях. Мифологические представления поэтому становятся естественной частью социально-политических традиций.

Особая роль в рассмотрении мифологического сознания принадлежит выдающему отечественному философу А. Ф. Лосеву (1973), который подчеркивал связь мифа с метаисторией, говорил о его особой познавательной функции. Для изучения ОСЧ важнейшим можно считать положение о том, что мифология не является иллюзией, вымыслом, некой низшей формой отражения реальности (свойственной детскому и первобытному мышлению), а выступают специфической формой выражения некой идеи или события. Философ анализирует миф как *реальное непосредственное событие, как подлинно-конкретную действительность*: для субъективного отражения действительности мир является таким, каким его репрезентирует миф. Мифологические образы будем рассматривать как *особую специфическую форму символического отражения объективной реальности, включая и события в невидимом мире*. Мифологические образы соединяют социально-политическую реальность (всегда

опирающуюся на мифологемы) с глубинными областями психики, хранящими опыт человечества в его взаимосвязи с «вселенскими измерениями» и их и разнообразными метафизическими влияниями.

В связи с *мифологическими* представлениями следует рассматривать и *символические* образы метафизического содержания – миф выступает символическим отражением событий в невидимом духовном мире, а символы имеют и свои неземные законы (Кара-Мурза, 2000, с. 442). Метафорическо-символический язык значим для трансляции (в искусстве и религии) духовных смыслов и содержания религиозной веры. Символ воздействует на человека, потому что в нем объединяются две реальности – материально-физическая (вид символа) и духовно-метафизическая (смысл и содержание символа) (подробнее см.: Гостев, 2008). Важным вопросом является роль мифологизированных представлений в искажении социального восприятия. Именно такие представления способствовали идеализации реформ/перестройки в 1990-х гг., или, наоборот, сгущали краски над «рыночным обманом». Психология должна осмыслить мифы, появившиеся за последние двадцать с лишним лет. В частности, в какой мере образ советского прошлого был искажен манипулятивным воздействием (например, насколько представление об «убожестве народного хозяйства» было иллюзией)? При этом следует подчеркнуть деликатность демифологизации социальных представлений. Сегодня видны плоды пренебрежения к реальным ценностям – героическому труду народа, подвигу в войне и т. п.

Для понимания механизмов влияния на социальные представления значимо понятие *имаго-символосферы* (Гостев, 2007, 2008). Человек живет в некой виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, «интернетизацией» и т. д., «обволакивающей» образами, символами, изображениями знаковых структур. Поскольку в образе всегда отображен некий объект/прообраз, за имаго-символосферой стоит реальность, которая участвует во взаимодействии человека с миром. В воздействии имаго-символосферы на человека важны особенности принятия образа/символа: произвольное/непроизвольное обращение на него внимания, преднамеренное/непреднамеренное использование. Подчеркнем, что закономерности, положительные моменты и опасности взаимодействия с новой реальностью информационного мира науке мало известны. Поэтому изучение механизмов тотальной визуализации человеческого бытия, трансформирующей внутренний мир личности, представляется чрезвычайно важным.

Воздействие имаго-символосферы на человека, меняя его представления, меняет мир. В событиях в Югославии в 1990-х гг. этот момент подтвердился антисербской позицией мирового сообщества, созданной на основе искаженных образов происходящего на Балканах. Главное же направление манипулирования социальными представлениями – виртуализация внутреннего мира человека – имеет метафизический аспект, связанный с искажением понимания духовных смыслов (Гостев, 2008). Примером является слепота людей, верящих декларациям либерально-демократических принципов при росте психоманипулятивного воздействия на ОСЧ через кино-видеобизнес, рекламу, СМИ, пиар-технологии, имидж-мэйкерство, отнимающего истинную свободу гражданского выбора и нравственного самоопределения.

В воздействии имаго-символосферы все активнее используется «приземленное и животное начало», заслоняющее перед человеком духовные смыслы его бытия. Политкорректный обыватель уже запрограммирован на эскалацию удовлетворения «искусственных потребностей» в достижении максимального качества жизни. На это направлена организация всей имаго-символосферы. Задаваемые ею образы, становясь частью ОСЧ, виртуализируют и кодируют естественную реальность. Виртуальные ценности приходят на смену духовно-нравственным достижениям человечества. Нельзя поэтому недооценивать действие образов безнравственного содержания.

В настоящее время психологической науке полезно обратить внимание на «*войну образов*», в которой все глубже размываются нравственные основы бытия, открывается путь к «психоманипулятивному тоталитаризму». Эта война образов различной семантики происходит во всех сферах жизнедеятельности людей. Мы видим образы, способствующие духовно-нравственному развитию личности, и образы с личностно деструктивной семантикой. Ареной «войны образов» являются все каналы имаго-символосферы. Негативные изменения в сознании людей приводят к «материализации» социальных представлений в различных сферах общественной жизни. «Война образов» связана с метафизическими силами, стоящими за семантикой образов. Доминирующие образы безнравственного в имаго-символосфере – это атака сил зла на «духовно дремлющее» человечество. Будем помнить, что психоманипулятивное воздействие в бифуркационных ситуациях способно повлечь за собой очень значимые последствия. «Война образов», однако, недостаточно осознается как в психологии, так и на уровне обыденного сознания.

В вопросе о допустимости преднамеренного влияния на социальные представления людей существуют две точки зрения. Одна из них говорит о том, что переход от принуждения к психоманипуляции является прогрессивным шагом в управлении обществом. Другая подчеркивает, что любая психоманипуляция недопустима, поскольку она посягает на свободу нравственного самоопределения человека. Психоманипуляция, имея незаметное влияние, превращает человека в существо, социальные установки и представления которого программируются. Как только манипуляция сознанием превратилась в «технология господства», понятие демократии стало идеологическим штампом (Кара-Мурза, 2000).

В европейских языках термин «манипуляция» (*manipulus* (лат.) – пригоршня) толкуется как обращение с объектами с определенными целями (например, в смысле ручного ими управления). Оксфордский словарь определяет манипуляцию как акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, и с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление ими или обработка. Данный термин применяется и в переносном смысле для обозначения ловкого и притом скрытого управления людьми, воздействия, побуждающего человека совершать поступки, противоречащие его интересам. Под психоманипуляцией и мы будем понимать не замечаемое человеком духовно-нравственное и психологическое воздействие, программирующее его внутренний мир задаваемыми мнениями, идеями, мировоззренческими смыслами и т. п. Иными словами, психоманипулирование раскрывается через изучение «программирующих воздействий» на человека помимо его сознания и воли. Манипуляция – это применение «информационной власти» без раскрытия целей воздействия. Это могут быть как простые, «очевидные», не требующие доказательств сообщения, так и воздействия более сложной природы, нередко использующие архетипическую информацию (например, в рекламе). Целям психоманипуляции служат вымышленные идеалы, мифотворчество, искажение и конструирование исторического знания и прочее. В результате искажения социального восприятия люди начинают жить в виртуальной реальности, способной заставить их действовать даже против национальных интересов. «Отманипулированный» человек верит в естественность происходящего с ним.

В последние десятилетия, особенно после событий в Югославии, Нью-Йорке, Ираке, усилился разговор об «обществе спектакля», в котором люди серьезно, с полной эмоциональной отдачей наблюда-

ют некий захватывающий «спектакль» на «сцене» городов и стран, не вопрошая о том, кто является его автором. Восприятие общественной жизни «спектаклем» является важной характеристикой «отвиртуализированного» внутреннего мира личности.

В представлении людей об общественной жизни как спектакле задействована психология «человека играющего», имеющего искаженное понимание реальности. Доминирующей реальностью на планете может стать Мир игры, стремящийся реализовать свою высшую ставку – возможность выпустить на волю Мир распада (Глобальное сообщество..., 2002, с. 136). Люди играют в виртуальном социальном пространстве в игры, правила которых им навязываются. Человек, принимая «правила игры», постепенно становится профессиональным игроком. Психология игры эффективно влияет на личность (не потому ли мы видим бесчисленные игры на ТВ?!). С духовной точки зрения «человек играющий», особенно в игре коллективной, находится одновременно и в социальной действительности, и в сфере фантазии. Для многих реальностью становятся задаваемые имаго-символосферой образы, смешанные с проекциями собственных фантазий. Из «тотального мира игры» выйти невозможно: все становится игрой, а сам игрок попадает в игровую зависимость. Современные же информационные технологии удовлетворяют возрастающие игровые потребности.

С. Кара-Мурза указывает, что в «игре-спектакле» легко нарушаются культурные табу, историческое время превращается во «время созерцания спектакля», в игры могут вовлечься целые народы, доходя до саморазрушения (Кара-Мурза, 2000). В качестве иллюстраций «кровавых спектаклей» укажем на приуроченную к началу вечерних информационных выпусков ТВ бомбардировку американской авиацией Триполи в 1986 г. и на выкапывание трупов, чтобы имитировать перед телекамерами «нужный геноцид» (там же, с. 169, 271). Подчеркнем, что элементы СМИ-спектакля обычно ложью не являются, а потому трудно предъявить претензии к «итоговой лжи».

Манипуляция общественным сознанием связана с понятием *информационно-психологического оружия*. Знания по вызыванию определенных мыслей, чувств и действий имеют долгую историю тайного использования – для сокрытия целей действий одних групп людей против других. Информационно-психологическая война использует, в частности, историю древнего Китая, в которой можно найти советы разлагать все хорошее в стране противника, вовлекать его элиту в преступные предприятия для подрыва ее престижа, раз-

жигать социальные конфликты, быть щедрым на покупку информации и сообщников (Гостев, 2008). История в целом показывает, что в военное время психологическая война успешно дезориентировала и деморализовала противника. В мирное же время она используется как для влияния одних государств на другие (одна из самых успешных операций – Карибский кризис, профинансировавший американские ВПК/армию; отметим также блеф со «Звездными войнами» в период «холодной войны»), так и в организации властной вертикали внутри стран. Информационно-психологическое оружие применяется и на уровне корпорации (крупный бизнес «милитаризуется», атакуются финансовые рынки) – оно используется при сокрытии целей заказчика. Важное положение теории информационно-психологической войны заключается в том, что внешние причины (навязываемые извне идеи-программы) работают через внутреннюю поддержку со стороны «пятой колонны идеологических центров». Мы видим этот момент в информационной экспансии в нашу страну за последние 20 лет, когда СМИ фактически управлялись из-за границы через внутренние каналы влияния. Российские СМИ все еще не преодолели пронизанной американскими оценками системы представлений о мире (тенденцию 1990-х годов).

Информационно-психологическая война демонстрирует реальное взаимодействие социально-психологических, «глубинно-психологических» и метафизических факторов в их влиянии на человека и общество и в результате раскрывает идею «конспирологии без конспирологии» (Гостев, 2008).

Информационное оружие включает подписание «обманных договоров», утечку информации, политический блеф (типа «звездных войн»), проталкивание на руководящие посты агентов влияния, вбрасывание компромата, навязывание ложных направлений научного исследования и дискредитация правильных, формирование системы образования, научной и культурной среды.

Теория манипуляции сознанием базируется на теории А. Грамши. В ней говорится о том, что власть господствующего класса держится не только на принуждении, но и на общественном согласии. Социальные трансформации происходят в результате невидимого изменения всей системы представлений среднего человека о мире, о добре и зле; изменению подлежат символы и образы, традиции и предрассудки. «Культурное ядро» общества разрушается организованными информационными потоками. Когда «кризис власти» созрел, быстрые целенаправленные операции наносят удар по со-

знанию, вызывают шок и нужные действия. Для этих целей широко используются данные из различных направлений психологии. С. Кара-Мурза подробно анализирует воздействия на людей в ходе перестройки, которые сломали «культурное ядро» советского общества (Кара-Мурза, 2000, с. 58–61). Отмечается, что эффективно служит задачам психоманипулирования бихевиоризм, психоанализ. В фашистской Германии, например, идея Эроса воплощалась в схеме: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу. Использовался также инстинкт смерти – Танатос. Возрожденные древние ритуалы актуализировали архаические взгляды на смерть. Для «преодоления» Смерти людям было предложено стать ее служителями (Кара-Мурза, 2000, с. 67). Идеологическая машина фашистской Германии превратила немцев в толпу «визионеров».

Итак, методы информационного воздействия приводят к тому, что человек, субъективно не меняя убеждений, меняет свои оценки социально-политических событий, не замечая «помощи» в интерпретации фактов через задаваемые варианты объяснения. Были найдены способы обхода психологических защит личности и группы. Особое внимание привлекалось к атакам на священные образы и символы.

В средневековой Европе атаковалось видение человеком проявления Божественных законов и священного смысла в этом мире. Десакрализация мира, начавшаяся в эпоху Реформации, представила его как механическую машину, не предполагающую нравственных законов. В суждения о человеке внедрилась идея о том, что он – «свободный атом». Игнорировалось очевидное: человек не может быть таковым, поскольку он – средоточие множества социальных связей. «Человек-атом» породил представление о частной собственности как естественном праве. Идея собственности стала прилагаться даже к человеческому телу. Здесь можно усмотреть корни современного отношения к различным аспектам распоряжения своим телом (например, эвтаназии). В область представлений о государстве вошла идея «войны всех против всех».

Психоманипуляция использует «научную картину мира» (Кара-Мурза, 2000, с. 223–227). Имитируется беспристрастность науки (прежде всего в плане ее свободы от этических критериев), объективность экспертов по проблемам, обосновывается возможность абстрагирования от второстепенного (мешающего продвижению некой заказанной в целях манипуляции темы). Используется авторитет конкретных концепций и персоналий. Особую роль сегодня

играют антропологические модели. Именно авторитет науки усилил представление о «людях-животных», борющихся за существование. Социальный дарвинизм подчеркивает, что выживание способных – необходимое условие прогресса. Подобные идеи усиливаются концепцией «золотого миллиарда» (мондиализма в целом), закрепляющей «справедливость неравенства», – следствия многовекового ограбления одних народов другими. Сегодня при обосновании представлений о «прогрессивности» нового мирового порядка воздействие научных теорий возросло именно в изображении общества, управляемого борьбой за существование.

Одним из сильных манипулятивных приемов является искажение представления человека о *свободе информации*. С. Кара-Мурза подчеркивает, что тезис о «свободе распространения информации» антидемократичен, поскольку обслуживает интересы элитарного социального меньшинства – заказчика соответствующей идеологии. Защищая истинную свободу выбора гражданина, государство, напротив, обязано найти приемлемые формы контроля за образами, циркулирующими в обществе (иначе оно – соучастник заказчика). И надо отметить, что опасность устранения нравственных норм на Западе отчетливо понималась; свобода слова была категорией философской. Даже сегодня свобода информации предоставляется только в той мере, в которой у власти есть уверенность в контролирующей силе психоманипуляции. Запреты на свободу сообщений были устранены в США только в 1960-е годы, когда технология психоманипуляции стала безотказной (Кара-Мурза, 2000, с. 235).

Сторонники контроля над СМИ подчеркивают: сейчас на информационную продукцию конституционные гарантии свободы слова не распространяются. Потребитель имеет право знать о последствиях потребления продукта, прежде всего в плане возможности стать «зависимым» от него и лишиться свободы. На Западе не работает лозунг «не хочешь – не нюхай»; человек, попробовав наркотик, становится наркозависимым. Но телепродукция является «информационным наркотиком», создающим «теленаркоманов». «Свобода информации» в мире реализуется принципом «дозирования правды», который устраняет проблему правды–лжи. Люди становятся зрителями «виртуальных спектаклей» с навязываемым отношением к событиям. Для создания нужных образов используются различные приемы (Кара-Мурза, 2000, с. 236–253; Гостев, 2007, 2008). Образ события формируется отбором информации и помещением ее в нужный контекст (а это является ее интерпретацией), искажается

неточностями, рекламой, комментариями, сменой сенсационных тем. Сообщениям придается повышенная важность, но в нужное время тема закрывается. Под прикрытием сенсации умалчивается о том, что не должно быть замечено, поддерживается «нервозность» людей для повышения их внушаемости. В создании сенсационности используются раздуваемые СМИ слухи. Настойчивое повторение образов в различных версиях и контекстах не только дает «чувство очевидности», но возводит психологический барьер против иных точек зрения на происходящее. Типично отрицание или затушевывание взаимосвязи неких событий. Разделение проблемы на фрагменты затрудняет создание целостного образа. Используется также принцип: факты, противоречащие интересам заказчика, не существуют или показываются скупко. Так, информация об убийстве священника в Польше в период «холодной войны» была в 140 раз «ценнее» аналогичного случая в зоне влияния США. Элементы СМИ-спектакля обычно прямой ложью не являются, а потому трудно предъявить претензии к итоговому продукту. Ложь убедительно преподносится на телевидении в виде «правды» смонтированным видеорядом, созданием фона для дикторского текста. В ход идут и особенности изложения информации (паузы в определенных местах и по определенному поводу), формирование чувства знакомства аудитории с комментатором и т. п. Имеет место и преднамеренная фальсификация информации – дезинформация, работающая на «нужную объективность» (опровержение фальшивок обычно замалчивается). Кадры «радости палестинцев 11 сентября», например, были засняты во время войны Ирака против Кувейта. Показательна и история появления в западной прессе фотографии «сербского лагеря смерти», на которой мы видим лицо боснийского мусульманина за колючей проволокой. Но оказалось, что изображен был пункт сбора беженцев в одной из школ. Забор из колючей проволоки был установлен до войны. Журналисты могли снимать «узников» отдыхающими на воздухе. Тележурналисты, однако, не видят за собой вины, ибо в кадре не было лжи, а было лишь умолчание (Кара-Мурза, 2000, с. 207).

Принцип «отделения фактов от комментариев», существующий в западных СМИ, не компенсирует дезинформационное воздействие на людей, не мешает созданию «нужной объективности». Несмотря на декларирование права личности на свободу информации, человеку внушается, как он должен относиться к событиям, чтобы оставаться «политкорректным обывателем». При кажущемся разно-

образии каналов информационного воздействия (в частности, позиций различных СМИ) внушается один и тот же набор представлений, предлагается одна версия действительности, подаваемая через разные образные решения (это работает на создание образа «демократичности»).

Манипулятивное воздействие на внутренний мир человека целостно, однако, имеет свои закономерности в различных сферах психики в зависимости от условий, задач, особенностей аудитории. Эти закономерности важны для изучения ОСЧ как канала психоманипулирования. Воспользуемся снова анализом, проведенным С. Кара-Мурзой (2000).

В манипуляции социальными представлениями особая роль принадлежит *воображению*. На воображение человека можно влиять подачей фактов, употреблением сочетания образов, слов и чисел, направляющих его представления в определенное, чаще всего незаметное для него, русло. Связь воображения с прогнозированием порождают и социальную истерию, и «усыпление бдительности». Мы можем увидеть информационно-психологический удар по инстинкту самосохранения общества через высмеивание в общественном сознании определенных страхов (Гостев, 2008). Но создание иллюзии безопасности неадекватны реальности XXI в.

Сильные средства воздействия открываются через *взаимосвязи воображения и мотивационной сферы*. Влияние на мотивацию через ОСЧ заставляет людей «хотеть чего угодно». А при подпитывании грезоподобных фантазий в состояниях фрустрации возникает стремление к «бегству от реальности» через алкоголь и наркотики. Отметим также воздействие на воображение *метафор/аллегорий*. Здесь следует подчеркнуть, что метафора, создающая красочный образ, способна подавлять здравый смысл. Особенно сильны парадоксальные метафоры. Использование метафор полимодально. Широко используются, в частности, метафоры запаха: «запахло жареным», «запах крови» и др. С. Кара-Мурза анализирует метафоры, использующиеся в нашей стране в 1990-х: «наш общий европейский дом», «пропасть не перепрыгнуть в два прыжка», «столбовая дорога цивилизации» и т. д. Сильный манипулятивный эффект имеет воссоздающее воображение на основе географических карт. Образы «утраченных исконных земель» актуализируют социальные предубеждения, воздействуют на национальные чувства. Фабрикация географических карт поэтому – известное средство разжигания этнических конфликтов.

ОСЧ-концепция говорит об особой роли *эмоциональной сферы* в понимании человеком своего внутреннего опыта. Применительно к проблеме манипулирования социальными представлениями подчеркнем важность феномена группового «эмоционального заражения» при переживании событий в жизни общества. Большую роль в этом процессе играет создание или использование техногенных катастроф, террористических актов, социальных конфликтов и т. п. В повышении эмоциональности, увеличивающей доверие к информации извне, используются и отрицательные, и положительные чувства. Особую роль играют страхи – адекватные (в ответ на реальную опасность) и воображаемые. Доктрины манипуляции сознанием разрабатывались применительно к «западному» страху, в частности, страхам мистической природы (популярность «фильмов ужасов» не случайна). Показательно, что в Реформацию было сожжено около миллиона «ведьм», а в 30-летней войне погибло $\frac{2}{3}$ населения Германии. Тема смерти и по сей день составляет одну из главных у протестантских проповедников. Э. Фромм, как известно, напоминал, что именно страх усилил расизм европейца. В России же в душу человека «вирус мистического страха» не вводился (Кара-Мурза, 2000, с. 132–149).

Использование воображения эффективно в эскалации страхов, паники под воздействием слухов. В эскалации страха (например, страха терроризма) применяется *сочетание эмоциональной сферы и воображения*, – человек склонен представлять себя на месте другого. Страх терроризма неразрывно связан с особенностями образного оформления и освещения террористической деятельности в СМИ. Телевидение показывает изуродованных взрывом людей, а воображение телезрителя «подставляет» на их место себя или своих близких и требует «казней» виновников (там же, с. 158–159). Показ терактов, катастроф *по силе психологической травмы сопоставим с переживаниями очевидцев*. После кровавых зрелищ люди обращаются к врачам и психологам (события 11 сентября подтвердили это). Будем помнить, что терроризм возник как средство устрашения общества в политических целях и что он имеет давнюю историю преднамеренного использования в этом качестве (вспомним французскую революцию). Целью терроризма – спонтанного, управляемого, создаваемого – всегда была деморализация страхом, чтобы люди потребовали от политиков того, что соответствует целям террористов. Современный международный терроризм может быть представлен как некая «игра» (правила которой не известны) на сцене политического театра глобального масштаба, зрители

которой призваны к эскалации страха, чтобы их внимание было отвлечено в нужном направлении.

Роль *внимания и памяти* в психоманипулировании проявляется в привлечении или отвлечении внимания людей, в обеспечении того, чтобы некая информация запомнилась или ушла в подсознание, чтобы потом актуализироваться в образном опыте и его ассоциациях. Главная роль принадлежит произвольному запоминанию. Отметим в этой связи значение высокоэмоциогенных образов памяти. Частый показ в СМИ определенных образов (воплощающих некоторые идеи) сильно действует на человека. И потому даже отвергнутая вначале некая точка зрения со временем может быть принята зрителем (укажем на отношение к идее распродажи земли в России в 1990-е годы и в настоящее время). Особой способностью манипулировать всеми видами внимания и памяти обладает телевидение – оно сосредоточивает внимание зрителей на освещении «невероятных событий», на фоне которых вбрасывается любая информация. На манипулирование вниманием может быть направлена профессиональная деятельность всех категорий телевизионных работников (особенно тележурналистов, телережиссеров, телеоператоров).

Актуальный аспект изучения психоманипуляции на уровне памяти – отображение в имаго-символосфере истории человечества и России. Искаженное историческое знание является мощным фактором психоманипуляции. В этой связи актуальнейшим вопросом становится утрата и искажения исторической памяти народа, когда любую проблему можно представить ложно. Между тем общеизвестно: тот, кто пишет историю, контролирует настоящее. Сегодня же мы видим, как на глазах меняются представления людей о мировой и отечественной истории. Отметим, что переписывание истории – важнейший канал виртуализации социальной реальности. В связи с манипуляцией образами исторической памяти вспомним рабов-манкуртов, которые забыли даже свое имя. Сегодня можно говорить о «коллективном манкурте». Особо подчеркнем вопрос о разрушении национальных символов, которые упорядочивают историческую память, задают ориентиры, указывают цели и опасности, поддерживают в сложных социально-политических обстоятельствах.

Искажение образа истории государства российского накапливалось с XVIII в.* Советский и постсоветский периоды внесли большой

* Мы рекомендуем ознакомиться с картиной отечественной истории, используя труды М. Назарова, О. Платонова, В. Кожина. Об отрицатель-

вклад в этот процесс. С начала «перестройки» видны активные попытки искажения знания об «исторической России». В СМИ создавались негативные представления о российской государственности, умалялось культурное наследие страны. Замалчивались и искаженно трактовались факты участия России в мировой истории, в частности, в качестве освободителя народов (Европы – от Наполеона, от фашизма, балканских стран – от османского ига и др.). Много ли людей знает, например, что первая инициатива разоружения, которую «просвещенная Европа» не приняла, принадлежала Николаю Второму в конце XIX в. Иллюстрацией искажения исторической памяти является негативное отображение в публицистике 1990-х годов роли СССР в победе над фашизмом. В «послеельцинской России» положение дел исправляется, хотя отражение отечественной духовно-нравственной традиции и сегодня недостаточно. Конечно, исторические представления порой искажаются и просто из-за желания самовыражения, сенсации, отсутствия целостного взгляда на историю – вследствие мировоззренческой узости, нравственной деформации, по неведению, из-за профессиональной некомпетентности. Говоря об античном язычестве, забывают, например, о свойственной ему жестокости, о том, что античный мир погиб от безнравственности (Сапунов, 2001, с. 74).

Искажение *мышления* при психоманипуляции происходит за счет изменения смысла слов, понятий (и связанных с ними социальных представлений), «психоманипулятивной герменевтики» – тонкого навязывания их толкования. Лингвистические перекодировки размывают смысл понятий и затушевывают нравственную окраску их содержания. Так, слова «биржевой спекулянт», «наемный убийца», «проститутка», «содомит» рождают другие образы, нежели слова «брокер», «киллер», «ночная бабочка», «человек нетрадиционной сексуальной ориентации». Укажем, что рациональное мышление подвержено манипуляции сильнее, чем иррациональное. Показательно, что во время перестройки именно интеллигенция, более оторванная от остатков народных традиций, оказалась и более подверженной «искусственной шизофренизации» (Кара-Мурза, 2000). В 1990-е годы главные понятия западной цивилизации – «свобода», «демократия» и т. п. – толковались строго однозначно и позитивно. Так, слово «гуманизм», например, усиленно ассоциировалось

ных стереотипах русской истории как результате и средстве манипулирования историческим сознанием народов России см.: Гостев, 2008.

с чем-то «добрым», хотя исторически о термине следует говорить, скорее, обратное. С. Кара-Мурза указывает, что «гуманизм» не распространялся на всех людей, что он служил для обоснования колониального ограбления и уничтожения народов (североамериканских индейцев, например), что богоборческая по своей сути постановка человека в центр мироздания была связана именно с понятием «гуманизм» (Кара-Мурза, 2000, с. 86–87). Адекватное представление о «гуманизме», следовательно, должно включать все смыслы, вложенные в данное понятие.

Эффективным приемом манипуляции служит исключение из информационных сообщений слов, вызывающих отрицательные ассоциации. Слово «война», например, заменяется «миротворческой операцией». Ищутся фразы-лозунги, ориентирующие восприятие человека в заданном направлении, создаются «новоязы»^{*}, используются телевизионные диалоги-спектакли, в которых участвуют «подсадные» оппоненты или люди, не только некомпетентные в полемике и противодействии манипулированию, но и публично дискредитируемые как отстаивающие «неправильные представления». Подменяется и сам предмет спора переводом с важного вопроса на второстепенный. Мы уже говорили о роли в этом авторитетных ученых, популярных артистов и телеведущих. Большую роль сыграло уравнивание в постмодернистской философии абсурда и логики – нестыковки в навязываемой системе взглядов уже не вызывают у людей отторжения. Психоманипулятивный потенциал науки реализуется на фоне возникновения плюрализма «научных картин мира» и критериев достоверности знания. Этот момент, с одной стороны, усиливает виртуализацию сознания, а с другой – дает возможность более гибко подбирать нужные обоснования.

Продолжение разговора о перспективах изучения ОСЧ как канала манипуляции внутренним миром личности мы видим в следующих направлениях.

1. Углубление изучения манипулирования «многоликим Экраном» – основным каналом имаго-символосферы. Разговор о многоликом экранном манипуляторе предполагает разговор о влиянии экранных образов различного класса: телевидение государст-

* Примитивизация речи, «словесный мусор», «матерщина», иноязыковые заимствования (слова типа «кастинг» и т.п.) — все это отрицательно влияет на внутренний мир человека (см. Кара-Мурза, 2000; Миронова, 2008).

венное, частное, кабельное, видеопродукция, видеоигры, Интернет и пр. Изучению подлежат типы личностей, по-разному подверженных манипулированию Экраном.

2. Изучение «зомбирования рекламой» как психопрограммирования и канала виртуализации. Осмысление *брендов*, задающих ценностно-мировоззренческие позиции, разрушающие национальное самосознание и культуры народов.
3. Изучение манипулирования ОСЧ через *политический пиар* – театр политического спектакля разного уровня. Осмысление виртуализации современной политики, где пиар-политтехнологии, имиджмейкерство работают на идеологические, социально-политические и иные проекты. Образы не должны ломать «демократических иллюзий», но помогать обывателю согласиться с предложенными имиджами, почувствовав к ним симпатию.
4. Изучение образов *планетарной ситуации* (по различным основаниям – политическим, экономическим, экологическим; см.: Гостев, 2008) в процессе «глобальной манипуляции» – спонтанной и преднамеренной. Исследование представлений людей о настоящем и будущем (с опорой на прошлое) предполагает диалектику интеграционных процессов и необходимость сохранения накопленного планетарного опыта в локальных культурах.
5. Изучение манипулирования ОСЧ *новыми информационными технологиями* (Гостев, 2008, 2009, 2010). Осмысление психоманипулятивных возможностей образов виртуальных миров в плане отчуждения человека от окружающего его *реального* мира.
6. Исследование манипуляции ОСЧ при учете метафизической составляющей – изучение неосознаваемого метафизического канала психоманипуляции со стороны отрицательных духовных сил (раскрытие данного тезиса см.: Гостев, 2008). Как проявляется «невидимый духовный мир» в имаго-символосфере и далее оказывается в социальных представлениях людей?

Итак, в раскрытии темы статьи главным для нас являлся вопрос о представлениях человека о возможности и формах «скрытого тоталитаризма» через технологии психоманипуляции. Это вопрос о «слепоте» на опасность исчезновения истинной свободы духа, когда «человек-биоробот» не будет догадываться об этом, а психологическая наука будет способствовать психозомбированию, не осознавая этого.

Устойчивость к навязываемым через ОСЧ социальным представлениям является поэтому необходимым дополнением в изучении психоманипулирования по всем каналам информационного воз-

действия. Занижение или завышение таких возможностей не позволит определить, насколько человек реально выступает объектом манипуляции. Поэтому изучение контрманипулятивных ресурсов также является темой нашего будущего разговора.

Литература

- Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002. С. 88–103.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Вундт В. Миф и религия. СПб., 1914.
- Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира / Под ред. А. И. Неклесса. М., 2002.
- Гостев А. А. Духовно-нравственные аспекты новой информационной экологии. Экопсихологические исследования // Материалы V Российской конференции по экологической психологии. М., 2009.
- Гостев А. А. Метапсихология новых информационных пространств в духовно-нравственном измерении // Материалы XVII Международных Рождественских чтений. Святоотеческая психология и воспитание человека. М., ПИРАО, МГППУ, 2010.
- Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
- Лосев А. Ф. Логика символа. М., 1973.
- Миронова Т. Крест и меч. М., 2008.
- Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1–2.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психогенетическая парадигма. М., 2010.
- Сапунов Б. М. Культурология телевидения. М., 2001.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. В. Сухарев, А. П. Чулисова, В. С. Грачев

Системный кризис современного этапа культурно-исторического развития России коснулся, прежде всего, нравственной основы социума. Разрушительные тенденции в нравственной сфере, в системе социальных норм, правил, этических принципов, аморальное поведение, распространение ценностей криминальной субкультуры обуславливают аномию, рост криминализации общества (Давыдов, 1990; Мертон, 1966; и др.). Кроме того, в настоящий момент происходит увеличение рецидивов таких тяжких насильственных преступлений, как убийство, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, разбой и др. (Иншаков, 2010). Исходя из статистических данных, можно полагать, что применяемые в исправительных учреждениях ФСИН России методы воспитательной и психокоррекционной работы с осужденными за насильственные преступления недостаточно эффективны для вторичной профилактики (профилактики рецидивов) преступного поведения. В связи с этим, перед исследователями в области пенитенциарной психологии встает важнейшая задача поиска новых, более эффективных методов психокоррекционной работы с осужденными.

В пенитенциарной психокоррекции (вторичной психопрофилактике преступлений) наиболее часто применяются методы когнитивно-поведенческой психотерапии, основанной на классической поведенческой теории, необихевиоризме, теории социального научения, когнитивном подходе, копинг-теории, нейропсихологии и т. д. (Галич, 2008; Змановская, 2008; Сочивко, Литвишков, 2006; и др.). Кроме этого, психологами уголовно-исполнительной системы часто используются техники нейролингвистического программирования (в частности, трансовое внушение), транзактный анализ,

логотерапия, гештальт-терапия, арт-терапия и т. д. (Коробейников, 2008; Лукшина, 2008; Савельева, 2008; и др.).

Однако указанные выше методы психокоррекции не учитывают негативного влияния на личность культурно-исторической специфики ментальности современного общества, которая выражается в ее неоднородности, этнокультурной «мозаичности» (Сухарев, 2008; Тишков, 1993; и др.). Последствием такого воздействия может являться, в частности, рост личностной тревоги, которая, как показывают многочисленные криминально-психологические исследования, представляет собой психологическую основу возникновения криминального поведения (Аминов, 2009; Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Васильев, 2005; Змановская, 2008; и др.). Тревога и поведение личности в широком смысле могут быть обусловлены рядом взаимосвязанных причин: этнокультурной «мозаичностью» общества, следствием которой является «культуршок» (Bochner, 1982; Coelho, 1979; May, 1979; и др.), нарушением эмоциональной связи с родной природой (Голд, 1990; Сид и др., 1992; Сухарев, 2008), воздействием криминальной субкультуры (Пирожков, 1998; Александров, 2002) и др. В целом, речь идет о разнородных социальных, культурных, природно-климатических, конфессиональных и других факторах, системно не учитывающихся в исследовании их влияния на личность и, соответственно, в психологической коррекции преступного поведения.

Особую значимость в этой связи в настоящее время приобрела проблема первичной психопрофилактики правонарушений, в частности, среди подростков, притом, что ее эффективность оставляет желать лучшего. В целом анализ возрастного состава лиц, совершивших преступления в 1990-е годы, показывает, что среди них доля молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет составляет приблизительно 60–65%. При этом отдельные виды преступлений преимущественно совершаются подростками. Это обстоятельство обуславливает исключительную актуальность поиска новых методов первичной психопрофилактики криминального поведения в подростковом возрасте.

В современной науке существует ряд методологических подходов, в рамках которых раскрывается проблема происхождения криминального поведения – биологический (Ч. Ламброзо, У. Шелдон, К. Лоренц), социальный (социально-психологический) (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), психологический (К. Хорни, Э. Эриксон, А. Адлер), поведенческий (У. Шелдон, Д. Кауфманн, Й. Галлахан) и др.

Ни в одном из вышеперечисленных подходов поведение человека не рассматривается как целостное – в системе экологических, социальных, нравственных, природно-биологических и др. факторов и не учитывают специфику современной культурно-исторической ситуации. Соответственно, психопрофилактические методы, основанные на данных подходах, имеют тот же недостаток.

В условиях современной «этнокультурной мозаичности» исторически актуальной для исследования и коррекции личности преступника, а также ранней психопрофилактики криминального поведения может выступать *этнофункциональная парадигма* в психологии (Сухарев, 2008; Сухарев, Чулисова, 2009), системно, на единой методологической основе учитывающая все вышеперечисленные факторы, влияющие на личность, ее поведение в целом. Данная парадигма основана на ряде методологических принципов: принципе этнофункциональной системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, из которого следует принцип этнофункционального развития, и др.

Важным понятием этнофункциональной парадигмы является понятие этносреды, включающей внутренние (антропо-биологические, психологические), внешние (ландшафтно-климатические (природные) социокультурные) и трансцендентные (Бог, духи природных стихий и т. д.) этнические признаки. Каждый элемент образной сферы личности – вторичный образ этносреды – наделяется этнической функцией. Данная функция может принимать два значения: этноинтегрирующее, т. е. объединяющее личность с родной этносредой, или этнодифференцирующее, разобщающее с ней.

Принцип этнофункционального развития личности тесно связан с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма. Предполагается, что последовательность и образное содержание этапов этнофункционального развития русской этносреды – природный (фетишизм), языческий (анимизм и героизм), христианский, просвещения и др. – аналогичны последовательности и образному содержанию стадий развития личности – природной, сказочно-мифологической, религиозно-этической, просвещения (принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма). Исследования показывают, что нарушение последовательности стадий и этнодифференцирующие включения в их содержании могут снижать уровень психической адаптированности личности (принцип этнофункционального развития) (Сухарев, 2008).

В инструментальном плане актуальными и продуктивными представляются методы этнофункциональной коррекции, опирающиеся на регулятивный потенциал изменения этнической функции пространственных (на момент обследования) и онтогенетических характеристик образной сферы личности и, в частности, образов природы. В процессе этнофункциональной коррекции личности осуществляется восстановление этноинтегрирующего содержания ее образной сферы.

Образная сфера является интегральной характеристикой личности (Гостев, 2007). В связи с этим, характеристики образной сферы могут обуславливать особенности эмоциональной, когнитивной, нравственной и других сфер личности (Арнхейм, 1994; Величковский, 1982; Гостев, 2007; Ильин, 2000; и др.). Категорию образа можно рассматривать как «единицу психического», применимую как для описания индивидуального, так и группового поведения человека (Шихирев, 1993).

Образы природы, как показано в этнофункциональных исследованиях, взаимосвязаны с особенностями различных сфер личности; при этом подчеркивается ведущая роль в развитии личности отношения к родной природе, взятого в системной взаимосвязи с культурными, антропологическими, религиозно-этическими характеристиками этносреды. Важность отношения к образам природы для развития личности и ее поведения в целом подчеркивается во многих исследованиях (Голд, 1990; Панов, 2006; Ясвин, 2000; и др.). Исследователями отмечается также, что общение с объектами природы может обуславливать существенные «преобразования образа мира личности» (Дерябо, 2002), а воспитание самоценного отношения к природе связано с формированием нравственных качеств в целом (Шейнис, 1995). Замечено, что отношение к природе может быть связано и с формированием правовых норм (Панов, 2006).

Важнейшей психической структурой, регулирующей психические процессы, состояния, поведение личности, является самоконтроль. Существенно, что появление и развитие данной структуры определяется требованиями общества к поведению человека (Петровский, Ярошевский, 1990). Одним из показателей самоконтроля является когнитивный контроль эмоциональной сферы. По данным исследования Д. В. Сочивко и В. М. Литвишкова, из 300 осужденных у 216 (72%) нарушен самоконтроль, что может обуславливать рост неконтролируемой тревоги (вследствие нарушения когнитивного контроля эмоциональной сферы) (Сочивко, Литвишков, 2006). Вмес-

те с тем, важнейшим регулятором поведения личности является отношение к моральным ценностям, составляющее ее нравственную сферу. Нравственная сфера личности, в частности, регулирует ее отношение к праву, что может обуславливать наличие или отсутствие противоправного поведения (Гусейнов, 1974).

В то же время психологические этнофункциональные исследования показывают, что недостаточно сформированный в онтогенезе личности самоконтроль и, как следствие, эмоциональная незрелость препятствуют полноценному усвоению моральных ценностей (Выдрина, 2007; Шустова, 2007; и др.).

Цель нашего исследования была следующая: показать, что как для коррекции уже сформировавшегося криминального поведения, так и для его ранней психопрофилактики в подростковом возрасте важнейшую роль играют этнофункциональные факторы – формирование у личности самоценного отношения к этноинтегрирующим образам природы (образам родной природы). Для этого нам необходимо было выявить характер влияния этнофункциональной коррекции образной сферы (а именно – образов природы) осужденных за насильственные преступления на особенности эмоциональной, когнитивной и нравственной сфер их личности.

На основании принципов этнофункционального развития и системности мы предполагали, что восстановление *этноинтегрирующих* образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления, а также школьников-подростков может обуславливать *положительные* изменения особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности. Вместе с тем, мы также предполагали, что влияние *этнодифференцирующих* образов природы на личность осужденных может обуславливать *отрицательные* изменения данных особенностей.

Методика исследования

В целом в исследовании сочеталось применение номотетического и идиографического подходов, а также использовались следующие эмпирические методы.

1. Для диагностики «пространственной» (отношение к образам этносреды) и «онтогенетической» (субъективно оцениваемый испытуемыми возраст появления в онтогенезе образов природы, сказочных образов, а также религиозно-этических представлений) составляющих образной сферы личности испытуемых ис-

пользовался метод структурированного этнофункционального интервью (Сухарев, 2008). В процессе данного интервью выявлялось также отношение испытуемых к моральным ценностям на примере христианских заповедей (10 заповедей закона Божьего). В России отношение к данным заповедям является неотъемлемой частью отношения к моральным ценностям, т. е. важнейшим показателем нравственности, а отношение к Богу – основой морали, так как христианство представляет собой важнейшую составляющую русской культуры.

2. Для определения склонности личности осужденного к совершению противоправных поступков (делинквентному поведению), являющейся важнейшим показателем нравственности, использовался «Опросник склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла (Змановская, 2008).
3. Для исследования особенностей эмоциональной и когнитивной сфер личности испытуемых применялся тест Роршаха (Bohm, 1972).
4. Для восстановления этноинтегрирующего содержания образов природы в образной сфере личности осужденных за насильственные преступления в формирующем эксперименте № 1 использовался метод этнофункциональной коррекции (Сухарев, 2008).

Помимо данных методик, для исследования подростков дополнительно использовалась методика диагностики тревожности Филлипса (Рогов, 2000).

Кроме восстановления этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности подростков и взрослых осужденных, с последними проводилась этнофункциональная коррекция на материале этнодифференцирующих образов природы. Данный эксперимент был осуществлен с целью дифференциации характера влияния этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы на личность осужденного.

Математическая обработка эмпирических данных проводилась с помощью статистического χ^2 -критерия Пирсона.

Результаты исследования взрослых, осужденных за насильственные преступления

В исследовании приняли участие 203 человека. Были обследованы 88 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет, не привлекавшихся к уголовной ответственности, – курсанты Академии гражданской защи-

ты МЧС РФ (группа «законопослушные»). Вместе с тем, проведено обследование 115 мужчин в возрасте от 20 до 33 лет, осужденных за тяжкие насильственные преступления, а именно за разбойные нападения, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, убийства, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Саратовской области, а также в СИЗО № 3 г. Москвы (группа «осужденные»).

Этничность обследуемых по самоопределению: 95% – русские (остальные 5% – представители бывших республик СССР). Все участники исследования родились и проживали первые 5 лет в средней полосе России, большинство из них (92,7%) считает себя христианами (православными).

В первой части исследования (*констатирующем* эксперименте) выявлялась связь психологических особенностей личности осужденного за насильственные преступления с этнофункциональными характеристиками ее образной сферы (с помощью сравнения данных особенностей личности у законопослушных и осужденных).

Результаты констатирующего эксперимента

В результате констатирующего эксперимента было установлено, что более позитивное отношение к христианским заповедям, как ни парадоксально, продемонстрировали осужденные за насильственные преступления, а не законопослушные граждане. Этот факт объясняется тем, что человек нередко впервые задумывается о грехе, справедливости, Боге только тогда, когда попадает в заключение. В то же время основное отличие осужденных от законопослушных состояло в необъяснимом на первый взгляд предпочтении этнодифференцирующих образов природы. Этот факт позволяет предположить, что в соответствии с принципом этнофункционального развития именно изменение отношения осужденных к образам природы способно повлиять на их отношение и к другим образам этносреды, в том числе и к христианским представлениям и заповедям. В наших исследованиях имеются результаты, подтверждающие связь онтогенетических особенностей и «пространственных» предпочтений в образной сфере личности (Сухарев, 2008, с. 175–177). Для подтверждения данного предположения был осуществлен *формирующий эксперимент*.

Во второй части исследования проводился формирующий эксперимент № 1, в процессе которого осуществлялось восстановление влияния этноинтегрирующих образов природы на образную

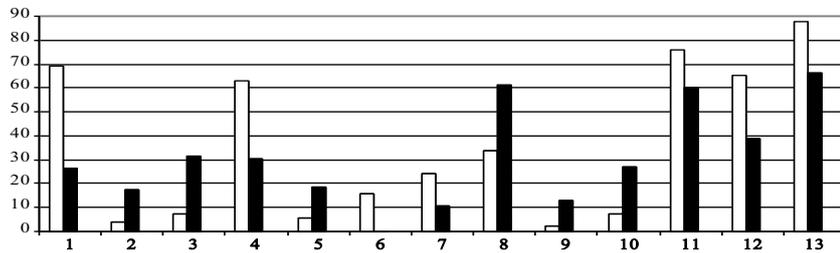

Рис. 1. Сравнение законопослушных и осужденных по этнофункциональным характеристикам их образной сферы (в %)

На рисунках 1 и 2 белая гистограмма означает выраженность показателей в группе законопослушных, черная – выраженность показателей в группе осужденных. Цифрами обозначено сравнение следующих показателей: 1 – количество воспоминаний первых образов природы с 2 до 5 лет ($p < 0,01$); 2 – количество воспоминаний первых образов природы с 8 лет и старше ($p < 0,05$); 3 – отсутствие воспоминаний образов природы в онтогенезе ($p < 0,01$); 4 – количество воспоминаний первых сказочных образов с 2 до 5 лет ($p < 0,01$); 5 – количество воспоминаний первых сказочных образов с 8 лет и старше ($p < 0,05$); 6 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости до 6 лет ($p < 0,01$); 7 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости с 6 до 8 лет ($p < 0,01$); 8 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости с 9 лет и старше ($p < 0,01$); 9 – количество предпочтений этнодифференцирующих образов животных ($p < 0,05$); 10 – количество показателей отрицательного отношения к образам зимней природы ($p < 0,01$); 11 – количество предпочтений родной этносреды в качестве постоянного места проживания ($p < 0,05$); 12 – количество предпочтений, помимо традиционных, экзотических продуктов питания ($p < 0,01$); 13 – количество предпочтений этноинтегрирующих образов лиц противоположного пола ($p < 0,01$).

сферу и некоторые индивидуально-психологические особенности осужденных (в экспериментальной группе № 1). Также проводился формирующий эксперимент № 2, где выявлялось влияние этнодифференцирующих образов природы на образную сферу и на некоторые индивидуально-психологические особенности осужденных (в экспериментальной группе № 2). В каждом формирующем эксперименте было проведено 12 занятий по 1,5 часа (1–2 раза в неделю) в течение трех месяцев.

Этнофункциональная коррекция личности испытуемых экспериментальных групп проводилась в форме групповых занятий: осуж-

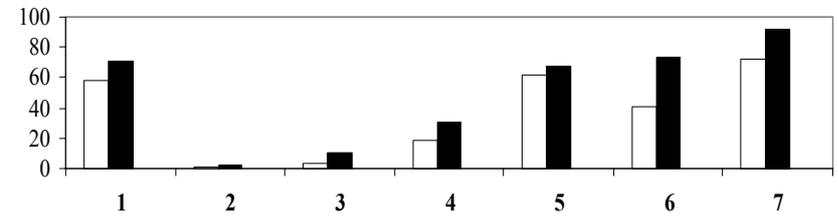

Рис. 2 Сравнение законопослушных и осужденных по особенностям эмоциональной, когнитивной, нравственной сфер их личности (в %)

1 – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); 2 – количество показателей неконтролируемой эмоциональности ($p < 0,01$); 3 – количество показателей неконтролируемой и неэффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$); 4 – количество показателей инфантильности ($p < 0,01$); 5 – количество показателей положительного отношения к христианским заповедям ($p < 0,1$, тенденция); 6 – количество показателей положительного отношения к заповеди «Не убий» ($p < 0,01$); 7 – количество показателей положительного отношения к заповеди «Не укради» ($p < 0,05$).

денным предлагалось в состоянии мышечной релаксации представить (вспомнить или вообразить) образы родной или экзотической природы (животных, деревья, природные ландшафты). В процессе представления данных образов испытуемые переживали, осознавали и вербализовывали их эмоциональные, когнитивные и двигательные характеристики.

Мы полагали, что криминальная субкультура является этнодифференцирующей в любой этносреде (вряд ли преступники, осужденные за тяжкие насильственные преступления, в какой бы то ни было этносреде могут считаться в полной мере культурными людьми). Для того чтобы выявить характер влияния на осужденных этнодифференцирующих образов криминальной субкультуры, распространенной в среде отбывания наказания, в формирующем эксперименте № 1 фиксировались изменения этнофункциональных характеристик образной сферы, а также психологических особенностей личности испытуемых контрольной группы (в данной группе не проводились занятия по этнофункциональной коррекции личности). Следует отметить, что воздействию криминальной субкультуры подвергались испытуемые как контрольной, так и экспериментальных групп.

Результаты формирующего эксперимента №1

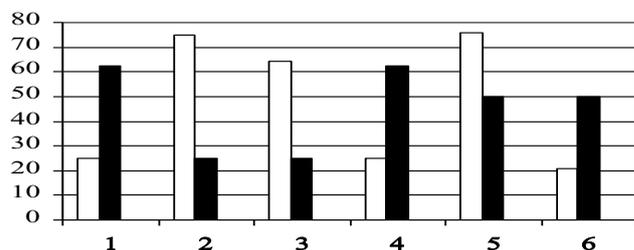

Рис. 3. Динамика этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в контрольной группе (в %)

Здесь и далее – белый цвет столбиков гистограммы означает значение показателей до эксперимента, а черный – после. Цифрами обозначена динамика следующих показателей: 1 – образов природы после 5 лет (тенденция, $p < 0,1$); 2 – количество воспоминаний сказочных образов до 5 лет; 3 – образы из русских народных сказок до 5 лет ($p < 0,05$); 4 – возникновение представлений о справедливости с 9 лет и старше (тенденция, $p < 0,1$); 5 – предпочтение традиционных продуктов питания (тенденция, $p < 0,1$); 6 – предпочтение этнодифференцирующих (экзотических) продуктов питания – киви, бананов и пр. ($p < 0,05$).

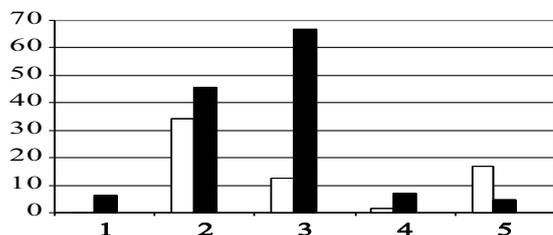

Рис. 4. Динамика некоторых индивидуально-психологических характеристик у осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в контрольной группе (в %)

1 – количество проявлений отрицательного отношения к христианским заповедям ($p < 0,05$); 2 – количество показателей склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$); 3 – количество показателей положительного отношения к законопослушанию ($p < 0,05$); 4 – количество показателей неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности ($p < 0,05$); 5 – количество показателей эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

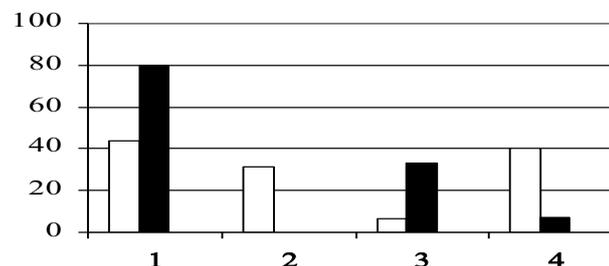

Рис. 5. Динамика этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в экспериментальной группе (в %)

1 – количество воспоминаний образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); 2 – отсутствие воспоминаний образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); 3 – количество воспоминаний представлений о справедливости с 6 до 8 лет ($p < 0,05$); 4 – количество проявлений отрицательного отношения к образам зимней природы ($p < 0,05$).

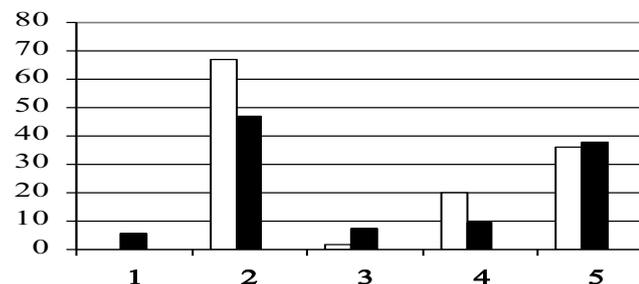

Рис. 6. Динамика некоторых индивидуально-психологических характеристик осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в экспериментальной группе (в %)

1 – количество проявлений положительного отношения к христианским заповедям ($p < 0,01$); 2 – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); 3 – количество показателей творческого мышления ($p < 0,05$); 4 – количество показателей неконтролируемой и неэффективно контролируемой тревоги ($p < 0,05$); 5 – количество показателей склонности к делинквентному поведению (без достоверных изменений).

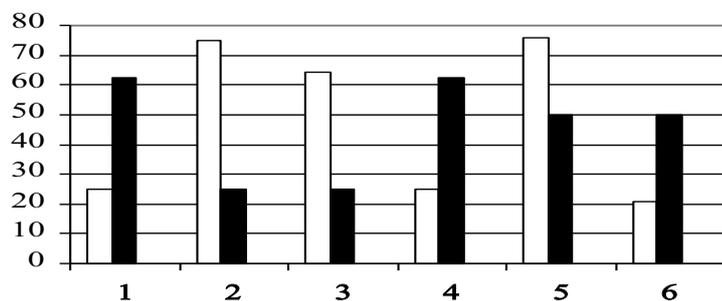

Рис. 7. Динамика этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в контрольной группе (в %)

1 – появление образов природы после 5 лет (тенденция, $p < 0,1$); 2 – появление сказочных образов до 5 лет; 3 – появление образов из русских народных сказок до 5 лет ($p < 0,05$); 4 – возникновение представлений о справедливости с 9 лет и старше (тенденция, $p < 0,1$); 5 – предпочтение традиционных (этноинтегрирующих) продуктов питания (тенденция, $p < 0,1$); 6 – предпочтение экзотических (этнодифференцирующих) продуктов питания – киви, бананов и пр. ($p < 0,05$).

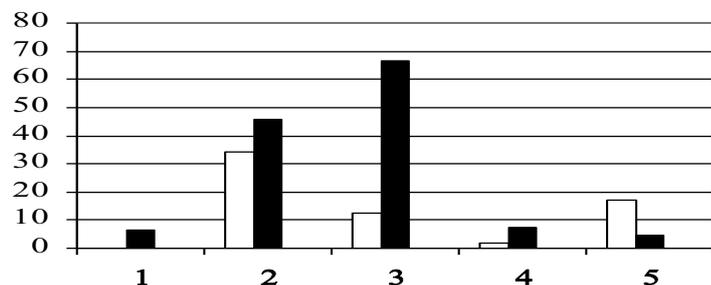

Рис. 8. Динамика некоторых индивидуально-психологических особенностей личности осужденных за период проведения формирующего эксперимента №1 в контрольной группе (в %)

1 – количество показателей отрицательного отношения к христианским заповедям ($p < 0,05$); 2 – количество показателей склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$); 3 – количество показателей положительного отношения к законопослушанию ($p < 0,05$); 4 – количество показателей неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности ($p < 0,05$); 5 – количество показателей эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

Результаты формирующего эксперимента №2

У испытуемых экспериментальной группы №2 в процессе формирующего эксперимента произошли следующие изменения этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик их образной сферы.

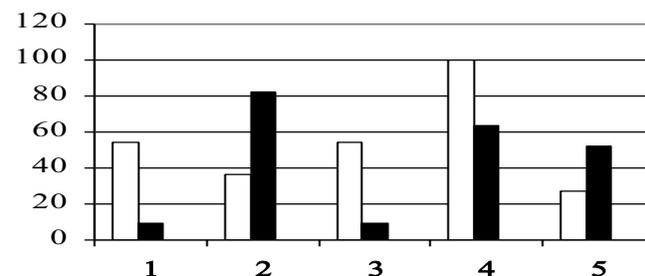

Рис. 9. Динамика этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы осужденных за период проведения формирующего эксперимента №2 (в %)

1 – появление образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); 2 – появление образов природы с 6 до 7 лет ($p < 0,05$); 3 – возникновение представлений о грехе с 6 до 8 лет ($p < 0,05$); 4 – положительное отношение к родной природе; 5 – предпочтение экзотических продуктов питания ($p < 0,05$).

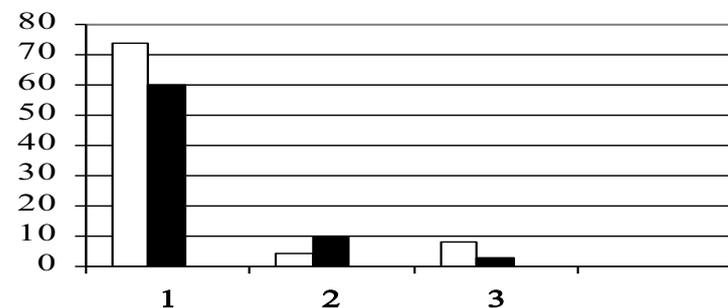

Рис. 10. Динамика показателей Роршах-теста за период проведения формирующего эксперимента №2 (в %)

1 – показатели эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); 2 – показатели творческого мышления ($p < 0,05$); 3 – показатели эффективного интеллектуального контроля тревожности ($p < 0,05$).

Кроме того, испытуемые стали чаще отрицательно относиться к христианским заповедям (тенденция, $p < 0,1$), а также у них повысилась склонность к делинквентному поведению ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что этнодифференцирующие образы природы и криминальной субкультуры (которые мы также считали этнодифференцирующими), в целом, сходно влияют на психологические особенности личности осужденных. В соответствии с принципом этнофункциональной системности, этнодифференцирующие образы природы и криминальной субкультуры могут разрушать целостность образной сферы, астенизировать личность и способствовать дальнейшему «проникновению» в нее других этнодифференцирующих образов.

Полученные нами результаты косвенно подтверждаются исследованиями, проведенными на младших школьниках, где в процессе психологической коррекции использовались этноинтегрирующие как природные, так и сказочные образы (Сухарев, Кравченко, Овчинников и др., 2003). В данных исследованиях было установлено, что одновременное использование в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих образов природы и сказочных образов способствовало снижению эмоционального торможения когнитивных процессов; вместе с тем, качество взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности повышалось. В нашем исследовании применение только этноинтегрирующих образов природы способствовало одновременно снижению и степени эмоционального торможения когнитивных процессов, и повышенного уровня личностной тревоги.

В свою очередь, в формирующем эксперименте с младшими школьниками этнодифференцирующие образы природы обуславливали снижение качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер и в то же время, как и в нашем эксперименте, способствовали снижению эмоционального торможения когнитивных процессов. В нашем исследовании использование в процессе этнофункциональной коррекции только этнодифференцирующих образов природы способствовало лишь снижению качества когнитивного контроля тревоги.

Сравнение результатов этих исследований показывает, что влияние на личность только образов природы (этноинтегрирующих

и этнодифференцирующих), по сравнению с совместным воздействием природных и сказочных образов, в целом обуславливает менее выраженный эффект для изменения качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности. При этом как отдельно этноинтегрирующие образы природы, так и данные образы совместно со сказочными оказывают, несомненно, более положительное влияние на эмоциональную и когнитивную сферы личности, чем этнодифференцирующие образы.

Кроме того, исследования А. В. Сухарева и А. А. Шапорева показали, что применение в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих сказочных образов, по сравнению с использованием этнодифференцирующих сказочных образов, а также с телесно ориентированной психотерапией и др., дает выраженный эффект повышения качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности (Сухарев, 2008; Шапорева, 2007). Можно заключить, что основной эффект использования этноинтегрирующих образов природы заключается в снижении уровня невротизации по показателям снижения эмоционального торможения когнитивных процессов и снижения уровня тревоги, являющейся психологической основой преступного поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996).

На основе результатов исследования, проведенного на контингенте осужденных за насильственные преступления, можно сделать следующие выводы.

1. Анализ научной литературы показал, что применяемые в российских исправительных учреждениях методы психологической коррекции осужденных системно не учитывают влияние специфики современной культурно-исторической ситуации на личность, ее поведение в целом. Использование метода этнофункциональной коррекции образной сферы в целях вторичной профилактики преступного поведения обусловлено исторической актуальностью этнофункциональной парадигмы в психологии, на единстве методологических принципов которой данный метод основан.
2. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности у осужденных за насильственные преступления обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: актуализируются более ранние воспоминания об этноинтегрирующих образах природы, а так-

же о возникновении представлений о справедливости; вместе с тем, появляются предпочтения (на момент обследования) этноинтегрирующих образов зимней природы.

3. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления обуславливает изменения в эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сферах их личности: снижение уровня тревоги, степени эмоционального торможения когнитивных процессов и вместе с тем формирование более положительного отношения к христианским заповедям.
4. Использование этнодифференцирующих образов природы в психологической коррекции личности осужденных за насильственные преступления обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: появление первых воспоминаний об образах природы с 6–7 лет, более редкое возникновение первых представлений о грехе с 6–8 лет, менее положительное отношение к родной природе, а также предпочтение экзотических продуктов питания.
5. Использование этнодифференцирующих образов природы в психологической коррекции осужденных за насильственные преступления обуславливает изменения в эмоциональной, когнитивной, нравственной сферах их личности: снижение эмоционального торможения когнитивных процессов, уменьшение когнитивного контроля тревожности, более отрицательное отношение к христианским заповедям и, вместе с этим, повышение склонности к делинквентному поведению.
6. Влияние этнодифференцирующих образов криминальной субкультуры на осужденных за насильственные преступления обуславливает следующие изменения этнофункциональных характеристик образной сферы их личности: более позднее (после 5 лет) появление в онтогенезе образов природы, снижение количества воспоминаний русских народных и других сказочных образов в возрасте до 5 лет, отнесение первых представлений о справедливости к возрасту 9 лет и старше, более частое предпочтение экзотических продуктов питания.

Было также установлено, что этнодифференцирующее влияние криминальной субкультуры способствуют повышению у осужденных за насильственные преступления неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности, снижению уровня

эффективно контролируемой тревожности, повышению склонности к криминальному поведению и более негативному отношению к христианским заповедям.

Результаты исследования школьников-подростков

В эксперименте приняли участие учащиеся 6–7 классов школы № 1316 г. Москвы. Всего было обследовано 100 человек в возрасте от 13 до 14 лет (50% мальчиков и 50% девочек). Все испытуемые родились в средней полосе России и считают себя русскими.

На этапе *констатирующего* эксперимента все испытуемые были обследованы по методике А. Н. Орла «Склонность к отклоняющемуся поведению» и затем разделены на 2 группы по 20 человек. В первую группу отбирались подростки с выраженными показателями склонности к делинквентному поведению. Исходным критерием отбора в «делинквентные» группы (экспериментальную и контрольную) были показатели в Т-баллах, превышающие норму (выше 50) по шкале склонности к делинквентному поведению в целом. В группу «условная норма» набирались подростки с относительно низким уровнем Т-баллов по шкале склонности к делинквентному поведению (до 50 включительно).

На этапе *формирующего* эксперимента была сформирована группа из 20-и подростков со склонностью к криминальному поведению, с которой был проведен цикл занятий по этнофункциональной коррекции с целью восстановления этноинтегрирующих образов природы в образной сфере испытуемых. Работа проводилась в психодраматическом ключе, с перевоплощением в природные стихии и явления, различные образы русской природы. Всего было проведено 20 занятий 1–2 раза в неделю. Каждое занятие длилось по 45 минут.

Также была сформирована контрольная группа (20 подростков, склонных к делинквентному поведению), на которую не оказывалось коррекционного воздействия.

Результаты констатирующего эксперимента

По результатам обследования по методике диагностики тревожности Филиппа в группе «делинквентных» подростков, по сравнению с «условной нормой», был выявлен повышенный уровень тревожности ($p < 0,01$).

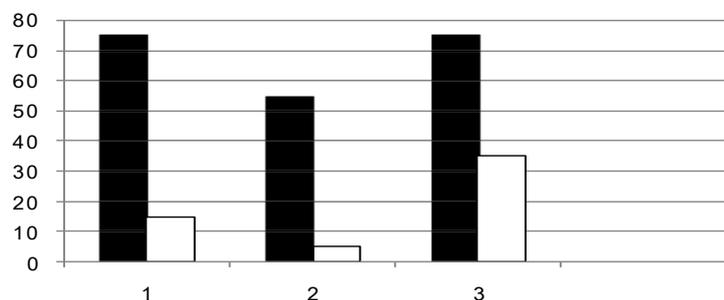

Рис. 11. Сравнение испытуемых «делинквентной» группы и «условной нормы» по показателям склонности к делинквентному поведению (в %)

На рисунках 11–15 черный цвет столбиков гистограммы означает уровни показателей «делинквентной» группы, а белый – группы «условная норма». Цифрами обозначено сравнение следующих показателей: 1 – склонность к нарушению норм и правил ($p < 0,001$); 2 – склонность к аддиктивному поведению ($p < 0,01$); 3 – склонность к агрессии и насилию ($p > 0,05$).

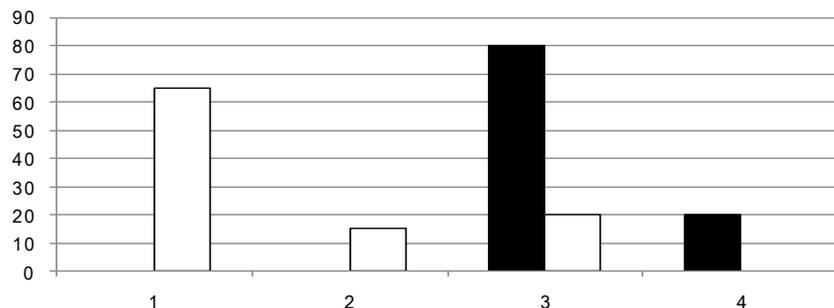

Рис. 12. Сравнение количества образов природы в онтогенезе образной сферы испытуемых «делинквентной» группы и «условной нормы» (в %)

1 – наличие этноинтегрирующих образов природы до 5 лет ($p < 0,001$); 2 – наличие этнодифференцирующих образов природы до 5 лет ($p < 0,001$); 3 – наличие этноинтегрирующих образов природы после 5 лет ($p < 0,001$); 4 – наличие этнодифференцирующих образов природы после 5 лет ($p < 0,001$).

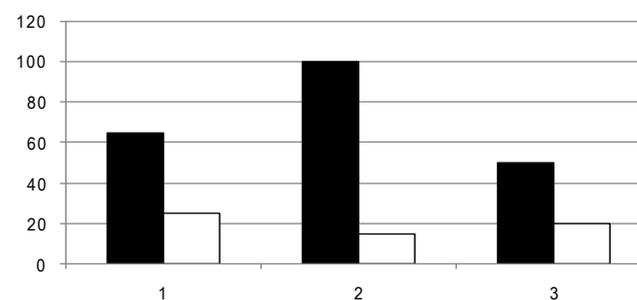

Рис. 13. Сравнение испытуемых «делинквентной» группы и «условной нормы» по количеству предпочтений этнодифференцирующих образов этносреды (в %)

1 – антропо-биологические этнодифференцирующие образы (предпочтение этнодифференцирующего типа питания и этнодифференцирующих антропологических признаков у партнера противоположного пола) ($p < 0,001$); 2 – климато-географические этнодифференцирующие образы (предпочтение экзотической природы и климата для постоянного места жительства) ($p < 0,001$); 3 – социокультурные этнодифференцирующие образы (предпочтение инокультурных религиозных и народных праздников и традиций) ($p < 0,001$).

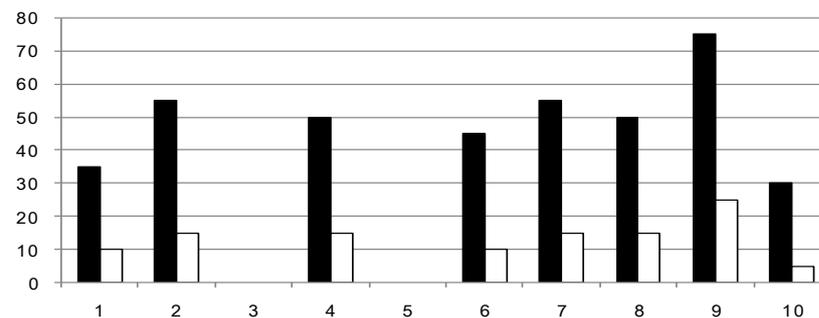

Рис. 14. Сравнение испытуемых «делинквентной» группы и «условной нормы» по количеству проявлений негативного отношения к христианским заповедям (в %)

1 – Господь Един, и нет других богов, кроме Него; 2 – Не сотвори себе кумира; 3 – Не упоминай имя Господа всуе; 4 – Чти день субботный; 5 – Почитай отца твоего и мать твою; 6 – Не убивай; 7 – Не прелюбодействуй; 8 – Не кради; 9 – Не лжесвидетельствуй; 10 – Не пожелай того, что есть у ближнего твоего.

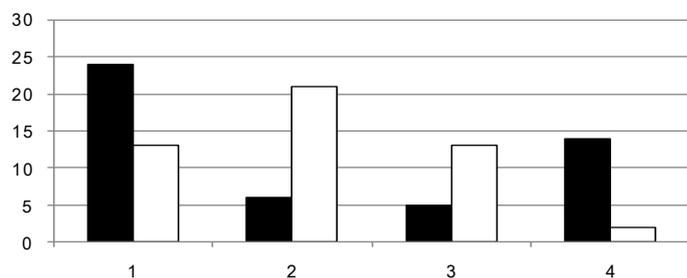

Рис. 15. Сравнение количества различных показателей теста Роршаха у испытуемых «делинквентной» группы и «условной нормы» (в %)

1 – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,05$); 2 – количество показателей гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер ($p < 0,01$); 3 – количество показателей оптимального контроля тревоги ($p < 0,05$); 4 – количество показателей недостаточного контроля тревоги ($p < 0,01$).

Результаты формирующего эксперимента со школьниками

В контрольной «делинквентной» группе изменений ни по одному из показателей диаграмм 9–18 зафиксировано не было.

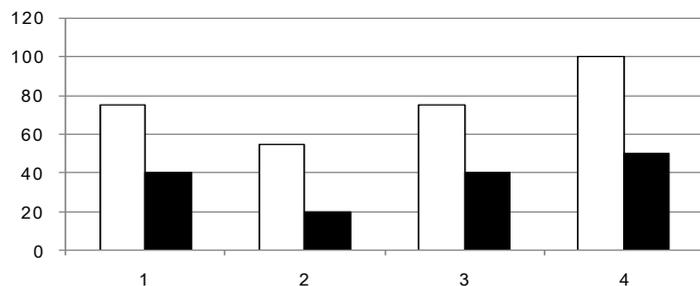

Рис. 16. Динамика показателей методики выявления склонности к делинквентному поведению у испытуемых «делинквентной» группы до и после формирующего эксперимента (в %)

Здесь и далее – белый цвет столбиков гистограммы означает уровни показателей до эксперимента, а черный – после. Цифрами обозначена динамика следующих показателей: 1 – склонность к нарушению норм и правил ($p < 0,01$); 2 – склонность к аддиктивному поведению ($p < 0,001$); 3 – склонность к агрессии и насилию ($p > 0,01$); 4 – склонность к делинквентному поведению ($p < 0,01$).

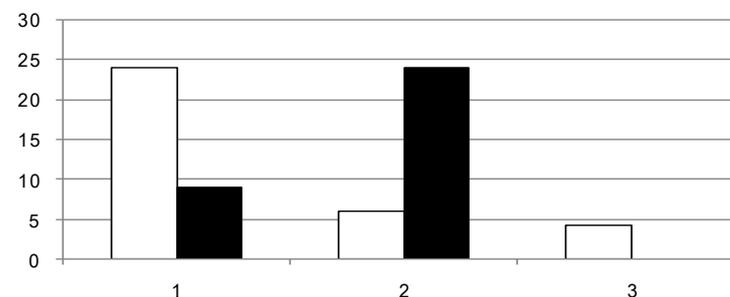

Рис. 17. Динамика показателей теста Роршаха в «делинквентной» группе до и после формирующего эксперимента (в %)

1 – количество шоков, показателя эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,05$); 2 – количество ответов типа FFb+ – показатели гармоничного взаимодействия аффекта и интеллекта, хорошей эмоциональной приспособляемости ($p < 0,01$); 3 – количество ответов типа HdF – показатели недостаточной способности к интеллектуальному контролю тревоги ($p < 0,05$).

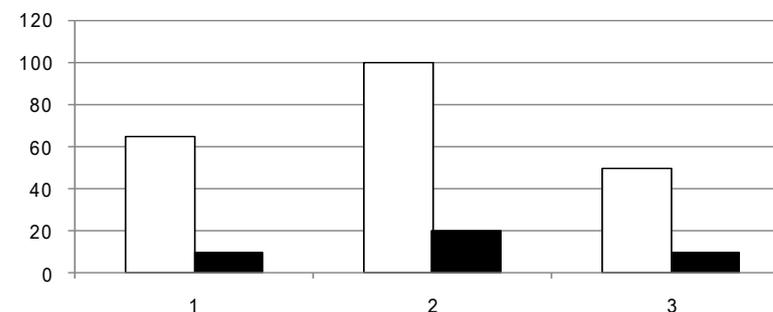

Рис. 18. Динамика количества предпочитаемых этнодифференцирующих образов этносреды в «делинквентной» группе испытуемых до и после формирующего эксперимента (в %)

1 – антропо-биологические этнодифференцирующие образы (предпочтение соответствующего типа питания и антропологических признаков у партнера противоположного пола) ($p < 0,001$); 2 – климато-географические этнодифференцирующие образы (предпочтение экзотической природы и климата) ($p < 0,001$); 3 – социокультурные этнодифференцирующие образы (предпочтение инокультурных религиозных и народных праздников и традиций) ($p < 0,05$).

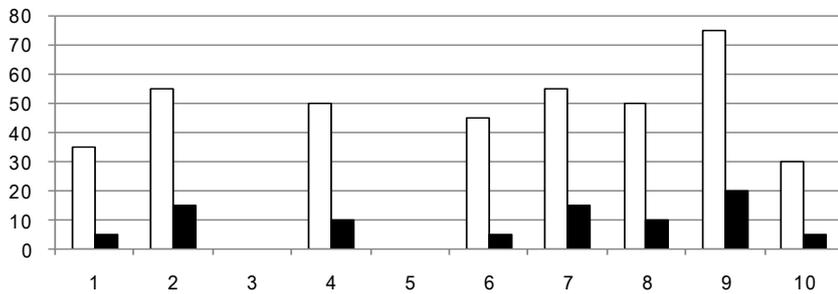

Рис. 19. Динамика количества испытуемых «делинквентной» группы, не принимающих христианские заповеди, до и после формирующего эксперимента (в %)

1 – Господь Един, и нет других богов, кроме Него; 2 – Не сотвори себе кумира; 3 – Не упоминай имя Господа всуе; 4 – Чти день субботний; 5 – Почитай отца твоего и мать твою; 6 – Не убивай; 7 – Не прелюбодействуй; 8 – Не кради; 9 – Не лжесвидетельствуй; 10 – Не пожелай того, что есть у ближнего твоего.

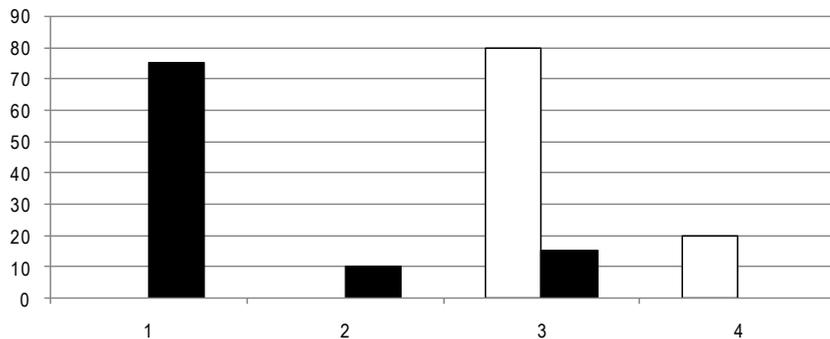

Рис. 20. Динамика количества образов природы в онтогенезе образной сферы у испытуемых «делинквентной» группы до и после эксперимента (в %)

1 – динамика количества этноинтегрирующих образов природы до 5 лет ($p < 0,001$); 2 – динамика количества этнодифференцирующих образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); 3 – динамика количества этноинтегрирующих образов природы после 5 лет ($p < 0,001$); 4 – динамика количества этнодифференцирующих образов природы после 5 лет ($p > 0,05$).

Обсуждение результатов исследования подростков и взрослых, осужденных за насильственные преступления

После проведения этнофункциональной коррекции у осужденных (в формирующем эксперименте № 1) и подростков произошло восстановление этноинтегрирующих образов природы – испытуемые стали чаще вспоминать образы родной природы, а также стали относить их к возрасту до 5 лет (см. рисунки 3, 18), т. е. оптимальному возрастному периоду, что обуславливает более высокий уровень психической адаптированности (Сухарев, 2008 и др.).

Появление после проведения формирующего эксперимента этноинтегрирующих образов природы свидетельствует о расширении «когнитивной ретроспективы» в осознании образной сферы осужденных и подростков. Можно предположить, что всестороннее, целостное переживание, вербализация и осознание различных характеристик образов природы напоминает детям об их наличии в онтогенезе образной сферы и помогает точнее определять не только сам факт, но и время появления данных образов.

Испытуемые стали более позитивно относиться к христианским заповедям, что может быть объяснено с позиций принципа этнофункциональной системности и развития. Вследствие этнофункциональной коррекции в центре внимания испытуемых оказываются этноинтегрирующие образы природы, системно (в идеале) связанные с остальными признаками русской этносреды. Это, в свою очередь, обуславливает системные изменения во всей образной сфере личности, в том числе и в ее отношении к христианским заповедям.

Результаты, полученные на контингенте делинквентных подростков, соотносятся с результатами эмпирических исследований о роли этноинтегрирующих образов природы в формировании положительного отношения к христианским заповедям, а также о связи этнодифференцирующих образов с негативным отношением к христианским заповедям у осужденных за насильственные преступления.

Полученные результаты подтверждают результаты эмпирических исследований (на контингенте подростков) отношения к природе, свидетельствующих о том, что формирование позитивного, «самоценного» отношения к родной природе является условием развития личности и формирования у нее таких нравственных качеств, как справедливость, честность, склонность к сопереживанию и др. (Орел, 2008; Шейнис, 1995).

В соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития, восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности уменьшает риск возникновения делинквентного поведения (см. рисунок 16). Оно оказывает влияние на различные индивидуально-психологические характеристики, повышающие степень психологической адаптированности: снижение уровня тревоги, которая является основой криминального поведения (Антонян и др., 1996), повышение продуктивности мышления, улучшение качества взаимодействия аффекта и интеллекта (см. рисунки 10, 17), а также способствует более позитивному отношению к христианским заповедям (см. рисунок 19).

Результаты наших экспериментально-психологических этнофункциональных исследований подтверждают положение о системности взаимосвязей человека и природы (Ананьев, 2000). По замечанию М. И. Воловиковой, нарушение «экологии природы» приводит к нарушению «экологии души» (Воловикова, 1995). Центрирование человека на природе помогает ему психологически изменить себя (Панов, 2006). Полученные результаты также подтверждают уже имеющиеся теоретические и эмпирические заключения, свидетельствующие о существенной роли отношения человека к природе для его психической адаптированности, здоровья и др. (Авцын, 1972; Юнг, 1993; Babiker et al., 1980).

По результатам исследования школьников можно сделать следующие выводы.

1. Возникновение этноинтегрирующих образов природы в онтогенезе образной сферы личности в возрасте до 5-и лет связано со снижением у подростков склонности к криминальному поведению.
2. Возникновение этнодифференцирующих образов природы в онтогенезе образной сферы личности у подростков после 5-и лет связано с формированием у них склонности к делинквентному поведению.
3. Восстановление в образной сфере личности у подростков образов родной природы (этноинтегрирующих) обуславливает у них снижение склонности к делинквентному поведению.

Исследование выявило также отсутствие у подростков гендерных различий в этнофункциональных условиях возникновения у них делинквентного поведения.

* * *

В результате проведенного теоретического и экспериментально-психологического исследования было показано, что с позиций принципа этнофункциональности образная сфера личности может рассматриваться как система. Исследование выявило позитивное влияние этноинтегрирующих образов природы на динамику эмоциональных и когнитивных характеристик личности и на имеющее всеобщее значение для ее поведения отношение к морали.

В результате теоретического и экспериментального исследования подтверждена возможность применения этнофункционального подхода как в первичной, так и во вторичной профилактике криминального поведения. Подтверждено также, что нарушения этнофункционального развития личности являются одним из психологических условий возникновения у нее склонности к криминальному (делинквентному) поведению. В свою очередь, восстановление в образной сфере подростков и осужденных этноинтегрирующих образов природы обуславливает снижение у них данной склонности.

В целом, на основании экспериментальных исследований, проведенных на контингенте школьников-подростков, а также взрослых, осужденных за насильственные преступления, можно сделать общий вывод о том, что предварительное воспитание самоценного отношения к родной природе способствует более эффективному воспитанию позитивного отношения школьников к христианским заповедям. Таким образом, ранняя (первичная) психопрофилактика криминального поведения в подростковом возрасте является более эффективной, когда очевидно полезное воспитание позитивного отношения к христианским заповедям предваряется воспитанием самоценного отношения к родной природе. В свою очередь, этнодифференцирующие образы природы, способствуя повышению тревоги, в данном случае могут препятствовать полноценному усвоению христианских заповедей и провоцировать возникновение криминального поведения. Кроме того, исследование выявило отсутствие гендерных различий в этнофункциональных условиях возникновения криминального поведения.

Полученные результаты могут быть использованы для целей ранней психопрофилактики криминального поведения при формировании образовательных программ для средней школы, для специальных психопрофилактических занятий и мероприятий в детских общеобразовательных учебных заведениях, исправительных учреждениях и пр.

Литература

- Авцын А. П. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972.
- Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2002.
- Аминов И. А. Юридическая психология. М.: Юнити-Дана, 2009.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000.
- Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
- Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2005.
- Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Воловикова М. В., Трофимов А. Н. Возвращение к себе (психология, символ, культура). М.: Товарищество российских книгоиздателей, 1995. С. 7–8.
- Выдрина Е. А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Галич Т. В. Когнитивно-поведенческая программа по коррекции криминально значимых свойств личности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Часть 2. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 8–11.
- Голд Дж. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.
- Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М.: Наука, 1974.
- Давыдов Ю. Н. Кризисное сознание // Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 143–144.
- Дерябо С. Д. Феномен субъективизации природных объектов: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2002.
- Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
- Иншаков С. М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования, 2010 [электрон. ресурс]. <http://www.sartraccs.ru>.

- Коробейников С. И. Психологическая коррекция агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных подростков // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 51–59.
- Лукишина О. Ю. Применение арт-терапии в снижении реактивной тревожности несовершеннолетних подсудимых, содержащихся в ПФРСИ Ижевской ВК // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 64–67.
- Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299–313.
- Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Х.: Гуманитарный центр, 2008.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Самоконтроль // Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 351.
- Панов В. И. Введение в экологическую психологию. М.: НИИ школьных технологий, 2006.
- Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 1998.
- Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога. М.: Владос-Пресс, 2000.
- Савельева Т. И. Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 137–142.
- Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П., Нахс А. Думая как гора. М.: Россия Молодая, 1992.
- Сочивко Д. В., Литвишков В. М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сухарев А. В., Кравченко О. Ф., Овчинников Е. В., Тимохин В. В., Шаповалова А. А., Щербак С. Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П. От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 70–86.

- Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.
- Шапорева А. А.* Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Шейнис Г. В.* Развитие отношений подростков с природой как условие нравственного становления личности // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 2. С. 40–53.
- Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.
- Шустова В. О.* Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993.
- Ясвин В. А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000.
- Babiker I. E., Cox J. L., Miller P. M. S.* The measurement of culture distance // Social Psychiatry. 1980. V. 15. P. 101–116.
- Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford: Pergamon, 1982.
- Bohm E.* Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. Bern: Hans Huber, 1972.
- Coelho G. V.* Changing Images of America. Glencoe: Free Press, 1979.
- May R.* The meaning of Anxiety. NY: Pocket Books, 1979.

РАЗДЕЛ 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГРУППАХ РИСКА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Бодров

Технический прогресс в промышленности, на транспорте, в энергетике и в военном деле сопровождается непрерывным повышением роли человека в достижении высокой эффективности и высокого качества деятельности. Несмотря на постоянное совершенствование техники, автоматизацию и компьютеризацию деятельности, трудовые функции человека усложняются, а экономическая и социальная значимость результатов его труда и последствий различных нарушений трудового процесса возрастает. Наличие выраженных противоречий между профессиональными требованиями к человеку и его психологическими и физиологическими ресурсами обуславливают потребность в постоянном изучении закономерностей деятельности человека и в разработке на этой основе практических рекомендаций по ее оптимизации.

Характерной особенностью современных видов трудовой деятельности является не только создание и внедрение новых средств труда, совершенствование условий и организации деятельности, но и возрастание профессиональных требований к субъекту труда, — к уровню его подготовки, трудовой мотивации, ответственности, эмоциональной устойчивости, работоспособности, дисциплинированности и т. д. С развитием техники и возрастанием сложности ее эксплуатации увеличивается опасность неблагоприятного воздействия трудового процесса на человека и возникновения несчастных случаев. При этом недостаточный учет в конструкции технических систем психофизиологических параметров человека («человеческий фактор») предрасполагает к появлению нарушений взаимодействия человека с техникой и с другими специалистами, а также к ошибочным действиям при восприятии и преобразовании информации и управлении техническим объектом. Возникновение

подобных ошибок возрастает в экстремальных условиях деятельности, а их последствиями являются нарушения режимов работы техники, которые сопровождаются несчастными случаями с персоналом, авариями и катастрофами.

К числу факторов экстремальности деятельности относятся ситуации риска (неопределенности момента возникновения и последствий проблемных ситуаций), а также индивидуальная предрасположенность человека к выполнению действий в подобных условиях – склонность, готовность, способность выполнять деятельность в условиях риска, нарушения которой подчас связаны со снижением эффективности, надежности, безопасности труда и функциональными расстройствами.

В настоящей статье представлены материалы теоретико-экспериментального изучения некоторых психологических проблем профессиональной деятельности, которые непосредственно влияют на безопасность труда и определяют необходимость учета «человеческого фактора» при проектировании деятельности и ее практической реализации.

Современные представления о безопасности труда

Согласно данным международной статистики, главным «виновником» несчастных случаев на производстве, транспорте, в быту является человек, который по тем или иным причинам не соблюдал правила техники безопасности: нарушал нормальное течение трудового процесса и эксплуатации техники, находился в состоянии утомления, болезни и т. п. По различным данным, до 80–90% всех травм происходит по вине пострадавшего (Котик, 1981). По вине человеческого фактора происходит от 55 до 90% всех летных происшествий (Береговой с соавт., 1978).

Несчастный случай в трудовой деятельности можно определить как событие, возникшее в результате нарушения трудового процесса и работы оборудования, воздействия неблагоприятных факторов среды и других обстоятельств, ведущих к снижению эффективности и надежности труда, материальному ущербу, расстройству здоровья или смерти. Ситуацию, в которой создается достаточно реальная возможность возникновения несчастного случая, принято называть *опасной* или *аварийной*. Если нарушения в работе, как правило, техники приводит к несчастным случаям, вызывающим гибель человека (людей), подобное событие квалифицируют как *катастрофа*.

Процесс труда представляет собой сложное взаимодействие субъекта труда (человека) и трудовых задач, средств (орудий) и условий труда (гигиенических и социально-психологических), организации трудового процесса (режим труда и отдыха, рабочая нагрузка). В ходе или в результате этого процесса человек может подвергаться внешним воздействиям самого различного типа, вследствие чего возможны повреждение организма и психическая травматизация (несчастный случай). Непосредственным источником подобных повреждений способен явиться любой из указанных внешних факторов.

Виновниками несчастного случая становятся конструктивные и эксплуатационные недостатки техники, которые связаны с так называемым «человеческим фактором», – недостаточным учетом психологических, физиологических, антропометрических возможностей и ограничений человека в конструкции техники и в других компонентах деятельности. Следствием этого могут явиться *ошибочные действия (ошибки)* работника, нередко приводящие к возникновению поломок, отказов техники, к нарушениям в технологическом процессе, к авариям и катастрофам. Несчастный случай порой расценивается как следствие неадекватного поведения человека в опасной ситуации, как результат его неправильных действий. Неадекватное поведение в опасной ситуации возникает по ряду причин – например, недостаточная подготовленность к действиям в подобной ситуации, низкий уровень стрессоустойчивости, неблагоприятное функциональное состояние (стресс, переутомление и др.), нерациональная организация производственного процесса и т. д.

Основная сложность поведения в связи с опасной ситуацией заключается в необходимости ее своевременного обнаружения, в диагностировании и выборе адекватного способа реагирования на нее. Жесткие же временные ограничения, которые обычно возникают в таких случаях, и высокая цена ошибки делают опасную ситуацию эмоционально напряженной.

Трудовая деятельность специалистов многих профессий связана с возникновением опасных ситуаций, изучение специфики которых, их зарождения, развития, проявлений и последствий является необходимым условием разработки и использования различных мер профилактики несчастных случаев, обеспечения *безопасности труда*.

Как отмечает Н. С. Ефимова (2010), существует общее определение безопасности, принятое в документах МАГАТЭ: безопасность – состояние защищенности человека, общества и окружающей среды

от чрезмерной опасности. Наиболее часто под *безопасностью* понимают состояние защищенности личности, общества, государства от внешних и внутренних опасностей и угроз, способных нанести ущерб здоровью и жизни человека, материальным и духовным ценностям общества и государства.

Безопасность человека означает «сохранение стабильности его повседневной жизни, уверенность в будущем, отсутствие угрозы безработицы, болезней, преступности, репрессий, социальных конфликтов и экологических катаклизмов» (Ефимова, 2010, с. 6).

Возрастающая роль «человеческого фактора» и, в частности, его психологического компонента в обеспечении эффективности и надежности профессиональной деятельности определила содержание одной из отраслей психологической науки и практики – *психологии безопасности*. Изучаются психологические причины и закономерности возникновения несчастных случаев, надежность деятельности субъекта труда и другие вопросы в целях разработки и обоснования рекомендаций по повышению безопасности деятельности, сохранению здоровья и работоспособности человека.

Проблема обеспечения психологической безопасности человека и жизненной среды, влияющей на его развитие и профессиональное становление, только зарождается как самостоятельное направление исследований. Т. И. Колесникова под психологической безопасностью личности понимает определенную защищенность ее сознания от воздействий, способных против ее воли и желания изменять психические состояния, психологические характеристики личности и ее поведение, что может кардинальным образом влиять на человека вплоть до изменения его жизненного пути (Колесникова, 2001).

Психологическая безопасность личности обусловлена особенностями индивидуального осмысления действительности во всей совокупности ее социальных процессов, событий, отношений. К важнейшим факторам, формирующим психологическую ситуацию в обществе, относятся: характер труда (его содержание, цели, интенсивность, продолжительность, напряженность, вредность, ответственность, опасность и т. д.), условия и организация труда, жилищные условия, материальное обеспечение, социальный статус и другие факторы.

Процесс формирования и становления психологической безопасности личности профессионала в значительной степени определяется уровнем его профессионализации, работоспособности, эффективности и надежности деятельности.

Надежность профессиональной деятельности человека и безопасность труда

Одной из ведущих проблем теоретико-прикладных исследований психологических особенностей профессиональной деятельности и ее безопасности является проблема надежности человека-оператора и системы «человек – машина – среда» в целом. В отечественной психологии труда и инженерной психологии за последние десятилетия изучению различных научных вопросов операторской деятельности было посвящено большое количество исследований, выполненных Б. Ф. Ломовым, В. Д. Небылицыным, В. П. Зинченко, В. Ф. Рубахиным, Г. М. Зараковским, Н. Д. Заваловой, В. А. Пономаренко, В. Ф. Вендой, А. И. Галактионовым, А. А. Крыловым, В. А. Бодровым и многими другими учеными.

Несомненную важность приобретают исследования надежности в связи с особенностями состояния и динамики работоспособности человека, ролью различных механизмов ее регуляции, возможностями ее формирования и поддержания на определенном уровне путем специальной подготовки операторов, управления измененным функциональным состоянием и путем оценки индивидуально-психологических особенностей при профессиональном отборе и экспертизе.

Надежность работы систем управления техническими средствами в значительной степени определяется надежностью человека, и чем сложнее система, тем эта зависимость более выражена. Такое положение обуславливается тем, что человеку по его природе свойственна высокая реактивность, чувствительность, он функционально весьма динамичен и подвержен влиянию множества факторов внешней и внутренней среды. В силу этих и других особенностей в условиях роста сложности и напряженности операторской деятельности человека его надежность уменьшается.

Проблема надежности человека особенно актуальна в связи с тем, что в ряде операторских профессий деятельность характеризуется экстремальными условиями, которые могут определить не только снижение ее надежности, но также оказывать вредное и опасное воздействие на человека. Это положение обуславливает тесную связь проблем надежности и безопасности труда.

С точки зрения результата деятельности понятие надежности человека означает, прежде всего, безотказность, безошибочность и своевременность действий, направленных на достижение конкретных профессиональных целей, в процессе взаимодействия с техникой или с другими специалистами. Отсюда следует, что наличие

или отсутствие отказов и ошибочных действий можно рассматривать как основной профессиональный показатель надежности человека.

Повышенное внимание к вопросам изучения, анализа ошибочных действий человека обуславливается их ролью в возникновении отказов технических систем, аварий и катастроф. Обзор литературы свидетельствует о том, что число аварий в опасных сферах деятельности по причине ошибок человека за последние сорок лет возросло в 4 раза, а именно с 20 до 80% от всех причин (Бодров, Орлов, 1998; Пономаренко, Лапа, 1985; и др.). Столь выраженное увеличение числа ошибок, связанных с деятельностью человека, частично можно объяснить совершенствованием методов их анализа, однако этот рост ошибочных действий связан преимущественно с деятельностью человека не только при эксплуатации техники, но и при ее проектировании, изготовлении и обслуживании. Из-за недостаточного учета психологических, физиологических, антропометрических и других особенностей человека в конструкции систем управления происходит примерно 30–40% всех ошибок человека в авиации, более 60% тяжелых транспортных происшествий, более 50% аварий в энергосистемах.

Из-за ошибок человека вследствие его недостаточной подготовленности, неблагоприятных психологических особенностей, стресса, утомления происходит 60–90% всех аварий и несчастных случаев, в том числе на транспорте – 60–90%, в системах управления воздушным движением – в 90% случаев, на ядерных станциях США – в 70% (Бодров, Орлов, 1998; Van Cott, 1994). Из-за ошибок персонала в медицинском обслуживании населения США погибает до 100 тысяч человек в год (Russel, 1992).

Значение изучения ошибочных действий определяется рядом обстоятельств. Во-первых, только в результате установления психологических закономерностей обеспечения надежной работы, особенностей проявления и причин ошибок возможна разработка действенных рекомендаций по профилактике аварийности. Во-вторых, профессиональная надежность и аварийность являются категориями, характеризующими различные проблемы экстремальной психологии, такие как психологический анализ деятельности, диагностика и формирование профпригодности, психологические вопросы профподготовки, инженерно-психологическое и эргономическое проектирование технических средств управления и профессиональной деятельности и другие. В-третьих, значение

указанной проблемы обуславливается в социальном и, в ряде случаев, в юридическом плане необходимостью рассматривать человека не как виновника, а как источник вероятных причин возникновения ошибочных действий. Отсюда следует, что для познания причин ошибочного действия оно само должно стать предметом изучения и выявления причинно-следственных отношений между его истоками и исходами.

Изучение проблемы надежности человека имеет большое теоретическое значение с точки зрения познания закономерностей психической регуляции операторской деятельности, индивидуально-психологической детерминации трудовой активности человека, определения роли когнитивных процессов в оценке информационных признаков проблемных ситуаций, исследования процессов саморегуляции функциональных состояний и многих других аспектов психологии рабочей активности человека.

При исследовании перечисленных и других вопросов категория надежности выступает не только в системе критериев успешности, эффективности деятельности (через количественные и качественные характеристики ошибок), но и как системное свойство человека, отражающее особенности состава и иерархии компонентов психологической системы деятельности, обеспечивающее процессы поведенческого, гомеостатического и адаптивного регулирования.

Можно предположить, что надежность человека как системное свойство характеризуется специфической совокупностью профессиональных, психологических и физиологических качеств и функций на различных уровнях регуляции трудовой деятельности, обеспечивающих устойчивую и стабильную деятельность субъекта труда в пределах допустимых погрешностей, нарушение которых выражается в форме отказов и ошибочных действий. Данное положение об особенностях детерминации надежности человека определяет целесообразность развития представления о ее функциональной регуляции, о содержании и характере взаимосвязи категорий профессиональной и функциональной надежности.

Одним из направлений развития теории надежности человека-оператора является изучение роли состояния его психических и физиологических функций в обеспечении профессиональной надежности, а следовательно, и безопасности труда. Особенно большое значение приобрело изучение феномена устойчивости организма и личности в связи с изменившейся ролью и удельным весом информационного фактора. В. И. Медведев (1982) отметил, что в фор-

мировании механизмов устойчивости возрастает значение психических факторов, которые регулируют соотношение социальных и биологических процессов, имеющих подчас противоположную направленность.

Изучение механизмов устойчивости деятельности и состояния функций организма и личности обусловило необходимость и правомерность постановки проблемы функционального обеспечения надежности человека-оператора. В многочисленных исследованиях установлено, что состояние функциональных систем организма, степень развития и особенности реактивности профессионально важных функций и качеств человека прямо или косвенно влияют на уровень его работоспособности. С другой стороны, содержание и условия деятельности, особенности объекта управления и организации трудового процесса определяют характер функционального состояния организма человека-оператора и, в конечном итоге, эффективность и качество его деятельности. Таким образом, между функциональным состоянием и надежностью деятельности существует непосредственная причинно-следственная связь.

Наличие указанной связи, а также все возрастающее значение особенностей функциональных состояний человека в обеспечении успешности операторской деятельности обусловили необходимость введения понятия «*функциональная надежность*» как свойство функциональных систем человека обеспечивать его динамическую устойчивость в выполнении профессиональной задачи в течение определенного времени и с заданным качеством. Данное свойство проявляется в адекватном требованию деятельности уровне развития профессионально значимых психических и физиологических функций и механизмов их регуляции в нормальных и экстремальных условиях (Бодров, 1984, 1989).

Биологическое содержание проблемы функциональной надежности обуславливается наличием таких специфических для функциональных систем человека свойств, как реактивность и адаптивность, т. е. изменчивость в ответ на воздействие факторов среды. С позиций же включения человека в деятельность, обеспечения адекватного приспособления к содержанию и условиям трудового процесса эти свойства должны обладать, с одной стороны, определенной устойчивостью, стабильностью, а с другой – достаточной пластичностью, приспособляемостью к факторам деятельности.

Содержание понятия «*функциональная надежность человека*» предусматривает рассмотрение этой проблемы в следующих ос-

новных направлениях. Во-первых, изучение особенностей влияния на надежность профессиональной деятельности различных функциональных нарушений в организме, разных форм проявлений этих нарушений в процессе их развития вплоть до возникновения заболевания. Во-вторых, сущность данного понятия определяет необходимость изучения характера зависимости показателей эффективности и надежности деятельности здорового человека от особенностей функциональных реакций его организма.

По первому направлению в практике психологии и физиологии труда, авиационной психологии и медицины достаточно хорошо изучены вопросы о роли патологии и последствий некоторых заболеваний на надежность профессиональной и, в частности, авиационной деятельности. По данным мировой статистики, возникновение ошибочных действий, т. е. нарушение надежности, отмечается в 2–4% случаев вследствие заболеваний или утомления и в 10–15% случаев из-за чрезмерной эмоциональной напряженности и психического перенапряжения. В исследованиях установлено, что в результате перенесенного невроза, легкой закрытой черепно-мозговой травмы, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки и других заболеваний у летчиков наблюдаются снижение функции внимания и оперативной памяти, продуктивности умственной деятельности и помехоустойчивости, повышение эмоциональной возбудимости и изменение других профессионально важных функций и качеств. Это приводит к ухудшению их работоспособности и, как следствие, к нарушению профессиональной надежности (Бодров, 1984, 1989; Бодров с соавт., 2004).

Значительно менее изученными являются вопросы влияния на профессиональную деятельность, на безопасность труда и на функциональную надежность доклинических форм заболеваний и функциональных расстройств. В наших исследованиях установлено, что некоторые функциональные заболевания нервной и сердечно-сосудистой систем приводят к психофизиологическим нарушениям профессиональной работоспособности летчиков, которые, как правило, не выявляются клиническими методами при их медицинском освидетельствовании. Более того, по данным свидетельств и историй болезни около 40% заболевших летчиков отмечали в полете признаки функциональных расстройств за 2–3 года до выявления заболевания врачебно-летной комиссией. Наиболее типичными проявлениями этих расстройств являлись в 33% случаев неуверенность в своих действиях и страх полетов (!), в 29% – повышенная утомляемость,

в 18% – плохая переносимость факторов полета, в 17% – снижение работоспособности и в 9% – ухудшение самочувствия. Следует отметить, что указанные проявления функциональных расстройств можно рассматривать как реальную или потенциальную причину вероятных нарушений профессиональной эффективности и надежности деятельности летного состава, приводящую к снижению безопасности полетов. Основные причины указанных расстройств заключаются в недостаточном развитии профессиональных навыков, в чрезмерной информационной нагрузке, в напряженности совмещенной деятельности, в субъективной сложности полетных заданий и в других факторах, обуславливающих возникновение хронического конфликта.

Обследование летного состава, имеющего диагнозы некоторых функциональных расстройств или профессиональные затруднения в полете, при выполнении на пилотажном тренажере специально разработанных полетных заданий позволило выявить ряд специфических психофизиологических нарушений, свидетельствующих о снижении у них функциональной надежности. Сущность этих нарушений заключается в чрезмерной активации и дезорганизации ряда функциональных реакций организма и ухудшении качества пилотирования на некоторых этапах полета и при его усложнении. Разработаны показатели и критерии оценки функциональной надежности, что позволило использовать пилотажный тренажер для диагностического обследования данного контингента на доклинических стадиях развития указанных функциональных расстройств и для обоснования заключения врачебно-летной комиссии (Бодров с соавт., 1985, 1998, 2004).

При изучении функциональной надежности установлено, что в процессе деятельности определенным изменениям психофизиологических реакций не обязательно соответствуют однозначные количественные и качественные изменения эффективности и надежности действий. Важно также и то, что ухудшение качества выполнения профессиональных задач, нарушение познавательных процессов в ряде случаев не сопровождается существенными изменениями субъективного состояния и физиологических функций, т. е. между уровнем работоспособности и степенью профессиональной надежности не всегда существует прямая зависимость.

Изложенные положения о сущности проблемы функциональной надежности могут позволить более конкретно проанализировать соотношение таких категорий, как функциональное состояние, ра-

ботоспособность, профессиональная эффективность и надежность, а также определить особенности их взаимосвязи. Кроме того, разработка проблемы функциональной надежности обуславливает необходимость дальнейшего развития единых взглядов на формы и уровни проявления и влияния функциональных состояний на эффективность и надежность деятельности.

Проявление риска в деятельности и безопасность труда

Особенностью деятельности специалистов ряда профессий (летчиков, пожарных, спасателей, каскадеров и др.) является возникновение различных проблемных ситуаций, которые характеризуются неопределенностью момента их появления, развития и последствий, а также наличием дефицита времени и необходимой информации, высоким уровнем сложности, опасности и ответственности. Выполнение трудовых задач в подобных условиях связано с необходимостью принятия нестандартных решений, что сопровождается увеличением вероятности ошибочных действий, аварий и катастроф. Их причиной в ряде случаев является недостаточный уровень развития способности специалиста действовать в условиях риска. Значение таких феноменов, как склонность и готовность к риску, способность к эффективным действиям в условиях риска особенно важно для решения задач оценки и формирования профессиональной пригодности у представителей «опасных» профессий и обеспечения безопасности их труда.

В основе рискованного поведения лежат не только специфические особенности опасных, неопределенных ситуаций, но также индивидуально-психологические особенности субъекта деятельности, его профессиональная подготовленность, состояние здоровья и др. (Бодров, Лукьянова, 1981; Котик, 1981; и др.) Согласно исследованиям, проведенным рядом отечественных и зарубежных авторов, по последствиям разрешения возникшей проблемной ситуации выделяются несколько видов риска: физический (для субъекта деятельности или других людей), психологический, финансовый, технологический, экологический, социальный и политический. Применительно к специалистам «опасных» профессий можно выделить следующие виды риска в профессиональной деятельности: ситуативный – разрешение возникшей ситуации; прагматический, направленный на достижение поставленной цели; социальный – служит для достижения нового социального статуса и утверждения в нем;

познавательный – получение новых знаний, информации; ценностный – связан с возможностью самореализации, с повышением веры в свои реальные и потенциальные возможности; немотивированный – риск с целью получения «острых» ощущений (Корнилова, 1997; Петровский, 1977).

Несмотря на то, что феномен риска был предметом исследований на протяжении последних десятилетий, изучению личностных особенностей, обуславливающих эффективность профессиональной деятельности в условиях риска, было посвящено относительно небольшое количество работ (Корнилова, Чудина, 1990; Котик, 1986; Кочетков, Скотникова, 1993).

Понятие «риск» является междисциплинарным. Первоначально риск понимался либо как действие без достаточного анализа ситуации – смелое, импульсивное, с надеждой на случайный счастливый исход, либо как действие, осуществляющееся в опасных условиях. В настоящее время понимание сущности риска изменилось. Как пишет Т. В. Корнилова, «современный прагматический контекст понимания риска в целом ориентирован на тезис об ограниченной рациональности человека. <...> Действия человека могут одновременно характеризоваться и как рациональные, и как содержащие фактор риска, поскольку между целедостижением и целеобразованием всегда существует некий зазор, несоответствие» (Корнилова, 1994, с. 100).

Акт риска в структуре трудовой деятельности может выполнять различные психологические функции, по-разному в ней проявляться, отражаться на ее течении и результатах. Исходя из двух трактовок риска (связи его с опасностью или с неблагоприятным исходом действия) в психологической литературе сложились два подхода к изучению данного феномена: риск расценивается как направленность на особо привлекательную цель, достижение которой связано с опасностью, или же рассматривается как осуществление альтернативного выбора в ситуации неопределенности, где успех/неудача зависят от случая.

По мнению ряда ученых, уровень оптимального риска, приемлемого человеком, является относительно постоянным. Согласно теории компенсации риска, созданной Вилдом и Гэнтоном (см.: Клебелсберг, 1989), оценка опасности у каждого субъекта остается постоянной, независимой от объективных обстоятельств, а приемлемый риск определяется как отношение показателей чувства опасности к показателям чувства осторожности.

Р. Тимпопом (Timpor, 1999) высказано мнение, что уровень риска может быть различен для физических, социальных и финансовых областей человеческой жизни. Проведенное им исследование показало, что принимаемый уровень риска во многом зависит от психологического и физиологического состояния человека. По нашему мнению, «средний» уровень приемлемого риска, скорее, отражает культуру безопасности человека и группы людей и не является мотивационным аспектом в выборе или отторжении рискованного поведения. Каждому человеку присущ некий постоянно предпочитаемый им уровень риска, но на принятие решения в условиях риска могут оказывать существенное влияние как ситуативные, так и социальные факторы.

На основании проведенного анализа ряда исследований можно выделить три основные трактовки риска. В первой из них риск определяется как активность индивида, направленная на получение желаемого результата путем избегания опасности, с надеждой на успех в ситуации с возможным неблагоприятным исходом. Результат подобной активности является неопределенным и может быть неблагоприятным. Во второй трактовке риск понимается как прогностическая оценочная категория, мера неблагоприятного исхода, которая определяется вероятностью и размером возможного проигрыша, а также отражает баланс между удачей и неудачей и формируется на стадии планирования и организации действия. В третьей трактовке риск рассматривается как характеристика ситуации или действия, отличающегося наличием опасности или неопределенности, связанная с необходимостью принять решение, осуществить выбор из ряда возможных альтернатив, где хотя бы одно из решений может закончиться неблагоприятным исходом.

Наряду с понятием риска существуют также близкие к нему понятия – готовность к риску, склонность к риску, рискованность. Каждое из них отражает ту или иную сторону поведения и личностную черту, которые определяют отношение к ситуации, к сложному (опасному) событию, к неопределенности в его наступлении и исходе. Как отмечает Д. Н. Завалишина, источником неопределенности может являться любая из структурных составляющих действия: цель, средство, результат (Завалишина, 1976).

Готовность к риску играет регуляторную роль и предполагает учет собственного прошлого опыта с позиций умения полагаться на себя, на результативность своих прежних рискованных действий, а также предполагает осознание своей способности к адекватной

интеллектуальной оценке рискованной ситуации и оценке самоконтроля. Готовность к риску определяется как умение, способность субъекта принимать адекватные решения в условиях неопределенности, а также как готовность осознанно контролировать возможность изменения ситуации с помощью реализации своих решений (Солнцева, Корнилова, 1999).

Безопасность труда в значительной мере зависит от проявления склонности к риску, т. е. желания испытывать острые ощущения и подвергаться опасности. Склонность к риску рядом авторов рассматривается как личностное свойство субъекта, отражающее импульсивность поведения и снижение самоконтроля. Была установлена связь склонности к риску с такими личностными особенностями, как экстраверсия, эмоциональная стабильность, конформизм, тревожность, импульсивность, экстернальность и др.

В исследованиях феномена риска установлена важная роль такой личностной черты, как «рискованность». Т. В. Корнилова определяет «рискованность» как свойство познавательных стратегий, форму активности, способ выхода субъекта из ситуации неопределенности и в этом смысле – как личностную склонность (Корнилова, 1994).

В профессиональной деятельности могут возникать ситуации, в которых характер решаемых задач (сложность, ответственность и т. п.), особенности поведения субъекта, ожидаемые или достигнутые результаты и их последствия представляют угрозу для жизни и здоровья субъекта и окружающих, а также становятся причинами серьезных аварий и катастроф. Профессиональная успешность этих специалистов во многом определяется их способностью эффективно действовать в условиях риска. В настоящей работе под способностью к действиям в ситуации риска (способностью к риску) понимается потенциальная и практическая реализация возможности субъекта к успешной деятельности в условиях сложных, опасных ситуаций с неопределенным исходом и определяемая совокупностью психологических, профессиональных качеств, необходимых для ее выполнения в этих условиях.

Оказываясь в экстремальной ситуации, люди могут по-разному реагировать на нее. Г. Т. Береговой с соавт. отмечает, что наиболее распространенными поведенческими реакциями на экстремальные, аварийные, рискованные ситуации являются приспособительно-защитные, сложно-интеллектуальные действия, связанные с оценкой обстановки, формированием стратегии поведения и выработкой адекватной схемы действий, а также стохастические неце-

ленаправленные действия (Береговой, Завалова, Ломов, Пономаренко, 1978).

Есть люди, для которых опасность крайне притягательна, является жизненной потребностью. Положительное их отношение к риску основывается не только на восприятии его как некой ценности, но и на осознании расширения границ собственных возможностей. В связи с этим необходимо остановиться на оправданности риска, принимаемого субъектом. Неоправданным следует считать риск, при котором поведение детерминировано потребностями аффективного плана: стремлением насладиться переживанием опасности, желанием удовлетворить самолюбие и т. д. Характерной чертой специалистов, склонных к такому виду риска, является недооценка требований ситуации и переоценка своих способностей. Еще одной характерной чертой неоправданного риска является отсутствие социальной целесообразности. В противовес рискованному поведению можно выделить явление чрезмерной осторожности. Люди, обладающие этой чертой, в экстремальных ситуациях оказываются не в состоянии преодолеть ее в силу своего малодушия или нерешительности. Следует различать оптимальный уровень оправданного риска и оправданный риск, характеризующийся повышенной осторожностью.

Феномен немотивированного риска можно объяснить не только стремлением к получению острых ощущений или к удовлетворению самолюбия, – это и активность по преодолению и расширению границ индивидуальных возможностей, реализации познавательных потребностей (в самопознании), изменению личностных черт субъекта при стремлении к самореализации.

В западной литературе существует понятие «поведенческое принятие риска» (risk-taking behavior). Т. Б. Котлярова и С. А. Маничев характеризуют принятие риска как практическую готовность человека к реализации действия с некоторой степенью риска. По их мнению, переход от принятия решения к реализации подобного действия может быть волевым, интеллектуальным или аффективным актом, а отношение к риску и субъективный уровень приемлемого риска являются одними из основных моментов при переходе к реализации рискованного решения (Котлярова, Маничев, 1986).

Е. Н. Кирьяновой под нашим научным руководством было проведено изучение психологических особенностей влияния склонности и способности успешно действовать в условиях риска на профессиональную эффективность и безопасность труда специалистов опас-

ных профессий (пограничники, пожарные, милиционеры) и зависимости этих качеств от личностных характеристик субъекта труда (Кирьянова, 2003). Установлено, что экстремальные ситуации, типичные для профессиональной деятельности специалистов, сопряжены с высоким риском (вероятность их успешного разрешения составляет только 0,65–0,80), связаны со значительной угрозой жизни и здоровью и требуют от сотрудников умения принимать самостоятельные решения. Анализ типовых ситуаций и ошибочных действий специалистов позволил прийти к выводу, что субъективная оценка риска как форма отражения экстремальной ситуации в сознании субъекта труда наряду с его профессиональной подготовленностью, наличием опыта и профессионально важных качеств личности оказывает существенное влияние на его поведение в опасных, неопределенных, экстремальных условиях.

Показатели эффективности деятельности специалистов «опасных» профессий определяются степенью проявления ряда профессионально важных черт: высокий уровень экспертного показателя «оправданной рискованности» – с низкими значениями «сверхконтроля» и «эмоциональной лабильности»; «способность эффективно работать самостоятельно» – с низкими значениями «рискованности»; «профессиональная ответственность» – с низким уровнем «рискованности» и высокой «устойчивостью к неопределенности».

Ряд отечественных и зарубежных работ посвящен изучению связи способности к действиям в условиях риска с личностными особенностями специалистов (Козелецкий, 1979; Бодров, Лукьянова, 1981; Котик, 1981; Кочетков, Скотникова, 1993; Кирьянова, 2003; и др.). Установлено, что способность человека к действиям в условиях риска зависит от его эмоциональной устойчивости, способности к планированию действий, от самоконтроля, внутреннего локуса контроля, импульсивности, личностной тревожности и т. д.

Способность к эффективным действиям в условиях риска обуславливает успешность профессиональной деятельности специалистов «опасных» профессий. Она определяется не только характером ситуаций, уровнем подготовленности и опытом специалиста, степенью проявления его склонности к риску, но также рядом личностных черт и качеств: у лиц с высоким уровнем профессиональной эффективности эта способность связана с «доминантностью», «групповой независимостью», интернальностью «общей» и «в сфере неудач», высокой «готовностью к риску».

Склонность к риску является качеством, предрасполагающим к проявлению способности к эффективным действиям в условиях риска, а также влияющим на профессиональную успешность. Она представляет собой интегральное качество, характеризующееся факторами «активность и целеустремленность», «смелость и ответственность», «самоэффективность» и определяется совокупностью темпераментальных, характерологических, мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивно-стилевых особенностей и проявляется в стремлении к действиям в условиях риска. Установлено, что склонные к риску специалисты отличаются высокой интернальностью «в сфере неудач» и «устойчивостью к неопределенности», «доминантностью» и «готовностью к риску». Установленная в результате исследований зависимость эффективности профессиональной деятельности специалистов «опасных» профессий от показателей способности успешно действовать в условиях риска, от склонности и готовности к риску позволяют рекомендовать использование данных показателей при психологическом отборе лиц на профессии данного профиля.

* * *

Процесс труда представляет собой сложное взаимодействие человека и факторов внешнего мира. В ходе или в результате этого процесса человек может подвергаться воздействиям самого различного типа: механическим, информационным, химическим и т. п. Если воздействия перечисленных факторов превышают нормативные уровни, происходит повреждение организма, которое при достижении определенной степени квалифицируется как несчастный случай.

Непосредственным источником подобных повреждений может явиться любой компонент труда – его содержание, средства, условия, организация и, прежде всего, субъект труда (его недостаточная подготовленность, уровень способностей, функциональные состояния и т. п.).

Причиной несчастных случаев, ошибочных действий, аварий и катастроф могут быть конструктивные и эксплуатационные недостатки систем управления. Между факторами, приводящими к неблагоприятным последствиям, существуют сложные функциональные связи, которые, например, заключаются в способности человека обнаружить свои неправильные действия или предвидеть и вовремя среагировать на технические неисправности средств труда.

Учитывая возрастающую опасность профессиональной деятельности человека, особенно в экстремальных условиях, увеличивается значение использования различных методов и средств защиты, обеспечивающих ему безопасность. Безопасность трудовой деятельности человека, и прежде всего – представителей опасных профессий (летчики, подводники, космонавты, водители, операторы АЭС и др.), в значительной мере определяется психологическими закономерностями трудового процесса, необходимостью изучения особенностей трудовой деятельности, анализа причин ошибочных действий, аварий и катастроф, обоснованием способов и средств профилактики профессиональных нарушений и т. д.

Категория «надежность» является одной из наиболее часто употребляемых при описании или оценке деятельности человека, работе технического объекта или системы «человек–машина» в целом. Как совокупная характеристика или системное свойство надежность отражает не только внешнюю сторону деятельности, но и выражается в результирующих количественных и качественных показателях функционирования системы или ее элементов. Применительно к субъекту деятельности, включенному в систему «человек – машина», надежность характеризует взаимосвязь компонентов деятельности, а также функциональные механизмы их изменения и проявления способности человека безотказно, безошибочно и своевременно выполнять деятельность в течение определенного времени при заданных условиях.

Требования к надежности работы техники и человека занимают устойчивое положение в ряду ведущих в оценке эффективности и качества деятельности. Более того, эти требования имеют выраженную тенденцию к росту в связи с непрерывным развитием и усложнением техники, внедрением новых технологий, повышением энергоемкости, быстродействия систем и многими другими факторами. Технический прогресс достиг уже тех рубежей, за которыми возможности техники начинают явно сдерживаться факторами, определяющимися особенностями и возможностями человека, в том числе, его надежностью. Это предусматривает необходимость обоснования положений о сущности и значении функциональной надежности человека в профессиональной деятельности, изучения механизмов регуляции надежности с позиций ее отражения в психологической системе деятельности, экспериментального обоснования путей, методов и средств обеспечения надежности профессиональной деятельности.

Проведенные исследования показали, что нарушение надежности человека и профессиональной деятельности в целом очень часто является причиной возникновения опасной (аварийной) ситуации, а обеспечение надежной деятельности повышает безопасность труда.

Важной особенностью многих видов профессиональной деятельности является возникновение проблемных ситуаций, характеризующихся неопределенностью момента их появления и последствий, дефицитом информации и времени, высоким уровнем сложности и ответственности за их преодоление. Надежность деятельности в подобных обстоятельствах в значительной степени определяется способностью эффективно действовать в условиях риска, готовностью и склонностью к риску. В литературе представлены несколько видов риска в зависимости от характера ведущей проблемной ситуации, а также те его аспекты, которые отражают содержательный характер разрешения рискованной ситуации. Однако изучению данной проблемы и, в частности, ее психологических аспектов с точки зрения опасности подобных ситуаций и обеспечения безопасности труда в этих условиях в последние годы уделяется явно недостаточное внимание.

В ряду психологических аспектов проблемы риска в профессиональной деятельности следует выделить следующие направления исследований, заслуживающие пристального внимания: психологический анализ типовых ситуаций риска в различных видах профессиональной деятельности, структура психологического обеспечения действий в рискованных ситуациях, индивидуально-психологические особенности поведения в ситуациях риска, влияние риска в различных задачах профессиональной деятельности, формирование стратегии антиципации в решении задач профессиональной деятельности с рискованным исходом и другие.

Проблема риска в условиях профессиональной деятельности (при прогнозировании ситуаций с различной степенью неопределенности, оценке условий выполнения трудовых задач при дефиците времени и информации, выборе наиболее оптимального решения с уменьшением риска в последующих неадекватных действиях и т. д.) требует дальнейшего изучения и разработки рекомендаций по уменьшению вероятности возникновения задач с высокой степенью неопределенности и принятия решений, обеспечивающих низкий уровень неблагоприятных исходов. Решение указанных и других вопросов проблемы риска в профессиональной деятельности повысит ее эффективность, надежность и безопасность.

Литература

- Береговой Г. Т., Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М.: Наука, 1978.
- Бодров В. А. Медико-психологические вопросы профессиональной надежности летного состава // Военно-медицинский журнал. 1984. № 4. С. 45–47.
- Бодров В. А. Проблема профессиональной и функциональной надежности оператора // Психологический журнал. 1989. № 4. С. 142–149.
- Бодров В. А., Лукьянова Н. Ф. Личностные особенности пилотов и профессиональная эффективность // Психологический журнал. 1981. № 2. С. 51–65.
- Бодров В. А., Куприянов А. А., Федорук А. Г., Харин В. В. Использование пилотажных тренажеров в целях выявления функциональных возможностей летного состава // Космическая биология и авиакосмическая медицина. 1985. № 4. С. 26–29.
- Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Бодров В. А., Бессонова Ю. В., Кирьянова Е. Н., Лекалов А. А., Пономаренко К. В., Сиваш О. Н., Сметанин А. В. Проблема клиничко-психологической экспертизы летного состава и ее экспериментальное изучение // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 137–176.
- Ефимова Н. С. Основы психологической безопасности. М.: ИД «Форум»–Инфра-М, 2010.
- Завалишина Д. Н. Оперативное мышление и принятие решения // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976.
- Кирьянова Е. Н. Проявление риска в деятельности специалистов опасных профессий: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Клебельсберг Д. Транспортная психология. М.: Транспорт, 1989.
- Козелецкий Ю. Психологические проблемы принятия решений. Пер. с польского / Под ред. Б. В. Бирюкова. М.: Прогресс, 1979.
- Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Корнилова Т. В. Риск и мышление // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 20–32.

- Корнилова Т. В., Чудина Т. В. Личностные и ситуационные факторы принятия решений в диалоге с компьютером // Психологический журнал. 1990. № 4. С. 32–37.
- Котик М. А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1981.
- Котлярова Т. Б., Маничев С. А. Отношение к риску и импульсивность // Когнитивные стили: Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В. Колга. Таллин: Таллинский педагогический институт, 1986.
- Кочетков В. В., Скотникова И. Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993.
- Медведев В. И. Устойчивость физиологических и психических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.
- Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1977.
- Пономаренко В. А., Лапа В. В. Профессия – летчик. М.: Воениздат, 1985.
- Солнцева Г. Н., Корнилова Т. В. Риск как характеристика действий субъекта. М.: НИЦ «Инженер», 1999.
- Russel C. Human error: Avoidable mistakes kill 100000 hftiens a year // Washington Post. 1992.
- Trimppop R. M. Risk homeostasis theory: Where is your future. Ruhz University Bochum, Dept. of Industrial. Organizational Psychology, Germany. Simposia “Traffic Psychology...”, 1999.
- Van Cott H. Human Errors: Their Causes and Reductions // Human Error in Medicine / Ed. M. S. Bogner. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 63–65.

ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА У ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

А. В. Котельникова, М. А. Падун

Проблема психологической безопасности включает в себя изучение сложного взаимодействия личностных особенностей человека и тех факторов среды, которые представляют угрозу личной безопасности. Одним из гарантов психологической безопасности является личное пространство и, в частности, дом и место жительства. Произошедшие на рубеже XX–XXI вв. изменения во внутренней и внешней политике России вызвали интенсивную миграцию населения. В отличие от добровольной перемены места жительства (в поисках, например, улучшения жизненных условий), люди переезжают *вынужденно*, как правило, вследствие военных действий, притеснения властей, дискриминации по национальному признаку или религиозным убеждениям. Изначальный конфликт между отсутствием позитивной мотивации к переезду и физической невозможностью дальнейшего пребывания на исторической Родине, травматизация психики, обусловленная причинами и историей миграции, а также трудности адаптации на новом месте – все это определяет формирование весьма специфического опыта вынужденных переселенцев, выходящего за рамки обычного и повседневного.

Принимая решение об отъезде с исторической Родины, люди чаще всего оказываются в ситуации, когда сложившиеся жизненные структуры рушатся и не остается сколько-нибудь ясных и четких ориентиров, определяющих дальнейшее развитие событий. Выбирать приходится между будущим и прошлым, неизвестностью и неизменностью, тревожной неопределенностью и чувством вины за упущенные возможности. Детальное изучение феноменологии вынужденной миграции предоставляет возможность осмыслить переживания людей, «зажатых» между невозможностью и необходимостью, вынужденно приехавших в «свою» Россию и неожиданно

оказавшихся в ней «чужаками», и оценить их нынешний психологический статус в ракурсе эффективности принятого когда-то решения о переезде.

Рассматривая вынужденное переселение как трудноразрешимую жизненную ситуацию, когда перед человеком возникает задача совладания со сверхсложными обстоятельствами, мы опирались на положения психиатрического стандарта, используемого российскими клиницистами, где вынужденная миграция специально отмечается как одна из «аномальных психосоциальных ситуаций», связанных с повышенным риском возникновения психических нарушений («Многоосевая классификация...», 2003). Мы интерпретировали последствия переживания вынужденного переселения в рамках интегративного подхода к проблеме посттравматического стресса (Тарабрина, 2008), крайние варианты которого выражаются в развитии посттравматического стрессового расстройства. Адаптационные ресурсы анализировались на когнитивно-личностном уровне, операционализированном посредством *базисных убеждений* – интегративного объяснительного конструкта социально-когнитивных теорий личности (Bruner, 1960; Франселла, Баннистер, 1987; Janoff-Bulman, 1989; Fiske, Taylor, 1991), и на субъектном уровне – посредством широко известного в контексте экзистенциально-гуманистического направления конструкта *смысложизненных ориентаций личности* (Леонтьев, 2003).

Под «базисными убеждениями личности» в настоящем исследовании понимаются имплицитные, глобальные, устойчивые представления о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека. Их роль в интеграции экстраординарного опыта в структуру человеческой индивидуальности рассмотрена в рамках концепции психической травмы Янофф-Бульман (Janoff-Bulman, 1992, 1998), суть которой сводится к следующему: людям свойственно истолковывать происходящие с ними события так, чтобы поддерживать стабильность субъективной картины мира, обеспечивающей необходимую опору в постоянно меняющейся реальности. Индивид конструирует свой жизненный опыт, пытаясь достичь чувства безопасности, основываясь на имплицитной внутренней структуре, включающей в себя убеждения о доброжелательности окружающего мира, его справедливости, а также представления о собственном Я.

Базисные убеждения обеспечивают человека ощущением защищенности и стабильности, однако есть ситуации (экстремальный

негативный опыт), резко меняющие базисные убеждения: в одночасье человек сталкивается с ужасом, порождаемым окружающим миром, а также с собственной уязвимостью и беспомощностью; существовавшая ранее уверенность в собственной защищенности оказывается иллюзией, крах которой повергает личность в состояние дезинтеграции. Процесс же совладания с травмой состоит в восстановлении базисных убеждений, однако оно происходит не полностью, а только до определенного уровня, освобождающего человека от иллюзии неуязвимости (Janoff-Bulman, 1989; Mikkelsen, Einarsen, 2002; Rini, 2004; Skidmore, Fletcher, 1997; Ворона, 2005; Падун, 2003; Котельникова, 2005).

Анализируя роль смысловых образований личности в совладании со стрессовыми переживаниями в ситуации вынужденной миграции, мы рассматриваем систему личностных смыслов как динамичное интегративное образование, представляющее собой индивидуализированное действительное отношение личности к ситуации, осознаваемое как «значение-для-меня», в основе которого лежат направленность личности, уровень притязаний, ценности, роли, образ Я и другие особенности самосознания (Леонтьев, 1975; Леонтьев, 2003; Серый, 2002).

Целью настоящего исследования является изучение личностных коррелятов посттравматического стресса у вынужденных переселенцев.

В соответствии с данной целью определены следующие задачи:

1. Исследовать выраженность наличного психического дистресса*, а также различия в характеристиках базисных убеждений и смысложизненных ориентаций в группах вынужденных переселенцев, покинувших территорию Чеченской республики до начала военных действий, с началом войны и никогда не выезжавших за пределы республики в статусе беженца или вынужденного переселенца.
2. Выделить личностные характеристики, опосредующие определение мигрантского статуса† испытуемых.

* Под «наличным психическим дистрессом» в настоящей работе понимается совокупность признаков негативных эмоциональных состояний (депрессии, тревоги, враждебности и т. д.), диагностируемых по методике SCL-90-R.

† Понятие «мигрантский статус» подразумевает различия в травматическом опыте испытуемых, связанные с тем, какое решение было при-

3. Проанализировать вклад стрессора «военные действия» в структуру мигрантской травмы: сопоставить степень выраженности признаков посттравматического стресса и характеристики базисных убеждений у групп переселенцев, имеющих опыт пребывания на территории боевых действий и не имеющих такового.
4. Исследовать взаимосвязи смысложизненных ориентаций и базисных убеждений личности с психологическими последствиями стресса вынужденного переселения.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Интенсивность наличного психического дистресса у вынужденных переселенцев на момент исследования связана с принятым ими решением об отъезде с исторической Родины, при этом характер принятого решения опосредуется личностными характеристиками мигрантов.
2. Уровень выраженности признаков посттравматического стресса соотносится с комплексным характером феномена вынужденной миграции: переселенцы, имеющие опыт пребывания на территории боевых действий, демонстрируют более высокий уровень посттравматических стрессовых реакций.
3. Базисные убеждения личности и система жизненных смыслов у вынужденных переселенцев связаны с интенсивностью посттравматического стресса.

Методика исследования

1. Модифицированный вариант методики «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М. Падун и А. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008) – измеряет базисные убеждения личности. Данные интерпретируются в рамках следующих субшкал:
 - базисное убеждение о доброжелательности окружающего мира отражает убеждения индивида относительно безопасной возможности доверять окружающему миру;

нято ими в трудной жизненной ситуации (переехали до начала военных действий – переехали после начала войны – никогда не покидали пределов исторической родины в статусе беженца или вынужденного переселенца).

- базисное убеждение о справедливости окружающего мира – убеждение в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает;
 - базисное убеждение о контроле – убеждение индивида в том, что он может контролировать происходящие с ним события;
 - базисное убеждение о ценности и значимости собственного «Я» – убеждение индивида в том, что он хороший, достойный любви и уважения человек;
 - базисное убеждение об удаче – убеждение индивида в том, что в целом он везучий человек.
2. Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R), адаптированный Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина, 2001). Состоит из 90 утверждений, отражающих наличие определенных соматических и психологических проблем. Оценка и интерпретация результатов производится по 9 основным субшкалам, которые объединяют следующие группы симптомов: соматизация, обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность, психотизм. В нашем исследовании в качестве интегрального рассматривался показатель общего индекса тяжести дистресса. Методика использовалась для выявления уровня переживаемого дистресса применительно ко всем исследовательским подгруппам.
 3. Шкала оценки влияния травматического события М. Горовица, адаптированная Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина, 2001). Направлена на выявление трех основных критериев посттравматического стрессового расстройства (вторжение, избегание, физиологическое возбуждение). Оценка влияния травматического события производится путем подсчета суммарного балла «ШОВТС в целом».
 4. Личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации С. Д. Бирюкова. Это самоотчетная методика, описывающая личность с помощью пяти больших факторов: *нейротизма* – негативной эмоциональности, проявляющейся в чувствительности индивида к стрессогенным ситуациям; *экстраверсии* – личностной характеристики, описывающей направленность на внешний мир; *склонности к согласию* как меры социотризма; *добро-*

совестности, выражающей степень сознательного контроля со стороны субъекта за своим поведением и деятельностью; *открытости опыту*, т. е. восприимчивости к любому виду новых знаний.

5. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) в адаптации Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2000). Измеряет осмысленность жизни личности. Включает в себя следующий набор субшкал: три смысложизненные ориентации, т. е. то, в чем человек находит смысл своего существования (*цели в жизни* – наличие или отсутствие целей в будущем, *процесс жизни* – насыщенность и эмоциональная наполненность жизни в настоящем, и *результативность жизни*, удовлетворенность самореализацией, т. е. ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая часть жизни); два аспекта интернальности: субшкала «*локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)*» – отражает представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, и субшкала «*локус контроля – жизнь, или управляемость жизни*» – представления о степени человеческих возможностей в реализации сознательного контроля над жизненными событиями.

В связи с поставленной целью дизайн эмпирического исследования планировался как сопоставительный анализ психологических характеристик субгрупп вынужденных переселенцев из г. Грозного, проживающих на территории Московского региона, и контрольных групп немигрантов г. Москвы и г. Грозного. Однако, поскольку комплектация контрольной группы москвичей существенно осложнилась национальным признаком, было принято решение сформировать только одну контрольную группу (немигрантов из г. Грозного), а в качестве второй использовать сравнения с имеющимися в литературных источниках нормативными данными по использованным методикам.

Кроме того, для решения задачи детального изучения феноменологии вынужденного переселения посредством анализа вклада стрессора «военные действия» в структуру мигрантской травмы, общая выборка переселенцев была разделена на тех, в чьем анамнезе есть опыт пребывания на территории боевых действий (подгруппа с условным названием «Мигранты-война»), и тех, кто принял решение о переезде раньше официального начала контртеррористи-

ческой операции в Чеченской республике (подгруппа «Мигранты-не-война»).

Изложенные выше соображения позволили сформулировать операциональное определение понятия «мигрантский статус», под которым понимаются различия в травматическом опыте испытуемых, связанные с тем, какое решение было принято ими в трудной жизненной ситуации (переехали до начала военных действий – переехали после начала войны – никогда не покидали пределов исторической Родины в статусе беженца или вынужденного переселенца). Таким образом, мигрантский статус как изучаемая переменная представляет собой дихотомию «есть–нет» (мигранты–не-мигранты); в зависимости от времени принятия решения о переезде выборка мигрантов, в свою очередь, подразделяется на тех, кто переехал до начала войны и на тех, кто переехал после начала военных действий.

Таким образом, выборка испытуемых ($N = 147$) состояла из трех групп:

Первую группу (условное название «Мигранты-не-война») составили 47 вынужденных переселенцев, покинувших г. Грозный до начала военных действий, проживающих в настоящее время на территории Московского региона: 17 мужчин и 30 женщин русской (77%) и чеченской (23%) национальности в возрасте от 25 до 60 лет ($M = 43,1$; $SD = 10,9$) со средним и высшим образованием ($M = 13,7$; $SD = 2,1$).

Вторая группа («Мигранты-война») была сформирована из 47 вынужденных переселенцев из Чеченской республики, проживающих в настоящий момент в Москве и Московской области, в личной истории которых есть травматическое событие «война»: 18 мужчин и 29 женщин русской (30%) и чеченской (70%) национальности в возрасте от 24 до 60 лет ($M = 38,5$; $SD = 11,2$) со средним и высшим образованием ($M = 13,0$; $SD = 2,3$).

Третью группу («Не-мигранты») составили 53 жителя Чеченской республики, никогда не покидавшие ее пределы в статусе беженца или вынужденного переселенца: 15 мужчин и 38 женщин преимущественно чеченской (98%) национальности в возрасте от 25 до 56 лет ($M = 38,4$; $SD = 8,9$) со средним и высшим образованием ($M = 13,1$; $SD = 2,2$). В жизненной истории каждого из них присутствует травматическое событие «война».

Группы комплектовались на добровольной основе, уравнивались по состоянию здоровья (отсутствие боевых ранений и черепно-моз-

говых травм), возрасту и уровню образования. Критерием вынужденного характера переселения при наборе групп являлось не наличие юридического статуса «беженца» или «вынужденного переселенца», а субъективная оценка испытуемым себя как вынужденного переселенца. Так, в группе «Мигранты-не-война» присутствовало 3 человека, которые покинули территорию Чеченской республики с целью получения образования, однако осознали себя вынужденными переселенцами, когда стало понятно, что они лишены малой Родины и вернуться им некуда. Перед началом обследования проводилась беседа, из которой испытуемые могли получить информацию о целях и задачах исследования, получалось письменное согласие на участие в нем.

Результаты исследования

Предварительный анализ эмпирических данных показал, что социально-демографические характеристики испытуемых не оказывают значимого влияния на результаты исследования.

Базисные убеждения, смысложизненные ориентации, а также личностные характеристики, измеренные опросником Big Five, на материале обследованной выборки никак не связаны с национальным признаком. Значения t -теста для независимых выборок, полученные при исследовании значимости различий между русскими и чеченцами для нормально распределенных данных, приведены в таблице 1.

Интенсивность наличного психического дистресса в ситуации вынужденного переселения, по данным опросника SCL-90-R, в целом также не зависит от национальной принадлежности, однако чеченцы, мигрировавшие в результате начала военных действий, демонстрируют более высокий уровень межличностной сензитивности, фобической тревожности и психотизма, нежели русские (см. таблицу 2). В реальных условиях межэтнического взаимодействия на принимающей территории описанная симптоматика соотносится с маргинальной позицией этой субгруппы: негативные ожидания относительно любых коммуникаций с другими людьми, иррациональные, неадекватные стимулам реакции страха приводят к избегающему поведению, изолированному стилю жизни.

Данные о влиянии временной отдаленности травматического события, возраста на момент травматизации, а также уровня образования на выраженность признаков посттравматического стрес-

Таблица 1

Значение t-теста для характеристик базисных убеждений, смысложизненных ориентаций и личностных свойств субгрупп русских и чеченцев внутри исследовательской выборки (N = 147)

Характеристики базисных убеждений	t	df	p	Русские		Чеченцы	
				M	SD	M	SD
Доброжелательность окружающего мира	0,91	145	0,36	32,9	7,4	31,8	6,8
Справедливость	-0,35	145	0,72	20,7	4,3	20,9	4,2
Образ Я	1,62	145	0,11	30,0	5,4	28,5	5,0
Удача	1,19	145	0,24	32,2	6,1	30,9	6,4
Контроль	-0,31	145	0,76	25,2	5,5	25,5	4,3
Смысложизненные ориентации							
Цели в жизни	1,79	145	0,08	32,0	6,3	29,4	9,4
Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни	1,63	145	0,10	29,1	7,0	26,8	8,8
Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией	1,55	145	0,12	22,1	4,2	20,8	5,0
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	1,46	145	0,15	19,0	4,8	17,6	6,0
Локус контроля – жизнь, или управляемость жизни	0,18	145	0,86	25,9	6,9	25,7	7,6
Общий показатель осмысленности жизни	1,66	145	0,10	97,5	19,3	90,9	24,2
Личностные характеристики, измеренные опросником Big Five							
Нейротизм	1,10	145	0,25	22,3	8,4	20,7	7,6
Экстраверсия	-1,60	145	0,11	25,5	9,6	27,7	6,9
Открытость опыту	1,80	145	0,08	26,9	5,0	25,3	5,6
Склонность к согласию	-0,57	145	0,57	27,2	5,4	27,8	5,6
Добросовестность	-1,57	145	0,12	30,0	7,7	32,0	7,1

са не расходятся с полученными ранее в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН для других контингентов испытуемых (Тарабрина, 2001): уровень образования отрицательно коррелирует со всеми признаками посттравматического стресса; наиболее уязвимыми к стрессовому воздействию в ситуации вынужденного переселения оказываются лица старшего возраста (см. таблицу 3).

Таблица 2

Значения критерия Манна-Уитни (U), полученные при анализе различий в уровне выраженности симптоматики дистресса, а также признаков посттравматического стресса среди русских и чеченцев в подгруппах мигрантов

	Мигранты-война (N = 47)				Мигранты-не-война (N = 47)							
	U	P	русские		чеченцы		U	P	русские		чеченцы	
			M	SD	M	SD			M	SD	M	SD
Вторжение	222,0	0,80	15,9	10,7	17,0	8,7	184,5	0,73	11,2	8,7	12,5	9,9
Избегание	171,0	0,16	16,8	8,9	19,2	7,6	177,5	0,61	11,8	8,6	13,5	8,5
Физиологическое возбуждение	226,0	0,91	13,4	9,2	12,5	7,0	168,5	0,46	7,9	8,6	6,9	8,5
ШОУТС в целом	216,0	0,72	46,1	26,6	47,5	20,2	194,0	0,92	31,0	6,8	32,9	9,2
Соматизация	223,0	0,85	0,73	0,55	0,84	0,73	170,5	0,49	0,73	0,69	0,61	0,74
Обсессивно-компульсивные расстройства	157,0	0,09	0,61	0,53	0,93	0,61	189,0	0,82	0,69	0,64	0,71	0,60
Межличностная сензитивность	118,5**	0,009	0,43	0,42	0,99	0,73	179,5	0,64	0,70	0,62	0,62	0,64
Депрессия	161,5	0,11	0,47	0,44	0,76	0,71	196,5	0,97	0,68	0,71	0,61	0,55
Тревожность	189,0	0,33	0,59	0,58	0,78	0,71	164,0	0,39	0,53	0,59	0,39	0,55
Враждебность	162,0	0,11	0,49	0,54	0,84	0,84	152,0	0,25	0,66	0,66	0,36	0,36
Фобическая тревожность	126,0**	0,01	0,09	0,13	0,40	0,46	197,5	0,99	0,26	0,36	0,29	0,43
Паранойяльные симптомы	168,5	0,15	0,44	0,47	1,00	1,1	161,5	0,36	0,55	0,57	0,68	0,45
Психотизм	123,0**	0,01	0,13	0,18	0,43	0,48	197,0	0,98	0,33	0,39	0,27	0,23
Уровень тяжести дистресса (GSI)	153,0	0,07	0,47	0,38	0,77	0,57	188,5	0,81	0,59	0,52	0,52	0,44

Примечание: здесь и далее по статье в таблицах * – p ≤ 0,05, ** – p ≤ 0,01, *** – p ≤ 0,001.

Таблица 3
Значения коэффициентов корреляции Спирмена (R), отражающие взаимосвязь адаптационного срока и социально-демографических характеристик с признаками посттравматического стресса в группах вынужденных переселенцев

Мигранты-не-война											
	Вторжение		Избегание		Физиологическое возбуждение		ШОВТС в целом				
	R	P	R	P	R	P	R	P			
Срок адаптации	0,31	0,08	0,24	0,18	0,25	0,17	0,28	0,12			
Возраст на момент обследования	0,31*	0,03	0,34*	0,02	0,35**	0,01	0,35*	0,02			
Возраст на момент переезда	0,30*	0,04	0,33*	0,02	0,34*	0,02	0,34*	0,02			
Уровень образования	0,01	0,95	-0,09	0,54	-0,04	0,78	-0,02	-0,91			
Мигранты-война											
	Вторжение		Избегание		Физиологическое возбуждение		ШОВТС в целом				
	R	P	R	P	R	P	R	P			
Срок адаптации	-0,02	-0,91	-0,08	0,59	-0,04	0,78	-0,10	0,52			
Возраст на момент обследования	0,11	0,48	-0,01	0,92	0,15	0,33	0,07	0,62			
Возраст на момент переезда	-0,02	0,90	-0,08	0,59	-0,04	0,78	-0,10	0,50			
Уровень образования	-0,23	0,11	-0,48***	0,001	-0,31*	0,04	-0,46***	0,001			

Работа над гипотезой о взаимосвязи текущего психологического благополучия вынужденных переселенцев с их мигрантским статусом производилась в три этапа.

Во-первых, был изучен уровень выраженности признаков личного психического дистресса (по данным методики SCL-90-R) в исследовательских подгруппах с применением однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Показано, что максимальную выраженность признаков дистресса демонстрируют те испытуемые, кому пришлось пережить войну, не покидая Грозный (M = 0,86; SD = 0,62), минимальную – мигранты, уехавшие до начала событий (M = 0,57; SD = 0,51), группа «Мигранты-война» занимает промежуточное положение (M = 0,69; SD = 0,53). При помощи критерия Крускала–Уоллиса были показаны различия в части проявления признаков тревожности (H = 10,9; p = 0,004), фобической тревожности (H = 6,7; p = 0,04) и психотизма (H = 6,2; p = 0,04). Субшкалы «обсессивность-компульсивность» (H = 5,3; p = 0,07) и «враждебность» (H = 5,6; p = 0,06) опросника SCL-90-R различаются на уровне тенденции – интенсивность симптомов возрастает все в том же направлении (от группы «Мигранты-не-война» к группе «Не-мигранты»), что проиллюстрировано на рисунке 1.

Различия в проявлениях фобической тревожности и психотизма могут быть опосредованы, как было показано выше, национальным признаком (тяжесть симптомов нарастает в соответствии с увеличением численного состава чеченцев в подгруппах), однако применительно к прочим шкалам тревожного регистра («обсессивность-компульсивность», «тревожность», «враждебность») описанная тенденция позволяет сделать вывод, что в настоящий момент жи-

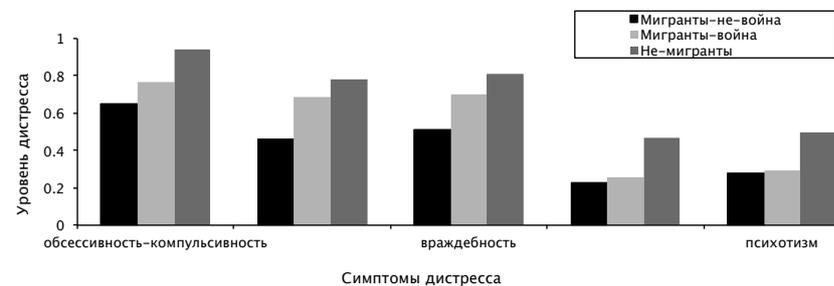

Рис. 1. Гистограмма средних значений симптомов дистресса в исследовательских группах

тели Грозного переживают больший дистресс, нежели те, кто в разное время смог покинуть территорию Чечни.

Во-вторых, был произведен сопоставительный анализ характеристик базисных убеждений и смысложизненных ориентаций испытуемых исследовательских подгрупп. Использовался тест Крускала–Уоллиса с дальнейшим попарным сравнением (критерий Манна–Уитни). Показано, что у мигрантов, переехавших до начала вооруженного конфликта, значимо выше показатели общей осмысленности жизни, а также более позитивны базисные убеждения в справедливости окружающего мира и в ценности и значимости собственного Я (см. рисунок 2).

Если сравнивать средние значения по группам с нормативными показателями, полученными в процессе апробации методики ШБУ, то можно сделать вывод, что у жителей Чечни и испытуемых группы «Мигранты-война» показатели субшкалы «Образ Я» методики ШБУ находятся в пределах нормы, тогда как в группе «Мигранты-не-война» они выше нормативных ($M = 25,2$, $SD = 3,2$) значений. Полученный результат соотносится, на наш взгляд, с феноменом личностного роста, когда в результате глубокой экзистенциальной переработки и успешного совладания со стрессом вынужденного переселения люди начинают воспринимать собственное Я как более сильное, достойное уважения, социально адаптированное. В ряде случаев, однако, можно предположить, что в рамках данного контингента испытуемых мы имеем дело со случаями неадекватно завышенной самооценки, связанными с действием нарциссических (идеализация) либо гипоманиакальных (отрицание) защитных механизмов.

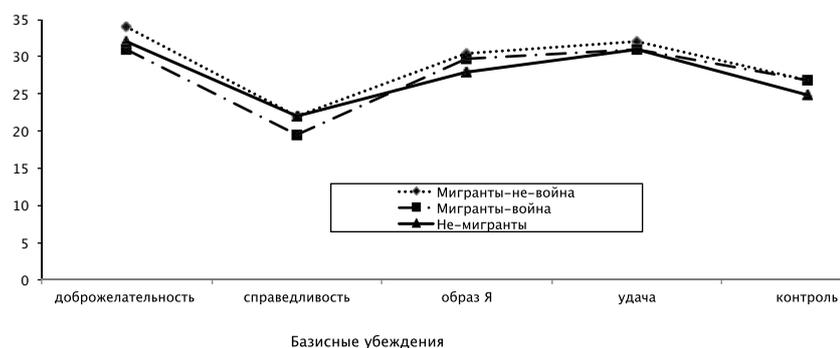

Рис. 2. Усредненные профили базисных убеждений в исследовательских группах

Самые негативные мнения о справедливости окружающего мира характеризуют мигрантов, в чьей жизненной истории есть травматическое событие «война». Наиболее сохранна вера в то, что каждый получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает, у тех, кто уехал раньше. Представляется важным при этом отметить, что испытуемые группы «Мигранты-война» демонстрируют более слабую веру в справедливость мира также и по сравнению с нормативными данными, полученными в ходе апробации модифицированного варианта «Шкалы базисных убеждений». Более того, корреляционный анализ по Спирмену фиксирует наличие в этой группе положительных взаимосвязей убеждения в справедливости окружающего мира с выраженностью посттравматических симптомов ($R = 0,34$; $p = 0,02$). Таким образом, вполне вероятным представляется, что частичная утрата веры в справедливый мир может выступать ресурсом для совладания с последствиями переживания ситуации вынужденной миграции: переселенцы, лишённые убежденности в том, что «каждый получает по заслугам», в большей степени свободны от чувства вины и открыты новому опыту.

Третий этап работы над гипотезой был посвящен дискриминантному анализу общего массива данных, характеризующих всех испытуемых исследовательской выборки в аспекте личностных характеристик. В качестве зависимой переменной рассматривалась классификация подгрупп с точки зрения мигрантского статуса; в качестве переменных-предикторов в анализ включались личностные характеристики, измеренные опросником Big Five. По результатам анализа как наиболее существенные были выделены нейротизм, экстраверсия, открытость опыту. Привлечение описательной статистики и условно нормативных данных позволило заключить, что в условиях вынужденности первыми приняли решение о переезде лица, обладающие высокой открытостью к усвоению нового опыта, с началом войны к ним присоединились экстраверты, ограниченно открытые для нового, остались на Родине консервативно настроенные интровертированные индивиды с высоким уровнем негативной эмоциональности. Графическая иллюстрация описанного результата – рисунок 3.

Для проверки гипотезы о комплексном характере феномена вынужденного переселения был проанализирован уровень посттравматического стресса в подгруппах мигрантов.

Сопоставление полученных данных с имеющимися в литературных источниках показало, что, с точки зрения совладания со стрес-

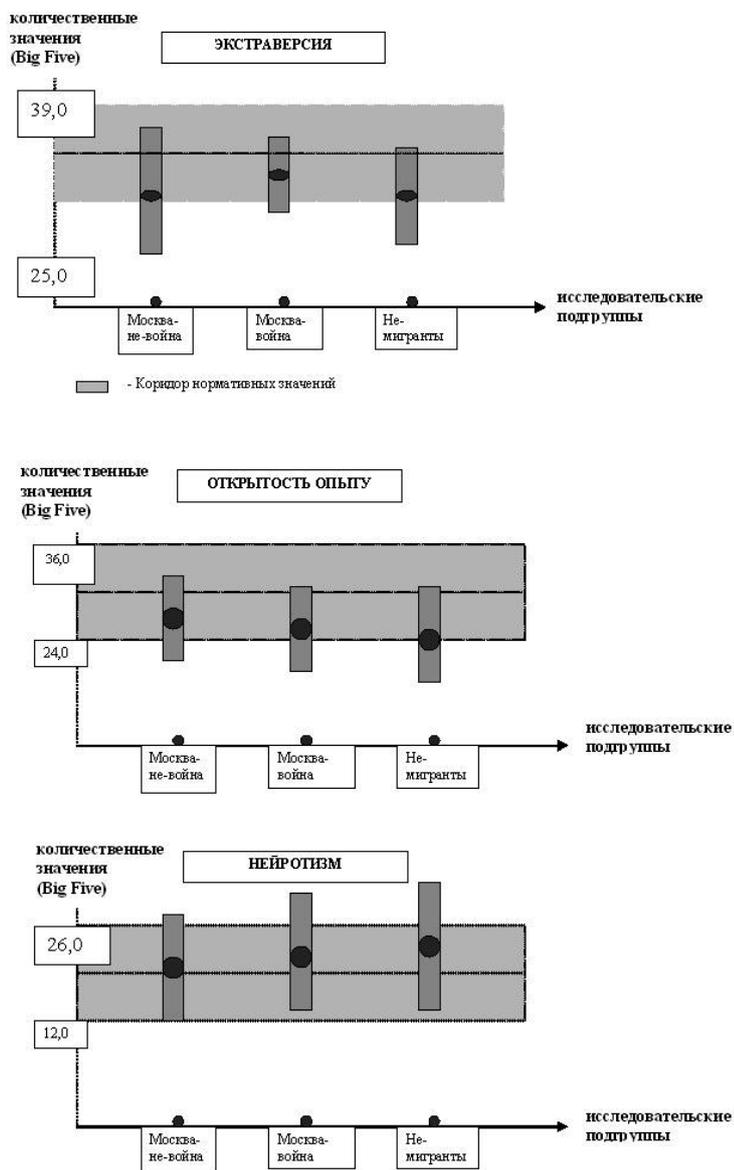

Рис. 3. Результаты дискриминантного анализа: личностные характеристики в сопоставлении с мигрантским статусом

совыми переживаниями, в целом изученные группы могут быть охарактеризованы как благополучные, хотя у части респондентов (для группы «Мигранты-не-война» эти данные составляют 11%, «Мигранты-война» – 21%) посттравматические стрессовые реакции носят выраженный характер.

Анализ значимости различий с применением критерия Манна-Уитни показал, что наиболее ярко признаки посттравматического стресса выражены у переселенцев, уехавших в результате начала военных действий (см. таблицу 4).

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтверждается: уровень выраженности признаков посттравматического стресса соотносится с комплексным характером феномена вынужденной миграции – переселенцы, имеющие опыт пребывания на территории боевых действий, демонстрируют более высокий уровень посттравматических стрессовых реакций.

Проверка гипотезы о взаимосвязи базисных убеждений личности (субшкалы опросника ШБУ) и системы смысложизненных ориентаций (субшкалы методики СЖО) с интенсивностью посттравматического стресса (интегральный показатель методики ШОВТС) осуществлялась методом контрастных групп: совокупная выборка мигрантов ($N = 94$) была разделена на подгруппы с высокой, средней и низкой степенью выраженности признаков посттравматического стресса. Предполагалось, что группа с низкими показателями по методике ШОВТС будет иллюстрировать результат успешного совладания со стрессом вынужденного переселения, с высокими – описывать противоположную тенденцию.

Анализ значимости различий с использованием критерия Манна-Уитни показал, что для вынужденных переселенцев, успешно совладавших с посттравматическим стрессом, характерны более позитивные базисные убеждения о ценности и значимости собственного Я ($U = 245,5$; $p = 0,003$) и возможностях контролировать происходящие в жизни события ($U = 306,5$; $p = 0,04$); выраженная интернальность (субшкалы «локус контроля – Я» ($U = 201,0$; $p = 0,0002$) и «локус контроля – жизнь» ($U = 193,0$; $p = 0,0001$) методики СЖО), а также значительно большая общая осмысленность жизни ($U = 210,0$; $p = 0,0004$).

Система смысложизненных ориентаций у мигрантов (субшкалы «цели в жизни», «процесс жизни», «результативность жизни» методики СЖО) также соотносится с интенсивностью признаков посттравматического стресса: удовлетворенность самореализацией

Таблица 4
Значения статистического критерия Манна–Уитни (U) для субшкал ШОВТС среди групп мигрантов, имеющих опыт пребывания на территории боевых действий (N = 47) и не имеющих такового (N = 47)

Группы мигрантов	Вторжение		Избегание		Физиологическое возбуждение		ШОВТС в целом	
	U	p	U	p	U	p	U	p
	746,5**	0,007	637,5***	0,0004	661,5***	0,0008	663,5***	0,001
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
«Мигранты-война»	16,7	9,2	18,5	8,0	12,7	7,6	47,09	22,02
«Мигранты-не-война»	11,5	8,9	12,2	8,5	7,7	7,3	31,4	22,7

в прошлом ($U = 205,5$; $p = 0,0003$), восприятие процесса жизни в настоящем как интересного, эмоционально насыщенного ($U = 263,5$; $p = 0,006$) и наличие целей в будущем, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу ($U = 317,5$; $p = 0,05$) значительно выше у вынужденных переселенцев с низким уровнем выраженности признаков посттравматического стресса.

Обсуждение результатов

Таким образом, гипотеза о взаимосвязи базисных убеждений личности и системы смысложизненных ориентаций с интенсивностью посттравматического стресса подтвердилась: ведущими когнитивно-личностными ресурсами совладания со стрессом у переселенцев являются позитивные базисные убеждения о ценности и значимости собственного Я – представления о себе как об успешном, достойном любви и уважения человеке, сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора в принятии решения о построении собственной жизни в соответствии со своими целями и смыслом. Удовлетворенность самореализацией в прошлом и настоящем, профессиональная и личностная востребованность также оказывают положительное влияние на процесс постстрессовой адаптации вынужденных переселенцев, помогают преодолевать неизбежно возникающий в новых условиях болезненный кризис идентичности, связанный, в частности, с резким изменением социального статуса.

Разрушение базисного убеждения о справедливости у части вынужденных переселенцев, по результатам исследования, может быть также рассмотрено в качестве ресурса совладания со стрессом. Положительная взаимосвязь этой характеристики с уровнем выраженности признаков посттравматического стресса заставляет предположить либо неадаптивность иллюзии справедливости окружающего мира, либо неоднородный характер самого убеждения. Вполне возможно, что концептуальное содержание базисного убеждения о справедливости окружающего мира «каждый получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает», в свою очередь, распадается для респондентов на составляющие: для кого-то справедливость – это когда «зло наказано», для других – когда «добро побеждает», для третьих – и то, и другое.

Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют рассуждать также о том, что психологическое состояние мигрантов на настоящий момент соотносится с последствиями решения,

принятого ими в трудной жизненной ситуации: те из переселенцев, кто смог покинуть пределы Чеченской республики до начала вооруженного конфликта, ныне значительно успешнее справляются как с текущим дистрессом, так и с признаками посттравматического стресса.

Принять решение о переезде, решение покинуть Родину, в обстановке вынужденности – значит совершить выбор в сторону неизвестности, сознательно предпочесть риск стабильности, тревогу за неопределенность будущего – вине за упущенные возможности. Представленные эмпирические данные иллюстрируют, таким образом, особенность вынужденной миграции как аномальной психосоциальной ситуации: стремление к соблюдению status quo, к сохранению гомеостаза обходится для психики в данном случае дороже, нежели готовность к изменениям и получению нового опыта.

Любопытные результаты были получены также и в части изучения личностных характеристик, опосредующих процесс принятия решения в трудных жизненных обстоятельствах. Оказалось, что те из мигрантов, кто в ситуации выраженного конфликта между отсутствием позитивной мотивации к переезду и очевидной невозможностью дальнейшего пребывания на исторической Родине первыми принимают решение об отъезде, обладают максимальной выраженностью такого личностного свойства, как «открытость к усвоению нового опыта»; те, кто уезжает только под влиянием чрезвычайной силы обстоятельств – выраженные экстраверты; остаются на Родине, так и не решившись сменить привычное место жительства, интроверты с высоким уровнем негативной эмоциональности, настроенные консервативно в отношении нового опыта. Известно, что математические методы анализа, примененные к эмпирическим данным проблемного поля психологии влияния экстремальных событий на человеческую индивидуальность (ввиду невозможности организации дизайна исследования как эксперимента с замерами «до» и «после»), не дают возможности рассуждать о причинно-следственном характере выявленных взаимосвязей. Мы не можем однозначно ответить на вопросы: эти люди уехали первыми, потому что открыты новому, или же таковыми они стали в результате миграции? А те, кто остался, тревожны, потому что им пришлось пережить военные действия, либо высокий уровень нейротизма характеризовал эту часть выборки и до войны? Однако это, на наш взгляд, не умаляет практической ценности полученных результатов, поскольку подобная классификация дает воз-

можность выработать более гибкий, дифференцированный подход к изучению и взаимодействию с мигрантской средой в целях интеграции вынужденных переселенцев в структуру принимающего общества.

Интересный психологический феномен, не поддавшийся, к сожалению, количественному измерению в рамках настоящего исследования и представляющийся в связи с этим перспективным для дальнейшего изучения, был обнаружен нами при анализе интервью вынужденных переселенцев. Выяснилось, что часть из них, переехавших давным-давно совершенно по другим – не вынужденным – соображениям (например, на учебу в Россию или чтобы поработать там какое-то время), ощутили экзистенциальное страдание, осознав себя именно вынужденными, насильственно лишенными малой Родины как бы post factum в момент начала официально объявленной контртеррористической операции, – тогда, когда началась не коснувшаяся их непосредственно война.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что описанные результаты, как и ожидалось, представляют не только теоретический, но и практический интерес: полученные данные имеют значение для более углубленного понимания феноменологии вынужденного переселения, а также взаимосвязи свойств и состояний личности в ситуации принятия решения в трудных жизненных обстоятельствах.

Выводы

На основании обобщения результатов проведенного исследования нами сформулированы следующие выводы:

1. Интенсивность наличного психического дистресса у вынужденных переселенцев связана с принятым ими решением об отъезде с исторической Родины: больший дистресс переживают лица, оставшиеся на территории постоянного проживания, – те, кто в разное время смог уехать, демонстрируют меньший уровень травматизации, большую осмысленность жизни и более позитивные базисные убеждения.
2. Мигрантский статус связан с личностными характеристиками испытуемых: лица, переехавшие до начала войны, обладают высокой открытостью к усвоению нового опыта; те, кто переехал после начала войны, характеризуются высокой экстраверсией,

тогда как не переехали на момент обследования интровертированные индивиды с высоким уровнем негативной эмоциональности.

3. Для мигрантов с низким уровнем выраженности посттравматического стресса характерны более позитивные базисные убеждения о ценности и значимости собственного Я и возможностях контролировать происходящие в жизни события; выраженная интернальность и большая осмысленность жизни, удовлетворенность самореализацией в прошлом и настоящем, наличие целей в будущем.
4. Невысокая убежденность в справедливости окружающего мира у лиц, покинувших Родину в результате начала военных действий, связана с успешностью совладания со стрессом в ситуации вынужденного переселения: мигранты, лишённые убежденности в том, что «каждый получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает», в меньшей степени страдают от посттравматического стресса.

Литература

- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Многоосевая классификация психических расстройств в детском и подростковом возрасте (Классификация психических и поведенческих расстройств у детей и подростков в соответствии с МКБ – 10). М.: Смысл; СПб.: Речь, 2003.
- Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. №4. С. 98–106.
- Серый А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2008.
- Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
- Bruner J. The Process of Education. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

- Fiske S. T., Taylor S. E. Social cognition. NY: McGraw-Hill, 1991.
- Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of the schema construct // Social Cognition, 1989. №7. P. 113–136.
- Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumption after traumatic life events: Coping process and outcomes // Coping: the psychology of what works / Ed. C. R. Snyder. NY: Oxford University Press, 1998.
- Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. NY: Oxford University Press, 1992.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОПАСНЫХ ВИДОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. О. Лазебная

На современном этапе существования человеческого сообщества проблема психологической безопасности человека и его жизненной среды приобретает все большую актуальность как предмет психологических исследований. При этом разными авторами в понятие психологической безопасности включается достаточно широкий круг явлений, связанных с удовлетворением одной из важнейших базовых потребностей человека – его врожденной потребности в безопасности. Удовлетворение потребности в безопасности, в том числе и в безопасности психологической, является необходимым условием нормального существования и развития человека (Грачев, 2004). Как правило, в относительно стабильных условиях жизни потребность в безопасности, по крайней мере, в минимальной степени может быть успешно удовлетворена. Но на своем жизненном пути человек периодически сталкивается с ситуациями, в которых именно потребность в безопасности выходит на первое место и становится ведущей, начинает определять мотивацию его социального поведения, перестраивая и изменяя ее, специфическим образом трансформируя другие базовые группы потребностей, психические особенности и характеристики личности. Прежде всего, потребность в безопасности становится активным и доминирующим фактором, мобилизирующим адаптационные ресурсы субъекта в чрезвычайных, опасных обстоятельствах, в том числе и связанных с выполнением задач профессиональной деятельности лицами опасных профессий. Для военнослужащих, спасателей, пожарных, сотрудников органов внутренних дел и спецподразделений, врачей и многих других категорий профессионалов пребывание в зонах боевых действий, социальных потрясений и криминальных конфликтов, техногенных и природных катастроф и т. п. является повседневной реальностью.

Как показано многочисленными отечественными и зарубежными исследованиями, опыт, приобретаемый субъектами опасных видов профессиональной деятельности в таких ситуациях, может оказывать и оказывает выраженное негативное влияние на психологическую стабильность их личности, в том числе препятствуя переживанию в разных жизненных ситуациях состояния психологического комфорта, защищенности и удовлетворенности своим существованием. Для профессионалов в опасных видах деятельности задача поддержания высокого уровня психологического комфорта и безопасности является при этом тем более важной, что любое нарушение их состояния, сопровождающееся интенсивными переживаниями негативных эмоций и развитием психологического дискомфорта, отрицательно сказывается на их функциональной надежности как способности качественно и ответственно выполнять свои профессиональные обязанности (Бодров, Орлов, 1991).

Чаще всего психологическая безопасность личности понимается как ее информационно-психологическая безопасность, «<...> как состояние защищенности...психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека, <...> адекватной системы его отношений к окружающему миру и самому себе» (Ефимова, 2009, с. 15).

Психологическая безопасность личности трактуется и как определенное «состояние информационной среды и условий жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, которое не способствует нарушению целостности, адаптивности функционирования и развития субъектов» (Кабаченко, 2000, цит. по: Ефимова, 2009, с. 16), и как «<...> защищенность сознания от воздействий, способных против ее воли и желания изменять психические состояния, психологические характеристики и поведение...» (Колесникова, 2001, цит. по той же книге). При этом на субъективном уровне состояние психологической безопасности переживается как чувство отсутствия угрозы значимым ценностям, чувство защищенности и психологического комфорта в конкретных жизненных ситуациях, а интенсивность этого переживания определяется особенностями индивидуального осмысления действительности во всей совокупности происходящих событий. Вместе с тем, сведения о результатах экспериментальных психологических исследований, позволяющих обосновать этот вывод, в отечественной литературе отсутствуют.

В частности, нет данных о результатах психологических исследований по проблематике психологической безопасности с участием лиц опасных профессий. Публикуемые в данной статье данные также не являются результатом специально организованного изучения именно особенностей переживания состояния безопасности на психологическом уровне. Однако, как представляется, они вполне могут быть интерпретированы в контексте обсуждаемой проблемы, поскольку отражают особенности работы регуляторных механизмов психики, обеспечивающих успешность преодоления лицами опасных профессий комплекса неблагоприятных психологических последствий их пребывания в опасных профессиональных ситуациях.

Методологические основы исследования

Современная постнеклассическая методология в исследованиях различных феноменов психической жизни человека предполагает отношение к изучаемым явлениям как к неотъемлемой принадлежности целостного субъекта, реализующего свою активность в онтологическом процессе взаимодействия с окружающим миром (Барабанщиков, 2007; Журавлев, 2007). В этой парадигме любое изучаемое явление психической жизни человека, в том числе и особенности переживания им состояния психологической безопасности, должно рассматриваться в исследовании системно-генетически, эволюционно, т. е. в динамике реализации активным субъектом (Брушлинский, 2003) в поведении и деятельности разноуровневых системных и метасистемных отношений со средой (Петренко, 2007). Законы системной детерминации активного поведения субъекта в среде предполагают метасистемный уровень анализа возникающих психологических проблем в контексте бытийного существования человека в мире. С позиций субъектного подхода к изучению психики человека окружающий мир, включающий и других людей, должен рассматриваться как предпосылка подлинного существования субъекта в его индивидуально-специфическом психологическом пространстве (Журавлев, Купрейченко, 2009).

Представляется необходимым также отметить, что ни в одной из ситуаций жизнедеятельности активность субъекта как по отношению к внешнему миру, так и в пространстве формирования самосознания и самоотношения личности не реализуется вне контекста его эволюционно детерминированной способности к адаптации в среде – его адаптивности (Балл, 1989). Адаптивность – это способ-

ность живой системы регулировать свое состояние и преодолевать любые нарушения оптимальности собственного функционирования в различных ситуациях взаимодействия со средой, порождающих возмущения и нарушения системного равновесия ее компонентов. В системных адаптационных процессах разного уровня сложности реализуется регуляторная функция психики, ключевыми моментами которой являются процессы смыслообразования и целеполагания. Именно психическая регуляция активности субъекта в среде обеспечивает, мобилизуя компоненты систем как психического, так и организменного уровня локализации, формирование разноуровневых *функциональных адаптационных систем*. Эти системы способны продуктивно *взаимодействовать* (Александров, 2001) для достижения целей адаптации в любой кризисной или проблемной, т. е. адаптационной, ситуации.

Благодаря системам психической регуляции, в том числе и в первую очередь – сознательной регуляции отношений человека и окружающего мира (Дикая, 2003; Конопкин, 1995; Моросанова, 2001; Обознов, 2003), субъект способен эффективно продвигаться по своему жизненному пути, преодолевая неизбежные кризисные ситуации различной интенсивности и разной этиологии, возникающие в процессе его адаптационного взаимодействия со средой. При этом именно осознанная, произвольная регуляция поведения в различных ситуациях жизнедеятельности позволяет человеку преодолевать субъективную неопределенность ситуации. Процессы сознания обеспечивают принятие адекватных стратегическим целям существования субъекта решений и согласованность его целеобусловленных действий в среде, направленных на удовлетворение актуализированных в данной жизненной ситуации потребностей, в том числе и потребности в безопасности. Все остальные регуляторные процессы организма и психики, обеспечивающие жизнедеятельность человека, так или иначе замыкаются в их организации и динамике на структуры именно этого, субъектно-личностного, уровня регуляции отношений человека с миром.

Когнитивно-личностные механизмы нарушения психологической безопасности

«Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что <...> большую роль играют не деятельност-

ные по своей природе, но очень ценностно значимые для субъекта феномены...» (Знаков, 2008). Одним из наиболее значимых для человека источников таких феноменов в определенных жизненных ситуациях становится переживание разрушительного для психики травматического психологического стресса (Лазебная, 2007; Тарабрина, 2009; Тарабрина, Лазебная, 1992). В травматических ситуациях их субъект сталкивается с реальной угрозой для своей жизни или физической целостности. Именно в ходе травматических событий происходит чувственное осознание человеком собственной смертности как экзистенциальной конечности своего бытия в мире. При этом переживание травматического стресса ведет к экстремальному снижению уровня интенсивности переживания субъектом чувства психологической безопасности ввиду специфики информации, поступающей к нему в ходе таких событий.

Все исследователи проблем психологической безопасности личности сходятся на том, что ведущим фактором, определяющим ее уровень, является фактор информационный (Грачев, 2004; Ефимова, 2009; Кабаченко, 2000). При этом травматическая информация в корне противоречит всему предшествующему опыту существования субъекта, всей ранее сложившейся системе ментальных репрезентаций реальности и самосознания субъекта на уровне его Я-концепции (Анцыферова, 1994; Магомед-Эминов, 1996; Лазебная, 2007; Решетников, 2006; Тарабрина, 2009; Тарабрина, Лазебная, 1992; McFarlane, de Girolamo, 1996). Связанный с угрозой для основной ценности любого живого существа – с угрозой для жизни, травматический психологический стресс является одним из самых мощных источников когнитивно-эмоциональных диссонансных процессов в психологическом пространстве субъекта (Белинская, Тихомандрицкая, 2001; Фестингер, 1999). Именно посттравматическое нарушение гармонии в функционировании таких компонентов когнитивно-эмоциональной сферы Я, как система ценностных структур и «базовых иллюзий» личности (Анцыферова, 1994; Ялом, 2005), обеспечивающих процессы смыслообразования, детерминирует при переживании травматического стресса развитие у субъекта травматизации чувства личностной измененности и незащищенности, что делает практически невозможным полноценное удовлетворение его потребности в безопасности.

В первую очередь это связано с тем, что любая диссонансная ситуация в психологическом пространстве субъекта сопровождается повышением уровня тревоги и переживанием комплекса негативно

эмоционально окрашенных состояний. Это и чувство беспомощности и неуверенности в себе и в окружающем мире, и страх перед неопределенностью ситуации и невозможностью выбора адекватного способа ее преодоления, и другие. В подобных случаях для успешной реализации психических, психофизиологических и психобиологических регуляторных процессов, обеспечивающих преодоление диссонанса, становится особенно важной полноценная активность именно смыслообразующих структур сознания (Конопкин, 1995; Wilson et al., 2004). Только переосмысление целей собственной жизни с учетом травматического опыта позволяет субъекту травматизации также восстановить и чувство безопасного существования в мире. Этот вывод был также подтвержден в ходе проведенных нами с участием М. Е. Зеленовой и Ю. В. Бессоновой эмпирических исследований психологических особенностей и механизмов преодоления последствий переживания травматического психологического стресса в процессе посттравматической стрессовой адаптации лиц опасных профессий.

Лонгитюдное изучение особенностей психической регуляции посттравматических стрессовых состояний у участников боевых действий

Проведенное нами совместно с М. Е. Зеленовой в период с 1992 по 2005 гг. в Институте психологии РАН трехэтапное эмпирическое лонгитюдное изучение психологических детерминант регуляции посттравматических стрессовых состояний и особенностей посттравматической стрессовой адаптации (ПСА) военнослужащих – ветеранов боевых действий в Афганистане, подтвердило особую роль именно процессов сознания и самосознания личности в преодолении последствий психической травматизации, неблагоприятных с точки зрения успешности и эффективности посттравматического функционирования субъекта. Результаты, особенности организации и методического обеспечения данного исследования были подробно описаны нами в предшествующей серии публикаций (Зеленова, 2002, 2004; Лазебная, 2004а, 2004б; Лазебная, 2009; Лазебная, Зеленова, 1999, 2007).

На завершающем этапе анализа обобщенный массив экспериментальных данных II этапа исследования включал показатели, характеризующие активность структур разных системных уровней психологической регуляции процесса ПСА. Как регуляторные механизмы

субъектно-личностного уровня рассматривались когнитивно-аффективные процессы формирования самоотношения, самооценки и смыслообразования субъекта на уровне его Я-концепции. Индивидуально-личностный уровень был представлен такими качествами личности, как локализация субъективного контроля, агрессивность, враждебность, тревожность. Как структуры этого уровня рассматривались также неосознаваемые защиты личности и особенности организации мотивационно-волевых процессов. Как компоненты индивидуально-психологического уровня анализировались когнитивно-стилевые механизмы организации процесса информационного взаимодействия субъекта со средой.

В анализируемые матрицы показателей также входили ситуационные переменные (основные показатели социодемографического, в том числе профессионального, статуса обследуемых) и переменные, характеризующие как успешность посттравматического функционирования обследуемых в различных областях жизнедеятельности, так и их статус по уровню нарушений физического и психического здоровья, в том числе – по уровню выраженности специфических посттравматических стрессовых нарушений, характерных для посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Результаты исследования и выводы

Предварительный анализ данных продемонстрировал особую роль субъектно-личностного уровня психической регуляции, т. е. процессов сознания и самосознания человека, в преодолении последствий психической травматизации, неблагоприятных с точки зрения успешности и эффективности посттравматического функционирования субъекта. Так, первый этап многомерного (сравнительного, факторного и корреляционного) статистического анализа полученного в исследовании обобщенного массива экспериментальных данных продемонстрировал действительно особую роль смыслообразующих, когнитивно оценочных структур самосознания личности как ведущих психологических детерминант успешности регуляции посттравматических стрессовых состояний на всех этапах ПСА, особенно удаленных от момента переживания травматической стрессовой ситуации. Нами было показано, что роль этих детерминант от этапа к этапу адаптационного процесса действительно становится все более важной. Как известно из результатов других исследований (Лазебная, 2007; McFarlane, de Girolamo, 1996), в первые

несколько лет после переживания травматического стресса в процессах регуляции состояния субъекта доминирующее воздействие оказывают факторы самой травматической ситуации, а также социоэкономические и демографические параметры жизни носителя травматического опыта. Однако с течением времени, по мере осмысления травматического опыта и выработки осознанных позитивных стратегий совладания, их влияние практически сходит на нет, что подтвердило и данное исследование: ко второму этапу влияние этих факторов, детерминирующее успешность адаптационного процесса, практически не определялось (Лазебная, Зеленова, 2007).

На завершающих этапах анализа результатов посттравматического лонгитюда для уточнения и верификации установленных тенденций в обобщенном массиве данных (Лазебная, Зеленова, 2007) были выделены и факторизованы в связи с характером динамики процесса ПСА две матрицы переменных.

Первая матрица, обозначенная нами как «самосознание и осмысленность жизни», объединила 24 показателя, куда вошли переменные, отражающие уровень самооценки по классическим шкалам семантического дифференциала (СД-активность и СД-оценка); структуру самоотношения индивида по шкалам методики исследования самоотношения МИС Панталева–Столина; показатели интенсивности субъективного переживания успешности и «затратности» процесса ПСА по шкале оценки успешности военной посттравматической адаптации УВПА (Лазебная, 2009) и показатели уровня осмысленности существования ветеранов по методике СЖО Д. А. Леонтьева. В эту матрицу были включены также некоторые ситуационные переменные, которые по результатам предварительного анализа оказались в большей степени связаны с успешностью процесса адаптации: наличие постоянной работы, возраст, количество детей, уровень общей заболеваемости (Лазебная, Зеленова, 2007). Кроме того, использовались клинические показатели посттравматической дезадаптации в области психического здоровья, оценивавшиеся по выраженности симптоматики ПТСР и другой психопатологии методами клинического стандартизованного интервью СКИД и с применением шкалы CAPS (Лазебная, Зеленова, 1999, 2007; Тарабрина, 2001), а также индекс личностной тревожности по шкале Спилбергера. Проведенный факторный анализ данной матрицы позволил выделить 7 значимых факторов, описывающих 74% общей дисперсии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Факторная матрица «самосознание и осмысленность жизни»

№	Название фактора и процент общей дисперсии	Переменные и их факторные веса
1	Субъективная эффективность адаптации 19,12%	-0,91 – индекс субъективной тяжести ПСА по УВПА (D) 0,88 – индекс субъективной эффективности ПСА по УВПА (I ад) -0,79 – индекс субъективной длительности ПСА по УВПА (Т) 0,73 – функциональная адаптированность по FS SCID -0,71 – выраженность симптоматики ПТСР 0,67 – индекс субъективной результативности ПСА по УВПА (L)
2	Гармоничность Я и осмысленность существования 17,75%	-0,83 – «внутренняя конфликтность» (8 шкала МИС) -0,79 – «самообвинение» (9 шкала МИС) 0,75 – общая осмысленность жизни по СЖО 0,73 – самоуважение («самоуверенность», 2 шкала МИС) -0,63 – личностная тревожность 0,62 – самооценочность (5 шкала МИС)
3	Закрытость Я 8,79%	0,74 – закрытость (1 шкала МИС) -0,64 – наличие постоянной работы 0,57 – самопривязанность (7 шкала МИС) 0,56 – личный контроль Я («саморуководство», 3 шкала МИС)
4	Самооценка 8,07%	0,69 – соматические нарушения здоровья 0,66 – самооценка активности по шкалам СД 0,55 – общая самооценка по шкалам СД
5	Аутосимпатия 7,71%	0,83 – аутосимпатия («самопринятие», 6 шкала МИС) 0,65 – самооценочность (5 шкала МИС)
6	Социально-демографический статус 7,14%	0,82 – возраст на момент обследования 0,63 – количество детей в семье 0,45 – личностная тревожность 0,41 – выраженность симптоматики ПТСР
7	Удовлетворенность функционированием 5,42%	0,76 – индекс субъективной удовлетворенности по УВПА (S) -0,53 – ожидаемое отношение окружающих («отраженное самоотношение», 4 шкала МИС)

Примечание: перечень методик приведен в тексте.

Факторизация показателей, отражающих особенности функционирования структур самосознания личности, подтвердила тесную связь успешности регуляции посттравматических стрессовых состояний и аффективно-оценочных компонентов Я-концепции. При этом основные параметры осознанного переживания субъектом тяжести, продолжительности и успешности процесса адаптации и в данном варианте факторизации оказались взаимосвязаны в рамках первого фактора (19,12% о. д.) с показателями функциональной адаптированности и выраженностью нарушений психического здоровья, в первую очередь – клинической симптоматики ПТСР. Это подтверждает особую роль осознанных субъективных переживаний, связанных с «ценой» преодоления посттравматического неблагополучия, как ведущих компонентов обратной связи в общем контуре регуляции процесса посттравматической стрессовой адаптации. Показатели осмысленности жизни (СЖО) и уровня обобщенной самооценки личности (самоотношения) составили ядро второго фактора (17,75% о. д.) в непротиворечивой факторной связи с уровнем личностной тревожности (ЛТ).

Содержание полученной факторной структуры также подтвердило факт отсутствия выраженной связи между интенсивностью переживания чувства субъективной удовлетворенности функционированием и успешностью посттравматического адаптационного процесса, установленный на первом этапе анализа обобщенного массива данных. Показатель субъективной удовлетворенности вошел только в седьмой фактор (5,42% о. д.) в обратной связи с таким параметром МИС, как «отраженное самоотношение». Полученные данные находятся в полном соответствии со взглядами большинства исследователей на психическую регуляцию произвольной активности человека (Голиков, Костин, 1999; Дикая, 2003; Конопкин, 1980; Леонова, 2004; Ломов, 1984; Моросанова, 2001; Обознов, 2003). Именно осознанная, произвольная регуляция поведения в различных ситуациях жизнедеятельности позволяет человеку преодолевать субъективную неопределенность ситуации, принимая решения и осуществляя согласованные между собой целеобусловленные действия. При этом особенно важным становится *уровень осознанной регуляции* в процессах, обеспечивающих регуляцию специфического комплекса посттравматических стрессовых состояний, развивающихся вследствие переживания человеком травматического психологического стресса (Лазебная, 2007; Тарабрина, Лазебная, 1992). Преодоление последствий пребывания в травматических

стрессовых ситуациях – одна из сложнейших системных адаптационных задач, которые приходится решать человеку в жизни. Травматический психологический стресс разрушает ядерные структуры Я-концепции на уровне системы экзистенциальных защит личности (Ялом, 2005; Wilson, Friedman, Lindy, 2004). Эти когнитивно-эмоциональные структуры («базовые иллюзии») – стержень личности. Как базисная система жизненных координат субъекта, они лежат в основе регуляторного процесса любого уровня, в любой ситуации субъектно-средового взаимодействия. На уровне сознания экзистенциальные защиты влияют на процессы смыслообразования и целеполагания субъекта, поскольку именно они определяют отношения человека с миром в такой сложной области бытия, как преодоление страха смерти, страха конечности собственного существования, что делает задачу осмысления и переосмысления событий травматического опыта центральной на протяжении всего периода посттравматического существования.

Вместе с тем особая роль процессов сознания и самосознания субъекта в обеспечении психической регуляции поведения ни в коей мере не отменяет функций *неосознаваемых регуляторных процессов* в обеспечении полезного для субъекта результата в его взаимодействии со средой. Как было показано на моделях изучения операторской деятельности, осознаваемый и автоматизированный уровни регуляции структурно дифференцируются, у каждого из них – свои функции (Голиков, Костин, 1999; Зараковский, Медведев, 1977; Ломов, 1984; Обознов, 2003; и др.). Однако, по законам системной детерминации поведения, объединяясь в процессе решения человеком конкретной задачи в рамках специфической функциональной системы в иерархические структуры, только оба эти уровня в их гармоничной согласованности способны обеспечить эффективный и успешный процесс регуляции целеориентированной активности. Эти уровни функционально объединены самой системной природой эволюционных, генетически обусловленных, телеономических (целеориентированных) адаптационных процессов, разворачивающихся в форме процессов регуляции и саморегуляции в каждой точке взаимодействия человека с другими самоорганизующимися открытыми и диссипативными, нелинейными системными объектами среды, что было продемонстрировано и результатами данного исследования.

При факторизации второй матрицы (22 переменные), названной нами «*личностные качества и неосознаваемые защиты личности*», были использованы те же ситуационные переменные и показатели уровня адаптированности, что и в первой матрице, но с добавлени-

ем показателей основных невротических психологических защит личности (методика LS Плутчика) и личностных качеств: locus контроля по шкалам методики УСК, агрессивность по шкале Басса-Дарки, тревожность по шкале Спилбергера-Ханина и способность к мотивационно-волевому контролю поведения по шкале Ю. Куля (Лазебная, Зеленова, 2007) ветеранов. В результате было получено 8 значимых факторов, охватывающих 75,5% совокупной дисперсии (см. таблицу 2).

Анализ полученной факторной структуры более четко продемонстрировал особенности взаимодействия между системами неосознаваемых (невротических) защит и индивидуально-личностными качествами субъекта и выявил ведущую роль таких личностных качеств, как локализация субъективного контроля, особенно интернальности в области семейных отношений, в области достижений и в области неудач, образовавших первый фактор матрицы «личностные качества и защиты» (16,65% о.д.). Результаты факторизации свидетельствуют также об особой роли такой защиты, как «интеллектуализация», оказавшейся ведущим компонентом второго фактора (14,15% о.д.). С отрицательными весами сюда вошли и такие качества, как личностная тревожность и склонность к агрессивному поведению, а также клинические показатели дезадаптации (уровень симптоматики ПТСР). Выделенная факторная структура базовых качеств личности в контексте успешности ПСА позволила также более отчетливо, чем на первом этапе анализа, понять место в процессе адаптации таких личностных переменных, как «способность к волевой регуляции активности», в соответствии с концепцией Ю. Куля (Лазебная, Зеленова, 2007).

Вместе с тем, в парадигме современного системно-генетического, субъектного подхода к изучению особенностей психической организации активности и поведения человека в среде одной из приоритетных становится проблема ценностно-смысловой регуляции его поведения. Именно ценности личности, будучи смысловыми образованиями, «связывают» когнитивную и мотивационную сферы субъекта, интегрируют их в единую смысловую сферу.

Исследование особенностей ценностно-смысловой регуляции посттравматических стрессовых нарушений у спасателей МЧС

В задачи проведенного с участием ветеранов боевых действий лонгитюдного исследования ПСА не входило специальное изучение особенностей ценностно-мотивационной регуляции посттравма-

Таблица 2

Факторная матрица «личностные качества
и неосознаваемые защиты личности»

Фактор №	Название и процент общей дисперсии	Переменные и веса
1	Интернальность 16,64%	0,80 – в общении 0,73 – в достижениях 0,73 – в семье 0,55 – в неудачах
2	Защита «интеллектуализация» 14,15%	0,74 – защита «интеллектуализация» 0,70 – функциональная адаптированность по FS SCID –0,64 – выраженность симптоматики ПТСР –0,64 – личностная тревожность –0,61 – индекс физической агрессии по Бассу–Дарки
3	Враждебность 11,44%	0,74 – защита «проекция» 0,70 – индекс враждебности по Бассу–Дарки –0,49 – защита «замещение»
4	Волевой самоконтроль (ориентация на состояние) 8, 81%	0,65 – защита «реактивное образование» –0,61 – контроль за действием при неудачах (по Ю. Кулю) –0,47 – интернальность в области неудач
5	Компенсация трудностей в реализации активности 7,06%	0,73 – защита «компенсация» –0,45 – контроль за действием при реализации (по Ю. Кулю) 0,41 – возраст на момент обследования 0,43 – соматические нарушения здоровья
6	Профессиональный статус 6,34%	–0,65 – наличие постоянной работы 0,42 – контроль за действием при реализации (по Ю. Кулю)
7	Отношение к здоровью 5,79%	–0,55 – интернальность в отношении здоровья 0,44 – соматические нарушения здоровья
8	Саморегуляция (ориентация на действие) 5,22%	0,54 – защита «подавление» 0,45 – контроль за действием при реализации (по Ю. Кулю) 0,42 – контроль за действием при планировании (по Ю. Кулю)

Примечание: перечень методик приведен в тексте.

тических стрессовых состояний, что и определило цели и задачи следующего этапа исследования. Он был проведен нами совместно с М. Е. Зеленовой и Ю. В. Бессоновой. Испытуемыми стали профессиональные спасатели подразделений МЧС РФ г. Москвы, 100 человек; в среднем стаж профессиональной деятельности – 9 лет; средний возраст – 35 лет.

Методы исследования

1. Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности (Карандашев, 2004), состоящая из двух частей. Первая часть методики (Опросник ценностей Шварца, Schwartz Value Survey – SVS) позволяет оценить по девятипозиционной шкале характер нормативных идеалов субъекта, т. е. структуру его мотивационных целей (личностных ценностей как убеждений). Вторая часть (Портретный опросник ценностей – Portrait Values Questionnaire – PVQ) предназначена для оценки с использованием пятипозиционных оценочных шкал реального влияния каждой личностной ценности как мотивационной цели на социальное поведение субъекта.
2. Для оценки признаков проявления в состоянии обследуемых системных психологических, психофизиологических и поведенческих нарушений социального функционирования, характерных для посттравматической стрессовой дезадаптации лиц опасных профессий, применялась специально сконструированная методика Шкала САПСАН. Методика была разработана совместно с Социологическим центром МО РФ для скрининговой оценки и мониторинга выраженности посттравматических стрессовых нарушений у военнослужащих (Лазебная, Зеленова, 2008; Лазебная, Зеленова, Захаров, 2009).

Шкала включает 60 четырехпозиционных прямых и обратных биполярных оценочных шкал (пунктов). Работая с методикой, обследуемый выбирает один из четырех вариантов ответа по каждому пункту, выражая свое согласие или несогласие с приведенным в данном пункте утверждением. Каждое утверждение при этом отражает ту или иную особенность состояния, функционирования или переживания, характерных для посттравматической психопатологии. Выраженность посттравматических нарушений оценивается по уровню индекса ПС (суммарный балл по методике). Чем выше уровень ПС,

тем более выраженными являются системные посттравматические нарушения функционирования. Проведенная М. Е. Зеленовой стандартизация шкалы позволила получить следующие предварительные тестовые нормы по показателю «Индекс ПС» для военнослужащих:

менее 71 балла – низкий уровень посттравматических стрессовых нарушений;

72–115 баллов – средний уровень посттравматических стрессовых нарушений;

больше 115 баллов – высокий уровень травматизации.

Дополнительные психометрические исследования с применением шкалы САПСАН на выборке военнослужащих действующих частей и подразделений Российской армии (430 чел.) позволили получить данные, подтверждающие высокую надежность методики по внутренней согласованности ее шкал (см. таблицу 3).

Таблица 3

Психометрические характеристики надежности шкалы САПСАН

Показатели психометрической надежности			
N = 430	САПСАН-60	САПСАН-30 (1)	САПСАН-30 (2)
α Кронбаха	0,936	0,795	0,893

Шкала САПСАН была также валидизирована с применением опросника выраженности психопатологической симптоматики Л. Дерогатиса SCL-90-R, который входит в состав международного стандартизованного психометрического комплекса, применяемого при диагностике посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) разной этиологии (Тарабрина, 2001; Тарабрина и др., 2007). Коэффициент корреляции Спирмена между индексом GSI опросника SCL-90-R и индексом ПС шкалы САПСАН составил 0,240 ($p \leq 0,01$).

Результаты исследования и выводы

При анализе обследованная выборка спасателей МЧС была разделена по уровню выраженности посттравматических стрессовых нарушений – по медиане индекса ПСН методики САПСАН, которая составила 85,5 балла. По стажу профессиональной деятельности

и возрасту выделенные группы «адаптантов» (индекс ПСН = 74,7 балла, $n = 49$) и «дезаптантов» (ПСН = 102,8 балла, $n = 50$) значительно не различались.

Анализ показал, что в структуре ценностей как мировоззренческих конструктов, как убеждений и идеалов личности (первая часть методики Шварца) у спасателей-дезаптантов доминировали представления о ценностях *достижения* (см. таблицу 4).

В соответствии с концепцией Шварца, мотивационная цель, определяющая вектор активности субъекта, ориентированного на ценности достижения, – это достижение личного успеха в разных областях функционирования. Притом – исключительно социально одобряемыми способами: путем реализации собственной компетентности и исходя из признанных социокультурных стандартов. Реализация таких ценностей в поведении позволяет субъекту удовлетворить собственные потребности в социальном признании и одобрении со стороны окружающих.

Дальше в порядке убывания у спасателей с более выраженными посттравматическими проблемами располагаются ценности *безопасности* и *благоклонности*. Мотивационная цель, определяемая

Таблица 4

Структура идеальных ценностей-убеждений у спасателей МЧС, различающихся по уровню выраженности посттравматических стрессовых нарушений

Ценности как убеждения	«Деадаптанты» Med ПСН > 85,5 n = 50		«Адаптанты» Med ПСН < 85,5 n = 49		Уровень значимости p ≤
	M	SD	M	SD	
конформность	4,66	0,82	4,44	1,08	0,06
традиции	4,52	0,94	3,88	0,82	0,001
благоклонность (доброта)	4,75	0,81	4,48	0,72	0,08
универсализм	4,67	0,81	4,98	0,32	0,01
самостоятельность	4,66	0,64	4,37	0,58	0,05
стимуляция	4,46	0,71	4,05	0,62	0,05
гедонизм	3,67	1,27	3,17	0,56	0,01
достижения	5,09	0,81	4,29	0,99	0,0001
власть	4,54	0,83	3,29	0,90	0,0001
безопасность	4,89	0,85	5,14	0,52	0,08

ценностями безопасности – достижение стабильности, безопасности и гармонии как социального сообщества, так и самого индивида в их системном равновесном единстве. Ценности же, определенные Шварцем как ценности благосклонности (заботливости, доброты), несут другую смысловую нагрузку. Они отражают стремление субъекта с целью удовлетворения собственных потребностей в первую очередь заботиться о благополучии людей, с которыми человек находится в постоянном контакте и поддерживает личные отношения. Тем самым путем позитивного взаимодействия с близкими удовлетворяется как потребность субъекта в стабильности и благополучии его социальной ин-группы, так и биологически обусловленная потребность в аффилиации.

В группе спасателей, не имеющих выраженных проблем, связанных с переживанием профессионального травматического психологического стресса, иерархия ценностей-идеалов имеет другую структуру. Первое место в рейтинге в группе адаптантов занимают ценности *безопасности*, а вторую позицию – *универсальные ценности*. Обе эти группы ценностей и связанных с ними мотивационных целей выражают как индивидуальные интересы субъекта, так и интересы разных социальных групп и сообществ, к которым он принадлежит. При этом универсальные ценности характеризуют соответствующее отношение человека к проблемам достаточно широких категорий социальных сообществ, вплоть до человечества в целом. Можно сказать, что эти конструкты отражают стремление человека к установлению оптимальных, равновесных отношений с окружающим миром, как с социальным, так и с миром природы. С точки зрения Шварца и Билски, реализация мотивационной цели этого типа обеспечивает для субъекта возможность удовлетворения любых его потребностей (Белинская, Тихомандрицкая, 2001). На третьем месте у адаптантов при этом тоже оказались ценности *благосклонности*.

Сравнительный анализ результатов применения первой части методики Ш. Шварца показал, что в группе спасателей-адаптантов оказался значимо более высоким уровень выраженности таких ценностей-убеждений, как *универсализм* и *безопасность* (на уровне статистической тенденции). Все остальные ценности как мировоззренческие конструкты, как идеалы личности, особенно отражающие мотивационные цели выраженной индивидуалистической направленности, в этой группе были статистически значимо менее выражены, чем у спасателей с посттравматическими проблемами.

Вместе с тем, анализ данных, полученных с применением второй части методики Шварца, также позволил установить интересные закономерности в практике реализации ценностных убеждений и идеалов в поведении спасателей из обеих групп (см. таблицу 5).

Так, в структуре ценностей дезадаптантов идеалы представлены ценностями достижения, безопасности и благосклонности. Однако в конкретных жизненных ситуациях они предпочитают строить свое поведение в соответствии с ценностями *благосклонности*, *самостоятельности* (саморегуляции) и *универсализма*. Аналогичная ситуация и с гедонизмом и стимуляцией, т. е. ценностями «аутсайдерами» их идеального рейтинга. В реальном поведении эти системы ценностей реализуются, как показал анализ, все-таки чаще, чем ценности власти (десятая позиция) и ценности традиций (девятая).

В группе спасателей-адаптантов также не отмечается полного совпадения результатов по первой и второй частям методики Шварца, хотя оба уровня функционирования их системы ценностей оказались согласованы лучше. Ориентируясь в идеальном пла-

Таблица 5
Структура ценностей,
наиболее часто проявляющихся в социальном поведении
спасателей МЧС, различающихся по уровню выраженности
посттравматических стрессовых нарушений

Ценности, реализуемые в поведении	«Дезадаптанты» Med ПСН > 85,5 n = 50		«Адаптанты» Med ПСН < 85,5 n = 49		Уровень значи- мости p ≤
	M	SD	M	SD	
конформность	2,39	0,59	2,57	1,03	
традиции	2,07	0,81	2,20	1,03	
благосклонность (доброта)	2,77	0,64	3,49	0,66	0,0001
универсализм	2,71	0,61	3,58	0,34	0,0001
самостоятельность	2,72	0,34	3,55	0,39	0,0001
стимуляция	2,36	0,81	3,37	1,16	0,0001
гедонизм	2,19	0,57	1,99	0,39	0,06
достижения	2,49	0,97	2,69	1,20	
власть	1,83	0,46	2,15	0,75	0,01
безопасность	2,55	0,70	3,22	0,64	0,0001

не на ценности безопасности, универсальные и благосклонности, спасатели без посттравматических проблем и в повседневном поведении склонны реализовать мотивационные цели *универсализма* и *благосклонности*, дополнительно опираясь в удовлетворении своих потребностей на ценности *самостоятельности* (саморегуляции). Мотивационная цель этого типа отражает стремление субъекта к независимости в осмыслении ситуации и в действиях. Это ценности свободного выбора, творчества и исследования, познания действительности. Что касается ценностей-аутсайдеров в идеальном рейтинге, то здесь наблюдается полное совпадение убеждений и поведения. Спасатели из группы адаптантов стараются как можно реже в своей активности ориентироваться на ценности гедонизма и власти, отвергаемые ими и на уровне идеальных представлений.

Наконец, сравнительный анализ структур ценностей, реализуемых в поведении спасателями из обеих групп, показал, что значимые различия между группами существуют по таким мотивационным целям, как благосклонность (доброта), универсализм, самостоятельность, стимуляция гедонизм, власть и безопасность. При этом все они спасателями без посттравматических проблем реализуются в поведении более интенсивно и с большей определенностью – уровень оценок, которые давали обследуемые из этой группы, оказался значительно выше. Исключение составила мотивационная цель «гедонизм» – здесь показатели в группе адаптантов оказались на уровне тенденции ниже, чем у дезадаптантов.

Таким образом, в результате проведенного исследования особенностей ценностно-мотивационной регуляции посттравматических стрессовых состояний у спасателей МЧС были выявлены принципиальные различия в структурах идеальных представлений о личностных ценностях у носителей травматического опыта, с разной степенью успешности преодолевающих в посттравматическом периоде последствия переживания травматического психологического стресса. При этом мотивационная направленность на ценности безопасности и в плане идеальных представлений, и в плане реализации ценностей в поведении была более выражена у спасателей без серьезных посттравматических проблем.

Результаты исследования также позволяют утверждать, что отсутствие доминирования в системе идеальных представлений о ценностях структур, отражающих выраженную индивидуалистическую мотивационную направленность личности, способствует успеш-

ности преодоления посттравматических психологических проблем у лиц опасных профессий. При этом спасатели без выраженных посттравматических проблем отличались большей гармоничностью и сбалансированностью компонентов обеих уровней функционирования системы ценностно-смысловой регуляции поведения – когнитивного уровня идеальных представлений о ценностях и уровня их мотивационного влияния на поведение субъекта в различных ситуациях существования. На основании полученных данных можно утверждать, что степень рассогласования в активности уровней ценностно-мотивационной регуляции может рассматриваться как один из показателей выраженности системных проблем, характерных для различных нарушений посттравматического адаптационного процесса.

Литература

- Александров Ю. И. Системная психофизиология // Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. СПб.: Питер, 2001. С. 263–324.
- Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92–100.
- Барабанщиков В. А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 268–285.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: Учебн. пособ. для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта / Отв. ред. В. П. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Голиков Ю. Я., Костин А. Н. Теория и методы анализа проблемностей в сложной операторской деятельности // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа / Отв. ред. Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 6–79.

- Грачев Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита [электрон. ресурс]. Волгоград, 2004. <http://lib.rin.ru/cgi-bin/index.pl>.
- Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Ефимова Н. С. Безопасность человека: психологический аспект. М.: Изд-во РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2009.
- Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Психологическое пространство и среда: соотношение феноменов и понятий // Экопсихологические исследования: Сборник материалов 5-й Российской конференции по экологической психологии (Москва, 26–27 ноября 2008 г.) / Под ред. В. И. Панова. М.: Психологический институт РАО, 2009. С. 9–27.
- Зарковский Г. М., Медведев В. И. Психолого-физиологическое содержание деятельности оператора // Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 31–55.
- Зеленова М. Е. Постстрессовая адаптация и особенности самооценки у участников боевых действий в Афганистане // Психология психических состояний: Сборник статей. Вып. 4 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2002. С. 411–421.
- Зеленова М. Е. Роль «Я-концепции» в постстрессовой адаптации участников боевых действий / Психология психических состояний: Сборник статей. Вып. 5. / Под ред. проф. А. О. Прохорова. Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2004. С. 470–483.
- Зеленова М. Е., Лазебная Е. О. Неосознаваемые психологические защиты как детерминанты успешности послевоенной адаптации участников боевых действий / Личность и бытие: субъектный подход / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 461–464.
- Знаков В. В. Ценности как проблема человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология цен-

- ностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 83–93.
- Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия. М., 2000.
- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М.: ИЦ «Владос», 2001.
- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Лазебная Е. О. Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология состояний. Хрестоматия / Сост. Т. Васильева, Г. Габдреева, А. Прохоров / Под ред. А. Прохорова. М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2004. С. 373–385.
- Лазебная Е. О. Субъектные факторы успешности посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 234–245.
- Лазебная Е. О. Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 561–575.
- Лазебная Е. О. Субъективная оценка успешности преодоления посттравматических стрессовых нарушений военной этиологии // Материалы итоговой научной сессии Института психологии РАН / Под. ред. А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 102–119.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Военный травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 62–74.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы /

- Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 576–589.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е.* Психометрическая оценка выраженности посттравматических стрессовых нарушений профессиональной этиологии у участников боевых действий // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова и А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 287–311.
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е., Захаров А. В.* Шкала САПСАН для скрининговой оценки посттравматических стрессовых нарушений у лиц опасных профессий // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности. Вып. 2 / Под ред. В. А. Бодрова и А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 338–364.
- Леонова А. Б.* Комплексная методология анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 76–85.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 26–35.
- Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: Наука, 2001.
- Обознов А. А.* Психическая регуляция операторской деятельности: в особых условиях рабочей среды / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 119–135.
- Решетников М. М.* Психическая травма. СПб.: Изд-во «Восточно-Европейский Институт психоанализа», 2006.
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В., Азарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.

- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса: теория и практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О.* Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 14–29.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. Библиотека психологии и психотерапии. Вып. 58. М.: Изд-во «Независимая фирма Класс», 2005.
- McFarlane A., de Girolamo G.* The nature of traumatic stressors and the epidemiology of posttraumatic reactions // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Eds B. Van der Kolk, McFarlane A., Weisaeth L. NY–L.: The Guilford Press, 1996. P. 129–154.
- Wilson J. P., Friedman M. J., Lindy J. D.* A Holistic, Organismic Approach to Healing Trauma and PTSD // Treating psychological trauma and PTSD / Ed. by J. P. Wilson, M. J. Friedman, J. D. Lindy. NY: The Guilford Press, 2004. P. 28–56.

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е. С. Калмыкова

Потребность в безопасности представляет собой одну из базовых потребностей человека; она подразумевает возможность человека удовлетворять остальные нужды, не ожидая внезапной катастрофы, которая повлечет за собой прекращение жизни, своей ли собственной, или своих близких, или уничтожение всего того, что для него ценно и значимо. Планирование своей жизни, формирование и реализация жизненных целей, развитие связей с другими людьми, освоение новых видов деятельности – все это требует наличия у субъекта такого фундаментального переживания, как переживание безопасности существования – физического и психического. Напротив, постоянное ощущение угрозы выживанию влечет за собой снижение жизненной активности субъекта, укорочение психологического будущего, сужение диапазона поведения за счет отказа от всего, что выходит за пределы жизнеобеспечения, преобладание негативных эмоциональных состояний и, следовательно, общее падение качества жизни человека.

Для обыденного сознания более понятна угроза физическому выживанию. Страх смерти, в том числе внезапной и преждевременной, знаком каждому: представление о том, что человек смертен, что его физическое тело может быть разрушено и жизнь оборвется, появляется еще в детстве, сопровождается сильным страхом и не покидает человека до самых последних его дней. Ужас перед разрушением психики, исчезновением ментального Я – это менее очевидная, но и не менее распространенная форма страха смерти, для преодоления которого различные религиозные системы прибегают к одному и тому же средству – созданию мифа о бессмертии человеческой души. Иными словами, страх перед опасностью, ведущей к нарушению целостности или прекращению существования субъекта, может

переживаться применительно к физическому и/или к психическому аспекту жизни. Соответственно, потребность в безопасности подразумевает отсутствие угрозы и для тела, и для духа.

В данной работе мы намерены рассмотреть в русле психодинамического подхода вопрос о том, как нарушение психологической безопасности ведет к нарушениям в психике и поведении человека несмотря на то, что его физическая целостность не подвергается угрозе. Для этого мы обсудим понятие «страх аннигиляции», которое отражает именно переживание субъектом угрозы своему ментальному Я; далее мы покажем, что страх аннигиляции можно расценивать как один из факторов формирования аддикции. Затем мы обсудим одну из форм аддиктивного поведения – героиноую наркоманию – как проявление дефицитарности психологической организации личности; приведем результаты наших исследований, которые свидетельствуют о роли ненадежных паттернов привязанности в формировании аддикции. В завершение мы выскажем свои соображения о том, каким образом психологическая безопасность соотносится с паттернами привязанности и с формированием у субъекта эффективных способов преобразовывать и модулировать негативные аффекты.

Страх аннигиляции: точки зрения, подходы

Страх аннигиляции определяется в психодинамической традиции как психическое содержание, отражающее беспокойство по поводу выживания и сохранения Я и возможности ментального функционирования субъекта (Hurvich, 2003). Опасность, вызывающая страх аннигиляции, – это угроза жизни. Основные способы переживания страха за свою жизнь включают страх оказаться поглощенным, утратившим контроль, переполненным или же, напротив, дезинтегрированным, опустошенным, покинутым. Если рассматривать страх аннигиляции в ряду традиционной классификации тревоги, принятой в психодинамическом подходе (страх потери объекта, потери любви и т. д.), то его можно интерпретировать как страх потери способности к психическому функционированию. Преобладание страха аннигиляции над другими эмоциональными компонентами означает, что потребность в безопасности хронически не удовлетворяется (Little, 1958).

В онтогенезе страх аннигиляции возникает на очень ранних стадиях; по мнению многих авторов, это состояние типично для пер-

вых недель жизни, когда психика младенца постоянно оказывается неспособна справляться с потоком внешней и внутренней стимуляции. В зависимости от особенностей взаимодействия с матерью ребенок оказывается в большей или в меньшей мере захвачен непереносимыми для него ощущениями; беспомощность и отсутствие регуляторных возможностей делают ребенка полностью зависимым от ухаживающего за ним человека в том, насколько часто ему придется испытывать страх аннигиляции.

Если ребенок был вынужден сталкиваться с этим опытом слишком часто, его способность формировать удовлетворительные отношения с окружающим миром снижена, вследствие чего неизбежно возникновение целого ряда нарушений и расстройств различной степени выраженности. В первую очередь речь идет о психической травматизации как образовании неустраняемых дефектов в психической организации индивида. Суть травматизации заключается в том, что человек сталкивается с воздействиями такой интенсивности, которая превышает способность его психики к переработке стимулов и, образно говоря, в ткани его психики возникает разрыв. Это можно представить как падение на Землю огромного метеорита или авиабомбы – что-то чуждое стремительно врывается в атмосферу, обрушивается на поверхность Земли и проваливается далеко вглубь, оставляя на поверхности воронку, вокруг которой все живое сожжено или уничтожено. Страх аннигиляции сам по себе является таким метеоритом, – возникающим не вне, а внутри психики субъекта, но производящим именно такие разрушения. Если речь идет о взрослом человеке, обладающим сформированной психической организацией, то образовавшаяся вследствие сверхсильной стимуляции «воронка» (в зависимости от степени зрелости и уровня функционирования субъекта) постепенно зарастает, хотя и не исчезает вовсе. Если подобная травматизация происходит в детстве, то можно представить себе, что в психике ребенка образуется «мертвая зона», которая сохраняется на протяжении всей его жизни.

Итак, сверхсильная стимуляция оказывает свое патогенное воздействие и становится травматической, во-первых, вследствие порождения переживаний запредельной беспомощности, а во-вторых, вследствие того, что чаще всего сопровождается страхом физического уничтожения и страхом аннигиляции.

Еще одно отдаленное отражение факта воздействия чрезмерно интенсивных переживаний страха аннигиляции в раннем возрасте – это так называемая «слабость Я», т. е. недостаточное развитие

тех психических функций, которые обеспечивают связь субъекта с реальностью и поддержание его внутреннего равновесия. В этом случае человек не в состоянии адекватно оценивать опасности, исходящие из внешнего и внутреннего мира, и не располагает соответствующими реакциями, которые позволяли бы справляться с этими опасностями (в том числе путем бегства) и избавляться от переживания тревоги и паники. Сама по себе «слабость Я» тормозит и развитие адаптивных поведенческих паттернов, поскольку заставляет субъекта избегать всего того, что угрожает нарушить его неустойчивое равновесие, а также становится причиной формирования ригидных психических и поведенческих стереотипов, что тоже затрудняет психическое развитие в целом.

Здесь образуется «порочный круг»: чем чаще человек был захвачен в раннем возрасте страхом аннигиляции, тем выше вероятность, что его Я будет слабым и, следовательно, будет более подвержено возникновению паники и того же страха аннигиляции впоследствии, что, опять-таки, будет все более ослаблять его. В результате неизбежно формируется ряд патологических черт и свойств личности, которые направлены на то, чтобы защитить слабое Я от непомерных стимулов; такими чертами могут быть, например, ригидные границы Я, жесткий сверхконтроль поведения, как собственного, так и других людей, панические реакции, позволяющие избегать потенциально опасные ситуации, и т. п. (см., например: Compton, 1980, Grotstein, 1990).

Нарушения в области способности к символизации и склонность к соматизации аффектов является еще одним характерным следствием чрезмерных переживаний страха аннигиляции. У взрослого человека это проявляется как отщепление аффективных схем от вербальной системы репрезентаций (Висси, 1985): такие невербальные эмоциональные схемы не получают словесного обрамления и не поддаются осознанной саморегуляции. В результате эмоциональный опыт остается вне сферы сознания и часто даже не воспринимается как эмоциональный, получая лишь телесную репрезентацию в виде соматических, висцеральных и моторных ощущений.

Наконец, страх аннигиляции тесно связан с особенностями материнско-детских отношений: чем более отзывчивой и эмоционально доступной является мать (или тот человек, который ее заменяет), тем больше шансов, что невыносимые страхи ребенка будут редуцированы и трансформированы матерью, так что нарушения, производимые этими страхами, окажутся минимальными. С точки зрения

теории привязанности это означает, что матери, располагающие надежным типом привязанности, обеспечивают младенцам больший эмоциональный комфорт и, соответственно, большую психологическую безопасность, чем матери с ненадежным типом привязанности. Напротив, эмоционально холодная и дистанцированная мать не в состоянии адекватно реагировать на проявления сильных страхов ребенка, не в состоянии их воспринять и трансформировать таким образом, чтобы ребенок почувствовал себя в безопасности. Иначе говоря, чем менее надежной и безопасной является предлагаемая матерью модель привязанности, тем интенсивнее страх аннигиляции у ребенка, и соответственно, впоследствии такой человек в большей степени расположен к переживанию панических страхов и к формированию ненадежной привязанности в отношениях с близкими (Main, Solomon, 1990).

Подводя итоги нашему краткому обзору, можно отметить следующее: страх аннигиляции выступает как неизбежная часть раннего опыта ребенка, и чем более он выражен, интенсивен и чаще переживается человеком, тем более нарушенными оказываются те психические структуры, которые обеспечивают его связь с социальным миром, способность к переработке сильных воздействий, в первую очередь эмоциональных, связанных с угрозой целостности его Я, и возможности эмоциональной саморегуляции. В клиническом плане страх по поводу выживания, психического и физического, лежит в основе формирования таких расстройств, как невроз тревоги, фобии, нарциссические, пограничные, травматические, аддиктивные расстройства, нарушения сексуальной функции, перверсии, диссоциативные и панические расстройства (Hurvich, 2003), т. е. целого кластера нарушений, для которых характерны слабость Я, дефекты регуляции аффектов и неспособность к образованию полноценных межличностных отношений.

Страх аннигиляции и аддиктивное поведение

Аддикция представляет собой психическое и поведенческое расстройство, которое выражается в пристрастии к определенному веществу или виду деятельности и включает не поддающееся контролю стремление принимать это вещество или практиковать эту деятельность для достижения желанного психологического эффекта. В этом определении важно обратить внимание, во-первых, на то, что некое стремление не поддается контролю, т. е. поведение, запускаемое

этим стремлением, является компульсивным; во-вторых, данное поведение продолжается до тех пор, пока не приведет к искомым результатам, а именно – к позитивно окрашенному аффективному состоянию.

Аддиктивное поведение характеризуется мощным, непреодолимым влечением, которое, несомненно, агрессивно по своей природе и служит для преодоления чувства беспомощности и обретения чувства контроля над своим состоянием. Это интенсивное агрессивное влечение, по мнению многих авторов, возникает вследствие переживания субъектом болезненных уколов и ран, нанесенных его самолюбием или самооценке (Даулинг, 2000). Большинство специалистов считают, что к целям аддиктивного поведения относятся: возможность управления собственными состояниями в целом и удовлетворение потребности в контроле над невыносимым аффективным состоянием, в частности; поиск легкодоступного способа регуляции состояний; стремление к трансформации пассивно переживаемой ситуации (беспомощность) в ситуацию активного действия. Таким образом, аддикцию можно рассматривать как компульсивно побуждаемую активность, для которой характерны высокая интенсивность и устойчивость наряду с относительной потерей автономии Я и которая завершается по достижении эмоционального комфорта; через некоторое время комфорт исчезает, сменяясь напряжением, тревогой, яростью, и это состояние запускает новый цикл аддиктивного поведения.

Наши дальнейшие рассуждения будут касаться одной из весьма распространенных аддикций, а именно – химической зависимости от наркотических веществ нелекарственного происхождения (на протяжении нескольких лет нами проводились эмпирические исследования в этой области). Для нее характерны все те общие черты аддиктивного расстройства, которые мы перечислили: злоупотребление наркотиками представляет собой компульсивное поведение, главной движущей силой которого является неодолимое влечение, игнорирующее требования реальности и ее ограничения. Индивид с уже сформировавшейся наркозависимостью при столкновении с препятствием, мешающим осуществлению его аддикции, будет испытывать сильную ярость в сочетании с тревогой, что, разумеется, лишь усиливает тот психологический дискомфорт, который запускает очередной цикл аддиктивного поведения. В результате, если доступ к наркотику затруднен (так или иначе это постоянно возникающая ситуация в жизни наркомана), то каждая следующая

порция психически активного вещества должна обеспечивать преобразование не только исходного дистресса, но и накапливаемого вследствие фрустрации актуальной потребности в этом веществе. Неудивительно, что с годами уровень потребления наркотика неуклонно возрастает (впрочем, это справедливо и по отношению ко многим другим психоактивным средствам).

Поскольку в данной работе мы рассматриваем наркозависимость с точки зрения психодинамического подхода, обрисуем вкратце его основные позиции по этому вопросу. Во времена З. Фрейда наркомания не представляла собой проблему таких масштабов, которые она приобрела к настоящему времени. Фрейд в основном упоминал в своих работах зависимости, связанные со злоупотреблением алкоголем и табаком, и рассматривал наркотическую зависимость как замену полового акта, форму аутоэротизма, который в свою очередь и представляет «первичную манию». По его мнению, существует тесная связь между оральной эротикой и гомосексуальностью, с одной стороны, и соответствующими оральными перверсиями – с другой. Алкоголь рассматривался им как замещающий идеальный объект любви.

Психоанализ, в целом, понимает под наркоманией внутреннее побуждение индивида, сметающее все препятствия и не признающее ограничений, направленное на то, чтобы получить определенное вещество, не считаясь (а порой даже сознательно или бессознательно соглашаясь) с его вредными последствиями (Додс, 2000, с. 103). От нормальных влечений наркомания отличается навязчивой (компульсивной) непреодолимостью, при этом на первый план выдвигается не столько удовлетворение или получение удовольствия, сколько устранение невыносимого внутреннего напряжения. Наркоман действует так, как будто любое напряжение чревато повторным переживанием травмы. Его поведение ориентировано не столько на достижение чего-то во внешнем плане, и в этом смысле не несет в себе позитивного аспекта, но имеет негативное значение – снятие напряжения. Для наркомана любое напряжение, как голод для младенца, является угрозой его существованию. Со времен Ш. Радо (Rado, 1926) психоаналитики пришли к согласию, что наркомания имеет психическую функцию, а именно представляет собой неудачную попытку самолечения, выступает гротескной формой нормального механизма преодоления тревоги.

Дальнейшие разработки показали, что аддиктивное поведение по своей природе, несомненно, агрессивно и служит также для пре-

одоления чувства беспомощности и ощущения власти и контроля над внешней и внутренней ситуацией. Это интенсивное деструктивное влечение, возникающее как результат нарциссической уязвимости, часто уподобляют нарциссической ярости. Действительно, основные защитные черты злоупотребления наркотиками во многом сходны с характеристиками нарциссической ярости. Этот термин был введен Х. Кохутом для описания форм деструктивного поведения, вызванного атакой на самооценку индивида (Kohut, 1972). Он описывал ее как «глубоко укорененную, безжалостную компульсию» (там же, с. 380), «полностью игнорирующую всяческие ограничения» и имеющую «качество беспредельности» (с. 382). Кохут считал, что нарциссическая ярость выступает прототипом любой деструктивной агрессии и имеет принципиально иной источник, чем стремление к самоутверждению и самореализации (которые могут принимать форму конструктивной агрессии). Сходство между влечением к психоактивному веществу и нарциссической яростью заключается именно в неудержимой разрушительности обоих этих переживаний.

Э. Гловер, внесший существенный вклад в понимание проблемы наркомании, отмечает, что в условиях давления со стороны влечений и реальности психоактивное вещество служит средством ухода от реальности в специфические фантазии, соответствующие фазам психического развития (Glover, 1932). В этих фантазиях находят символическое отражение первоначальные отношения любви и ненависти к родителям. Вследствие фиксации или регрессии на более раннюю стадию реактивируется деструктивная установка по отношению к себе и к другим (которая при нормальном развитии дополняется и нейтрализуется конструктивной позицией), и именно по отношению к ней наркомания выполняет защитную функцию. Вместе с тем, наркозависимость препятствует возникновению психотических страхов (в том числе страха аннигиляции) и дальнейшей регрессии. Согласно Гловеру, собственные порывы ненависти индивида, а также идентификация с амбивалентным объектом любви представляют собой состояние психической угрозы, которое воспринимается как нечто чужеродное. В качестве противоядия выступает наркотик, который исцеляет, разрушая этот источник опасности. Таким образом, у наркомана преодоление страхов происходит не благодаря разрешению конфликтов или активному преобразованию мира, а вследствие простой манипуляции с психоактивным веществом, в результате которого изменяется личность и искажается ее восприятие.

Э. Зиммель в 1929 г. выдвигает точку зрения, согласно которой наркоман страдает от нарциссического невроза и пытается защититься от него с помощью «яда» – и одновременно этим же «ядом» убивает свое Я (Simmel, 1929). Зиммель считает, что способность наркомании превращать неудовольствие в удовольствие делает ее похожей как на перверсии, так и на мании. Однако при далеко зашедшей зависимости наркомания закрывает для индивида обратную дорогу в мир людей, так как наркотик теперь становится единственной целью влечения. Зиммель также отмечает, что у наркоманов отсутствует настоящая депрессия, несмотря на их депрессивность вследствие патологии развития психической организации.

Г. Розенфельд (Rosenfeld, 1960) также сопоставляет наркозависимость с маниакально-депрессивным расстройством и указывает, что Я наркомана является слабым и неспособным выносить психическую боль, которую несет с собой депрессия. Вследствие этого наркоман склонен поспешно прибегать к маниакальным способам защиты, которые он может запустить лишь путем употребления психоактивных веществ. Розенфельд полагает, однако, что наркозависимый индивид использует маниакальные защиты прежде всего против переживаний фрустрации и страха преследования; сам наркотик приобретает свойства так называемого «идеального объекта», т. е. такого, который может моментально преобразовывать плохое в хорошее, всегда доступен и ничего не требует для себя*. В другое время наркотик становится воплощением зла (или абсолютно «плохого объекта»), и тогда его употребление позволяет наркоману почувствовать себя олицетворением всемогущей деструктивности. В этом состоянии наркоман стремится реализовать свои разрушительные импульсы, чтобы таким образом победить свои страхи, освободиться от них.

Г. Кристал рассматривает проблему наркомании с точки зрения толерантности к аффектам: наркоману присуща недостаточная толерантность по отношению к негативным аффектам, в первую очередь – к любой форме тревоги и депрессии, поэтому он пытается справиться с ними через изменение сознания (Кристал, 2000). Кристал указывает на предохраняющую роль матери, которая пре-

* В психодинамической традиции такой «идеальный объект» служит символом идеальной матери, которая всегда рядом с ребенком, удовлетворяет все его нужды, и ее хорошие качества никогда не убывают и не требуют восполнения.

доставляет младенцу укрытие и по возможности снижает возникающее у него напряжение, поощряя у него развитие толерантности к аффектам. Первичный аффект младенца является недифференцированным, т. е. не позволяет различить в аффективной реакции депрессию, ярость и сопутствующие соматические феномены. На первых этапах развития телесная боль, болезненные физические ощущения и негативные аффекты тесно связаны между собой, и эта недифференцированность сохраняется у наркомана и впоследствии, а потому он пытается бороться с душевной болью точно так же, как и с физической – при помощи болеутоляющих средств.

При благоприятных отношениях с матерью толерантность ребенка к аффектам постепенно возрастает, тревога, боль и печаль дифференцируются; тревога соотносится теперь с ситуацией опасности, печаль – с утратой значимых близких людей, а душевная боль – с чувством беспомощности. Аффекты, вызываемые фрустрацией, выражаются вербально и могут быть переработаны; таким образом ребенок овладевает искусством регуляции своих эмоциональных состояний. При неудовлетворительных отношениях с матерью у ребенка происходит фиксация на ранней стадии переработки боли или – в старшем возрасте – регрессия к ней. Он находится в состоянии латентной беспомощности, в которой обычные и нормальные повседневные неприятности переживаются как невыносимая фрустрация, как болевой шок, с которым он не может справиться. Бессознательно он воспринимает любой негативный аффект как угрозу полной дезинтеграции, тотального уничтожения, т. е. испытывает страх аннигиляции и реагирует на него отвергающей яростью и стремлением к абсолютной защищенности.

Э. Ханзян вновь обращает внимание на аспект употребления наркотиков в качестве средства «самолечения» (Ханзян, 2000). Это означает, что наркоман нацелен прежде всего на разрешение своих внутренних психологических проблем. В связи с этим выбор того или иного наркотика можно понимать как попытку добиться максимального психологического эффекта.

Теперь мы можем сформулировать представления о взаимосвязи между аддиктивным расстройством и страхом аннигиляции. Как следует из приведенного обзора, во-первых, наркозависимость рассматривается как неудачный способ самоисцеления, а точнее – как средство устранения и/или предотвращения невыносимого напряжения, страха преследования и дезинтеграции (Ш. Радо, Э. Гловер, Г. Розенфельд, Э. Ханзян), т. е. можно утверждать, что нар-

котик используется для совладания с нестерпимым страхом аннигиляции.

Во-вторых, наркотик берет на себя роль «идеального объекта» (З. Фрейд, Г. Розенфельд, Г. Кристалл), т. е. выполняет функцию «заместителя» всегда доступной материнской фигуры, которая призвана обеспечивать психологический комфорт и безопасность. Напрашивается предположение, что необходимость в поиске замещения возникает по причине недостаточно успешного выполнения матерью своих задач по отношению к ребенку в том, что связано с его психологической безопасностью.

В-третьих, одним из ключевых переживаний страха аннигиляции является ожидание дезинтеграции, распада ментального Я, которое застигает человека врасплох, обрушивается на него, заставляя его пребывать в пассивном состоянии, ощущать отсутствие контроля над происходящим; наркотическое вещество, которое человек употребляет произвольно, придает ему ощущение власти и контроля над собственным психическим состоянием (Э. Гловер, Э. Зиммель, Л. Додс). Можно думать, что это также обусловлено невозможностью для ребенка постоянно контролировать отношения с матерью, поскольку он находится в ее власти, а не наоборот, и наркотик дает иллюзорный выход из этой ситуации полной зависимости от другого человека.

Таким образом, мы приходим к заключению, что употребление психоактивного вещества следует рассматривать как неудачный или, точнее, саморазрушительный путь преодоления негативных аффектов, который формируется у субъекта вследствие неудач во взаимодействии с матерью на ранних стадиях жизни, когда одним из важнейших компонентов психического развития является становление механизмов саморегуляции индивида. Применительно к предмету нашего рассуждения это означает, что аддиктивное расстройство призвано помочь человеку устранить из области сознаваемого страх аннигиляции, поскольку эта задача оказалась неразрешима иными, менее вредоносными средствами.

Надежная привязанность как фактор психологического благополучия

Обратимся теперь к вопросу о том, каковы условия формирования адекватных механизмов преобразования негативного аффекта, и в первую очередь – страха уничтожения и преследования. В общем

и целом ответ на него нам известен, в том числе и на основе проведенных нами эмпирических исследований: одним из главных факторов благополучного развития у ребенка механизмов регуляции аффекта является качество материнской привязанности. Иными словами, психологическая безопасность, которую ребенок переживает во взаимодействии с матерью, служит необходимым условием его поступательного развития. Остановимся немного подробнее на том, каким образом возможность обращения за помощью к матери (или тому, кто ее заменяет) обеспечивает регуляцию положительных и отрицательных эмоций ребенка.

Согласно современным представлениям о взаимодействии матери и младенца, одной из важнейших задач этого взаимодействия является формирование у ребенка способности к психической переработке происходящих с ним событий, как приятных, так и неприятных (Fonagy, Target, 1996). Эта способность изначально присутствует у матери, которая использует ее для того, чтобы понимать ребенка и помогать ему справляться с возникающим дистрессом. По мере развития и созревания, находясь в постоянном взаимодействии с матерью, ребенок усваивает основные стратегии, посредством которых мать перерабатывает его негативные и позитивные эмоциональные состояния. Срабатывает так называемое «процедуральное познание», т. е. усваиваются собственно способы преобразования невыносимого аффекта в такой, который можно терпеть. Эти способы остаются вне сознания ребенка и реализуются в его повседневной жизни, не становясь предметом его размышления.

Соответственно, если мать постоянно оказывается эмоционально недоступной, то у ребенка практически нет шансов обрести оптимальные способы преобразования своих негативных состояний в более приемлемые; иными словами, участие матери в регуляции аффективной жизни ребенка необходимо для формирования у него удовлетворительных способов совладания с сильными негативными чувствами, такими, как страх или боль. Так, данные клинической психологии свидетельствуют о том, что больные шизофренией чаще, чем здоровые люди, сталкивались в раннем детстве с эмоциональной холодностью и неотзывчивостью матери, а их способы преобразования аффективных состояний заключаются в избавлении от негативных переживаний ценой искажения их внешней и внутренней реальности.

Опираясь на работы Дж. Боулби (2003) и его последователей, можно обнаружить, какие именно конкретные промахи матери –

вольные или невольные – ведут к дефициту способов аффективной саморегуляции. В общем и целом это те ситуации, когда мать не в силах успокоить ребенка, т. е. помочь ему справиться с каким-либо непереносимым эмоциональным состоянием, вследствие чего он не получает необходимого подкрепления своей привязанности к матери. Согласно теории Боулби, для развертывания исследовательского поведения ребенку необходимо переживание безопасности, в противном случае чувство тревоги будет направлять его действия на поиск безопасного места пребывания. Дети, постоянно находящиеся в состоянии небезопасности, приобретают не только определенные личностные характеристики (высокую тревожность, неуверенность, неспособность к формированию доверия), но и демонстрируют разнообразные проявления задержки в психическом развитии – интеллектуальном и эмоциональном.

Дж. Боулби утверждает, что поведение, направленное на поиск близости новорожденного с матерью, является частью адаптивной системы и возникает в ходе эволюции в связи с тем, что человеческий младенец рождается незрелым, неспособным самостоятельно передвигаться, питаться, защищаться и т. п. Вследствие этого он нуждается в защите и заботе со стороны матери (или того, кто ее заменяет), и соответственно имеет врожденный репертуар поведенческих реакций, обеспечивающих близость с теми, кто может предоставить ему заботу, питание и защиту. Такие реакции имеют решающее значение для выживания в первые несколько лет жизни, однако и у взрослых людей сохраняется потребность в безопасности, принимая другие формы, – например, поиска поддержки, внимания, защищенности.

Эту систему реакций Боулби назвал «поведенческой системой привязанности», которая должна выполнять в жизнеобеспечении младенца следующие функции: 1) поддержание близости; 2) поддержание физической и эмоциональной безопасности; 3) создание надежной и стабильной основы взаимоотношений. Когда мать (или заменяющий ее человек) эти функции выполняет, можно говорить о том, что ребенок имеет доступ к источнику надежности и безопасности; в противном случае у ребенка оказывается несформированным чувство надежности и безопасности – в отношениях и в жизни в целом. Вместо этого формируются негативно окрашенные представления о себе и о других (см.: Mikulincer et al., 2003), а именно – сомнения относительно благожелательности окружения и собственной ценности. Одновременно ребенок вынужден выстраивать соответствующие стратегии регуляции аффектов – отличные

от поиска близости с материнской фигурой, поскольку эта близость недоступна и/или не функционирует должным образом. Таким образом, возможность использования более или менее зрелых стратегий регуляции аффекта оказывается связана с наличием или отсутствием эффективного контакта с материнской фигурой.

Потребности в привязанности соответствует некое поведение привязанности, которое активируется у младенца голодом, усталостью и всем тем, что незнакомо или вызывает испуг, и «приводит <...> к тому, что человек добивается или сохраняет близость с каким-либо <...> предпочитаемым индивидом» (Боулби, 2004, с. 182). Если ответное поведение матери (или того, кто ее постоянно заменяет) не дает ребенку ощущения восстановления или сохранения близости с ней, то у него, во-первых, нарастает негативный аффект, угрожая стать нестерпимым, а во-вторых, происходит фрустрация потребности в привязанности, что, как показывают исследования, закладывает основу для заниженной самооценки и в то же время ставит его перед необходимостью справляться еще и с агрессией.

Для того чтобы мать могла адекватно откликнуться, она должна прежде всего быть в состоянии распознать сигнал, который посылает ей младенец, именно как сигнал о его неблагоприятном эмоциональном состоянии. Далее, ей необходимо уметь правильно различать, какого рода неблагоприятие переживает ее ребенок: страх, гнев, боль или что-то иное. Следующий шаг, который требуется от матери, – умение самой успешно справляться с актуальным аффектом: если в ответ на страх ребенка мать впадает в панику или, наоборот, склонна все отрицать, то помощь ее будет невелика и неадекватна. И последнее, что она должна сделать, – это транслировать ребенку новое, переработанное ею эмоциональное состояние, в котором его до сих пор мучительный интенсивный аффект доведен до терпимого и поддающегося контролю (Dognes, 2004). Это есть тот оптимальный путь взаимодействия матери и ребенка в эмоционально напряженной ситуации, который не только позволит ребенку справиться с сиюминутным аффектом, но и снабдит его интрапсихическим инструментарием для совладания с аффектами в будущем (разумеется, при бесконечном повторении), т. е. составит основу его эффективной регуляции эмоциональных состояний.

Исследования, проведенные различными авторами в русле теории привязанности (см., например: Main et al., 1985; Main, Solomon, 1990), свидетельствуют, что в основе такого взаимодействия лежит способность матери к рефлексии собственных чувств, т. е. их рас-

познаванию и обозначению. Важно отметить, что речь здесь идет не о развернутом во времени познавательном процессе, а о бессознательной переработке матерью поступающей информации и моментальном принятии решения действовать определенным образом. Как показано упомянутыми выше исследователями, эта способность матери к рефлексии связана с ее собственным ранним развитием и тем типом привязанности к родителям, который сформировался у нее в период детства. Так, по данным, приводимым М. Дорнесом (Dornes, 2004), матери с надежным типом привязанности достоверно чаще могут адекватно описать собственные чувства и в состоянии предположить, какие именно чувства испытывает их ребенок; на основе этих предположений им скорее удастся успокоить расстроенного и испуганного ребенка, чем матерям с ненадежной привязанностью. Кроме того, у матерей с надежной привязанностью достоверно чаще дети также формируют надежный тип привязанности. Иными словами, эти матери с большей вероятностью способны передать своим детям эффективные способы регуляции аффективных состояний, поскольку сами ими владеют. И наоборот, у матерей с ненадежной привязанностью (как у дистанцированных, так и у тревожных) дети имеют меньше шансов овладеть успешными стратегиями эмоциональной саморегуляции.

На основе этих положений нами была высказана и эмпирически проверена гипотеза о том, что ненадежная привязанность матери (ее эмоциональная неотзывчивость) – это один из факторов предрасположенности ребенка к аддиктивному поведению и – в более широком плане – к психологическому неблагополучию. Это означает, что ненадежная привязанность матери как ее интрапсихическое свойство, которое проявляется во взаимодействии с ребенком с самых первых дней его жизни, ведет к недостаточному развитию у ребенка ряда психических функций: регуляции и обозначения аффектов, поддержания самооценки, способности к заботе о себе.

Эмпирическое исследование взаимосвязи привязанности и психологического благополучия

Для проверки указанной гипотезы было проведено исследование*, направленное на анализ роли эмоциональной отзывчивости матери в развитии аддиктивного поведения, а также в успешности

* Результаты этого исследования подробно описаны в работах: Калмыкова и др., 2006, 2007, 2008, 2009.

реабилитации аддикта после проведенного в стационаре лечения от героиновой наркозависимости. Для этого в качестве операционализируемой *независимой переменной* выступил тип привязанности матери – совокупность сознательных, а большей частью неосознаваемых представлений о прочности и надежности отношений субъекта со значимым другим, которая, возникнув в раннем возрасте, более или менее стабильно продолжает функционировать в психике взрослого человека. Согласно теории привязанности Дж. Боулби и его последователей, у ребенка в первые годы жизни формируются определенные представления о возможном поведении человека, осуществляющего уход за ним, которые впоследствии складываются в относительно константную «рабочую модель привязанности». В нее входят ожидания субъекта по поводу отношений, обеспечивающих безопасность и эмоциональную поддержку, и вероятность их удовлетворения во взаимодействии со значимым другим. Эта «рабочая модель» позволяет прогнозировать, понимать и объяснять поведение другого человека, а также определяет поведение субъекта в различных социальных ситуациях. Исследования маленьких детей, проведенные в 1970-е годы М. Эйнсворт (Ainsworth et al., 1978), позволили выявить четыре основных типа привязанности – надежный, ненадежно-амбивалентный, ненадежно-избегающий и дезорганизованный. В дальнейшем стало возможным выявление типов привязанности и у взрослых (Main et al., 1985), которых тоже четыре: надежный, ненадежно-тревожный, ненадежно-дистанцированный и «с неразрешенной травмой» (более подробно об этом см.: Калмыкова, Падун, 2002). Для надежного типа привязанности у взрослых (помимо наличия удовлетворительных и стабильных отношений с близкими) характерны: высокая способность к рефлексии, понимание мотивов поведения другого человека, способность к интеграции позитивных и негативных аспектов опыта и ряд других. Обоим ненадежным типам привязанности, напротив, свойственны: недостаточный уровень рефлексии собственного поведения и мотивации других людей, неспособность эмоционально адекватно откликаться на переживания другого, неадекватно переработанный опыт сепарации со значимыми другими, т. е. индивиды с надежным типом привязанности обладают значительно большими возможностями сопереживать, правильно реагировать на эмоциональные потребности других людей, в том числе собственных детей, тогда как ненадежный тип привязанности, будучи внутрисубъективным свойством индивида, существенно ограничивает уста-

новление эмоционально глубоких доверительных отношений с окружающими.

Для определения типа привязанности использовалось полуструктурированное «Интервью о привязанности для взрослых» (Adult Attachment Interview, AAI). Применяемая методика анализа AAI позволяет выявлять три типа привязанности на основе дискурс-анализа (надежный, ненадежно-тревожный и ненадежно-дистанцированный), а также семь прототипов привязанности на основе содержательного анализа интервью (один – для надежной привязанности, три – для тревожной: «сверхзависимый», «выстраивающий нестабильные отношения», «обсессивно-заботливый», и три – для дистанцированной: «обсессивно-самодостаточный», «сверхавтономный», «эмоционально-непривязанный»).

Исследование проводилось на базе Центра реабилитации алкоголиков и наркоманов г. Москвы, были обследованы: а) группа наркоманов; б) их матери; в) контрольная группа женщин, дети которых не страдают наркотической зависимостью. По итогам реабилитации, группа матерей наркоманов (экспериментальная) была разделена на две подгруппы «Ремиссия» – женщины, чьи дети прекратили употреблять наркотики и находились в ремиссии не менее 9 месяцев, и «Употребление» – женщины, чьи дети возобновили употребление наркотиков за этот период.

Полученные в результате эмпирического исследования (Калмыкова Е. С. и др., 2006, 2007) различия в выраженности ненадежной привязанности у матерей наркоманов и в контрольной группе свидетельствуют о роли материнской привязанности в генезе наркомании. Высокая выраженность ненадежной привязанности у матерей наркоманов, по сравнению с контрольной группой, подтвердила гипотезу о том, что ненадежная привязанность матери является фактором риска развития аддиктивного поведения. В то же время надежная привязанность положительно коррелирует с отсутствием аддиктивного поведения. Матери с ненадежной привязанностью оказываются не в состоянии адекватно откликаться на эмоциональные потребности ребенка. Так, у матерей с *дистанцированной* привязанностью наблюдается дефицит эмпатии и вербализации, что приводит к недоразвитию у детей аффективной регуляции. Эти дети ощущают себя неинтересными и неценными, они не в состоянии сформировать адекватную самооценку. Дистанцированная привязанность матери является наименее благоприятной для успешного хода реабилитации наркозависимых пациентов, препятствуя

установлению в ходе реабилитации стабильных позитивных эмоциональных связей.

У матерей с *тревожной* привязанностью наблюдается отсутствие вербализации и неспособность к переработке аффекта. Они слишком эмоционально реагируют в сложных жизненных ситуациях и проявляют по отношению к детям гиперконтролирующее поведение, что приводит к недостаточной сформированности у них чувства собственной компетентности, взрослости и способности контролировать свою жизнь.

* * *

Таким образом, проведенное исследование показало, что качество привязанности матери играет существенную роль в детерминации аддиктивного расстройства и возможностей его преодоления; тем самым подтверждается и положение о том, что дети матерей с ненадежной привязанностью с большей вероятностью окажутся неспособны к преобразованию негативного аффекта. Это означает, что существует тесная и глубокая связь между поведением матери, направленным на обеспечение психологической безопасности ребенка, и формированием у ребенка эффективных способов переработки непереносимых эмоциональных состояний. Если мать проявляет достаточную чуткость и отзывчивость, улавливает различия в переживаниях младенца и тонко откликается на них, используя для этого вербальные и невербальные средства, то младенец получает не только реальную помощь и поддержку в трансформации негативных или сверхмощных воздействий в переносимые и постижимые, но также и ценный опыт этой трансформации.

Ценность опыта заключается, во-первых, в том, что такая переработка становится принципиально доступной ребенку; во-вторых, он получает «в руки» конкретные механизмы, посредством которых может в будущем преобразовывать свои состояния самостоятельно. Еще одно существенное преимущество дает ребенку мать с надежной привязанностью: ребенок сталкивается с неизбежностью *постепенного* преобразования «плохого» в «хорошее». В своем младенческом всемогуществе ребенок фантазирует о том, чтобы все то, что мешает, причиняет боль или дискомфорт, исчезало немедленно, не заставляя его терпеть и страдать; действия матери, если они и вправду направлены на переработку, а не на отрицание негативного переживания, не приносят моментального результата, а требуют определенного времени и усилий. Аддикция представляет со-

бой отказ от такого рода постепенности: психоактивное вещество действует быстро и гарантированно, и потому может становиться «идеальным объектом», выполняющим функцию защиты от страха, боли и разочарования.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о связи аддиктивного поведения с проявлениями нарушения психологической безопасности, можно сделать следующие выводы. Страх аннигиляции – один из самых ранних психических феноменов, он возникает в первые дни жизни, пути и способы его преодоления формируются в первые годы жизни и впоследствии оказываются более или менее эффективными. Их эффективность во многом зависит от отношений матери и ребенка, а конкретно – от паттернов привязанности матери: надежные паттерны привязанности обеспечивают ребенку более безопасное окружение и более эффективные способы совладания со страхом аннигиляции и другими негативными аффектами, тогда как ненадежные паттерны создают предпосылки для возникновения различных психических нарушений у ребенка. Одним из таких нарушений является аддиктивное расстройство, которое можно рассматривать как неуспешную попытку самолечения, т. е. преодоления негативных аффектов, в частности, страха аннигиляции и дезинтеграции Я. Чем более полноценным и дифференцированным было эмоциональное взаимодействие ребенка с матерью, тем более эффективно может впоследствии его психика противостоять вторжению сильных неблагоприятных стимулов и переживаний и тем с меньшей вероятностью он будет вынужден использовать дезадаптивные способы регуляции аффекта.

Литература

- Боулби Дж. Привязанность / *Общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской.* М.: Гардарики, 2003.
- Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
- Додс Л. Психическая беспомощность и психология аддикции // *Психология и лечение зависимого поведения* / Под ред. С. Даулинга. М., 2000. С. 151–164.
- Калмыкова Е. С., Падун М. А. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме. Постановка проблемы (сообщение 1) // *Психологический журнал.* 2002. Т. 23. № 5. С. 88–99.

- Калмыкова Е. С., Гагарина М. А., Падун М. А. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения. Постановка проблемы. Часть 1 // *Психологический журнал.* 2006. Т. 27. № 6. С. 45–53.
- Калмыкова Е. С., Гагарина М. А., Падун М. А. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения. Часть 2 // *Психологический журнал.* 2007. Т. 28. № 1. С. 107–114.
- Кристалл Г. Нарушение эмоционального развития при аддиктивном поведении // *Психология и лечение зависимого поведения* / Под ред. С. Даулинга. М., 2000. С. 80–118.
- Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. М., 2000.
- Ханзян Э. Дж. Уязвимость сферы саморегуляции у аддиктивных больных: возможные методы лечения // *Психология и лечение зависимого поведения* / Под ред. С. Даулинга. М., 2000. С. 28–54.
- Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
- Bucci W. Dual coding: A cognitive model for psychoanalytic research // *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 1985. V. 33. P. 571–607.
- Compton A. A study of the psychoanalytic theory of anxiety: III. A preliminary formulation of the anxiety response // *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 1980. V. 28. P. 739–773.
- Dornes M. Die emotionale Welt des Kindes. Frankfurt, 2004.
- Fonagy P., Target M. Playing with reality: I. Theory of mind and the normal development of psychic reality // *Int. J. Psychoanal.* 1996. V. 77. P. 217–233.
- Glover E. On the Etiology of Drug Addiction // *Int. J. Psychoanal.* 1932. V. 13. P. 298–328.
- Grotstein J. Nothingness, meaninglessness, chaos and the “Black Hole”: I. The importance of nothingness, meaninglessness and chaos in psychoanalytic theory. // *Contemp. Psychoanal.* 1990. V. 26. P. 257–290.
- Hurvich M. The place of annihilation anxieties in psychoanalytic theory // *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 2003. V. 51. P. 589–616.
- Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage // *Psychoanal. St. Child.* 1972. V. 27. P. 360–400.
- Little M. On delusional transference (transference psychosis) // *Transference Neurosis and Transference Psychosis: Toward Basic Unity.* NY: Aronson, 1981. P. 88–91.

- Main M., Kaplan N., Cassidy J.* Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation // Growing Points of attachment theory and research. Monographs of the Society for Research in Child Development / I. Bretherton, E. Waters. 1985. P. 66–106.
- Main M., Solomon J.* Procedures for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Stranger Situation // Attachment in the Pre-school Years / M. Greenberg, D. Cicchetti, E. Cummings. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
- Mikulincer M., Shaver Ph., Pereg D.* Attachment theory and affect regulation: The dynamics, development, and cognitive consequences of attachment-related strategies // Motivation and Emotion. 2003. V. 27. № 2. June. P. 77–102.
- Rado S.* The psychic effect of intoxicants: An attempt to evolve a psychoanalytic theory of morbid craving // Int. J. Psychoanal. 1926. V. 7. P. 396–413.
- Rosenfeld H.A.* On Drug Addiction // Int. J. Psychoanal. 1960. V. 41. P. 467–475.
- Simmel E.* Psychoanalytic Treatment in a Sanatorium // Int. J. Psychoanal. 1929. V. 10. P. 70–89.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

М. И. Марьин, С. Д. Бирюков, М. В. Смирнова

Проблема самоубийства (суицида) как крайнего проявления аутоагрессии существовала на протяжении всей истории развития человеческого общества. Ежегодно в мире регистрируется около полумиллиона самоубийств, а число покушений на самоубийство превышает пять миллионов (Войцех, 2007, Марьин с соавт., 2001).

Суициды являются серьезной проблемой и для жителей Российской Федерации, включая сотрудников органов внутренних дел. Показатель смертности от самоубийств среди сотрудников милиции сопоставим с потерями личного состава при исполнении служебных обязанностей. В 2008 г. показатель смертности сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей составил 3,5 на 10 тысяч личного состава.

Учитывая актуальность проблемы, в органах и подразделениях МВД России на протяжении ряда лет проводится работа по профилактике суицидальных происшествий. Благодаря эффективно функционирующей системе психологического обеспечения органов внутренних дел удалось сдержать рост числа самоубийств среди сотрудников. В настоящее время относительный показатель суицидов на 10 тысяч человек личного состава не превышает 2,0. Исходя из этого можно заключить, что в результате принятых мер в подразделениях МВД России в целом отмечается тенденция к снижению количества данного вида происшествий. Однако, безусловно, данный показатель смертности среди личного состава является достаточно высоким, что обуславливает необходимость совершенствования деятельности по профилактике суицидальных происшествий как одного из приоритетных направлений работы с кадрами в системе МВД России.

Анализ литературных источников показал, что исследованию факторов суицидального риска в научной литературе посвящено значительное количество работ как в нашей стране, так и за рубежом (Амбрумова, Постовалова, 1987; Амбрумова, 1978; Дюркгейм, 1994; Войцех, 2007; Вроно, 1984; Короленко, Галин, 1978; Меннингер, 2000; Прозоров, 1925; Тихоненко, 1992; Фрейд, 1994; Шнейдман, 2001; и др.).

Вместе с тем до настоящего времени нет единой теории, объясняющей природу суицидального поведения. Среди теоретических подходов можно выделить биологический, психопатологический, психологический, социологический. При изучении предикторов суицидального поведения предлагается рассматривать комплекс причин и условий, приведших человека к совершению самоубийства. Большинство суицидологов признают, что суицидальное поведение имеет многофакторную природу, в которой как социально-средовые, так и личностные факторы играют значимую роль. При этом личность со всеми ее индивидуальными особенностями представляет собой стержневую основу для понимания суицидального поведения как проявления социально-психологической дезадаптации.

Роль личностных критериев суицидального риска отмечают практически все ученые, соприкасающиеся в своих исследованиях с проблемой покушения на самоубийство (Амбрумова, 1996; Амбрумова, Постовалова, 1987; Амбрумова, Тихоненко, 1978; Войцех 2007; и др.). Но, как правило, изучаются индивидуально-психологические особенности лиц, состоящих на психоневрологическом учете или имевших ранее суицидальные попытки. Остальные группы суицидентов, прежде всего практически здоровые лица с завершённым суицидом, остаются вне поля научных исследований.

Вместе с тем, ежегодный анализ материалов служебных проверок по фактам суицидальных происшествий показывает, что для повышения качества работы по профилактике суицидов, сохранения жизни и здоровья сотрудников необходимо решить проблему объективной диагностики и выявления факторов суицидального риска личностного регистра, которые являются задачей психологической диагностики, осуществляемой психологами на всех этапах служебной карьеры сотрудников.

Психологи, работающие в системе МВД России, пользуются в настоящее время традиционными психодиагностическими методиками, определяющими степень выраженности тех или иных

личностных качеств сотрудников, но не позволяющими на основе выявленных личностных особенностей квалифицированно оценить степень суицидального риска.

Кроме того, до сих пор в научной литературе явно недостаточно методических приемов и разработок, позволяющих на основе данных психодиагностического исследования выделять личностные критерии суицидального риска. Поэтому представляется актуальным провести исследование по выделению факторов суицидального риска личностного регистра на основе результатов психодиагностического обследования суицидентов и работающих сотрудников органов внутренних дел и разработать математическую модель, позволяющую на основе личностных показателей проводить оценку и прогнозирование суицидального риска.

Цель исследования: определение личностных факторов суицидального риска сотрудников органов внутренних дел, разработка критериев его прогнозирования.

Гипотеза исследования: прогноз степени суицидального риска возможен в целях совершенствования профилактики суицидов, если исходить из представлений о ведущей роли факторов личностного регистра в формировании суицидального поведения сотрудников органов внутренних дел.

Объект исследования: сотрудники органов внутренних дел, покончившие жизнь самоубийством.

Предмет исследования: личностные особенности самоубийц, бывших сотрудников органов внутренних дел, формирующие факторы суицидального риска.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ личностных особенностей сотрудников, покончивших жизнь самоубийством, с личностными особенностями работающих сотрудников органов внутренних дел, и определить личностные факторы суицидального риска сотрудников.
2. Разработать математическую модель, позволяющую на основе личностных показателей провести оценку суицидального риска и проверить ее эффективность для совершенствования работы по профилактике самоубийств в системе МВД России.
3. Проверить диагностические возможности уравнения прогнозирования суицидального риска в интересах совершенствования системы профилактики самоубийств в системе МВД России.

Методика исследования

Для достижения поставленных задач было проведено исследование, включающее анализ завершенных суицидов среди сотрудников органов внутренних дел за 2001–2008 гг.; социально-средовых, социально-демографических и других факторов по данным эмпирического материала за этот же период; личностных факторов суицидального риска с помощью анализа данных психодиагностического обследования суицидентов, зарегистрированных в федеральной базе суицидальных происшествий.

На сотрудников собрана информация о биографических, социально-бытовых и психологических условиях формирования личности; фактах суицидов (суицидальных попыток) у близких родственников; состоянии психического и физического здоровья; участии в выполнении служебно-боевых задач в зонах боевых действий; наличии психотравмирующих событий; особенностях поведения сотрудника накануне самоубийства, данных психодиагностических исследований и др.

Наличие статистической информации, а также материалов служебных проверок по каждому факту самоубийства позволило провести не только анализ частоты этого социального явления по абсолютному количеству завершенных зарегистрированных самоубийств в органах внутренних дел, оценить уровень, динамику, но и изучить социально-средовые факторы и личностные характеристики суицидентов.

При обработке эмпирических данных для обобщения и систематизации результатов были применены методы стандартного статистического анализа. Данные каждой группы подвергались обработке по стандартным программам для ПЭВМ (Statistica 6.0 и Microsoft Excel 97), которые обеспечивали реализацию общепринятых математико-статистических методов (процедура нормализации и стандартизации данных, оценки нормальности распределения переменных, расчет t -критерия Стьюдента, регрессионный и факторный анализы).

Для выделения личностных критериев суицидального риска было проведено сравнительное исследование двух групп сотрудников органов внутренних дел: 1) сотрудников, покончивших жизнь самоубийством в период с 2001 по 2008 г. (714 чел.); 2) сотрудников, работающих на момент проведения исследования (526 чел.). Общая выборка составила 1240 человек. В обеих группах были лица мужского пола из различных подразделений органов внутренних

дел со стажем службы в системе МВД России от 1 года до 20 лет. Распределение сотрудников по стажу и возрасту в группе суицидентов: до 1 года – 7,3% ($Me = 23$), от 1 года до 3 лет – 21,2% ($Me = 24$), от 3 лет до 10 лет – 52% ($Me = 29$), от 10 лет до 20 лет – 19,5% ($Me = 36$). Распределение сотрудников по стажу и возрасту в группе работающих сотрудников: до 1 года – 8,1% ($Me = 24$), от 1 года до 3 лет – 23,4% ($Me = 25$), от 3 лет до 10 лет – 53,1% ($Me = 31$), от 10 лет до 20 лет – 15,4% ($Me = 36,5$).

Сравниваемые группы сотрудников не отличались по таким социально-демографическим признакам, как возраст, состав (рядовой, младший начальствующий, средний начальствующий, старший начальствующий), семейное положение, образование и т. д.

Эмпирическую базу исследования составили основные результаты психодиагностического обследования кандидатов при поступлении на службу в органы внутренних дел с использованием стандартизированной многофакторной методики исследования личности (СМИЛ) (Собчик, 1997). Распределения шкальных оценок СМИЛ в сравниваемых группах суицидентов ($n = 714$) и работающих сотрудников ($n = 526$) по всем десяти анализируемым показателям не отличаются от нормального на статистически достоверном уровне ($p < 0,01$) по критерию Колмогорова–Смирнова.

Процедура исследования состояла из двух этапов.

На первом этапе для выделения личностных факторов суицидального риска экспериментальные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью факторного анализа (метод главных компонент, Varimax-вращение). Для сокращения числа факторов применялся критерий Кайзера. Принятие решения о качестве факторной структуры осуществлялось по принципу простой структуры. При этом считалось необходимым однозначное соотнесение каждой переменной с одним из факторов (каждая переменная должна иметь большую по величине нагрузку (0,7 и выше) только по одному фактору и малые (0,2 и менее) – по всем остальным).

В основу интерпретации результатов исследования была положена концепция суицидального поведения А. Г. Амбрумовой и концепция ведущих тенденций Л. Н. Собчик. По А. Г. Амбрумовой, суицидальное поведение есть следствие социально-психологической дезадаптации в условиях переживания микросоциального конфликта (Амбрумова, 1978). Л. Н. Собчик на основе многочисленных психодиагностических исследований доказала, что, определяя ведущие тенденции, можно прогнозировать тип дезадаптации за-

долго до стресса (Собчик, 1997). В частности по данным теста СМИЛ реально выявить не только личностные характеристики человека, но особенности его реагирования в стрессовых ситуациях и возможные варианты его психической дезадаптации. Это является особо ценным для профилактики различных психических расстройств, в том числе для профилактики аутоагрессивного поведения среди сотрудников органов внутренних дел.

Для интерпретации полученных факторных структур каждый фактор был соотнесен с типом реагирования на психотравмирующие ситуации и вариантом психической дезадаптации. Кроме того, в полученных факторных моделях каждый фактор позволил определить наиболее вероятные защитные механизмы психики, которые личность задействует в психотравмирующих ситуациях, так как каждая базовая шкала СМИЛ выявляет тот или иной механизм трансформации тревоги, т. е. тот или иной вариант защитного механизма (там же, с. 104).

На *втором* этапе исследования процедуре факторизации методом главных компонент с использованием Varimax-вращения были подвергнуты результаты тестирования (по методике СМИЛ) общей выборки суицидентов и работающих сотрудников с последующей проверкой достоверности полученных различий в сравниваемых группах по *t*-критерию Стьюдента для независимых выборок. После выделения факторной структуры вычисляли факторные оценки. Нормальность распределения полученных переменных определяли по λ -критерию Колмогорова–Смирнова.

Дальнейшая обработка полученных переменных была проведена с использованием регрессионного анализа, что позволило вывести математическую модель, позволяющую на основе исходных данных по методике СМИЛ прогнозировать возможность проявления суицидального поведения (Наследов, 2004).

Надежность выведенного в результате исследования уравнения суицидального риска была проверена на контрольных группах суицидентов (48 чел.) и работающих сотрудников (50 чел.), всего 98 человек. Данные сотрудники работали (работают) в различных службах и регионах Российской Федерации.

Контрольная группа суицидентов (48 чел.) сопоставима по полу, возрасту, составу (рядовой, младший начальствующий, средний начальствующий, старший начальствующий), семейному положению, образованию с исследуемой группой суицидентов. Распределение сотрудников по стажу и возрасту в этой группе суицидентов:

до 1 года – 6,9% ($Me = 24$), от 1 года до 3 лет – 20,7% ($Me = 25$), от 3 лет до 10 лет – 52,1% ($Me = 28,5$), от 10 лет до 20 лет – 20,3% ($Me = 37$).

Контрольная группа работающих сотрудников (50 чел.) по основным характеристикам также сопоставима с исследуемой группой работающих сотрудников (526 чел.), отличается только по стажу службы (стаж службы в этой группе составляет от 15 до 20 лет) и возрасту ($Me = 38$).

Результаты исследования и их обсуждение

Факторные модели личностных характеристик в группах сравнения

На первом этапе исследования в результате обработки данных по тесту СМИЛ суицидентов и работающих сотрудников с использованием факторного анализа были получены отличающиеся друг от друга две трехфакторные модели (см. таблицы 1 и 2).

Решение с тремя компонентами (факторами) в двух группах сравнения объясняет долю общей дисперсии признаков (63 и 68%). Все переменные имеют высокие факторные нагрузки (0,7 и выше) на компоненту, что подтверждает приемлемое качество решения факторного анализа.

Таблица 1

Факторная структура личностных особенностей суицидентов

Шкалы СМИЛ	Факторная структура (I) (суициденты, $n = 714$)		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Сверхконтроль	0,37	0,78	-0,07
2. Пессимистичность	0,72	0,14	-0,19
3. Эмоциональная лабильность	-0,05	0,87	0,06
4. Импульсивность	0,55	0,33	0,26
5. Мужественность/женственность	0,22	0,13	0,54
6. Ригидность	0,42	-0,01	0,61
7. Тревожность	0,76	0,26	0,20
8. Индивидуалистичность	0,69	0,29	0,28
9. Оптимистичность	-0,06	-0,02	0,79
0. Социальная интроверсия	0,74	-0,47	0,03
Доля дисперсии	0,28	0,19	0,15

Примечание: цифры, выделенные полужирным курсивом, указывают на различия в факторной структуре личностных особенностей суицидентов.

Таблица 2

Факторная структура личностных особенностей контрольной группы (работающих сотрудников)

Шкалы СМЛ	Факторная структура (II) (работающие сотрудники, n = 526)		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Сверхконтроль	0,85	-0,19	0,13
2. Пессимистичность	0,59	-0,28	0,61
3. Эмоциональная лабильность	0,80	-0,04	-0,001
4. Импульсивность	0,68	0,22	0,17
5. Мужественность/женственность	0,01	0,22	0,66
6. Ригидность	0,35	0,50	0,42
7. Тревожность	0,61	0,19	0,54
8. Индивидуалистичность	0,64	0,28	0,50
9. Оптимистичность	-0,09	0,87	-0,14
0. Социальная интроверсия	0,11	-0,23	0,84
Доля дисперсии	0,31	0,140	0,23

Примечание: цифры, выделенные полужирным курсивом, указывают на различия в факторной структуре личностных особенностей работающих сотрудников.

В факторной структуре личностных особенностей группы суицидентов совокупная информативность трех факторов составляет 63%, а в группе работающих сотрудников – 68%, т. е. с помощью полученных факторных структур может быть описано 63% (во второй факторной структуре 68%) суммарной дисперсии признаков.

В факторной структуре, полученной в группе суицидентов, наиболее информативным является фактор 1 (28%). Максимальные (положительные) факторные нагрузки имеют: шкала 2 (*Пессимистичность*), шкала 7 (*Тревожность*), шкала 0 (*Социальная интроверсия*), шкала 8 (*Индивидуалистичность*). Эти переменные определяют положительный полюс фактора. На противоположном полюсе расположены противопоставляемые признаки: оптимистичность (активность), стеничность (агрессивность), экстраверсия, коммуникативность.

Выявленные признаки отражают свойства гипостенического типа реагирования и преобладания тормозимых черт характера.

Кроме того, превышающие нормативные значения шкалы СМЛ *Пессимистичность*, *Тревожность*, *Индивидуалистичность*, *Социальная интроверсия* выявляют профиль психастенического типа.

В нашем случае переменная (значение шкалы *Тревожность*) имеет высокую факторную нагрузку и состояние дезадаптации может быть охарактеризовано навязчивыми страхами, беспокойством, ощущением надвигающейся беды.

Таким образом, можно говорить, что на одном полюсе фактора 1 расположен гипостенический тип реагирования на психотравмирующие ситуации с высокой вероятностью развития психастенического варианта дезадаптации, на другом – стенический тип реагирования с вероятностью развития экспансивного варианта дезадаптации. Данный фактор может иметь соответствующее название.

Известно, что каждая базовая шкала СМЛ выявляет тот или иной способ трансформации тревоги, т. е. тот или иной вариант защитного механизма. Следовательно, в полученных факторных моделях каждый фактор позволяет определить наиболее вероятные защитные механизмы психики, которые личность задействует в психотравмирующих ситуациях. Поэтому в случае психастенического варианта дезадаптации проявятся такие механизмы защиты, как отказ от реализации своих намерений, интеллектуализация, ограничительное поведение, направленное на избегание неуспеха и выраженное явлениями навязчивости, пассивного ухода от конфликта, отхода от социальной активности.

При стеническом типе реагирования с высокой вероятностью развития экспансивного варианта дезадаптации на психотравмирующие ситуации включаются такие защитные механизмы психики, как отрицание проблем, рационализация с обесцениваем объекта фрустрированной потребности и отреагированием вовне по внешнеобвиняющему типу.

Фактор 2 имеет информативность 19%. Наибольшими положительными факторными нагрузками обладают: шкала 1 (*Сверхконтроль*), шкала 3 (*Эмоциональная лабильность*). Противоположный полюс определяется такими переменными, как спонтанность, ригидность, т. е. данный фактор выявляет две пары противопоставляемых признаков: сензитивность – спонтанность, лабильность – ригидность.

Выявленные признаки в данной ортогональной плоскости обнаруживают смешанный тип реагирования на психотравмирующие ситуации. Значения на отрицательном полюсе данного фактора по шкалам 4 (*Спонтанность*) и 6 (*Ригидность*), которые выше нормативных, свидетельствуют о нарушении адаптации в виде поведенческих реакций асоциальной и антисоциальной направленности,

а повышение значений на положительном полюсе по шкалам *Сверхконтроль* и *Эмоциональная лабильность* – о нарушениях адаптации в виде психосоматических реакций.

Таким образом, данный фактор может быть идентифицирован как выявляющий, с одной стороны, смешанный тип реагирования на психотравмирующие ситуации с высокой вероятностью развития психосоматического варианта нарушения адаптации, а с другой – стенический тип реагирования с тенденцией к импульсивным агрессивным реакциям и высокой вероятностью развития варианта дезадаптации, проявляющегося поведенческими реакциями асоциальной или антисоциальной направленности.

В психотравмирующих ситуациях, касающихся субъективно значимых ценностей индивида, включаются такие защитные механизмы психики, как вытеснение и конверсия (биологические нарушения) или рационализация с обесцениваем объекта фрустрированной потребности и отреагированием вовне по внешнеобвиняющему типу.

В факторе 3 (15%) наибольшую положительную факторную нагрузку имеет шкала 9 (*Оптимистичность*). Данная переменная является доминирующей, и отрицательный полюс фактора 3 определяется такими характеристиками, как пессимистичность, пассивность. Соответственно, фактор 3 можно идентифицировать как фактор стеничности и прогнозировать гипертимный (экзальтированный) или гипотимный варианты психической дезадаптации. Основными защитными механизмами при гипотимном варианте на стрессовые ситуации являются: отказ от реализации своих намерений, бегство от проблем в одиночество, при стеническом варианте реагирования – отрицание проблем. Необходимо отметить, что в случае развития гипертимного (экзальтированного) варианта дезадаптации проявляется избыточная, не всегда целенаправленная активность, поведение может приобретать антисоциальные черты.

В факторной структуре личностных особенностей работающих сотрудников наиболее информативен фактор 1 (31%). Его положительный полюс определяется шкалами 1 (*Сверхконтроль*), 3 («*Эмоциональная лабильность*»). Фактор 1 также положительно коррелирует со шкалой 4 (*Импульсивность*). Поэтому положительный полюс данного фактора можно описать следующими индивидуально-психологическими особенностями: сензитивностью, эмотивностью,

импульсивностью, а противоположный полюс фактора – спонтанностью, ригидностью, сверхконтролем.

Выявленные противопоставляемые признаки – показатель смешанного типа реагирования на психотравмирующие ситуации. Но значительный вес шкалы 4 (*Импульсивность*) указывает на проявление спонтанности в личностно значимых ситуациях. Это существенно снижает вероятность психосоматических проявлений, но повышает вероятность отреагирования на поведенческом уровне (критические высказывания, протест, агрессивность). При этом более ярко проявляются демонстративные черты.

Отрицательный полюс фактора 1 определяет паранойяльный вариант реагирования с высокой вероятностью проявления эксплозивных реакций. При этом ограничение агрессивности зависит от уровня соответствия взглядов и поведения личности общепринятым социальным нормам и степени выраженности потребности в поддержке со стороны окружающих (влияние шкалы *Сверхконтроль*). Поэтому фактор 1 может быть назван как определяющий смешанный тип реагирования с высокой вероятностью проявления спонтанных реакций в личностно значимых ситуациях или стенический с высокой вероятностью проявления эксплозивных реакций и высокой вероятностью развития паранойяльного варианта дезадаптации.

Основные защитные механизмы, которые личность задействует в психотравмирующих ситуациях, – это, с одной стороны, вытеснение, сопровождающееся отреагированием вовне по внешнеобвиняющему типу, а с другой – рационализация с обесцениваем объекта фрустрированной потребности. При этом стресс, задевающий субъективно значимые ценности индивида, может вызвать сильную ответную реакцию по агрессивному типу.

Фактор 2 имеет информативность 13,9%. Максимальным удельным весом по этому фактору обладает одна переменная – шкала 9 (*Оптимистичность*). Противоположный полюс данного фактора определяется такими индивидуально-психологическими характеристиками, как пессимистичность, пассивность. Таким образом, фактор 2 можно идентифицировать как фактор гипомании и прогнозировать гипертимный (экзальтированный) или гипотимный варианты реагирования в психотравмирующих ситуациях.

Фактор 3 имеет информативность 23% с наибольшим удельным весом по шкале 0 – *Социальная интроверсия* определяет положительный полюс фактора, а экстраверсия – его отрицательный по-

люс. Фактор 3 может быть идентифицирован как фактор, выявляющий гипостенический тип реагирования на психотравмирующие ситуации с высокой вероятностью развития гипотимного варианта дезадаптации (положительный полюс) или стенический тип реагирования на психотравмирующие ситуации (отрицательный полюс). Данный фактор выявляет следующие защитные механизмы: бегство от проблем в одиночество, отход от социальной активности (положительный полюс) или отрицание проблем (отрицательный полюс).

Таким образом, в результате исследования установлены различные факторные структуры личностных показателей двух сравниваемых групп испытуемых: суицидентов и работающих сотрудников. Различия между группами отмечаются в типах реагирования на психотравмирующие ситуации, защитных механизмах, особенностях развития психической дезадаптации.

С помощью полученных факторных структур можно описать профили суицидентов и работающих сотрудников.

Профиль суицидентов – гипостенический тип реагирования на стрессовые ситуации с высокой вероятностью развития психастенического варианта дезадаптации, сопровождающийся ажитированной активностью. В психотравмирующих ситуациях возможно развитие состояния дезадаптации, характеризующегося нарушением сна, навязчивыми страхами, чувствами растерянности, беспокойства, ажитированной тревоги (повышение по фактору, определяемому шкалой *Гипомания*, свидетельствует не о повышении активности и оптимистичности, а о наличии ажитации). Поэтому психосоматические симптомы не снижают уровень тревоги. Фактор, определяемый переменными – шкалами *Сверхконтроль* и *Эмоциональная лабильность*, – выявляет не только психосоматические нарушения, но и проблему подавленной враждебности. Внутренняя напряженность, склонность к фиксации на проблемах, нетерпеливость в сочетании с нерешительностью, неудовлетворенность собой, сложности в установлении новых контактов обуславливают личностные затруднения и невозможность длительно выдерживать эмоциональные нагрузки (сочетание шкал *Социальная интроверсия*, *Тревожность*, *Индивидуалистичность*). Выявленные особенности как признак внутренней дисгармонии личности резко ограничивают спонтанное поведение, социальные связи и активные действия.

Профиль работающих сотрудников – смешанный тип реагирования с высокой вероятностью проявления непосредственных реакций

на психотравмирующие ситуации. Психосоматические нарушения слабо выражены, так как тревога устраняется за счет непосредственных реакций, в том числе протестных, агрессивных, направленных вовне по внешнеобвиняющему типу. При этом агрессивные импульсы чаще проявляются в социально приемлемой форме (сохраняется ориентация на социальные нормы: шкала *Сверхконтроль* имеет наибольшую факторную нагрузку). Стенические черты не ярко выражены, так как нивелируются фактором, определяемым шкалой *Социальная интроверсия*. Можно говорить об избирательной активности и общительности (влияние факторов, определяемых шкалами *Сверхконтроль*, *Эмоциональная лабильность* и *Социальная интроверсия*). В стрессовых ситуациях существует высокая вероятность повышения активности в поисках выхода из сложной ситуации, несмотря на снижение общего фона настроения и ограничение контактов.

Как следует из целостного описания профилей в соответствии с полученными факторными структурами, наиболее характерными для группы суицидентов являются психосоматический и психастенический варианты психической дезадаптации, сопровождающейся состоянием ажитации, навязчивыми страхами, беспокойством, ощущением надвигающейся беды, депрессивной симптоматикой, ограничением спонтанного поведения, социальных связей. Кроме того, в факторной структуре суицидентов выявлена проблема подавленной враждебности, в то время как в группе работающих сотрудников выход отрицательных эмоций (агрессии) происходит за счет отреагирования вовне по внешнеобвиняющему типу.

Для достижения поставленной цели на втором этапе исследования с применением факторного анализа была создана общая для двух групп сравнения трехфакторная модель, с помощью которой может быть описано 65% суммарной дисперсии признаков. Процедура факторизации исходных данных по тесту СМЛЛ была идентична процедуре факторизации исходных данных на первом этапе исследования.

В соответствии с новой факторной структурой были получены факторные оценки для каждого сотрудника.

Статистически значимые отличия между факторными оценками в группах суицидентов и работающих сотрудников выявлены по фактору 2 новой факторной структуры. Фактор определен шкалами СМЛЛ (*Социальная интроверсия*, *Пессимистичность*, *Тревожность*, *Индивидуалистичность*). Значение *t*-критерия по данному

Таблица 3

Данные описательной статистики и значения критерия Стьюдента по факторам в факторной структуре

Фактор	Суициденты	Работающие сотрудники	Критерий Стьюдента t	Уровень значимости p
	$X \pm \delta$	$X \pm \delta$		
1. Фактор «Психосоматического варианта дезадаптации»	$-0,02 \pm 1,011$	$0,04 \pm 0,97$	$-0,86$	$0,39$
2. Фактор «Психастенического варианта дезадаптации»	$0,05 \pm 1,015$	$-0,12 \pm 0,95$	$2,64$	$0,009$
3. Фактор «Гипертимного (экзальтированного) варианта дезадаптации»	$-0,003 \pm 1,03$	$0,007 \pm 0,93$	$-0,16$	$0,87$

Примечание: общая выборка оставляет 1240 человек, из них 740 – суициденты, 526 – работающие сотрудники; цифры, выделенные полужирным шрифтом, указывают на различие факторов по данным описательной статистики и значениям t -критерия Стьюдента в группах сравнения.

фактору равно 2,64 при уровне статистической значимости 0,009 (см. таблицу 3).

Анализ данных описательной статистики показывает, что среднее значение в группе работающих сотрудников равно $-0,12$, а в группе суицидентов – $0,05$, т. е. полученные отличия указывают на то, что факторные оценки по значимому фактору в группе суицидентов смещены в сторону положительных значений, а в группе работающих сотрудников – в сторону отрицательных значений.

Получена кривая нормального распределения переменных по выявленному фактору в новой факторной структуре со средним значением 0 и стандартным отклонением, равным 1. Числовые значения этих переменных лежат в пределах от -3 до 3 (см. рисунок 1).

С учетом свойства нормального распределения «зону суицидального риска» можно разделить на три части: 1) $0,05 \leq s \leq 1,06$ ($0,05 + 1,01 = 1,06$), 2) $1,06 < s \leq 2,07$ ($0,05 + 2 \times 1,1 = 2,07$), 3) $2,07 < s \leq 3,08$ ($0,05 + 3 \times 1,01 = 3,08$), где s – коэффициент суицидального риска.

Вероятность распределения в «зоне суицидального риска» факторных оценок в группе суицидентов составляет не более 50%. Мак-

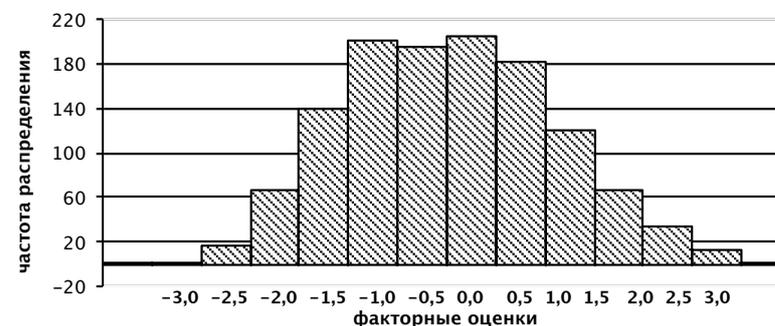

Рис. 1. Распределение факторных оценок по фактору 2

симальную степень суицидального риска условно можно регистрировать, если значения в исследуемой группе больше 2,07. Среднюю степень суицидального риска условно можно определить, если значения по значимому фактору больше 1,06 и меньше или равно 2,07, а наименьшую степень суицидального риска – если значения расположены в пределах от 0,05 до 1,06.

Таким образом, получены новые независимые переменные, которые реально отражают структуру взаимосвязей исходных признаков и могут быть использованы для анализа суицидального риска вместо набора исходных переменных (T -баллов по методике СМЛЛ).

Кривые распределения стандартизированных факторных оценок, используемых в регрессионном анализе в качестве переменных как в группе суицидентов (714 чел.), так и в группе работающих сотрудников (526 чел.), соответствуют нормальному по процедуре их получения. Это обеспечило корректность разработки уравнения множественной регрессии по определению уровня суицидального риска, которое выглядит следующим образом:

$$s = -0,06z(1) + 0,27z(2) - 0,21z(3) + 0,06z(4) + 0,15z(5) + 0,13z(6) + 0,22z(7) + 0,18z(8) - 0,12z(9) + 0,45z(10),$$

где s – значение уравнения (условное название – «коэффициент суицидального риска»); z – стандартизированные значения исходных переменных.

Данное регрессионное уравнение позволяет определить суицидальный риск сотрудников, протестированных по методике СМЛЛ. Для этого в регрессионное уравнение необходимо включить z -значения соответствующих исходных переменных по шкалам

СМИЛ, полученные в результате нормализации этих шкал, их стандартизации и выведения таблицы перевода T -баллов по тесту СМИЛ в z -значения.

Оценка надежности уравнения суицидального риска

В таблице 4 представлено процентное распределение по «зонам риска» в двух группах, взятых для проверки надежности полученного уравнения множественной регрессии. Значения по уравнению множественной регрессии в «зоне суицидального риска» имеют 47,9% суицидентов; из них 6,3% – с максимальной степенью суицидального риска, 8,3% – со средней, 33,3% – с наименьшей. К группам с высокой степенью суицидального риска из данной выборки суицидентов можно отнести 14,6% исследуемых.

В группе из 50 работающих сотрудников 45% респондентов зарегистрированы с минимальной степенью суицидального риска. Сопоставление данных показало, что в этой группе сотрудников отсутствуют коэффициенты суицидального риска, расположенные в зонах средней и максимальной степени риска.

Прогнозировать суицидальный риск корректно, если значения, вычисленные по уравнению множественной регрессии, включены в числовой промежуток 1,06–3,08, т. е. в среднюю и максимальную зоны суицидального риска.

Кроме того, анализ профилей СМИЛ в данных группах показал, что акцентуированных и дезадаптивных профилей в группе суицидентов в 2,7 раза больше, чем в группе работающих сотрудников, но подобные профили в обеих группах находятся как в зоне условного «благополучия» (по суицидальному риску), так и в зоне риска.

Из этого следует, что при психологическом прогнозе аутоагрессивного поведения с использованием методики СМИЛ наряду с диагностикой дезадаптивного состояния или акцентуированных черт

Таблица 4

Распределение значений уравнения по «зонам суицидального риска» в группах, выбранных для проверки его надежности

Испытуемые	Зоны суицидального риска		
	$0,05 \leq s \leq 1,06$	$1,06 < s \leq 2,07$	$2,07 < s \leq 3,08$
Суициденты	33,3%	8,3%	6,3%
Работающие	45%	0%	0%

Примечание: s – коэффициент суицидального риска.

характера при анализе профиля необходимо обращать внимание на значения по шкалам СМИЛ «2», «7», «8», «0», поскольку именно эти шкалы образуют фактор, показатели по которому статистически значимо отличаются в группах сравнения.

Таким образом, применение уравнения множественной регрессии позволило бы включить в группу риска 14,6% сотрудников из выборки суицидентов на втором этапе исследования, провести их более тщательный медико-психологический и кадровый отбор, а в ряде случаев – необходимые мероприятия по оказанию психологической помощи.

Полученное уравнение множественной регрессии для прогнозирования суицидального риска позволяет расширить возможности применения методики СМИЛ при кадровом отборе в органы внутренних дел и проведении плановых психодиагностических мероприятий в целях выявления дезадаптивных состояний. Данная математическая модель приобретает особую значимость, если результатами тестирования по методике СМИЛ являются нормативные и акцентуированные профили.

Выводы

1. Установлены различные трехфакторные модели личностных показателей суицидентов и работающих сотрудников; выявлены отличия между ними в типах реагирования на стрессогенные ситуации, психологических защитных механизмах и особенностях состояний психической дезадаптации.
2. Выделены варианты психической дезадаптации суицидентов (психастенический, сопровождающийся состоянием ажитации; психосоматический); типы реагирования на стрессогенные ситуации (гипостенический с высокой вероятностью развития психастенического варианта дезадаптации, сопровождающийся ажитированной тревогой; смешанный тип реагирования с высокой вероятностью развития психосоматических нарушений).
3. Определены защитные механизмы психики суицидентов: отказ от реализации своих намерений; интеллектуализация; ограничительное поведение, направленное на избегание неуспеха и выраженное явлениями навязчивости; уход от проблем; отход от социальной активности; вытеснение и конверсия.
4. Установлены индивидуально-психологические особенности суицидентов, вызывающие неблагополучие в коммуникативной

сфере, невозможность длительно выдерживать эмоциональные нагрузки: внутренняя напряженность, тревожность, склонность к фиксации на проблемах, сдерживаемая агрессивность, нетерпеливость в сочетании с нерешительностью, неудовлетворенность собой, сложности в установлении новых контактов. У лиц, покончивших жизнь самоубийством, выявлена проблема подавленной враждебности, в то время как в контрольной группе выход отрицательных эмоций (агрессии) происходит за счет отреагирования вовне по внешнеобвиняющему типу, снижая риск развития психосоматических реакций.

5. Антисуицидальными личностными факторами являются: стенический и смешанный типы реагирования на психотравмирующие ситуации с высокой вероятностью проявления непосредственных реакций, защитные механизмы психики (вытеснение, сопровождающееся отреагированием вовне по внешнеобвиняющему типу, рационализация с обесцениванием объекта фрустрированной потребности), избирательная активность и общительность, ориентация на социальные нормы поведения.
6. Разработано уравнение множественной регрессии для оценки уровня суицидального риска по данным психодиагностического обследования, осуществлена проверка его эффективности в интересах совершенствования работы по профилактике самоубийств в системе МВД России.

Литература

- Амбрумова А. Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. С. 44–59.
- Амбрумова А. Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. № 4. С. 14–20.
- Амбрумова А. Г., Поставалова Л. И. Мотивы самоубийств // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 52–60.
- Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии: Труды Московского НИИ психиатрии. М., 1978. С. 6–28.
- Войцех В. Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2007.
- Вроно Е. М. Особенности суицидального поведения детей и подростков: Автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 1984.

- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. СПб., 1998.
- Короленко Ц. П., Галин А. Л. К вопросу о выделении больных с повышенным суицидальным риском по психологическим критериям // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1978. № 3. С. 426–431.
- Марьин М. И., Мягких Н. И., Колос И. В., Касперович Ю. Г. Профилактика самоубийств среди сотрудников органов внутренних дел: Методическое пособие. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2001.
- Меннингер К. Война с самим собой. М.: Экспо-Пресс, 2000.
- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Прозоров Л. А. Профилактика и терапия самоубийства // Сборник, посвященный 40-летию научной деятельности Г. И. Россолимо. М., 1925. С. 47–55.
- Тихоненко В. А. Жизненный смысл выбора смерти // Человек. 1992. № 6. С. 19–29.
- Фрейд З. Мы и смерть // Рязанцев С. Танатология (учение о смерти). СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. С. 5–42.
- Шнейдман Э. Душа самоубийцы. Пер. с англ. М.: Смысл, 2001.

РАЗДЕЛ 4
ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец

Терроризм, существующий на протяжении всей истории человечества, в настоящее время изменился качественно: во-первых, он стал почти перманентным (редкие сводки новостей обходятся без сообщений о том, что где-то произошел очередной теракт), а во-вторых, стал международным, сейчас трудно назвать страну, в которой теракты не случаются. Главы правительств относят борьбу с терроризмом к числу приоритетных государственных задач – по сути, можно утверждать, что в мире идет война, направленная на дестабилизацию мирного сосуществования стран. Количество террористических актов непрерывно растет, их снижения в обозримом будущем не прогнозируется и, следовательно, изучение последствий воздействия терактов на психику человека становится одной из самых остроактуальных и сложных социальных проблем.

Жизнь в современном мире происходит в условиях постоянной угрозы терроризма; люди приходят к осознанию того, что террористический акт может произойти в любой момент и в любом месте, что вызывает (или повышает) у некоторой (уязвимой) части населения уровень негативной аффективности.*

Террористические акты и террористическая угроза являются стрессорами высокой интенсивности, способными вызывать разные формы психической дезадаптации (Marshall et al., 2007) как у непосредственных, так и у косвенных их жертв (Кекелидзе, 2002; Тарабрина, 2004; Быховец, 2005; Ениколопов, 2006; Тарабрина и др., 2007; Быховец, Тарабрина, 2010). Под непосредственными жертвами подразумевают:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-06-00260а.

- тех, кто непосредственно находился в месте теракта и получил повреждения;
- тех, чьи родственники или друзья погибли в результате терактов;
- тех, кто потерял работу в результате терактов;
- тех, кто участвовал в спасательных операциях.

Под косвенными жертвами подразумевают людей, которые получили информацию о теракте через СМИ, слухи, рассказы очевидцев и т. п. и у которых вследствие этого определяется психопатологическая симптоматика, имеются признаки посттравматического стресса разной степени выраженности, в отдельных случаях – посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Растущий масштаб террористической активности делает изучение ее последствий одним из остро актуальных направлений в современной психологической науке (Slovic, 1979; Соснин, 1995; Коханов и др., 1995; Коханов, 2000; Schuster et al., 2001; Кекелидзе, 2002; Ольшанский, 2002; Моксина, 2003; Панарин, Панарина, 2003; Дуканов, 2004; Тарабрина, 2004; Ястребов, 2004; Онищенко, 2004; Roetzer, Walch, 2004; Тарабрина, Быховец, 2005; Портнова, 2005; Вельтищев, 2005; Кольцова и др., 2006; Boscarino, Adams, 2009; Hobfoll et al., 2009; Stevens et al., 2009; Yehuda et al., 2009).

Последствия террористических актов по их влиянию на косвенных жертв условно можно объединить в следующие подгруппы: клиничко-психологические, социально-психологические и собственно психологические.

Клиничко-психологические последствия терактов

К клиничко-психологическим последствиям относится психопатологическая симптоматика у косвенных жертв, которая была вызвана опосредованным воздействием терактов (посредством СМИ и других источников коммуникации).

Так, Л. Е. Делиси с соавт. исследовали эмоциональный статус гражданского населения различных районов Манхэттена после терактов 11 сентября 2001 г. в Мировом торговом центре в Нью-Йорке, они отметили, что у 56,3% опрошенных был выявлен один или несколько психопатологических симптомов (Delisi et al., 2001). Возникающие кризисные состояния при переживании последствий терактов характеризуются высокой интенсивностью, кратковременностью и динамичностью.

К клиничко-психологическим последствиям терроризма относятся также нарушение сна и концентрации внимания, раздражительность, ночные кошмары, грустные повторяющиеся мысли и воспоминания о событии (Schuster et al., 2001). Наиболее отчетливо выраженными формами психических нарушений, возникающих после воздействия теракта, являются ПТСР и расстройство адаптации. Это подтверждается многочисленными независимыми кросс-культурными исследованиями (Galea et al., 2002; Galea, Resnick, 2005; Schlender et al., 2002; Silver et al., 2002; Torabi, Seo, 2004). Так, в работе Р. С. Сильвера показано, что через 2 месяца после терактов 11 сентября оценка распространенности посттравматического стрессового расстройства у людей, которые проживают вне Нью-Йорка, составила 4,3% опрошенных, по сравнению с 11,2% у жителей Нью-Йорка. С. Галеа и Х. Резник показали, что через 6 месяцев после терактов 11 сентября у жителей Нью-Йорка распространенность ПТСР составила 12% – у непосредственных жертв терактов и 3,7% – у косвенных жертв терактов (Galea, Resnick, 2005).

Психологическое обследование 641 пострадавшего от террористического акта, проведенное психологами и психиатрами через месяц после террористического акта в Токио в госпитале, показало, что 32% испытывают страх перед поездкой в метро, 29% – страдают бессонницей, 16% – навязчивым воспроизведением в памяти ситуации в метро, 10% – ночными кошмарами, у 16% – диагностирована депрессия, 11% – стали легковозбудимы и агрессивны (Pangi).

Р. Пропер с соавт. показали, что частый просмотр телепередач, освещающих события 11 сентября 2001 г., был сопряжен с ПТСР-симптоматикой и депрессией, а непосредственное участие в травматическом событии и воздействие СМИ является объединенным фактором формирования постстрессовых состояний (Proper et al., 2001).

Исследователи установили, что у жителей разных штатов США, которые непосредственно не пострадали от терактов, существует связь между тревожностью и симптомами ПТСР, возникших после терактов 11 сентября и их телевизионного освещения (Neria et al., 2007; Schlenger et al., 2002; Silver et al., 2002; Torabi, Seo, 2004).

Некоторые исследователи полагают, что опыт переживания перитравматических панических атак (ППА) на протяжении травматического события является предиктором будущего психопатологического статуса. Дж. Боскарино и Р. Е. Адамс пытались проверить данную гипотезу (Boscarino, Adams, 2009). В своей работе они рассматривали психологическое воздействие терактов в международ-

ном торговом центре и других негативных жизненных событий, демографические факторы, социальную поддержку, самооценку и наличие панических атак как предикторов психопатологического статуса у 1681 жителя Нью-Йорка спустя 2 года после терактов 11 сентября 2001 г. Результаты показали, что ППА связаны с ПТСР, депрессией, плохим физическим здоровьем, тревожностью, алкоголизмом и обращением за психологической помощью. Однако использование мультивариативной модели показало, что большинство из этих связей статистически не значимы или их значимость очень низкая. Вместо рассмотренных выше предикторов мультивариативная модель позволила получить данные о том, что недавние негативные жизненные события и актуальный уровень самооценки связаны с психопатологическим статусом индивида. Эта закономерность имеет большое психотерапевтическое значение.

В национальном исследовании стрессовых реакций американцев (не жертв терактов) на события 11 сентября 2001 г. М. А. Шустер с соавт. показали, что у около 47% респондентов появилось беспокойство относительно собственной безопасности или безопасности их близких (Schuster et al., 2001). По данным исследования Т. А. Григера, Р. Дж. Фуллертон, Р. Дж. Урсано, интенсивные переживания угрозы безопасности связаны с высоким уровнем перетравматической реакции и с пережитой диссоциацией (Grieger et al., 2003). Кроме того, респонденты со сниженным уровнем безопасности в течение семи месяцев после терактов имели повышенный уровень эмоциональных реакций. У них с большей вероятностью развивалось ПТСР, а также алкогольная зависимость. В исследовании был получен важный результат относительно половых различий: женщины превосходили мужчин по степени выраженности всех выделенных признаков. Сходные данные об увеличении уровня возбуждения из-за переживания угрозы жизни были получены в исследовании Д. Симеона с соавт. (Simeon et al., 2001).

Основываясь на результатах исследований, опубликованных в различных источниках, снижение чувства безопасности может быть описано как:

- снижение чувства контроля ситуации (невозможность контроля за развитием событий и использованием своих навыков для избегания негативных последствий);
- чувство беспомощности, ухудшающее эффективность социального функционирования.

Уровень снижения чувства безопасности и развития ПТСР не может быть предсказан лишь объективными измерениями степени материального урона от теракта. Известно, что ведущую роль в возникновении психической травмы играет личностная и эмоциональная включенность в травматическую ситуацию. Среди личностных особенностей, способствующих развитию ощущения нависшей угрозы, выделяются инфантильность, незрелость эмоций, слабая устойчивость к отрицательно окрашенным внешним раздражителям, экстернальная ориентация, ригидность, преобладание вытеснений по истерическому типу (Кашкарова и др., 2004).

Причиной развития психопатологической симптоматики могут стать не только информационные сообщения о терактах в СМИ и других источниках коммуникации. Известен случай, когда в ГНЦ им. Сербского обратилась женщина с психопатологической симптоматикой, которая возникла у нее после прочтения списка погибших в пешеходном переходе под Пушкинской площадью 8 августа 2000 г. Фамилия и инициалы одной из жертв теракта в точности совпадали с ее собственными. Уставшую от потока обрушившихся на нее сочувственных звонков женщину захлестнуло чувство вины за то, что ее однофамилица погибла, а она осталась в живых. Восстановлением утраченного душевного равновесия этой пациентки врачи занимались два долгих месяца (Гурьянова, 2001).

Исследования показывают, что после терактов 11 сентября 2001 г. у 25% жителей Нью-Йорка (что составляет 3375000 человек) была выявлена клиническая форма инсомнии, при этом у некоторых из опрошенных респондентов было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство (Galea et al., 2002; Schlenger et al., 2002). Трудности с засыпанием являются главным симптомом гипервозбуждения, так как отражение произошедшего за день увеличивает состояние возбуждения, что является тревогой о возможной угрозе.

Управление общей бухгалтерской отчетности Конгресса США (Government Accountability Office) опубликовало отчет о медицинских последствиях теракта 11 сентября 2001 г. В отчете указывается, что дети, родившиеся в нижнем Манхэттене после 11 сентября, весят в среднем на 150 грамм меньше, чем обычные американские младенцы. Такое воздействие на развитие плода могли оказать как химические факторы (в результате обрушения башен Всемирного торгового центра в воздух было поднято огромное количество ядовитой пыли), так и психологический стресс, пережитый беременными женщинами.

Среди наиболее распространенных клинических последствий теракта в отчете указываются заболевания дыхательных путей и психические расстройства. Дыхательные болезни включают в себя астму, синуситы, свистящее дыхание и новый синдром, названный «кашель МТЦ» (Международный Торговый Центр). От заболеваний дыхательных путей страдают практически все пожарные, принимавшие участие в ликвидации последствий теракта. Сотням из них пришлось по состоянию здоровья оставить свою работу. Наиболее распространенными психическими расстройствами, которые развивались после теракта 11 сентября, явились депрессия, тревожные расстройства и посттравматический стресс. Многие отдаленные последствия теракта, например, рак легких, могут проявиться спустя десятилетия, подчеркивается в докладе.

В исследовании Р. Розенхека и А. Фонтана (Rosenheck, Fontana, 2003) также приводятся свидетельства психологического воздействия терактов на людей, которые не были непосредственно затронуты трагедией. Авторы обследовали 9640 ветеранов, которые были включены в специализированные реабилитационные программы Министерства по делам ветеранов (VA) с 11 марта 1999 г. до 11 марта 2002 г. У 73,2% было диагностировано ПТСР. Цель исследования – определить, как повлиял теракт 11 сентября 2001 г. на выраженность симптоматики ПТСР.

Показано, что у ветеранов с ПТСР, которые госпитализировались после 11 сентября 2001 г., симптомы ПТСР были менее выраженными, чем у тех, кто находился в госпитале до 11 сентября 2001 г. Эти результаты трудно объяснить. Авторы высказали предположение о том, что ветераны, госпитализированные после 11 сентября 2001 г., легче пережили психотравмирующую информацию о теракте, поскольку они поступили на реабилитацию в тот момент, когда после 11 сентября в США отмечался рост патриотизма и национального единения, что и послужило импульсом к снижению интенсивности симптомов ПТСР.

Социально-психологические последствия терактов

Среди разнообразных последствий террористической угрозы социально-психологические последствия относятся к числу, пожалуй, наименее изученных. Между тем, их углубленное изучение является весьма актуальной проблемой, ибо позволяет более адекватно отобразить сложную реальность современной жизни, лучше уяснить

подспудные механизмы действий и поведения как отдельных людей, так и целых народов.

Террористический акт оказывает негативное, разрушительное воздействие на человеческую психику, моральные установки, общественные идеалы. К социально-психологическим последствиям террористической угрозы относят виктимизацию, антисоциальное поведение, рентное поведение, алкоголизацию, семейные конфликты, стигматизацию и дискриминацию, школьную неуспеваемость и т. д. (Портнова, 2006).

В Нью-Йорке после терактов 11 сентября 2001 г. большинство терапевтов сталкивались с полной потерей чувства безопасности у своих клиентов. Дж. Линди и Д. Линди использовали термин «чрезмерная склонность к эмпатии», когда описывали психологические проблемы психотерапевтов при работе с травмированными пациентами (Lindy, Lindy, 2004). После событий 11 сентября 2001 г. они наблюдали у клиницистов интенсивные стрессовые реакции, которые были связаны как с идентификацией с жертвами терактов 11 сентября, так и с собственным подорванным ощущением безопасности.

В США после 11 сентября увеличились случаи предвзятого отношения к мусульманам и арабам, дискриминации и насилия над ними (Padela, Heisler, 2010). Федеральное бюро расследований (ФБР) сообщило, что в течение года после терактов 11 сентября количество преступлений на почве ненависти против этой части населения увеличилось (Arab American Institute, 2009). Такие же результаты получены в популяционном исследовании говорящих на арабском языке взрослых жителей США. Так, приблизительно 30% арабов и 50% мусульман сообщили о дискриминации за эти 8 месяцев после 11 сентября (там же). Мечети и мусульманский бизнес были разрушены, люди мусульманской внешности устно оскорблялись, подвергались физическим нападениям и в некоторых случаях были убиты. Количество антимусульманских и антиарабских преступлений на почве ненависти продолжает быть на более высоких уровнях, чем до 11 сентября (The Status of Muslim Civil Rights..., 2005).

К социально-психологическим последствиям террористической угрозы можно отнести обострение социальных конфликтов в обществе. Так, в исследовании А. А. Портновой показано, что, вследствие тяжелого эмоционального стресса, население, которое непосредственно не пострадало в результате терактов, втягивается в индигенный конфликт (*indigenalis (лат.)* – местный, туземный) (Портнова, 2006). Автор описала нарушения межличностных от-

ношений и фазы социального конфликта у жителей поселка Сыдыбыл (Саха – Якутия) и г. Беслана (Северная Осетия, Алания) после чрезвычайных ситуаций, повлекших за собой гибель детей. Показано, что основной психологической потребностью лиц, потерявших родных в такой ситуации, является поиск виновных в трагедии. Это приводит к расслоению общества на «пострадавших» и «виновных». Пострадавшие выделяют также группу «мало пострадавших», обвиняя их в недостаточных усилиях для спасения детей. Подчеркивается универсальный характер (не связанный с влиянием культурального или этнического фактора) описанных явлений. Отмечено, что такого рода местный социальный конфликт может быть обозначен как индигенный. Люди, которые непосредственно не пострадали в результате террористических актов, также были вынуждены из чувства солидарности присоединиться к одной из выделенных групп (либо пострадавших, либо виновных). Данная тенденция оказывает неблагоприятное влияние на психическое здоровье населения. Индигенный конфликт является одним из факторов, утяжеляющих ПТСР и препятствующих обратному развитию психических расстройств. Так же к числу социально-психологических последствий воздействия террористических актов на общество в целом автор указывает на миграцию молодого населения из мест чрезвычайных ситуаций.

Социально-психологические последствия террористической угрозы проявляются в неверии граждан в способность государства (власти) и его правоохранительных органов защитить людей. Согласно результатам регулярно проводимых социологических опросов, значительная часть населения России (по некоторым данным до 90%) высказывает недоверие органам МВД и ФСБ в том, что они смогут защитить от преступных (прежде всего – террористических) акций (Галахов, 2002).

В ряде работ по изучению поведенческих изменений после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке было зафиксировано увеличение потребления наркотических средств, алкоголя и сигарет. Так, например, результаты исследования Д. Влахова с соавт. показали, что после событий 11 сентября 2001 г. 9,7% жителей Манхэттена увеличили потребление сигарет, 3,2% жителей стали больше употреблять марихуаны и 26,6% участников исследования стали больше употреблять алкоголь (Vlahov et al., 2002). Кроме того, показатели ПТСР имели положительную связь с увеличением потребления сигарет и марихуаны, в то время как показатели депрессивности были положительно связаны с увеличением потребления сигарет,

алкоголя и марихуаны. Эти данные могут свидетельствовать об обусловливании выделенных форм поведения возникшими проблемами психического здоровья.

Другими формами поведения, которые рассматриваются авторами как формы совладания с угрозой теракта, является обращение людей к религии и объединение в общественные организации по борьбе с терроризмом.

На поведенческом уровне могут появляться и неактивные формы поведения: интенсивный поиск информации для снижения неопределенности ситуации, развитие состояния постоянной готовности с последующим непроизвольным ее снижением. Эти формы поведения связываются авторами с переживанием состояния гипербдительности, настороженности как реакции на получение информации об угрозе негативного события (Быховец, 2008).

Психологические последствия терактов

Приведенные выше данные, а также результаты других исследований свидетельствуют о том, что переживание террористической угрозы является интенсивным психотравмирующим стрессором, ведущим к психогенным расстройствам.

Так, Г. Стивенс с соавт. изучали восприятия террористической угрозы в Австралии и готовность жителей подчиняться указаниям служб общественной безопасности (Stevens et al., 2009). В исследовании приняли участие 2081 взрослый житель Австралии. Получены данные о том, что около 30,3% считают, что теракты в Австралии весьма вероятны, 42,5% беспокоятся о себе и своих близких в связи с терактами и 26,4% – что-то в своей жизни изменили в связи с тем, что они живут в условиях потенциальной террористической угрозы. Респонденты с высоким уровнем дистресса выше оценивают вероятность терактов и больше беспокоятся о том, что они лично или члены их семьи могут стать непосредственной жертвой. Эвакуационная готовность выражена на высоком уровне. Однако те, чье физическое состояние здоровья было плохим, значительно в меньшей степени готовы оставлять их дома в случае террористической опасности. Таким образом, несмотря на то, что у Австралии нет опыта терактов, восприятие вероятности терактов гражданами выше, чем в западных странах.

Исследование психологических последствий терактов 11 сентября 2001 г. показало широкую распространенность страха стать

жертвой теракта. В двух независимых исследованиях, проведенных через 6 месяцев после терактов, оценивали риск возникновения новых терактов в США. Были получены данные о том, что 40–50% взрослого населения боятся за собственную безопасность и безопасность членов семьи (Silver et al., 2002; Torabi, Seo, 2004). В Нью-Йорке приблизительно год спустя после терактов 75% постоянных пациентов, обращающихся за первой медицинской помощью в медцентр на севере Манхэттена, указывали на то, что они переживают за безопасность членов семьи и 73% – за свою собственную безопасность (Weissman et al., 2005). О психологическом воздействии информационных сообщений о нападениях 11 сентября в Нью-Йорке сообщали как в Италии (Arolone et al., 2002), так и в Индии (Ray, Malhi, 2005). Остро переживали эти события американцы-эмигранты в Бельгии (Speckhard, 2002, 2003).

Сходные данные были получены в Англии и Израиле. Высокие оценки чувства опасности теругрозы (55%) были получены после взрывов бомб 7 июля 2005 г. в Лондонском метро (Rubin et al., 2005). В Израиле в начале интифады в сентябре 2000 г. национальный опрос населения показал, что 16,4% непосредственно стали жертвами терактов и у 37,3% члены семьи или друзья пострадали от терактов (Bleich et al., 2003). ПТСР было выявлено у 9,4% репрезентативной выборки (в целом было опрошено около 610 тысяч человек). Авторы показали, что ПТСР вызвано не только воздействием терактов, но и другими видами травмы.

В октябре 2001 г. рассылка писем со спорами сибирской язвы провозгласила новую эру биотеррористической угрозы в США. Спустя 7 месяцев после этого события были проведены структурированные диагностические интервью с участием 137 служащих Капитолия, включая 56 респондентов, которые непосредственно подверглись воздействию спор (North, Pfefferbaum, 2009). Посттравматическая психопатологическая симптоматика была связана с непосредственным травматическим воздействием. Среди респондентов, у которых по данным медицинского обследования был зарегистрирован контакт с патогенными спорами, у 27% было диагностировано ПТСР и у 55% – другие психиатрические расстройства или психопатологические симптомы. Только 25% из тех, кому был предписан полный курс антибиотиков, полностью соблюдали предписанный курс. Тридцать процентов тех респондентов, которые не подверглись воздействию, верили, что они заражены. 18% респондентов всей выборки имели симптомы, из-за которых они подозревали у себя

проявления сибирской язвы. Большинство из них обратилось за медицинской помощью. Степень, в которой люди изменяли свое здоровьесберегающее поведение, связана с воздействием искаженных убеждений о себе как пораженном тяжелой болезнью. Искаженные верования о реальности воздействия сибирской язвы были связаны с чувством тревоги, потерей доверия авторитетам в области здоровья, наличием страха смерти, приемом антибиотиков. У мужчин данные связи проявлялись значительно чаще, чем у женщин.

Другим не менее важным психологическим последствием угрозы терактов является утрата жизненных перспектив.

У людей, которые были непосредственными или косвенными свидетелями (посредством СМИ) теракта, формируются негативные ожидания последствий теракта, которые они не в силах предупредить. Эта личная оценка проявляется либо в повышенном беспокойстве, либо в полном равнодушии к грозящей перспективе, либо в других формах отношений к реальности угрозы. Различия в объективности оценки «террористической угрозы» после теракта могут быть рассмотрены как следствия переживания теракта (Schuster et al., 2001). В этой связи необходимо говорить о таком психологическом конструкте, как переживание террористической угрозы, под которым подразумевается субъективная оценка риска стать жертвой теракта (Тарабрина, Быховец, 2007; Быховец, Тарабрина, 2010). Переживание террористической угрозы является многоаспектным конструктом, включающим когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни, т. е. субъективная оценка угрозы риска стать жертвой теракта проявляется как в мыслях, эмоциях, так и в изменении существующих у индивида привычных форм поведения.

К числу психологических последствий также можно отнести различные формы избегающего поведения, одной из форм которых явилось сокращение использования авиалиний после терактов (Marshall et al., 2007). Этот факт является примером того, как преувеличение оценки риска повлияло на развитие избегающего поведения, что не было патологично на индивидуально уровне, но оказалось социально ущербно в целом. В 2001 г. количество пассажиров, путешествующих авиалиниями, после десятилетнего роста снизилось приблизительно на 6,5% (Bureau of Transportation Statistics, 2007). В соответствии с оценками, на протяжении этого периода было зарегистрировано более 1000 автомобильных аварий, что превышает ожидаемые данные в период с октября по декабрь 2001 г. Такое

превышение стало результатом того, что больше людей решили выбрать автомобиль, чтобы добраться до мест отдыха (Ropeik, 2004).

Механизмы психологического воздействия информации о терактах

Теракт представляет прямую угрозу жизни непосредственным жертвам (убийство политического лидера, взрыв в месте скопления людей, захват заложников и т. д.). Однако освещение терактов СМИ делает эти события известными всей стране и, как следствие, затрагивает не только жителей того города и того региона, где теракт произошел.

Как показано в диссертационном исследовании Ю. В. Быховец, информационные сообщения, содержащие материал об угрозе террористического акта, являются травматическим стрессором (Быховец, 2008).

Травматические стрессоры различаются по механизмам их психологического воздействия.

Так, для объяснения психологических последствий воздействия стресса радиационной опасности у ликвидаторов аварии Чернобыльской АЭС разработана *модель влияния на человека «невидимой травмы»*, т. е. угрозы для жизни, которая не связана с непосредственным, «видимым» восприятием опасности, но представляет реальную угрозу для жизни и здоровья.

Медиками и психологами отмечалось, что у большой категории лиц, подвергшихся действию радиационного облучения в результате аварии на Чернобыльской АЭС, проявлялись значительные проблемы в психологическом самочувствии: депрессия, тревожность, ощущение сокращенной жизненной перспективы, нежелание строить планы на будущее, признаки ПТСР (Тарабрина и др., 1992, 1994, 1996).

Возникающие при воздействии данных стрессоров симптомы были сходны с симптомами, наблюдаемыми у индивидов, переживших воздействие экстернатальных стрессоров: участие в боевых действиях, несчастные случаи, природные катастрофы и другие травматические события, т. е. рациональные и всегда субъективные знания о потенциальной угрозе способствовали возникновению реакций, проявляющихся при восприятии реальной угрозы.

Второй тип травматических стрессоров – «*событийные стрессоры*» (боевые действия, несчастные случаи, природные катастрофы

и т. д.), которые непосредственно воспринимаются органами чувств. Наряду с возможными физическими увечьями, в данном случае необходимо говорить также о психической травматизации, т. е. травматическом влиянии произошедшей ситуации на психику человека (Тарабрина и др., 1997; Тарабрина, 2000). Комплекс состояний, наблюдающихся у тех, кто пережил такой травматический стресс, получил название посттравматическое стрессовое расстройство – ПТСР. Для объяснения механизмов возникновения посттравматических стрессовых реакций существуют «двухфакторная теория» (в качестве первого фактора рассматривается принцип условно-рефлекторной обусловленности ПТСР, вторым фактором стала теория поведенческой обусловленности развития синдрома), теория патологических ассоциативных эмоциональных сетей (Р. Питмен), нейропсихологическая гипотеза Л. Колба.

Психологическое воздействие террористической угрозы нельзя объяснить ни с помощью модели «невидимой травмы» при радиационном облучении, ни механизмами воздействия событийных стрессоров. Это особая форма травмирующего воздействия; сложный конструкт – *переживание террористической угрозы*.

Авторы многочисленных исследований обнаружили, что большинство людей проявили жизнестойкость после терактов 11 сентября 2001 г., даже в самом Нью-Йорке (Bonanno, 2005). Однако модель «воздействия террористической угрозы» сфокусирована на тех, кто не проявил жизнестойкость в стрессогенных условиях воздействия картин терактов в СМИ и других источников коммуникации.

Переживание террористической угрозы возникает под воздействием внешних (картин терактов в СМИ) и внутренних факторов (субъективные реакции оценки увиденного).

Ведущее место в этом процессе занимает зрительное или слуховое восприятие *картин* террористических действий, продуцируемых средствами СМИ.

Это связано, во-первых, с тем, что, телевизионные передачи и другие средства коммуникации обостряют психические состояния, связанные с переживанием травматических событий. Как показано в ряде работ, у косвенных жертв теракта 11 сентября 2001 г. под влиянием СМИ наблюдались проявления острых психотических расстройств (Boscarino et al., 2002), посттравматической симптоматики (Galea et al., 2002, 2003) и депрессии (Ruth et al., 2001).

Во-вторых, образы, продуцируемые средствами СМИ, не требуют декодирования и поэтому обладают способностью «маскироваться»

под реальный опыт (Нуркова и др., 2003). И в дальнейшем, уже после теракта, его воспроизведение средствами СМИ продолжает активизировать воспоминания психотравмирующего материала об этой угрозе, т. е. СМИ оказываются триггерами, способствуя возникновению интенсивных (как правило, негативных) психологических последствий: непроизвольного и повторяющегося воспроизведения картин травматического события (симптом «вторжения»), а также усилению «негативной аффективности» у человека.

Таким образом, интериоризация информации о терактах содействует возникновению признаков посттравматического стресса и других форм психической дезадаптации у уязвимой части населения.

Субъективные реакции на увиденные картины терактов способствуют формированию оценки возможности и вероятности повторения терактов, которые играют важную роль в модели «воздействия террористической угрозы».

Данные исследования 1960 г. показали, что человеческая оценка риска подвержена искажениям, которые постоянны в различных типах ситуаций (Sowby, 1965; Starr, 1969). Так, в ситуации оценки наступления событий, относительно знакомых и имеющих низкую угрозу жизни, их вероятность оценивается высоко (к примеру, вероятность заболеть гриппом). В ситуациях с большой угрозой жизни оценки вероятности наступления события занижаются (к примеру, вероятность погибнуть в авткатастрофе) (Lichtenstein et al., 1978; Sjoberg, 2000).

В ситуациях с низкой частотой повторения, которые являются незнакомыми и угрожающими, индивиды стремятся сильно преувеличивать риск личной угрозы.

Когнитивная функция оценки риска является активным, многомерным процессом. Известно, что на оценку риска влияют такие переменные, как предшествующий жизненный опыт, личностные особенности, копинг-стратегии, социальные и демографические факторы (Creamer et al., 2005; Ehlers, Clark, 2000; Ginsburg et al., 2002; Folkman et al., 1986; March, 2003).

В исследовании П. Словика выделено два фактора, которые влияют на оценку риска: страх и непредсказуемость события (Slovic, 1987). Он обнаружил, что события, имеющие высокие значения по шкалам «страх» и «непредсказуемость», имели большую субъективную оценку вероятности наступления.

Таким образом, сочетание специфики оценки вероятности повторного теракта и восприятия информации о совершенных терак-

тах обуславливают у уязвимой части населения развитие психопатологических признаков, что позволяет отнести террористическую угрозу к категории психологических стрессоров. Специфическими особенностями данного стрессора являются следующие.

1. Угроза жизни относится к будущему человека и формируется, как правило, после того, как человек стал жертвой или свидетелем терактов и их последствий.
2. Отличительной характеристикой террористической угрозы является то, что время, место и тип теракта невозможно предсказать (сложность прогнозирования теракта). Именно непредсказуемость, с точки зрения возможности или момента наступления, масштаба воздействия теракта, оказывает угнетающее влияние на психику человека.
3. Бескомпромиссный характер терактов, т. е. человек осознает, что у него нет возможностей (информационных), которые могли бы предупредить нависшую над ним угрозу.
4. Человек начинает ощущать свою личную уязвимость перед террористическим актом. Происходит осознание того, что теракт может прервать жизнь любого человека.
5. Резкий выход террористических действий за пределы нормы привычных действий и состояний.
6. Угроза при всей ее мощности исходит от людей.

Предикторы развития психопатологической симптоматики у косвенных жертв терактов

Вопрос по определению предикторов развития психопатологической симптоматики у косвенных жертв терактов является не менее важным, чем вопрос определения последствий. В многочисленных исследованиях показано, что к числу предикторов ПТСР в случае с жертвами терактов относятся два и более предшествующих травматических события, приступы паники на протяжении или в короткое время после теракта, проживание на территории в непосредственной близости к месту теракта, потеря имущества в результате теракта (Galea et al., 2002).

В кросс-культурном исследовании евреев и арабов показано, что такие факторы, как «пол», «этническая и религиозная принадлежность» были значимыми предикторами сопротивляемости (resistance) психологическому воздействию террористической угрозы

(Hobfoll et al., 2009). У респондентов мужского пола, евреев и светски образованных людей (скорее, чем традиционно религиозных) был выявлен более высокий уровень сопротивляемости. Высокий уровень дохода и образования, меньшие психологические и материальные потери также были связаны с более высокой сопротивляемостью. У арабских респондентов выявлены низкий уровень значений жизнестойкости и высокий уровень этнической уязвимости при столкновении с травмой и массовыми несчастными случаями (Galea et al., 2002; Norris et al., 2002). Авторы исследования объясняют полученные данные тем, что арабы в Израиле в отличие от евреев исторически подвергались дискриминации и не полностью ассимилировались в израильское общество (Smooha, 2004).

По данным Р. Егуда с коллегами, у некоторой части людей есть склонность к развитию длительной психопатологии под воздействием террора, но в основном у людей проявляются только временные симптомы, которые длятся в течение нескольких недель или месяцев (Yehuda et al., 2005). Наиболее общий ответ жителей Нью-Йорка на события 11 сентября 2001 г. может быть описан так: люди были обеспокоены в первые недели, но позже беспокойство прошло. Длительные симптомы ПТСР проявились у тех, кто был охвачен интенсивными острыми состояниями во время травматического события (например, перетравматические диссоциации, панические расстройства или эмоциональный дистресс). Вероятность возникновения ПТСР также связана с оценкой уровня опасности. До сих пор неясно, до какой степени влияют на посттравматическую симптоматику факторы риска (к примеру, существующая ранее психопатологическая симптоматика, предшествующие травматические события, случаи психопатологии, включая ПТСР и панические расстройства, низкий IQ и когнитивные факторы риска, некоторые черты индивидуальности, такие как нейротизм), но, по-видимому, эти факторы риска более релевантны в ситуациях, когда риск угрозы жизни был менее серьезен. Посттравмирующие факторы риска, такие как отсутствие социальной поддержки, также являются важными предикторами психопатологии, но степень их влияния в настоящее время неизвестна.

Дж. Боскарино и его коллеги провели исследование факторов риска возникновения и развития ПТСР, включая отсроченное, устойчивое и ослабевающее ПТСР после воздействия травматического события – террористических актов в МТЦ (Boscarino et al., 2005). Они опросили 2368 респондента через год после терактов, по полу-

ченным данным оценивались изменения в текущем статусе ПТСР по критериям DSM–IV. Все респонденты были разделены на подгруппы по критерию жизнестойкости:

- 1 группа: «жизнестойкие» (отсутствие ПТСР непосредственно после терактов и спустя 1 год после них);
- 2 группа: респонденты, у которых симптомы ПТСР возникли непосредственно после терактов и отсутствовали через 1 год после них;
- 3 группа: респонденты с отсроченным началом ПТСР (отсутствие признаков ПТСР непосредственно после терактов и развитие признаков ПТСР через 1 год после них);
- 4 группа респондентов с хроническим ПТСР (симптомы ПТСР были выделены непосредственно после терактов и сохранились через 1 год после них).

Сравнение респондентов первой и второй групп показало, что развитие ПТСР более было характерно для женщин, для людей с большим количеством предшествующих негативных жизненных событий, имеющих в анамнезе до терактов депрессивное расстройство. В третью группу респондентов чаще попадали жители латиноамериканского этноса, рожденные методом ЭКО, респонденты с низким уровнем самооценки. Психологический профиль группы с хроническим ПТСР сходен с профилем группы респондентов с отсроченным началом ПТСР: был отмечен высокий уровень переживаний террористической угрозы, в анамнезе до терактов имело место депрессивное расстройство.

Кроме того, анализ данных группы с отсроченным началом ПТСР и хроническим ПТСР показал, что посттравматическая симптоматика связана с полом (у женщин выше), с возрастом (у молодежи выше), с низким уровнем самооценки и социальной поддержки, с высоким уровнем переживаний террористической угрозы, с количеством предшествующих травматических событий и с наличием в анамнезе до терактов депрессивного расстройства.

По результатам лонгитюдного исследования последствий теракта 11 сентября 2001 г. Р. Сильвера с соавт., высокий уровень выраженности симптомов ПТСР связан с полом (у женщин выше), с супружеским статусом (у респондентов в разводе выше), а также с наличием в анамнезе до событий 11 сентября депрессивного или тревожного расстройства, с физиологическим заболеванием, с интенсивностью переживания терактов и ранним снижением копинговых стратегий

(избегание, отрицание, саморазрушение) (Silver et al., 2002). Кроме этого, уровень дистресса связан со значимостью потерь от терактов и копинговыми стратегиями (отрицание, избегание).

Таким образом, учитывая количество и качество предикторов развития психопатологической симптоматики у косвенных жертв терактов, можно предполагать, что психологические последствия воздействия угрозы терроризма способны принять характер психической эпидемии. Именно поэтому для специалистов очевидна острая актуальность фундаментальных клинико-психологических исследований, направленных на изучение индивидуальных особенностей субъективно-личностного переживания угрозы террора.

Группа отечественных психологов лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН под руководством Н. В. Тарабриной провела комплексное теоретико-эмпирическое исследование психологических последствий, возникающих в результате стрессового воздействия информационных сообщений о террористических актах в СМИ (теле- и радиопередачи) и других средствах коммуникации в различных регионах РФ (Москва, Чеченская Республика, Забайкалье).

Целью исследования являлось выявление связи между возрастными, половыми, личностными характеристиками и переживанием террористической угрозы жителями разных регионов РФ (косвенными жертвами), вызванным прямой и последующей трансляцией терактов в СМИ, а также влияние на данное переживание фактора дистанцированности от места произошедших террористических актов.

В данной статье нам представляется важным рассмотрение одной из частных задач данного исследования: выявление взаимосвязей между психологическими характеристиками личности (тревожность, экстраверсия/интроверсия, нейротизм), признаками посттравматического стресса и интенсивностью переживания террористической угрозы. В исследовании проверялась гипотеза о том, что у уязвимой части населения (тревожные, эмоционально-неустойчивые, внушаемые люди) под воздействием прямых теле- и аудиотрансляций, освещающих теракты, может возникнуть специфический эмоционально-когнитивный комплекс – переживание террористической угрозы (ТУ), – сопряженный с признаками посттравматического стресса (ПТС).

Выборка испытуемых ($n = 494$) состояла из трех групп: 1-я группа обследована в Москве, $n = 288$; 2-я группа – жители Чеченской Республики, $n = 73$; 3-я группа – жители Забайкалья, $n = 131$.

В исследовании был использован следующий комплекс методик: опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-50), специально разработанный и апробированный для измерения интенсивности переживания ТУ (Tarabrina, Vykhovets, 2006; Быховец, 2008; Быховец, Тарабина, 2010), Миссисипская шкала (гражданский вариант) (MS, Mississippi Scale), шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина (ШЛРТ), опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R, Symptom Check List-90-Revised), личностный опросник (адаптированный вариант методики Айзенка) (Eysenk Personality Inventory, EPI), опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnairry, LEQ).

В результате исследования на всей выборке было выявлено, что на интенсивность переживания террористической угрозы оказывает влияние такой фактор, как нейротизм. Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA показал статистическую достоверность влияния уровня нейротизма на выраженность переживания угрозы. При проверке соотношения совместного вклада экстраверсии/интроверсии и нейротизма в выраженность переживания террористической угрозы показано, что только нейротизм вносит вклад в выраженность переживания террористической угрозы, так как лица с высоким нейротизмом (холерики и меланхолики) отличаются от сангвиников и флегматиков по показателю ОПТУ (Быховец, 2008).

Для проверки гипотезы о психотравмирующем воздействии террористической угрозы был проведен корреляционный анализ между показателем интенсивности признаков ПТС (измеряемый по MS), психопатологической симптоматикой (измеряемой по шкалам SCL-90-R) и показателем ОПТУ на всей выборке ($n = 494$). Использовался коэффициент корреляции Спирмена (r_s). Установлено, что уровень переживания террористической угрозы (показатель ОПТУ) достоверно взаимосвязан со всеми шкалами методики SCL-90-R, которая определяет выраженность психопатологической симптоматики (рисунок 1). Также уровень переживания террористической угрозы (показатель ОПТУ) коррелирует с показателем по MS ($r_s = 0,32$; $p = 0,045$).

Полученные данные полностью подтверждают связь сопряженности между переживанием угрозы теракта, психопатологическими признаками и признаками ПТС.

Анализ взаимосвязей между показателями уровня реактивной ($r_s = 0,33$; $p = 0,000$) и личностной ($r_s = 0,38$; $p = 0,000$) тревожности с переживанием угрозы терактов показывает, что повышенный

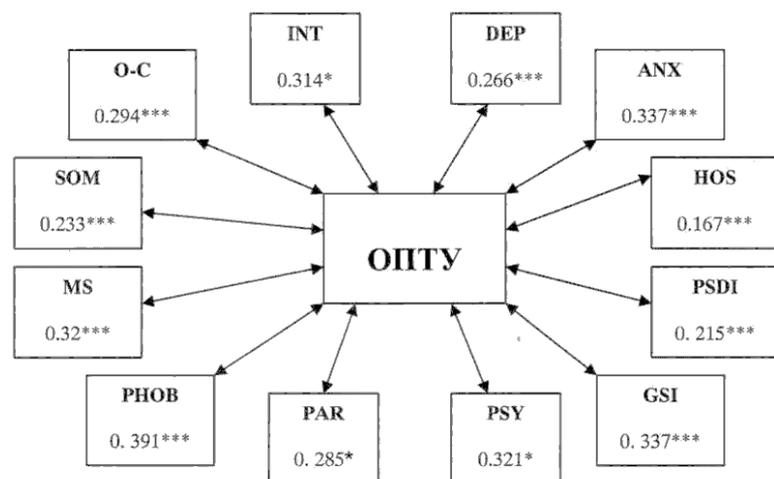

Рис. 1. Корреляционная плеяда общего балла ОПТУ с общим баллом MS и шкалами SCL-90-R

* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. MS – показатель по Миссисипской шкале, Шкалы опросника SCL-90-R: SOM – соматизация, O-C – обсессивно-компульсивные расстройства, INT – межличностная сензитивность, DEP – депрессия, ANX – тревожность, HOS – враждебность, PHOB – фобическая тревожность, PAR – паранойяльные симптомы, PSY – психотизм, GSI – общий индекс тяжести, PSDI – индекс наличного симптоматического дистресса.

уровень тревожности сопряжен с антиципирующими мыслями об угрозе терактов и связанными с ними эмоциями страха, отчаяния, беспомощности и гнева.

Информационные сообщения о террористических актах в СМИ и других средствах коммуникации могут быть рассмотрены как психотравмирующие стрессоры, способные привести к развитию признаков посттравматического стресса у косвенных жертв.

Для проверки этого предположения была выделена группа респондентов («ПТС»), показатели которой по Миссисипской шкале (гражданский вариант) соответствуют клинической картине посттравматического стрессового расстройства, и группа респондентов, у которых признаки посттравматического стресса не выражены («Нет ПТС»).

В качестве критерия для выделения групп использовались низкие и высокие оценки по общему баллу MS. Нижний квартиль распреде-

ления MS включал оценки от 48 до 68 баллов ($M = 62,512$; $SD = 4,575$), а верхний – от 90 до 131 ($M = 102,597$; $SD = 10,988$). Респонденты, набравшие по MS от 68 до 90 баллов, вошли в группу «Частичный ПТС» ($M = 79,35$; $SD = 5,838$), т. е. у них наблюдаются отдельные признаки посттравматического стресса.

В соответствии с полученными результатами, выборка была разделена на 3 подгруппы: 1 подгруппа «ПТС» – 123 испытуемых (24,898%); 2 подгруппа «Частичный ПТС» – 237 испытуемых (47,975%); 3 подгруппа «Нет ПТС» – 134 испытуемых (27,125%).

При сравнении результатов целого ряда исследований с использованием методики «Миссисипская шкала» на различных контингентах испытуемых (профессионалов, род деятельности которых связан с постоянным риском для здоровья и жизни, а также ветеранов войны в Афганистане, ликвидаторов последствий на ЧАЭС, беженцев) (Тарабрина с соавт., 1992, 1994, 1996, 1997) с полученными в данном исследовании значениями показателя MS группы «ПТС» видно, что средние значения по MS (гражданский вариант) группы «ПТС» ($M = 102,58$) соответствуют средним значениям по MS группы беженцев с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) ($M = 105,14$) и группы ликвидаторов с ПТСР ($M = 99,44$).

Сравнивались средние значения показателя ОПТУ между выделенными группами «ПТС», «Частичный ПТС» и «Нет ПТС». Для сравнения применялся непараметрический критерий Манна–Уитни (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение средних значений показателя ОПТУ по группам

Группы	ПТС m = 100, M = 90 R = 41, D = 120,75		Частичный ПТС m = 79, M = Mult R = 20, D = 34,08		Нет ПТС m = 64, M = Mult R = 20, D = 20,94	
	U	p	U	p	U	p
ПТС	–	–				
Частичный ПТС	15522	0,000	–	–		
Нет ПТС	5454	0,000	13209	0,000	–	–

Примечание: m – медиана, M – мода, R – размах, D – дисперсия, U – значение критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости.

Статистически значимые различия в уровне выраженности значений общего балла ОПТУ имеет группа «ПТС» со значениями по этому показателю у групп «Нет ПТС», «Частичный ПТС». Отсюда следует,

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции между показателем ОПТУ и уровнем ПТС

	ПТС	Частичный ПТС	Нет ПТС
rs	0,21	0,29	0,11
p	0,015	0,000	0,238

что у испытуемых группы «ПТС» интенсивность переживания угрозы теракта выше, чем у респондентов с единичными признаками ПТС или отсутствием таковых.

Полученный результат подтверждают данные корреляционного анализа между показателями признаков ПТС и уровнем переживания террористической угрозы в выделенных группах (таблица 2).

В таблице 2 представлены данные о том, что статистически значимые связи между уровнем переживания террористической угрозы и признаками ПТС получены только в группах респондентов с высоким и средним уровнем выраженности признаков ПТС.

Таким образом, можно выделить две контрастные группы, которые различаются как по уровню выраженности признаков ПТС, так и по сопряженному с ним уровню переживания угрозы теракта.

Одна из выделенных групп («ПТС») может быть определена как неустойчивая к воздействию такого стрессора, как информация о террористических актах, в то время как у другой («Нет ПТС»), возможно, выражена так называемая «жизнестойкость» (resilience), т. е. психика этих людей оказалась устойчивой к психотравмирующему воздействию картин терактов в СМИ.

Респонденты, имеющие высокую интенсивность симптомов ПТС, остро переживают потенциальную угрозу терактов, т. е. переживание угрозы терактов вносит вклад в развитие ПТС. Для проверки этого предположения был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Разделение по группам проводили по выраженности показателя ОПТУ: первая группа представлена респондентами, которые имеют значения показателя ОПТУ меньше 121 балла ($M = 103,22$; $SD = 15,09$); вторая – респондентами, значение показателя ОПТУ которых больше или равно 121, но меньше 153 баллов ($M = 137$; $SD = 9,3$); третья – респондентами, которые имеют значения показателя ОПТУ больше или равно 153 баллам ($M = 166,08$; $SD = 12,08$). Для разделения выборки по выраженности показателя ОПТУ использовался расчет верхнего и нижнего квартилей (Наследов, 2004).

Результаты подтверждают гипотезу: выраженность переживания угрозы теракта статистически достоверно связана с выраженностью признаков посттравматического стресса.

Согласно одному из ведущих критериев в диагностическом руководстве диагноза «посттравматическое стрессовое расстройство», это расстройство возникает в результате воздействия на человека травматических событий, связанных с гибелью или серьезными ранениями людей или с возможной угрозой такой гибели или ранений людей (Тарабрина, 2003). При этом человек, переживший подобные травматические события, может быть как свидетелем страданий других лиц, так и жертвой происходящего. На основании проведенного исследования можно утверждать, что переживание террористической угрозы, которое формируется в результате информационных сообщений о терактах в СМИ и других источниках информации, сопряжено с высоким уровнем признаков ПТС, что позволяет относить феномен террористической угрозы к числу травматических стрессоров.

Показано, что переживание террористической угрозы сопряжено с негативными эмоциями, высоким уровнем тревоги, повышенной бдительностью, снижением адаптационных возможностей поведения, соматическим дискомфортом, с вегетативными проявлениями и т. д. Эмоционально нестабильные, интровертированные индивиды, склонные к переживанию отрицательных эмоций, страдающие от различных проявлений психопатологической симптоматики, в большей степени подвержены интенсивному переживанию угрозы теракта.

Результаты данного исследования подтверждают, что угроза терактов значительно влияет на психическое здоровье населения. Развитию психопатологических реакций на террористическую угрозу в большей степени подвержены люди с низкой стрессоустойчивостью. Указанные связи имеют двунаправленный характер: психологическая устойчивость влияет на интенсивность переживаний угрозы терактов, и наоборот.

В этой связи особо актуальной представляется проблема адаптационных механизмов и их связи с психологическим благополучием личности. Вслед за Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко под психологическим благополучием мы подразумеваем интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования, а также показатель степени реализации этой направленности, субъективно выражаю-

щейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью (Шевеленкова, Фесенко, 2005). Конструктивные способы реагирования на террористическую угрозу приводят к ощущению возможности контролировать окружающий мир. Поиск ресурсов преодоления интенсивных переживаний террористической угрозы представляет собой остроактуальную социально-значимую проблему психологии. Нами предприняты попытки определения таких ресурсов. В рамках проведенного исследования при изучении половых различий во взаимосвязи переживания угрозы теракта с нейротизмом и экстраверсией/интроверсией получены данные о том, что значимые связи между ОПТУ и экстраверсией/интроверсией выявлены только в группе женщин, причем знак коэффициента корреляции отрицательный, т. е. для женщин с высокой интроверсией характерны более высокие значения переживания угрозы теракта. Высоким значениям нейротизма соответствуют высокие значения показателя ОПТУ как в группе мужчин, так и в группе женщин (таблица 3).

Выявленная связь между показателями ОПТУ и экстраверсией/интроверсией в группе женщин, возможно, свидетельствует о том, что экстраверсия для женщин является некоторым «психологическим ресурсом». Экстравертированные женщины более устойчивы к угрозе теракта.

По данным литературы, степень удовлетворенности собственной жизнью и мотивационная направленность личности также могут являться ресурсами совладания с переживаниями угрозы теракта, поэтому в настоящее время изучение взаимосвязи данных переменных продолжается.

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между показателем ОПТУ и показателями экстраверсии/интроверсии и нейротизма в группах мужчин и женщин

Показатели	Мужчины		Женщины	
	rs	p	rs	p
ОПТУ – экстраверсия/ интроверсия	-0,008	0,93	-0,128	0,013
ОПТУ – нейротизм	0,378	0,000	0,323	0,000

* * *

Подводя итоги теоретического обзора литературы и эмпирического исследования по проблеме психологических последствий воздействия террористических актов на психику человека (переживания террористической угрозы), со всей определенностью можно утверждать, что эта проблема относится к числу остроактуальных, социально релевантных, междисциплинарных и затрагивающих самые существенные основы человеческого бытия. Борьба с терроризмом, безусловно, относится к компетенции властных структур. Однако еще Т. Манн в начале прошлого века писал о том, что «вопросы человеческого бытия никогда и нигде не будут решены политически, но только духовно-морально...» (Манн, 2008, с. 78).

В настоящее время терроризм изучают представители практически всех гуманитарных наук, и психология среди них занимает ведущее место, поскольку, как показывают наши исследования, переживания террористической угрозы у определенной группы населения (уязвимой, эмоционально нестабильной, внушаемой) могут вызывать различные формы психической дезадаптации, что в целом ведет к ухудшению психического здоровья нации, а следовательно, к снижению психологической безопасности отдельных индивидуумов.

Литература

- Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов Российской Федерации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы. Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. (Серия «Методы психологии».)
- Вельтищев Д. Ю., Банников Г. С., Цветков А. Ю. Острые стрессовые расстройства и депрессивные реакции у пострадавших от террористического акта в Беслане // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. Т. 15. № 2. Вып. 2. С. 11–17.
- Галахов С. С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М.: Экзамен, 2002.
- Гурьянова Т. Вирус страха. Случайной жертвой может стать каждый // Версия. 2001. № 12 (136). С. 26.

- Дуканов О. М. Организация и правовые основы деятельности правоохранительных органов в борьбе с терроризмом: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
- Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь. С. 28–32.
- Кашкарова О. Е., Семенова Тян-Шанская М. В., Курпатов А. В., Бухарина М. В. Задачи кризисной службы в оказании помощи пострадавшим в случае террористического акта // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии анти-террора: Сборник статей / Под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб., 2004.
- Кекелидзе Е. И. Психиатрия чрезвычайных ситуаций // Фармакотерапия в неврологии и психиатрии. М., 2002. С. 159–174.
- Кольцова В. А., Нестик Т. А., Соснин В. А. Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Коханов В. П., Краснов В. Н., Кекелидзе З. И. Психолого-психиатрические аспекты в лечебно-профилактической и реабилитационной помощи в чрезвычайных ситуациях // Медицина катастроф. 2000. № 1 (29). С. 61–63.
- Коханов В. П., Крюков В. В., Кибрик Н. Д. Особенности психических расстройств у пострадавших при террористическом акте в г. Буденновске // Медицина катастроф. 1995. № 3–4. С. 64–67.
- Манн Т. Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008.
- Моксина С. В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Е. Ф. Эхо взрывов: Сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 64–72.
- Ольшанский Д. В. Психология террора. М.: Академический проект, 2002.
- Онищенко Г. Г. Организация ликвидации медико-санитарных последствий биологических, химических и радиационных террористических актов: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
- Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир. М.: Олма-Пресс, 2003.

- Портнова А. А. Индигенный конфликт: неблагоприятный тип отсроченного массового реагирования на тяжелый эмоциональный стресс // Журнал неврологии и психиатрии. 2006. № 2. С. 13–16.
- Портнова А. А. Острые психические нарушения у захваченных террористами детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии. 2005. № 6. С. 10–15.
- Практикум по психологии посттравматического стресса / Под ред. Н. В. Тарабриной. СПб.: Питер, 2001.
- Соснин В. А. Психологи о терроризме // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 37–48.
- Тарабрина Н. В. Посттравматический стресс: междисциплинарные аспекты изучения // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. Материалы научной конференции, посвященной памяти член-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 55–66.
- Тарабрина Н. В. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов-инвалидов (участников боевых действий) // Клиническая психология / Сост. и общая редакция Н. В. Тарабриной. СПб.: Питер, 2000.
- Тарабрина Н. В. Психологические последствия террористических актов // Сборник материалов 2-й Международной конференции «Мировое сообщество против глобализации, преступности и терроризма». М., 2004.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Исследование представлений о террористическом акте у респондентов Москвы, Чеченской Республики и Забайкалья // Материалы IV съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России», 18–21 сентября 2007 г. Ростов-на-Дону, 2007. С. 124.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Переживание террористической угрозы жителями Москвы: эмпирическое исследование // Тезисы первой международной научно-практической конференции «Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе», 13–14 ноября 2007 г. М., 2007.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Психотравмирующее воздействие террористической угрозы // Материалы XIV съезда Российского общества психиатров. М., 2005. С. 158.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Эмпирическое исследование представлений о террористических актах // Тезисы юбилейной науч-

- ной конференции 31 января–1 февраля 2007 г. «Тенденции развития современной психологической науки». М., 2007. С. 376–378.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Быховец Ю. В. Инвариантные составляющие образа теракта у респондентов различных регионов России // Гражданское общество: история и современность: Сборник статей. В 2-х чч. Чита: Забайкальский гос. гуманитарно-педагогич. ун-т, 2007. Ч. 2. С. 144–149.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Быховец Ю. В. Представления о теракте у населения различных регионов России // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №6. С. 40–50.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Психологические характеристики лиц, переживших военный стресс // Труды Института психологии РАН. М., 1997. С. 254–262.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1994. Т15. №5. С. 67–77.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е., Ласко Н. Б., Орр С. Ф., Питман Р. К. Психофизиологическая реактивность у ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №2. С. 30–44.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е., Петрухин Е. В. Уровни субъективно-личностного восприятия и переживания «невидимого» стресса // Гуманитарная наука в России: Соровские лауреаты. Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г. Психология, философия. М., 1996. С. 213–220.
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Петрухин Е. В., Зеленова М. Е. Посттравматические стрессовые нарушения у участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС // Чернобыльский след. Медико-психологические последствия радиационного воздействия. М., 1992. С. 192–237.
- Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. №3. С. 95–129.
- Ястребов В. С. Терроризм и психическое здоровье (масштаб проблемы, толерантность населения, организация помощи) // Журнал неврологии и психиатрии. 2004. №6. С. 4–8.
- Apolone G., Mosconi P., La Vecchia C. Post traumatic stress disorder (letter) // New England Journal of Medicine. 2002. 346. P. 1495.

- Arab American Institute. Arab American demographics. <http://www.aaiusa.org/arab-americans/22/demographics>.
- Bleich A., Gelkopf M., Solomon Z. Exposure to terrorism, stress-related mental health symptoms, and coping behaviors among a nationally representative sample in Israel // JAMA. 2003. Aug. 6. 290 (5). P. 612–620.
- Bonanno G. A. Resilience in the face of potential trauma // Current Directions in Psychological Science. 2005. 14. P. 135–138.
- Boscarino J. A., Adams R. E. PTSD onset and course following the World Trade Center disaster: findings and implications for future research // Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol. 2009. Oct. 44 (10). P. 887–898.
- Boscarino J. A., Galea S., Ahern J., Resnick H., Vlahov D. Utilization of mental health services following the September 11th terrorist attacks in Manhattan, New York City // International Journal of Emergency Mental Health. 2002. №4. P. 143–155.
- Bureau of Transportation Statistics, Office of Airline Information (n. d.). Annual. Retrieved March 7, 2007 [электрон. ресурс]. http://www.bts.gov/programs/airline_information/air_carrier_traffic_statistics/airtraffic/annual/1981-2001.html.
- Creamer M., McFarlane A. C., Burgess P. Psychopathology following trauma: The role of subjective experience // Journal of Affective Disorders. 2005. 86. P. 175–182.
- Delisi L. E., Maurizio A., Yost M., Papparozzi C. F., Fulchino C., Katz C. L., Altesman J., Biel M., Lee J., Stevens P. A survey of New Yorkers after the Sept. 11, 2001, terrorist attacks // American Journal of Psychiatry. 2001. 160. P. 780–783.
- Ehlers A., Clark D. M. A cognitive model of posttraumatic stress disorder // Behaviour Research and Therapy. 2000. 38. 319–345.
- Folkman S., Lazarus R. S., Gruen R. J., DeLongis A. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. 50. P. 571–579.
- Galea S., Ahern J., Resnick H., Kilpatrick D., Bucuvalas M., Gold J., Vlahov D. Psychological sequelae of the September 11 terrorist attacks in New York City // New England Journal of Medicine. 2002. 346. P. 982–987.
- Galea S., Resnick H. Posttraumatic stress disorder in the general population after mass terrorist incidents: Considerations about the nature of exposure // CNN Spectrums. 2005. 10. P. 107–115.
- Galea S., Vlahov D., Resnick H., Ahern J., Boscarino J. A., Susser E., Bucuvalas M., Kilpatrick D. Trends of probable post-traumatic stress disorder

- in New York City after the September 11 terrorist attacks // *American Journal of Epidemiology*. 2003. 158. P. 514–524.
- Ginsburg K. R., Alexander P. M., Hunt M., Sullivan M., Zhao H., Cnaan A.* Enhancing their likelihood for a positive future: The perspective of inner-city youth // *Pediatrics*. 2002. 109. P. 1136–1142.
- Grieger T. A., Fullerton C. S., Ursano R. J.* Posttraumatic stress disorder, alcohol use and perceived safety after the terrorist attack on the Pentagon // *Psychiatric Service*. 2003. V. 54. № 10. P. 1380–1382.
- Hobfoll S. E., Palmieri P. A., Johnson R. J., Canetti-Nisim D., Galea S.* Trajectories of resilience, resistance, and distress during ongoing terrorism: the case of Jews and Arabs in Israel // *Journal of Consult. Clin. Psychol.* 2009 Feb. 77 (1). P. 138–148.
- Lichtenstein S., Slovic P., Fischhoff B., Layman M., Combs B.* Judged frequency of lethal events // *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*. 1978. 4. P. 551–578.
- Lindy J. D., Lindy D. C.* Counter transference and disaster psychiatry: From Buffalo Creek to 9/11 // *Psychiatric Clinics of North America*. 2004. 27. P. 571–587.
- March J. S.* Acute stress disorder in youth: A multivariate prediction model // *Biological Psychiatry*. 2003. 53. P. 809–816.
- Marshall R. D., Amsel L., Neria Y., Suh E. J.* Strategies for dissemination of evidence-based treatments: Training clinicians after large-scale disasters // F. H. Norris, S. Galea, M. J. Friedman, P. J. Watson (Eds). *Methods for disaster mental health research*. New York: Guilford Press, 2006. P. 226–242.
- Neria Y., Gross R., Litz B., Insel B., Maguen S., Seirmarco G., Rosenfeld H., Suh E. J., Kishon R., Cook J., Marchall R.* Prevalence and psychological correlates of complicated grief among bereaved adults 2,5–3,5 years after the 9/11 attacks // *Journal of Traumatic Stress*. 2007. 20 (3). P. 251–262.
- Norris F. H., Friedman M. J., Watson P. J., Byrne C. M., Diaz E., Kaniasty K.* 60,000 disaster victims speak: Part I. An empirical review of the empirical literature, 1981–2001. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 2002. 65 (3), 207–239.
- North C. S., Pfefferbaum B.* Research on the mental health effects of terrorism // *JAMA*. 2002. 288. P. 633–636.
- Padela A. I., Heisler M.* The Association of Perceived Abuse and Discrimination After September 11, 2001, With Psychological Distress, Level of Happiness, and Health Status Among Arab Americans // *American Journal of Public Health*. Feb. 2010. V. Issue 2. P. 284–291.

- Pangi R.* After the Attack: The Psychological consequences of Terrorism // www.esdp.org
- Propper R. E., Stickgold R., Keeley R., Christman S. D.* Is Television Traumatic? Dreams, Stress, and Media Exposure in the Aftermath of September 11, 2001 // *Psychological Science*. 2001. V. 18. № 4. P. 334–340.
- Ray M., Malhi P.* Reactions of Indian Adolescents to the 9/11 terrorist attacks // *The Indian Journal of Pediatrics*. 2005. 72 (3). P. 217–221.
- Roetzer L. M., Walch S. E.* Undergraduate Reactions to Terrorism: A Phenomenological Analysis // *The International Society for Traumatic Stress Studies 20th Annual Meeting. Final Program and Proceedings. War as a Universal Trauma*. 2004.
- Ropeik D.* The consequences of fear // *European Molecular Biology Organization Reports*. 2004. 5. P. 56–60.
- Rosenheck R., Fontana A.* Post-September 11 Admission Symptoms and Treatment Response Among Veterans With Posttraumatic Stress Disorder // *Psychiatr. Serv.* December 2003. 54. P. 1610–1617.
- Rubin G. J., Brewin C. R., Greenberg N., Simpson J., Wessely S.* Psychological and behavioural reactions to the bombings in London on 7 July 2005: Cross sectional survey of a representative sample of Londoners // *British Medical Journal*. 2005. 331. P. 606.
- Schlenger W. E., Caddell J. M., Ebert L., et al.* Psychological reactions to terrorist attacks: findings from the national study of American's reactions to September 11 // *JAMA*. 2002. 288. P. 581–588.
- Schuster M. A., Stein B. D., Jaycox L., Collins R. L., Marshal G. N., Elliot M. N.* A national survey of stress reactions after the September 11, 2001 terrorist attacks // *New England Journal of Medicine*. 2001. 345. P. 1507–1512.
- Silver R. C., Holman E. A., Mcinton D. N., Poulin M., Gil-Rivas V.* Nationwide longitudinal study of psychological responses to September 11 // *Journal of the American Medical Association*. 2002. 288. P. 1235–1244.
- Simeon D., Greenberg J., Knutelska M., Schmeidler J., Hollander E.* Peritraumatic reactions associated with the World Trade Center disaster // *American Journal of Psychiatry*. 2001. 160. P. 1702–1705.
- Sjoberg L.* Factors in risk perception // *Risk Analysis*. 2000. 20. P. 1–11.
- Slovic P.* Images of disaster: Perception and acceptance of risk from nuclear power // Goodman G., Row W. (Eds.) *Energy risk Assessment*. London: Academic Press. 1979. P. 223–245.
- Slovic P.* Perception of risk // *Science*. 1987. April 17. 236. P. 280–285.

- Smooha S.* Index of Jewish-Arab relations in Israel. Haifa, Israel: University of Haifa, 2004.
- Sowby F. D.* Radiation and other risks // *Health Physics*. 1965. 11. P. 879–887.
- Speckhard A.* Acute Stress Disorder in Diplomats, Military and Civilian Americans Living Abroad Following the September 11-th Terrorist Attacks on America // *Professional Psychology: Research & Practice*. 2003. V. 34 (2). Apr. P. 151–158.
- Speckhard A.* Inoculating Resilience to Terrorism: Acute and Posttraumatic Stress Responses in U. S. Military, Foreign & Civilian Serving Overseas After September 11-th // *Traumatology*. 2002. 8 (2). June. P. 105–122.
- Starr C.* Social benefit versus technological risk // *Science*. 1969. September 19. 165. P. 1232–1238.
- Stevens G., Taylor M., Barr M., Jorm L., Giffin M., Ferguson R., Agho K., Raphael B.* Public perceptions of the threat of terrorist attack in Australia and anticipated compliance behaviors // *Aust. N. Z. J. Public Health*. 2009. Aug. 33 (4). P. 339–346.
- Tarabrina N. V., Bykhovets J. V.* The Empirical Study of the Terrorist Treat. In NATO Security through Science Series. Human and Societal Dynamics. Tangled Roots: Social and Psychological Factors in the Genesis of Terrorism / Ed. by Jeff Victorov, IOS Press, University of Southern California Keck School of Medicine, USA. Oxford, 2006. V. 11. P. 242–258.
- The Status of Muslim Civil Rights in the United States 2005: Unequal Protection. Washington, DC: Council on American-Islamic Relations, 2005.
- Torabi M. R., Seo D. C.* National study of behavioral and life changes since September 11 // *Health Education Behavior*. 2004. 31. P. 179–192.
- Vlahov D., Galea S., Resnick H., Ahern J., Boscarino J. A., Bucuvalas M., Gold J., Kilpatrick D.* Increased use of cigarettes, alcohol, and marijuana among Manhattan residents after the September 11-th terrorist attacks // *American Journal of Epidemiology*. 2002. V. 155. P. 988–996.
- Weissman M. M., Neria Y., Das A., Feder A., Blanco C., Lantigua R.* et al. Gender differences in posttraumatic stress disorder among primary care patients after the World Trade Center attack of September 11, 2001 // *Gender Medicine*. 2005. 2. P. 76–87.
- Yehuda R., Bryant R., Marmar C., Zohar J.* Pathological Responses to Terrorism [электрон. ресурс]. <http://www.reuters.com/article/latest-Crisis/idUSN03327749>, 2009.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К ТЕРРОРИЗМУ

Е. Б. Батуева

Терроризм – это исторически изменчивое многоаспектное явление, имеющее разнообразные формы и проявления. Он включает в себя политические, экономические, правовые, социальные и психологические аспекты. Существует большое количество определений терроризма, раскрывающих тот или иной его аспект. Известные отечественные криминологи Ю. М. Антонян и В. В. Лунеев определяют терроризм как «взрывы, поджоги, убийства и другие преступления, совершаемые одиночками или группами лиц в целях дестабилизации социально-политической обстановки, устрашения населения и воздействия на политику органов государственной власти» (Антонян, Лунеев, 2005, с. 728). Социологи Л. М. Дробижева и Э. А. Паин (как и ряд других авторов) подчеркивают, что «терроризм является разновидностью политического экстремизма в его крайнем – насильственном проявлении» (Дробижева, Паин, 2002, с. 40). В. А. Соснин и Т. А. Нестик в своей книге «Современный терроризм: Социально-психологический анализ» отталкиваются «от понимания терроризма как „двухстороннего“ феномена, т. е. государственного терроризма властных структур для сохранения своих властных полномочий, с одной стороны, и, с другой, – „терроризма низов“, не согласных с политикой властных структур» (Соснин, Нестик, 2008, с. 16). По мнению Д. В. Ольшанского, «терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий» (Ольшанский, 2002, с. 17–18).

Сложность в утверждении общепринятого научного определения терроризма связана не только с многоаспектностью явления, но и с отсутствием правового согласия по международно-правово-

му определению данного понятия. Это связано, во-первых, с тем, что существуют разногласия представителей различных стран относительно содержания понятия: «...одни считали (и считают), что достаточно перечисления использования насилия и обстоятельств его использования и их правовых последствий; другие же считают, что достичь согласия относительно определения нельзя, и поэтому ратуют за прагматический подход, т. е. за создание правовых норм, соответствующих разным аспектам проблемы терроризма» (Терроризм и международное право, 2004, с. 85). Во-вторых, данное положение связано с тем, что «До сих пор не удается достичь соглашения о разграничении понятий терроризм и борьба за национальное освобождение. Некоторые страны (Израиль) считают, что это приведет к появлению „разрешенного“ и „запрещенного“ терроризма, другие же (Норвегия) убеждены, что это ведет к оправданию в некоторых случаях террористических акций. Согласно израильской и норвежской точкам зрения, «методы и цель определяют преступление»; однако Испания считает, «что какой бы не была причина, она никогда не может служить оправданию террористического акта» (там же, с. 86).

Несмотря на многообразие форм и проявлений терроризма и связанное с этим существование большого количества определений терроризма и подходов в его изучении, можно выделить две основные характеристики терроризма: 1) применение насилия или угроза применения насилия для достижения определенных целей (политических, экономических, социальных, уголовных и т. д.) посредством нагнетания страха, тревоги и эмоционального напряжения; 2) исторически изменчивый характер.

Р. Х. Макуев пишет, что «современный терроризм, сохраняя свою историческую наследственность, является совершенно иным, нежели тот, который имел место в далеком и не так уже далеком прошлом. Он проходит перерождение в условиях процесса глобализации и острее отражает негативные стороны последнего» (Макуев, 2007, с. 45). Предпосылками возникновения и распространения терроризма, наряду с глобализационными процессами, являются: возрастающая роль средств массовой коммуникации в жизни общества, совершенствование оружия массового поражения, изменения в геополитике (распад «железного занавеса», появление государственных границ и т. д.), рост экстремизма, ксенофобии, национализма, фанатизма и региональных конфликтов, бедность (ограниченный доступ к ресурсам, высокий уровень безработицы

и т. д.), миграция, урбанизация и т. д. Американский ученый Рассел Парман выделил три основных фактора, влияющие на количество террористических актов в стране. «Социальные причины исследуются на макроуровне и объясняются с учетом конкретных местных условий и уникальных обстоятельств. Первый фактор – показатель степени свободы, определенный для каждой страны в публикациях Freedom House. Второй фактор – уровень человеческого развития, определяемый принятым ООН индексом человеческого развития (HDI), т. е. уровнем жизни в стране. Третий фактор – средний возраст мужчин (во многих случаях преобладание молодежи может служить фактором, содействующим терроризму)» (Парман, 2006, с. 148). Среди психологических источников терроризма выделяют, например, неустойчивое «психологическое состояние общества, или его психолого-политическую нестабильность» (Соснин, Нестик, 2008, с. 53). Ю. М. Антонян и В. В. Лунев подчеркивают, что терроризм, особенно националистический и религиозный, немислим без одобряющего, поддерживающего отношения к террористам «их социального окружения, населения и отдельных групп» (Антонян, Лунев, 2005, с. 341). Поэтому отношение населения к терроризму и террору является одним из индикаторов социального благополучия общества в целом.

Значительную роль в формировании отношения к терроризму играют средства массовой коммуникации. Н. В. Тарабрина и Ю. В. Быховец в своем исследовании доказали влияние «поступающей из СМИ информации о терактах и их предполагаемых последствиях (количество жертв, особенности повреждений), а также имеющихся у субъекта знаний о прошлых террористических событиях и их последствиях» на возникновение и интенсивность переживания террористической угрозы у прямых и косвенных жертв терактов (Быховец, Тарабрина, 2010, с. 30). Переживание террористической угрозы – субъективная оценка риска стать жертвой теракта (там же, с. 29).

После проведения террористического акта и его трансляции в средствах массовой информации в обществе выделяется несколько групп. Среди них наиболее отчетливо можно определить две группы: первая – это «виктимизированная» группа, т. е. прямые и косвенные жертвы теракта, которые негативно относятся к террористам и их действиям; вторая – это группа, члены которой нейтрально или положительно относятся к террористам, считая их борцами за справедливость и оценивая их действия как вынужденную меру защиты своих национальных, религиозных, социальных и т. д.

прав и свобод. Р. Х. Макуев подчеркивает, что «Даже сегодня в определенных кругах террорист окружен неким ореолом борца за веру и свободу» (Макуев, 2007, с. 43). И поэтому при изучении проблемы терроризма часто отмечаются «проблема так называемого „двойного стандарта“» (Ольшанский, 2002, с. 25), «двойственная оценка природы терроризма» (Макуев, 2007, с. 43).

Среди факторов, влияющих на отношения населения к терроризму (террористам, терактам), можно выделить:

- 1) отношение к субъекту и объекту теракта;
- 2) характер антитеррористических действий властей, в том числе эффективность проведенных операций;
- 3) характер освещения СМИ терактов, в том числе интервью с террористами.

В. Н. Мясищев пишет о том, что «формирование отношений в структуре личности человека происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях его макро- и микробытия, в котором он живет» (Мясищев, 1995, с. 7). Основные положения теории В. Н. Мясищева позволили нам выделить три основных компонента в структуре отношений личности к терроризму: конативная (потребности), эмоциональная и оценочная стороны отношения. *Первым компонентом* являются потребности, «ее можно определить как конативную тенденцию овладения» (Мясищев, 1995, с. 18). Так, например, террористические акты могут оказывать негативное влияние на возможность удовлетворения человеком или группой потребностей в безопасности и защите, которые проявляются в потребности в организации, стабильности, в законе и порядке, в предсказуемости событий и в свободе от таких угрожающих сил, как болезнь, страх и хаос. Приобщение человека к террористической деятельности может быть связано, например, с его потребностью в групповой принадлежности и в повышении самоуважения.

Вторым компонентом является эмоциональная сторона отношения. Оно включает в себя эмоциональные реакции, эмоциональные состояния и эмоциональные отношения (Мясищев, 1995, с. 19). Основной целью террора является устрашение. «С одной стороны, субъекты насилия (террористы) обычно руководствуются сильными эмоциями и чувствами, доходящими до бурной степени своего проявления: это гнев, ярость, ненависть, отчаяние. С другой сторо-

ны, последствия насилия вызывают соответствующую эмоциональную реакцию и у жертв насилия: унижение достоинства, боль, горе рождают не только страх, но и ответную ненависть, жажду мести» (Ольшанский, 2002, с. 23).

Третий компонент – оценочная сторона отношения. Оценочное отношение может проявляться в положительной, нейтральной (амбивалентной), отрицательной оценке как субъектов, так и объектов (жертв) террористической активности. Террорист может оцениваться, например, как убийца, как борец за справедливость, как психически нездоровый человек. Д. В. Ольшанский отмечает, что открытое одобрение террора может быть связано с «предварительно уже сложившимся отношением к жертвам террора» (Ольшанский, 2002, с. 61).

Изучение условий и причин распространения терроризма имеет большое теоретическое и практическое значение. Для предотвращения причин террористического поведения необходимо исследование отношения населения к террористам и терроризму, выявление типов данного отношения. Исследование этой малоизученной отрасли психологии терроризма базируется на теоретических и практических работах Д. В. Ольшанского, Ю. М. Антоняна, В. В. Лунеева, Д. В. Сочивко, С. Н. Ениколопова, В. А. Соснина, Т. А. Нестика, Н. В. Тарабриной, Ю. В. Быхолец, посвященных тем или иным психологическим аспектам терроризма. Одними из первых отечественных работ, посвященных проблеме отношения к терроризму, являются работы Т. А. Пейсахова и А. А. Мкртычян. В диссертационной работе Т. А. Пейсахова исследовано влияние кросскультурных особенностей на отношение к терроризму (Пейсахов, 2006), в работе А. А. Мкртычян представлены результаты изучения взаимосвязи социальной дистанции и отношения к терроризму (Мкртычян, 2007). Но проблема влияния личностных, социально-психологических и социально-демографических факторов на структуру отношения к терроризму, а также взаимосвязь этих факторов остается мало изученной. Анализ литературы и пилотажное исследование позволили нам выделить следующие факторы, связанные с отношением к терроризму. Это 1) представления о терроризме и террористе; 2) представления о справедливости и борце за справедливость; 3) размер дистанции между образами «Я», «Террорист» и «Борец за справедливость»; 4) ценностные ориентации личности; 5) уровень социальной фрустрированности; 6) стиль поведения в конфликтной ситуации; 7) макиавеллизм личности; 8) локус-контроль личности.

Особую актуальность представляет изучение отношения не только к основным видам терроризма – государственному, политическому, этническому, религиозному, социальному, но к их подвидам: точечному, направленному на определенного, конкретного представителя (или группу представителей) конкретной религии, нации, государственной или политической организации и диффузному, направленному на население в целом, всю социальную группу или ее часть.

Предметом нашего исследования послужили социально-психологические факторы отношения к терроризму, *объектом* исследования – студенты московских и улан-удэнских вузов в возрасте от 18 до 24 лет. В основном исследовании приняли участие 190 человек, из них 92 респондента проживают в г. Улан-Удэ, 98 респондентов – в г. Москва. *Целью* исследования являлось изучение влияния социально-психологических и социально-демографических факторов на особенности отношения к терроризму.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что социально-психологические факторы (такие как представление о терроризме, дистанция между образами «Я» и «Борец за справедливость», «Я» и «Террорист», «Борец за справедливость» и «Террорист», ценностные ориентации личности, уровень социальной фрустрированности, стиль поведения в конфликтной ситуации, макиавеллизм и локус-контроль личности) оказывают влияние на различные виды терроризма.

Частные гипотезы исследования:

- 1) отношение к терроризму в целом как к явлению отличается от отношения к конкретным видам терроризма, а именно к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, социального, этнического, религиозного терроризма;
- 2) модальность отношения к терроризму зависит от отношения к террористу как субъекту террористической деятельности, от степени дифференциации между образами «Я»-«Борец за справедливость» и «Я»-«Террорист»;
- 3) совпадение образов «Я», «Борец за справедливость» и «Террорист» в сознании респондентов связано с различным комплексом социально-психологических факторов;
- 4) понятия «терроризм» и «борьба за справедливость» не имеют в представлении респондентов общих признаков;
- 5) имеется региональная и половая специфика отношения к терроризму.

Методика исследования

Для достижения цели исследования были использованы следующие методики.

1. Для изучения отношения к терроризму была разработана анкета, которая включает в себя перечень вопросов об отношении к террористу и терроризму (как явлению в целом), о наиболее опасных видах терроризма и причинах возникновения и возможности осуществления террористических актов в регионе проживания. Анкета состоит из 9-и вопросов, включает в себя открытые и полузакрытые вопросы (Батуева, 2010).
2. Для выявления дифференцированного отношения к точечному и диффузному терроризму определенных видов – государственному, политическому, социальному, этническому и религиозному – был разработан авторский опросник «Дифференцированное отношение к точечному и диффузному терроризму» (Приложение 1). Методика включает в себя 10 пунктов, объединенных в пять блоков (количество изучаемых видов терроризма двух основных подвидов каждого вида терроризма (точечный и массовый)). Для работы с опросником прилагался список основных понятий. Опросник обладает высоким показателем надежности (α Кронбаха – 0,909).
3. Исследование содержания понятия «терроризм» было осуществлено с помощью контент-анализа сочинений респондентов на тему «Терроризм. Мое отношение к терроризму». Целью применения контент-анализа является изучение содержания понятия «терроризм», а также выявление его специфики у респондентов с разным отношением к терроризму.
4. Для сбора эмпирических данных была модифицирована методика личностного дифференциала (вариант, адаптированной в НИИ им. В.М. Бехтерева.). Методика представляет собой список из 21 биополярной шкалы, образованных личностными прилагательными. Использование психосемантического метода в исследовании обусловлено задачами выявления значения для респондента образов «Террорист», «Борец за справедливость» и «Я», измерения эмоционального отношения к террористу и борцу за справедливость. Дополнительными целями применения данной методики являлись: а) выявление отношения к терроризму через отношение к исполнителю (субъекту) террористических актов, борцу за справедливость и к самому

себе; б) изучение показателя дистанции между образами «Борец за справедливость» и «Террорист». Также были выявлены значимые различия значений по трем классическим факторам: «Оценка», «Сила» и «Активность».

5. Для изучения ассоциаций со словами «справедливость» и «несправедливость», выявления соотношения содержания этих понятий с содержанием понятия «терроризм» в анкету были включены пункты в виде открытых вопросов: «справедливость – это ...», «несправедливость – это ...». Для анализа представлений о борце за справедливость включен пункт: «Напишите имя человека (имена людей), которого (ых) Вы считаете Борцом (Борцами) за справедливость».
6. В исследовании был использован проективный рисуночный тест «Человек – Человек-террорист», основанный на модификации двух методик: «Рисунок человека» (в интерпретации А. Л. Венгера) и «Человек – Человек под дождем» Е. В. Романовой и Т. И. Сытько. В рисунках, согласно Е. В. Романовой, «в единой «слитой» форме представлены и образ, и отношение человека к миру, и личный опыт переживания субъекта» (Зинкевич-Евстигнеева, Кудзилов, 2003, с. 2). Психологический анализ рисунков направлен на выявление эмоционального и конативного компонентов отношения к терроризму.
7. Для изучения и выявления факторов отношения к терроризму был использован комплекс методик, включавший:
 - «Ценностные ориентации личности» Р. Рокича;
 - «Уровень субъективного контроля (УСК)» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда;
 - «Мак-шкалу» (в адаптации В. В. Знакова);
 - методику экспресс-диагностики уровня социальной фрустрированности (Л. И. Вассерман);
 - методику экспресс-диагностики поведенческого стиля в конфликтной ситуации (А. М. Бандурка, С. И. Бочарова, Е. В. Земянская).

Математико-статистический анализ полученных данных осуществлялся при помощи программы «Статистика 6.0» и «SPSS 17». Все полученные количественные данные обработаны методом вариационной статистики и проверены на нормальность распределения. Для проверки надежности использованных методик и согласованности пунктов в выделенных факторах рассчитывалась α Кронбаха.

Для исследования взаимосвязей и корреляций переменных, а также выявления латентных переменных применялись факторный и корреляционный анализ.

Результаты исследования

Для исследования отношения к терроризму необходимо в первую очередь изучить ассоциации, связанные с понятием «терроризм», специфику его содержания. В результате анализа сочинений на тему «Терроризм. Мое отношение к терроризму» было выявлено:

- 1) наиболее часто упоминаемыми ассоциациями со словом «терроризм» являются проблема (31 упоминание), невинные люди (25 упоминаний), убийство (23 упоминания), жестокость (21 упоминание), жизнь (21 упоминание), борьба (18 упоминаний) и дети (18 упоминаний) (написавших сочинение – 153 человека);
- 2) специфика содержания понятия «терроризм» у респондентов обусловлена регионом их проживания и особенностями отношения к терроризму:
 - а) жители г. Москвы чаще всего связывают терроризм с политикой, религией, экономикой и ненавистью, а жители г. Улан-Удэ – с болью, жестокостью и страхом. Жители г. Улан-Удэ чаще, чем москвичи, при описании терроризма используют слова «смерть» и «гибель»;
 - б) респонденты, которые положительно относятся к терроризму, не ассоциируют его с насилием и проблемой, а террористов – с убийцами и не расценивают их действия как бесчеловечные;
- 3) в результате сравнительного анализа понятий «терроризм», «справедливость» и «несправедливость» обнаружено, что как терроризм, так и несправедливость ассоциируются с насилием, страданием, злом и безнравственностью. Но данные признаки находят большее отражение в понятии «терроризм». По всей вероятности, это связано с тем, что терроризм, в сравнении с несправедливостью, несет в себе большее зло и насилие, приносит больше страданий, оно более безнравственно и несправедливо. Также обнаружено, что у респондентов, положительно относящихся к терроризму, в содержание понятия «справедливость» не входят такие слова, как норма, честь и честное отношение, и они не связывают несправедливость с обманом, страданием,

неправдой, предательством, выгодой, злом, эгоизмом, аморальностью.

Все выявленные ассоциации со словом «терроризм» нами объединены в три группы: «Характеристика терроризма», «Мотивировки терроризма» и «Последствия терроризма» (таблица 1). Ассоциации нами объединялись в группы с опорой на оценки двух экспертов (экспертами выступили сотрудники Института психологии РАН Ю. В. Быховец, канд. психол. наук, и Т. А. Нестик, канд. филос. наук). В группу «Характеристика терроризма» включены слова, с помощью которых респонденты оценивают явление терроризма, личность террориста и свое собственное отношение к терроризму. Характеристика может быть отрицательной, неоднозначной и оправдательной. Например, отрицательная оценка терроризма проявляется в словах «проблема», «убийство» и «зло», неоднозначная (нейтральная) – «явление», «деятельность» и «метод», оправдательная – «выход» и «протест». В группу «Мотивировки терроризма» объединены слова, с помощью которых респонденты объясняют, какие личностные, межличностные и общественные факторы являются причинами терроризма. В связи с этим группа подразделена на подгруппы «Личностные», «Межличностные» и «Общественные». В группу «Последствия» объединены слова, с помощью которых респонденты описывают, какие эмоции вызывают теракты и какие они несут последствия для людей и общества в целом. Данная группа подразделена на «Личностные», «Социальные» и «Общественные» подгруппы.

Общим основанием классификации является направленность (знак): отрицательная, нейтральная и положительная. В случае с группой «Характеристика» основание несколько видоизменено: нейтральную оценку изменили на неоднозначную, а положительную на оправдательную.

Результаты контент-анализа и ассоциативного метода позволяют сделать вывод о том, что терроризм вызывает как негативные (проблема, убийство и лишение жизни детей и невинных людей), так и позитивные ассоциации (терроризм – это борьба). Обнаружено, что специфика содержания понятий «Терроризм», «Справедливость» и «Несправедливость» связана с региональной принадлежностью респондента и особенностями его отношения к терроризму. Анализ выявленных ассоциаций и их последующая классификация позволил определить семантические значения понятий «Терроризм» и «Террорист», которые влияют на последующую оценку респонден-

том последствий терактов и на объяснение причин, подтолкнувших террористов на подобные действия.

С помощью анкеты и методики «Дифференцированное отношение к точечному и массовому терроризму» было выявлено, что 90% респондентов относятся к терроризму в целом крайне отрицательно или отрицательно (70% – крайне отрицательно и 19% – отрицательно), 4% – нейтрально и 6% – положительно или во многом положительно. Но при этом у 60% респондентов отношение к определенным видам терроризма отличается от их отношения к терроризму как к явлению в целом. Например, относясь к терроризму как к явлению в целом крайне отрицательно, респондент может относиться к одному из его видов нейтрально или положительно, или же, относясь к терроризму как к явлению в целом нейтрально или положительно, относится к его определенным видам отрицательно. Также выявлено, что существует дифференцированное отношение к точечному и диффузному видам терроризма (см. таблицу 2). Например, крайне отрицательно относятся к диффузному религиозному терроризму 71% респондентов, а к его точечному подвиду – 77%.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что отношение респондента к терроризму как к явлению в целом и к его различным видам (диффузному и точечному) гомогенно и гетерогенно. Феномен различия отношений к терроризму можно объяснить, во-первых, тем, что у одного и того же респондента в основе отношения к терроризму как к явлению в целом и к выделенным видам терроризма могут лежать различные представления о нем и о террористе. Например, негативное отношение к терроризму как к явлению может быть связано с представлением о терроризме как о проблеме, жестокости и убийстве невинных людей, а положительное или нейтральное отношение к конкретному виду (конкретным видам) основываться на представлении о нем как о борьбе, единственном выходе и т. д. Во-вторых, различие в отношении респондента к терроризму в целом и к его конкретным проявлениям объясняется следующим фактом: иногда респондент, отрицательно относясь к терроризму как к абстрактному явлению, положительно или нейтрально относится к конкретным и наиболее значимым для него видам терроризма. Значимость для него определенных видов терроризма, возможно, связана с их оценкой как крайнего, но единственного метода достижения цели в политической, социальной, религиозной и этнической сферах.

Таблица 2
Отношение к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, этнического, религиозного и социального терроризма

Отношение	Виды терроризма									
	Государственный		Политический		Этнический		Религиозный		Социальный	
	диффуз- ный	точеч- ный	диффуз- ный	точеч- ный	диффуз- ный	точеч- ный	диффуз- ный	точеч- ный	диффуз- ный	точеч- ный
Крайне отрицательно	137	108	113	95	134	145	40	132	124	118
Отрицательно	34	51	53	62	37	29	37	42	49	49
Нейтрально	12*	22*	15	20	2	11	10	8	11	14
Положительно	4	2	3*	8*	2	2	0	3	1	4
Безусловно положительно	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0

Примечание: * – данные, подтверждающие существование дифференцированного отношения к точечному и диффузному видам терроризма.

Выделенные и исследуемые нами виды диффузного и точечного терроризма в результате факторного анализа объединились в два фактора, условно названные «государственно-политический» и «этнорелигиозный» терроризм. В фактор «государственно-политический терроризм» вошли государственный, политический, социальный виды диффузного и точечного терроризма и терроризм как явление в целом. Этнический и религиозный виды диффузного и точечного терроризма объединены в фактор «этнорелигиозный терроризм».

Результаты факторного анализа представлены в таблице. При факторном анализе использовался метод главных компонент, тип вращения – Varimax.

С помощью комплекса математико-статистических методов анализа данных (факторного, корреляционного и регрессионного) выявлены факторы, влияющие на модальность отношения к государственно-политическому и этнорелигиозному видам терроризма. Обнаружено, что положительное отношение к государственно-политическому терроризму связано с такими факторами, как:

- Слабость «Я» (коэффициент корреляции Пирсона 0,216; $p < 0,01$);
- Слабость «Борца за справедливость» (0,155; $p < 0,05$);
- Уступчивость в конфликтной ситуации ($-0,177$; $p < 0,05$).

Данные, полученные с помощью регрессионного анализа, позволяют сделать вывод о том, что чем положительнее респондент относится к государственно-политическому терроризму, тем более он ощущает (оценивает) себя и борца за справедливость слабыми и зависимыми ($\beta = 0,050$). И тем более им отвергаются такие ценности, как «наличие хороших и верных друзей» ($\beta = -0,230$) и «высокие запросы» (высокие требования к жизни и высокие притязания) ($\beta = -0,137$), большую значимость приобретает ценность «счастливой семейной жизни» ($\beta = 0,131$). Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что 0,70% дисперсии зависимой переменной (отношение к государственно-политическому терроризму) обусловлено влиянием выделенных предикторов. Коэффициент множественной регрессии равен 0,64.

Положительное отношение к этнорелигиозному терроризму связано с оценкой борца за справедливость как слабого (коэффициент корреляции Пирсона 0,159; $p < 0,05$). Респондентам, имеющим положительное отношение к данному виду терроризма, свойственно негативно оценивать волевые качества личности борца за справед-

Таблица 3
Результаты факторного анализа

Методика	Название фактора	Дисперсия (%)	α Кронбаха	Содержание фактора
Методика личностного дифференциала (образ Я)	Необщительность	13,6	0,740	замкнутый нелюдимый молчаливый непривлекательный
	Податливость	12,6	0,739	нерешительный неуверенный уступчивый пассивный слабый
	Слабость	10,5	0,700	безответственный несамостоятельный зависимый вялый
	Слабость	15,0	0,715	несамостоятельный слабый зависимый безответственный раздражительный вялый
Методика личностного дифференциала (образ борца за справедливость)	Необщительность	11,1	0,737	нелюдимый молчаливый замкнутый

Методика личностного дифференциала (образ Террориста)	Асоциальность	14,7	0,740	несправедливый эгоистичный черствый безответственный неискренний враждебный
	Сила	14,4	0,748	решительный энергичный уверенный деятельный упрямый
	Необщительность	11,3	0,720	молчаливый нелюдимый замкнутый непривлекательный
Методика исследования макиавелизма	Честность	12,7	0,699	лучше быть скромным и честным, чем влиятельным и нескромным
Методика экспресс-диагностики уровня социальной фрустрированности	Удовлетворенность социальными отношениями	14,8	0,702	Удовлетворенность: взаимоотношениями с коллегами по работе (учебе) с администрацией с субъектами профессиональной деятельности содержанием своей работы в целом образованием отношениями с друзьями ближайшими знакомыми
	Удовлетворенность материальными условиями жизни	14,7	0,758	Удовлетворенность: материальным положением положением в обществе жилищно-бытовыми условиями отношениями с родителями своим образом жизни в целом

Экспресс-диагностика поведения в конфликтной ситуации	Уступчивость	12,6	0,729	В конфликтной ситуации: иду на компромисс немного уступаю и подталкиваю другую сторону к уступкам допускаю, что не прав пытаюсь все обратить в шутку
Опросник «Дифференцированное отношение к точечному и диффузному терроризму»	Государственно-политический терроризм	35,1	0,888	государственный диффузный политический диффузный государственный точечный политический точечный социальный диффузный социальный точечный терроризм как явление
	Этнорелигиозный терроризм	12,6	0,880	этнический точечный этнический диффузный религиозный точечный религиозный диффузный
Методика исследования субъективного контроля (УСК)	Шкала общей интернальности	15,6	0,713	
	Шкала интернальности в области межличностных отношений	33,2	0,781	Люди оказываются одинокими из-за того, что сами не проявляют интереса и дружелюбия к окружающим Если я очень захочу, то смогу расположить к себе почти любого «-» Бесплезно предпринимать усилия для того, чтобы завоевать симпатию других людей Мне всегда было трудно понять, почему я нравлюсь одним людям и не нравлюсь другим
	Шкала интернальности в области здоровья и болезни	32,0	0,847	Думаю, что правильный образ жизни может больше помочь здоровью, чем врачи и лекарства Ребенка всегда можно уберечь от простуды, если за ним следить и правильно одевать «-» Болезнь – дело случая; если уж суждено заболеть, то ничего не поделаешь Думаю, что мой образ жизни ни в коей мере не является причиной моей болезни (болезней)

ливость ($\beta = 0,176$). Для них имеют высокую значимость ценности: «продуктивная жизнь» (максимально использование своих возможностей, сил и способностей) ($\beta = 0,230$) и «развитие» (работа над собой, постоянное духовное и физическое совершенствование) ($\beta = 0,174$). Возможно, значимость этих видов ценностей обусловлена невозможностью или ограниченной возможностью удовлетворения потребности в самовыражении. Кроме того, чем положительнее отношение к этнорелигиозному терроризму, тем меньшую значимость приобретает инструментальная ценность «исполнительность» (дисциплинированность) ($\beta = -0,161$).

Выявлено, что респонденты, положительно относящиеся к терроризму как к явлению в целом, отвергают такие терминальные ценности, как любовь, общественное признание (уважение окружающих, коллектива товарищей по работе), красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве). Для них имеют низкую значимость такие инструментальные ценности, как высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания), непримиримость к недостаткам в себе и других. Высокую значимость для данных респондентов приобретает ценность «счастливая семейная жизнь».

Вывод: положительное отношение к двум основным видам терроризма – государственно-политическому и религиозно-этническому – обусловлено разным комплексом социально-психологических факторов.

По мнению И. В. Блишниковой и О. В. Сафуановой, «<...> факторные структуры отражают присущие испытуемым структуры категоризации, через призму которых происходит восприятие другого человека или самого себя...» (Блишниковая, Сафуанова, 2003, с. 275). Факторный анализ данных, полученных с помощью методики «Личностный дифференциал», выявил шкалы с личностными качествами, которые выполняют функции дифференциации и оценки борца за справедливость и террориста. Так, например, выявлено, что при оценке как борца за справедливость, так и террориста значимым является фактор «Сила». Классическая интерпретация фактора силы личностного дифференциала свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самими испытуемыми. Его высокие оценки говорят об уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Низкие значения свидетельствуют о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой ли-

нии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Во взаимных оценках фактор силы выявляет отношения доминирования-подчинения, как они воспринимаются субъектом оценки (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2005).

Борец за справедливость оценивается и дифференцируется по параметрам «необщительность», «податливость» и «слабость». Возможно, негативная оценка личностных качеств носителя справедливости связана с отрицанием респондентами его существования (26% респондентов не ответили и 18% респондентов написали, что борцов за справедливость не существует) и тем, что многие (12%) в качестве борца за справедливость назвали не реального человека, а сказочный (мифический) персонаж (например, Робин Гуда, Человек-паук, Бэтмана и Супермена). Сравнение выборки, сделанной в г. Улан-Удэ, и московской выборки по критерию Манна–Уитни выявило значимые различия по фактору «Активность»: респонденты из г. Улан-Удэ оценивают борца за справедливость как более активного. Вероятно, это связано с тем, что в качестве примера борца за справедливость они чаще называют действующих представителей исполнительной власти (В. В. Путин, Д. А. Медведев и В. В. Наговицин (президент республики Бурятия)). В Москве встречаются такие имена, как Г. К. Каспаров, Дж. Неру, Ф. Кастро, из сказочных – Супермен.

Результаты корреляционного анализа позволили нам выделить факторы, связанные с отождествлением (идентификацией) респондента с борцом за справедливость. Это такие факторы, как «Податливость Я» (коэффициент корреляции Пирсона 0,571; $p < 0,01$); «Необщительность Я» (0,319; $p < 0,01$); «Удовлетворенность материальными условиями» (0,275; $p < 0,01$); совпадение образа «Борец за справедливость» и «Террорист» (0,254; $p < 0,01$) в сознании респондента; Слабость «Я» (0,193; $p < 0,01$); дифференциация образов «Я» и «Террорист» (-0,334; $p < 0,01$); Слабость «Борца за справедливость» (-0,219; $p < 0,01$).

Данные регрессионного анализа свидетельствуют о том, что 54,9% дисперсии зависимой переменной (отождествление с борцом за справедливость) обусловлено влиянием выявленных факторов. Коэффициент множественной регрессии равен 0,749. Выявлено, что у респондента, отождествляющего себя с борцом за справедливость, образы «Борец за справедливость» и «Террорист» слиты в единый образ ($\beta = 0,863$), но при этом он не идентифицирует себя с террористом ($\beta = -0,996$) и оценивает борца за справедливость как сильного (самостоятельного, независимого, невозмутимого,

энергичного и добросовестного). Кроме вышеперечисленного, он удовлетворен материальными условиями и своим образом жизни в целом (отсутствует фрустрация по поводу жилищно-бытовых условий и т. д.) ($\beta = 0,104$) и для него важны ценности «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» ($\beta = 0,031$) и «красота природы и искусства» ($\beta = 0,004$).

При оценке и дифференциации образа *террориста* наиболее значимыми параметрами являются «асоциальность», «сила» и «необщительность». Дополнительный анализ выявил значимые различия по факторам «Оценка» и «Сила» у респондентов г. Улан-Удэ и г. Москва. Обнаружено, что респонденты из Москвы оценивают террориста как более сильного. Данный факт, возможно, связан с их реальным опытом столкновения с террористической угрозой, который влияет на предпочтение или отвержение террориста. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что отождествление человека с террористом связано со следующими факторами:

- Слитность образов «Борец за справедливость» и «Террорист» (коэффициент корреляции Пирсона 0,710; $p < 0,01$);
- Асоциальность «Террориста» (0,469; $p < 0,01$);
- Сила «Террориста» (0,314; $p < 0,01$);
- Необщительность «Террориста» (0,260; $p < 0,01$);
- Необщительность «Я» (-0,377; $p < 0,01$);
- Слабость «Я» (-0,350; $p < 0,01$);
- Дифференциация образов «Я» и «Борец за справедливость» (-0,334; $p < 0,01$);
- Податливость «Борца за справедливость» (-0,307; $p < 0,01$);
- Слабость «Борца за справедливость» (-0,205; $p < 0,01$);
- Фактор «Удовлетворенность материальными условиями» (-0,177; $p < 0,05$);
- «Шкала интернальности в области межличностных отношений» (-0,179; $p < 0,05$): человек не чувствует себя способным вызвать уважение и симпатию других людей.

В результате регрессионного анализа выявлено, что 76,3% дисперсии зависимой переменной (отождествление себя с террористом) обусловлено влиянием выделенных факторов. Коэффициент множественной регрессии равен 0,874. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что, вероятнее всего, неосознанная идентификация с террористом связана с тем, что в сознании респондента образы борца за справедливость и террориста слиты ($\beta = 0,664$)

в единый образ. Но при этом он не идентифицирует себя с борцом за справедливость ($\beta = -0,489$), так как оценивает его как слабого, а террориста – как сильного ($\beta = 0,040$), закрытого (необщительного) ($\beta = 0,109$) и асоциального ($\beta = 0,087$). Данные респонденты не удовлетворены своими жилищно-бытовыми условиями, отношениями с родителями, положением в обществе и образом жизни в целом ($\beta = -0,039$), обладают общим внешним локусом контроля ($\beta = -0,065$) и экстернальностью в области межличностных отношений ($\beta = -0,016$). Вероятно, это связано тем, что человек, идентифицирующий себя с террористом, склонен искать источники своих проблем вовне. Для них высокую значимость имеют ценности «развлечения» ($\beta = 0,019$) и «широта взглядов» ($\beta = 0,065$) и отвергается ценность «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» ($\beta = -0,044$).

Как отмечалось выше, сложность изучения проблемы отношения к терроризму связана с размытостью границ между представлениями о борце за справедливость и о террористе. В результате исследования было выявлено, что совпадение образа «Борец за справедливость» и «Террорист» будут слиты в сознании респондентов в единый образ, если человек идентифицирует себя одновременно с террористом и борцом за справедливость и оценивает себя и их как сильных. При этом он считает борца за справедливость и себя открытыми и общительными, а террориста асоциальным и необщительным. Для такого респондента высокую значимость имеет ценность «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» и низкую – «красота природы и искусства» (см. таблицу 5). Данные регрессионного анализа свидетельствуют о том, что 84,7% дисперсии зависимой переменной (совпадение образа «Борец за справедливость» и «Террорист» в сознании респондентов) обусловлено влиянием выявленных факторов. Коэффициент множественной регрессии равен 0,920.

Анализ полученных результатов позволяет выделить факторы, влияющие на отождествление респондентом себя как с террористом, так и с борцом за справедливость. К этим факторам относятся особенности самооценки личности и уровень ее социальной фрустрированности (а именно удовлетворенность материальными условиями). Выявлено, что респондент, отождествляющий себя с борцом за справедливость, оценивает себя как слабого и необщительного, но удовлетворенного материальными условиями жизни. А респондент, отождествляющий себя с террористом, напротив, оценивает

Таблица 5

Результаты корреляционного и регрессионного анализа ($p < 0,01$)

Факторы	Коэффициент корреляции	Стандартные коэффициенты регрессии (β)
Совпадение образов Я–Террорист	0,710	0,593
Асоциальность Террориста	0,510	0,206
Сила Террориста	0,432	0,184
Необщительность Террориста	0,294	0,096
Совпадение образов Я–Борец за справедливость	0,252	0,341
Слабость Борца за справедливость	-0,467	-0,222
Необщительность Борца за справедливость	-0,273	-0,182
Слабость Я	-0,248	
Необщительность Я	-0,206	
Ценность красоты природы и искусства	0,230	0,008
Ценность смелости в отстаивании своего мнения, своих взглядов		-0,007

себя как общительного и сильного, но неудовлетворенного материальными условиями жизни человека. Внешний локус контроля данного респондента, возможно, способствует тому, что он проецирует свои проблемы, в том числе и материальные, на окружающий мир.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие общие выводы.

1. Содержание представлений «терроризм», «справедливость», «несправедливость» зависят от особенностей (модальности) отношения к терроризму и от региона проживания респондентов. Для анализа содержания представлений о терроризме осуществлена классификация ассоциаций. Содержание данных представлений раскрыто через характеристику (отрицательную, неоднозначную, оправдательную), даваемую респондентами терроризму, личности террориста и их отношению к терроризму.

Оценка терроризма позволяет проследить динамику изменения содержания от отрицательной к оправдательной.

Терроризм: преступление → точка зрения → выход (например, единственный).

Террорист: убийца → человек → герой.

Отношение к терроризму: негативное → неопределенное → положительное.

Содержание представлений о терроризме раскрывается через объяснение респондентами факторов, влияющих на появление террориста и возникновение терроризма. Данные факторы могут быть связаны с личностными характеристиками террориста, условиями взаимодействия террориста (будущего террориста) с другими людьми и общественными причинами. На специфику содержания представлений о терроризме, кроме характеристики терроризма и мотивировки причин его возникновения, на наш взгляд, влияет субъективное восприятие респондентом последствий терроризма как для него самого, так и для других людей и общества в целом. В рамках данного исследования не выявлены ассоциации, связанные с положительными социальными последствиями терроризма, нейтральными и положительными условиями межличностного взаимодействия, влияющими на возникновение терроризма. Дополнение данной классификации требует дальнейшего исследования.

2. Отношение к терроризму как к явлению в целом отличается от отношения к конкретным видам терроризма (а именно к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, социального, этнического, религиозного терроризма). Отношение респондента к терроризму как к явлению в целом и к его различным видам (диффузному и точечному) может быть как гомогенно, так и гетерогенно.
3. Модальность отношения к социально-политическому и религиозно-этническому терроризму зависит от различных комплексов социально-психологических факторов.
4. Положительное отношение к терроризму как к явлению в целом связано с отвержением респондентами ценностей самоутверждения, таких как высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и в других, а также любви, общественного признания и красоты природы и искусства. Высокую значимость для них имеет ценность «счастливая семейная жизнь».

5. Идентификация респондента либо с борцом за справедливость, либо с террористом зависит от особенностей самооценки, оценки борца за справедливость и террориста, размера дистанции между образами «Борец за справедливость» и «Террорист». Сходство или различие этих образов связано с удовлетворенностью материальными условиями. Склонность личности к экстернализации контроля влияет также на идентификацию с террористом. Образы террориста и борца за справедливость могут быть слиты в единый образ, – возможно, именно это влияет на двойственность оценок терроризма.
6. Теоретически выявлено, что отношение к терроризму состоит из трех основных компонентов: потребностей, эмоций и оценки. Дальнейшее исследование предполагает изучение взаимосвязи между различными компонентами структуры, исследование характера связи между ними и выявление иерархичности или гомогенности структуры отношения к терроризму.

Литература

- Антонян Ю. М., Лунев В. В. Терроризм // Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
- Батуева Е. Б. Социально-психологические факторы отношения к терроризму // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 5. С. 30–35.
- Блинникова И. В., Сафуанова О. В. Психосемантика и процессы семантической обработки // Психология XXI века / Под ред. Н. В. Дружинина. М., 2003. С. 268–275.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы. М., 2010.
- Дробижева Л. М., Паин Э. А. Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / Под науч. ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Наука, 2002. С. 39–59.
- Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Кудзилов Д. Б. Психодиагностика через рисунок в сказкотерапии. СПб., 2003.
- Ениколопов С. Н., Мкртычян А. А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 71–80.
- Макуев Р. Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2007. № 3. С. 43–49.

Мкртычян. Психологические характеристики формирования отношения к терроризму. 2007 [электрон. ресурс]. <http://www.portalus.ru>.

Мясищев В. Н. Психология отношений // В. Н. Мясищев Избр. психол. труды / Под ред. А. А. Бодалева. М.–Воронеж, 2004.

Ольшанский Д. В. Психология террора. Екатеринбург–М., 2002.

Парман Р. Социальные корни терроризма: количественный подход // Мир перемен. 2006. №6. С. 147–160.

Пейсахов Т. А. Кросскультурные особенности отношения молодежи к терроризму в условиях современной России: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М., 2008.

Терроризм и международное право // Международный терроризм и право: Реферативный сборник. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 83–93.

Юревич А. В. Психология революций. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2005.

Приложение 1

Бланк опросника «Дифференцированное отношение к точечному и диффузному терроризму» (автор – Е. Б. Батуева)

Инструкция: Обведите на шкале цифру, соответствующую вашему отношению к определенной разновидности терроризма.

1. Государственный терроризм

Диффузный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

2. Политический терроризм

Диффузный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

3. Этнический (националистический) терроризм

Диффузный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

4. Религиозный терроризм

Диффузный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

5. Социальный терроризм

Диффузный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

Точечный

1	2	3
крайне отрицательное	отрицательное	нейтральное
4	5	6
положительное	безусловно положительное	затрудняюсь ответить

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. А. Соснин

События 11 сентября 2001 г. резко активизировали научную дискуссию о содержании терминов «терроризм» и «международный терроризм». Несмотря на многообразие точек зрения о содержательной природе явления и его классификации, в научном сообществе, как представляется, есть общее понимание сущности терроризма. *Главное – это противоправные насильственные действия для устрашения, подавления конкурентов, навязывания им определенной линии поведения.* Причем конечными целями могут быть социально-экономические, территориальные, идейно-политические, религиозно-этнические и даже более глобальные цели, которые условно можно обозначить как цивилизационные (Терроризм в современном мире..., 2005).

«Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. События последнего десятилетия в мире и в России привлекают повышенное внимание ученых и политиков к проблеме выяснения этих причин» (Иванов, 2004, с. 3). Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась прежде всего социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако, начиная с 1990-х годов, в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований данной проблемы.

Оставляя за скобками работы анализ проблемы концептуального определения «терроризма» и классификации его видов (не умаляя важности и значимости проблемы определения и классификации), представляется оправданным главный акцент сделать на социально-психологическом анализе проблемы терроризма в мировой иссле-

довательской практике. Более конкретно – на проблеме мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, которые в содержательном плане дают возможность размышлений о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия».

О социально-психологических корнях терроризма

Если говорить об иерархии причин терроризма, то, естественно, одним из его базовых источников является неустойчивое *психологическое состояние общества, или его психолого-политическая нестабильность*.

С психологической точки зрения объективные факторы, детерминирующие общественные процессы, находят свое социально-психологическое отражение в индивидуальном и групповом сознании в форме установок, стереотипов и доминирующих психологических состояний. Они и являются непосредственными мотивационными регуляторами поведения людей.

В условиях системных кризисных изменений в обществе возрастает психолого-политическая нестабильность. Для больших масс населения эта нестабильность выражается потерей жизненной перспективы, надежд и веры в будущее, потерей смысла жизни, чувством отчаяния, аномией, осознанием роста социальной несправедливости и психологической готовности к психическому заражению и внушаемости. Поэтому *психолого-политическая нестабильность общества является общей социально-психологической «питательной средой» для мотивации преступной деятельности вообще и терроризма в том числе*.

Кроме того, в многонациональных и поликонфессиональных обществах, к каковым принадлежит и Россия, *в условиях системных кризисов происходит смена идентификационных критериев в регуляции межгрупповых отношений*. На первое место, в соответствии с социально-психологическими закономерностями, начинает выдвигаться этнический, или еще шире – социокультурный, включающий религиозный фактор. Этот фактор как более древний в процессе филогенеза всегда выполнял функцию группового выживания. Главное – начинает укрепляться тенденция к росту противостояния и напряженности по линии национально-этнических и религиозно-культурных отличий. И именно эти параметры мотивации, как увидим ниже, являются теми мотивационными факторами, которые «питают» современный международный терроризм.

Мотивация терроризма на индивидуальном уровне: симптомокомплекс личности террориста

Несмотря на то, что терроризм существовал на протяжении всей истории человечества, до последнего десятилетия он не являлся самостоятельным предметом психологического исследования. Внимание психологов привлекало не столько терроризм как политическое и социально-психологическое явление, сколько личность террориста и мотивы совершения теракта отдельной личностью (Morf, 1970; Pearlstein, 1991; и др.).

Полученные в исследованиях данные позволяют представить симптомокомплекс индивидуально-личностных качеств, характеризующих террориста: агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений.

На уровне психологии индивидуального террориста основные усилия психологов были направлены на разработку психологических моделей личности террориста с привлечением соответствующих теоретических обоснований и исследованием мотивов совершения террористических актов. В отечественной психологии были предложены три модели, которые в дальнейшем получили свое теоретическое и эмпирическое развитие (Психологи о терроризме. Круглый стол, 1995).

Первая модель – это *террорист по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям*. Террорист такого типа искренне считает, что его действия, независимо от конкретных результатов, полезны для общества и любые жертвы для достижения «справедливых» целей оправданы.

Вторая модель опирается на теории человеческой агрессивности. *Террорист – это просто крайне агрессивный человек по своим личностным особенностям*, а его участие в террористической деятельности – один из возможных вариантов проявления его природной агрессивности. Однако большинство теорий человеческой агрессивности, предложенные мировой психологической наукой (социал-дарвинистская концепция этноцентризма, теория группового нарциссизма и инстинкта смерти З. Фрейда, этологические концепции инстинктивной природы агрессивности человека и т. д.), не могут считаться достаточно обоснованными с научной точки зрения и поэтому непригодны для адекватного объяснения психологической природы терроризма.

В качестве третьей модели можно представить *случай психопатологического или социально-патологического развития личности*, связанного с ненормальными отношениями в семье. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут приводить к формированию агрессивно-озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать адептами террористической организации.

В этой связи теория когнитивного диссонанса подчеркивает роль такого фактора, как вовлеченность индивида в террористическую деятельность: чем более длительным является пребывание человека в составе террористической группы, тем более возрастает его стремление найти идейные оправдания справедливости своих поступков (Bandura, 1999; и др.). Наконец, известно, что на включение индивида в террористическую деятельность влияет трезвый расчет, субъективная оценка возможных рисков и выгод. Наибольшую роль эта рациональная составляющая играет в криминальном сообществе и особенно – в политическом терроризме (Crenshaw, 1998).

Несмотря на общее ослабление интереса психологов к проблеме индивидуальной мотивации террористической деятельности и сдвиг акцента к социально-психологической проблематике, исследования подобного рода продолжают проводиться (см., например: Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006).

Социально-психологические аспекты

международного терроризма:

социальная и социально-культурная мотивация терроризма

Глобальный характер террористической угрозы, рост числа и масштабности терактов подталкивают психологическую науку к изучению терроризма как *социально-психологического* явления. Предметом анализа становятся не столько непосредственные исполнители террористических актов, сколько психологические механизмы воздействия терактов на их жертв и общество в целом, а также социальные и культурные истоки терроризма (Sederer, Ryan, Rubin, 2003; Решетников, 2004; Тарабрина, 2003; Ениколопов, 2004; и др.).

На макроуровне основными предпосылками терроризма являются факторы, связанные с переходным состоянием сообщества (Understanding terrorism..., 2004; Паин, 2002). К ним относятся: низкий статус социальной группы, отсутствие у ее членов надежды

на социально-экономическое благополучие в рамках своей группы, разрушение традиционной системы ценностей, anomia общества. На личностном уровне в качестве факторов активизации террористической активности выступают: фрустрация, кризис культурной идентичности, переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения.

Как представляется, базовыми причинами усиления международного терроризма в современном мире являются социально-культурные противоречия, «цивилизационный разлом мира». Политико-экономический раскол мира на богатые и беднейшие страны, усиленный существенными различиями в восточном и западном мировоззрениях, является «питательной почвой» для формирования образа врага во всех террористических сообществах. Рост ксенофобии вызывает «чувство второсортности» у этнических меньшинств и расширяет число потенциальных сторонников и участников террористической деятельности.

Социально-культурный подход к анализу проблемы терроризма, к анализу социокультурных условий и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп многими исследователями признается, наряду с другими подходами, одним из наиболее перспективных (Understanding terrorism..., 2004). В социально-культурном подходе к проблеме мотивации терроризма меньше внимания уделяется проблеме индивидуальной мотивации, хотя признается ограниченная полезность индивидуально-психологического подхода. Однако такой подход считается менее полезным и эффективным в изучении проблемы терроризма в целом (Pearlsein, 1991; White, 2002).

Основными положениями социально-культурного подхода к анализу проблемы терроризма принято считать следующие:

- наиболее эффективным подходом к пониманию терроризма является культурно-идентификационный и групповой анализ этого феномена, а не индивидуально-диспозиционный (Geets, 1973; Moghaddam, 2002);
- социокультурный анализ дает возможность исследовать и идентифицировать культурный профиль условий, повышающих вероятность формирования и развития потенциальных террористических групп;
- наиболее фундаментальной характеристикой культурного профиля потенциальной террористической группы являются груп-

новые стили восприятия социальных изменений и стабильности общества;

- наиболее важные «предусловия» возникновения террористической группы в принципе одинаковы, независимо от того, являются ли эти группы антигосударственными или спонсируемыми государством (Understanding terrorism..., 2004, с. 104).

Таким образом, в социально-культурном подходе делается акцент на характеристике универсальных культурных условий, дающих рост формированию потенциальных террористических групп, при этом признаются фундаментальные отличия в поведении различных террористических групп во всем мире (исламских и еврейских, католических и протестанских и т. п.). В целом, социально-культурный подход к анализу проблемы терроризма сформировался на основе исследований систем убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социокультурной идентичностью, и других характеристик террористических групп (см., например: Blazak, 2001; Kaplan, Marshall, 1996; Inside terrorist organizations, 2001; Crawshaw, 1988; Atran, 2003; Barber, 2001; Hoffman, 1998; Kennedy, 1998; Laquerur, 1999; и др.).

Социокультурные условия и предпосылки, приводящие к возникновению потенциальных террористических групп, можно рассматривать как расположенные на континууме, на одном полюсе которого группируются социокультурные условия, связанные с социетальными и социально-структурными характеристиками, а на другом – с индивидуальными особенностями восприятия. При этом важно рассматривать подобные индивидуальные характеристики как возникающие из социокультурной социализации, основанные на типе культуры, а не как внутренне и имманентно присущие отдельным индивидам.

Исходя из этих предпосылок, выделяются следующие самые общие положения, связанные с конкретными социокультурными условиями и особенностями социокультурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп в обществе:

- группы зачастую возникают из-за намеренного притеснения и исключения из социальной жизни социума (или шире – из восприятия той или иной нации, государства, его национально-культурной, мировоззренческой или религиозной ориентации как не соответствующей общим тенденциям мирового развития);

- противопоставление «доброй божественной воли» и «дьявольской воли»;
- восприятие существующего общества как незаконного и несправедливого;
- восприятие необходимости и потребности радикального изменения общества;
- убежденность в том, что идеальное общество – это цель, которая оправдывает любые средства для его достижения;
- убежденность в том, что акты терроризма – это эффективное средство дестабилизации существующего несправедливого строя.

В этой связи многие исследователи терроризма – представители не западной социокультурной ориентации – обращают особое внимание на то, что для более объективного анализа данного системного феномена западным исследователям полезнее не исходить из своих этноцентрических ориентаций в подходе к изучению терроризма, а объективно признать важную роль культурных условий, обуславливающих возникновение этого феномена, в том числе влияющих на мотивацию и поведение террористов-самоубийц. Для более объективного подхода им полезнее трезво взглянуть на историю самой западной цивилизации, где самопожертвование, мученичество, героизм и т. п. ради сохранения своей независимости, социокультурной идентичности были широко распространены и одобряемы (Modhaddam, 2004).

С позиций социально-культурного подхода к проблеме терроризма главное внимание необходимо направлять на анализ и устранение социальных и культурных условий и соответствующих им социально-психологических процессов, дающих рост групповому насилию (Staub, 2004, с. 151).

Прежде всего, массовое насилие – это следствие трудных условий жизни в обществе: тяжелых экономических проблем, политических конфликтов, быстрых социальных изменений, социокультурной, религиозной и политической дискриминации, причем нередко эти факторы выступают в комбинации. Все они оказывают большое психологическое воздействие на психику человека. В общей массе населения они фрустрируют базовые потребности людей – потребности в безопасности, положительной идентичности, чувстве эффективности и контроля над собственной жизнью и видения перспектив своего существования (Staub, 1989, 1999; Burton, Dukes, 1990; Kelman,

1990). С другой стороны, конфликт между социокультурными группами в любых обществах, особенно в отношении «витальных» потребностей, приобретает особую значимость. Кроме материальных составляющих (экономических, трудностей разделения территории и т. п.), группы связаны с психологическими составляющими феномена терроризма – это часть культурной идентичности. Поскольку базовые потребности воспринимаются фрустрированными и связанными с социокультурной идентификацией, это превращает конфликт в особо трудно разрешимый.

Поэтому базовый мотив стремления к справедливости, трактуемый разными социокультурными группами в соответствии со своим положением в обществе, в мире в целом и со спецификой своей социокультурной идентичности, становится составной частью стремления к сопротивлению и, в конечном счете, к использованию терроризма как крайнего средства выживания группы в борьбе за справедливость.

Одним из важных и «трудных условий» современного мира являются быстрые и колоссальные культурные изменения. Традиционные коллективистические общества, в которых не допускается свобода самовыражения граждан в западно-либеральном смысле или изменения религиозно-идейных основ своего существования, встают перед лицом особых трудностей. Перед этими странами возникают принципиальные трудности духовно-нравственного и религиозного плана, в частности, выражающиеся в невозможности принятия ценностей апостасийной западной цивилизации.

В условиях экспансии западной парадигмы существования, жесткое разграничение на «Мы» и «Они» по социокультурным основаниям и религиозным ценностям является именно той базовой психологической установкой, которая создает условия возникновения современного феномена терроризма и оказывает на него влияние.

Кроме этого, как утверждают многие исследователи проблем терроризма, международная политика США и негативные реакции на ее осуществление во многих регионах мира объективно дают рост причинам и мотивациям террористической деятельности (Staub, 2004, с. 155). В этом смысле Соединенные Штаты, независимо от своих национальных интересов, в определенной степени являются «козлом отпущения», ответственным – будучи главным организатором культурных изменений в мире – за эти изменения, которые трудно воспринимать традиционным обществам (Staub, 1989, 1999; Pilisuk, Wang, 2002).

Такое объяснение причин и мотивации терроризма полезно для общего понимания этого структурного феномена. Для успешной борьбы с терроризмом необходимо обращать максимальное внимание на причины формирования чувства безысходности, потери перспектив жизненного развития и надежд у широких масс населения с точки зрения удовлетворения базовых потребностей существования. Это требует установления идеологии плюрализма, «демократии и экономического развития для всех», достойных материальных условий и удовлетворения психологических потребностей людей (Staub, 2004, с. 167).

Разработка мер противодействия терроризму, ослабления его мотивации, создание программ восстановления баланса в обществе должны начинаться с оценки целей терроризма, его мотивации и реализации действий террористов. Опыт показывает, что есть общие типичные цели мотивации терроризма и социокультурные и контекстуальные факторы, способствующие актуализации терроризма. Независимо от того, являются ли террористы иностранными или «домашними» организациями, можно сделать ряд обобщений, касающихся взаимосвязей между их целями, тактиками и специфической средств выполнения ими террористических действий (Ditzler, 2004, с. 188):

- террористы обычно представляют специфические национальные группы;
- их тактики обычно являются ассиметричной формой вооруженной борьбы, аналогичной традиционным формам партизанской борьбы;
- их мотивации в целом являются политическими или культурно обусловленными даже в тех случаях, когда террористические действия на индивидуальном уровне соответствуют общепринятым формам совершения преступных действий;
- террористические действия обычно (типично) направляются на мирное население.

* * *

В целом, как показал обзор усилий психологического сообщества в решении проблем современного терроризма, психологическая наука, и отечественная, и мировая, наряду с другими общественными дисциплинами стремится адекватно реагировать на глобальные вызовы третьего тысячелетия. В настоящее время крепнет понимание

того, что природа войны, которую объявило мировое сообщество международному терроризму, в фундаментальном плане, по меньшей мере, является в том числе и борьбой *психологической*. Психологическое сообщество утверждает, что психологическая наука может предложить мировому сообществу ряд решений многих социальных проблем, включая проблему терроризма (Levant, Barbanel, DeLeon, 2004). Исходя из психологической природы терроризма, западные психологи выдвигают тезис, что психологическая наука начинает играть главную роль в решении проблем противодействия вызовам третьего тысячелетия. Конечно, такая претензия психологии представляется преувеличением.

Вместе с тем, данные в области политической и кросс-культурной психологии, психологии мира, разрешения конфликтов, психологии религии, военной психологии, психологии преступности, психологии социальной справедливости действительно могут использоваться для практической реализации миротворческой функции психологической науки, в том числе и для решения проблем терроризма.

Психологическая наука может реагировать на вызовы международного терроризма по следующим направлениям:

- в обеспечении общих знаний и экспертиз в таких сферах, как отбор и подготовка персонала, работающего в области проблем борьбы с терроризмом;
- в объяснении формирования террористических установок, убеждений, фанатизма, гетеростереотипов;
- в работе с жертвами актов насилия и терроризма;
- в формировании в мировом сообществе культуры мира и развития межкультурного диалога;
- в формировании гуманистических установок и ориентаций личности;
- в проведении прикладных и эмпирических исследований конкретных аспектов и вопросов терроризма.

В целом, психологическая наука всегда позиционировала себя в обществе, как вид социальной деятельности, ориентированной на обеспечение нормального, ненасильственного функционирования социума, реагируя на его социальные запросы в исторической перспективе. Суммируя вышесказанное, представляется, что психологическая наука может и обязана занять одно из ведущих мест в решении глобальных вызовов XXI в., затрагивающих существование человеческой цивилизации.

Литература

- Гришко А. Я., Сочивко Д. В., Гаврина Е. Е. Личность осужденного за террористическую деятельность. Рязань, 2006.
- Ениколопов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Иванов В. Н. Современный терроризм. М., 2004.
- Решетников М. М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004.
- Паун Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
- Психологи о терроризме: круглый стол // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 37–48.
- Тарабрина Н. В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 5–18.
- Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Atran S. Genesis of suicide terrorism // Science. 2003. № 299. P. 1534–1539.
- Barber F. Political violence, social integration and youth functioning: Palestinian youth from the Intifada // Journal of Community Psychology. 2001. V. 29. P. 259–280.
- Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities [Special issue] // Personality and Social Psychology Review. 1999. № 3. P. 193–209.
- Blazak R. White boys to terrorist men: Target recruitment of Nazi skinheads // American Behavioral Scientist. 2001. № 44. P. 982–1000.
- Burton J., Dukes F. Conflict series. San-Francisco, 1900. V. 1–4.
- Crawshaw S. R. A. Averting a terrorist attacks: A case study // International terrorism: operational issues / Eds R. H. Ward, H. E. Smits. Chicago: University of Illinois at Chicago Press, 1988. P. 47–59.
- Crawshaw S. R. A. The logic of terrorism // Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, and states of mind / Ed. W. Reich. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1998.

- Ditzler T.F.* Malevolent minds: the theology of terrorism // Understanding terrorism: psychological roots, consequences, and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 187–206.
- Inside terrorist organizations (2nd ed.) / Ed. D.C. Rapoport. London: Frank Cass & Co., 2001.
- Geerts C.* The interpretation of cultures. London: Hutchinson, 1973.
- Hoffman B.* Inside terrorism. NY: Columbia University Press, 1998.
- Kaplan D.E., Marshall A.* The cult at the end of the world: the terrifying story of the Aum Domsday cult, from the subways of Tokyo to the nuclear arsenals of Russia. NY: Crown, 1996.
- Kelman H.C.* Applying a human needs perspective to the practice of conflict resolution: The Israeli-Palestinian case // Conflict: Human needs theory / Ed. J. Burton. NY: St. Martin's Press, 1990.
- Kennedy M.* The 21-st century condition likely to inspire terrorism // The future of terrorism: Violence in the new millennium / Ed. Y. Kushner. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
- Lequer W.* The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destructions. NY: Oxford University Press, 1999.
- Levant R., Barbanel L., DeLeon P.* Psychology's Response to Terrorism // Understanding terrorism: psychological roots, consequences, and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 265–282.
- Marsella A.J.* Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 11–48.
- Moghaddam F.M.* The individual and society: A cultural integration. NY: Worth, 2002.
- Moghaddam F.M.* Cultural Preconditions for Potential Terrorist Groups: Terrorism and Societal Change // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.
- Morf G.* Terror in Quebec. Toronto, 1970.
- Pearlstein R.M.* The mind of a political terrorist. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.
- Pilisuk M., Wong A.* State terrorism: When the perpetrator is the government // Psychology of terrorism / Ed. C. Stout. Praeger Publication, 2002.

- Sederer L., Ryan K., Rubin J.F.* The Psychological Impact of Terrorism: Policy Implications // International Journal of Mental Health. 2003. V. 32. № 1. P. 7–19.
- Staub E.* The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. NY: Cambridge University Press, 1989.
- Staub E.* The origins and prevention of genocide, mass killing, and other collective violence // Peace and conflict: Journal of peace psychology. 1999. № 5. P. 303–336.
- Staub E.* Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Taylor D.M., Louis W.* Terrorism and the quest for identity // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds F.M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- White J.R.* Political eschatology: A theory of antigovernment extremism // American Behavioral Scientist. 2002. V. 44. P. 937–956.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Редактор – *Т. А. Сарыева*

Макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02. E-mail: vbelop@ipras.ru. www.ipras.ru

Сдано в набор 12.10.11. Подписано в печать 04.11.11

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура гтс СНАРТЕР. Уч.-изд. л. 22; усл.-печ. л. 27,5

Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, МО, г. Можайск, ул. Мира, д. 93